

ЯН ЛАРРИ

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИЦЫ

РЕТРО БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

РЕТРО БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

Коллекция

Собрание сочинений Яна Ларри

Ян Ларри

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИЦЫ

КАК ЭТО БЫЛО

НЕБЕСНЫЙ ГОСТЬ

повести

Том третий

Издательство Престиж Бук
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Л25

Ларри Я. Л.

Л25 Записки школьницы; Как это было; Небесный гость: Повести. — М.: Издательство Престиж Бук, 2019. — 528 с.: ил. — (Ретро библиотека приключений и научной фантастики. Серия «Коллекция. Собрание сочинений Яна Ларри»).

ISBN 978-5-4459-0025-2 (общий)
ISBN 978-5-4459-0028-3 (том 3)

Советский писатель Ян Леопольдович Ларри (1900–1977) известен читателю почти исключительно как автор знаменитой фантастической повести «Необыкновенные приключения Карика и Вали», посвященной путешествиям в микромире. Повесть издана десятки раз, на ней воспитаны многие поколения советских детей. Однако перу Ларри принадлежат еще многие произведения для детей и подростков, известные гораздо менее и никогда не переиздававшиеся. Современному читателю практически неизвестен его единственный оконченный «взрослый» роман «Страна счастливых (1931); многие его повести и рассказы даже книгами не выходили, остались на страницах газет.

В третий том впервые издаваемого собрания сочинений Яна Ларри вошли две повести для подростков среднего школьного возраста, изданные в разные эпохи – в 1931 и 1961 годах.

В качестве приложения публикуются сохранившиеся начальные главы социально-фантастической повести «Небесный гость», которую Ларри писал и отправлял «единственному читателю» – Сталину и за которую поплатился пятнадцатью годами тюрем и лагерей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4459-0025-2 (общий)
ISBN 978-5-4459-0028-3 (том 3)

Записки школьницы

Часть первая

13 февраля 1958 года

Папа говорит: в сны и приметы верят только глупые люди. Раньше вот я и сама так думала, ну а сейчас просто не знаю даже: можно ли верить в сны и в приметы или же все это самая настоящая чепуха?

Дело в том, что сегодня я видела сон. Особенный! Необыкновенный! Такой, про который говорят: этот сон в руку. Всю ночь мне снились какие-то странные лошади. Не то пестрые, не то клетчатые. А в общем-то очень похожие чем-то на шахматные доски. Они скакали по аллеям парка Победы и все ржали, словно в трубы гудели. Вместо хвостов у лошадей развевались по ветру огромные факелы, и они дымили так, что я стала чихать. Самая клетчатая лошадь вдруг подскочила ко мне и заржала нахально в самое лицо:

— Дура!

— Сама дура! — сказала я и проснулась.

Тетя Зина говорит: видеть лошадь во сне — значит, кто-то будет тебе лгать. Непременно! Обязательно! Ну, так оно и получилось. Но врать пришлось мне самой. И это, наверное, потому, что сегодня тринадцатое число, а тринадцатого, как говорит тетя Зина, всегда происходят какие-нибудь несчастья. У меня же произошло сразу два несчастья. Подралась с Вовкой Волнухиным. И хотя подралась довольно удачно, но эту драку нам записали обоим в дневник. И, конечно, пришлось соврать папе, будто бы я совсем и не ду-

мала даже драться, а только защищалась. Вообще-то Вовку надо было отлупить. И я нисколечко не жалею, что вмазала ему. Но врать папе мне самой противно. Все-таки он мне всегда верит и сам никогда не обманывает меня, и поэтому очень неудобно как-то получается, когда приходится врать.

Папе очень не понравилось замечание о драке в моем дневнике. Даже больше не понравилось, чем мне самой. Он повертел дневник в руках, нахмурился и спросил недовольно:

— Ты это что же? Драться ходишь в школу или учиться? — Потом вздохнул грустно и сказал: — Как мне известно, ни бабушка твоя, ни мама твоя никогда не дрались, когда ходили в школу. А почему же ты дерешься? Ну? Что хлопаешь глазами? Ты понимаешь, о чем я тебя спрашиваю?

А что ж тут не понимать? Конечно, я все поняла. Если ни мама, ни бабушка никогда не дрались — значит, они были ужасными слабаками. Вроде нашей пискли Верочки Завьяловой. А разве такие могут драться? Да ни за что! Таких только бьют все. И мальчишки и девочки. Бьют, кому не лень и у кого есть свободное время подраться. Но, чтобы не огорчать папу, я сказала, что дрался Вовка, а я только нечаянно толкнула его. И, кроме того, он дергал меня за косички, а этого я никому не разрешаю.

— Ну, ну! — сказал папа и покачал головою. — Не ожидал таких выходок от тебя, не ожидал!

— Я больше не буду! — сказала я и подумала: «И зачем я в самом-то деле побила Вовку в классе? Надо бы заманить его в парк и там отлупить спокойно. Чтобы никто не видел. Тогда никаких замечаний не было бы ни у меня в дневнике, ни у него. И мне было бы хорошо, и ему не плохо».

Папа воспитывал меня минут десять, потом начала воспитывать мама. По радио передавали в это время «танец маленьких лебедей», и я еле-еле могла удержаться на месте. Когда я слышу этот танец, мои ноги почему-то обязательно подпрыгивают. Я сидела и думала: «Хорошо еще, что у нас не гостит моя бабушка, а то бы и она стала меня воспитывать». Вообще все взрослые любят воспитывать нас, как будто мы сами не понимаем, что можно делать, а чего нельзя. Ну раз-

ве я не знаю, что драться нехорошо? Конечно, знаю! Но что же поделаешь, если драка случилась все-таки. Все взрослые знают, что попадать под трамвай или под машину не полагается, а сколько происходит несчастных случаев.

Пока мама меня воспитывала, музыка кончилась и начали передавать «Записки Пиквикского клуба». Мы все сразу повеселели, потому что это очень смешные передачи. Особенно мне понравился в первых передачах незнакомец в зеленом фраке. Он так забавно говорит и такой Мюнхаузен, что мы все хохочем до слез. А мистер Пиквик очень добрый и очень глупый, хотя сам он думает, что умный.

Когда передача кончилась, папа сказал:

— После такой веселой зарядки хочется петь, работать, горы перевертывать! Споем, что ли?

Мы очень часто поем вечерами. А когда приезжает бабушка, папа организует «ансамбль семейных песен и плясок» на каждый вечер, пока гостит бабушка. Он шутит тогда, говорит, что наш ансамбль должны отправить на фестиваль, и мы будем выступать под управленьем бабушки. Но я думаю, наша бабушка и в самом деле могла бы выступить на любом фестивале. Голос у нее очень хороший, и она знает много красивых, старинных песен. Только все они какие-то грустные. Бабушка говорит: это потому, что жизнь раньше была невеселая.

Мой папа любит петь пионерские песни. Он говорит: «Молодею, когда пою эти песни». Он ведь был пионером, потом комсомольцем, а сейчас уже коммунист. В нашей семье только бабушка беспартийная.

Папа запел старую пионерскую песню «Взвейтесь кострами, синие ночи», а мы с мамой подхватили и стали петь: я — первым голосом, она — вторым. И вот, когда мы пели, я вдруг подумала: «А ведь у нас в школе тоже очень веселая жизнь, и если написать записки о разных похождениях наших ребят, — получится такая смешная книжка, которую любое радио, хоть ленинградское, хоть московское, с удовольствием передавать будет. Ведь если хорошенько постараться, — у меня непременно получится интересная книга. Мои сочинения по русскому языку хвалят и в школе и дома.

А совсем недавно меня чуть-чуть не напечатали в «Ленинградской правде». Это когда я написала о скучных передачах по телевидению.

Вот здорово получится-то! Все мы сидим вечером, и вдруг по радио объявляют: «Сейчас будем передавать "Записки ученицы 5-го класса Гали Сологубовой!"» Представляю, какие у папы сделаются глаза! А мама побежит к соседям и скажет: «Включайте радио, сейчас моя Галка будет передаваться». И все будут слушать! И все будут веселые! И каждый получит веселую зарядку!

Нет, право же, это очень интересная мысль. И бабушка будет довольна, когда услышит в колхозе мои «Записки» по радио. Она всегда говорит: «Самые у тебя, Галушка, развеселые, самые-то счастливые и радостные годы! Вот будешь такой, как я, и сама тогда поймешь мои слова!»

А я и сейчас понимаю. Да и все ребята понимают.

Но как начать свои записки?

Сама я очень люблю такие книги, которые начинаются сразу интересно и уже после первой страницы хочется знать, что же будет дальше. У нас, конечно, тоже бывает много разных приключений, только наши приключения не такие интересные, как в книгах. И все-таки я думаю, что и про нашу жизнь можно написать интересно. Только нужно хорошенько постараться.

Когда я стала думать о своих записках, мне захотелось посоветоваться с папой или с мамой, но потом я решила ничего не говорить им. Если у меня что-нибудь получится, — для них мои записки будут сюрпризом, а если ничего не выйдет, — так они и переживать не станут мою неудачу.

Завтра посмотрю, как начинаются мои любимые книги, и начну писать свои записки по-настоящему.

14 февраля

Сегодня больше часа читала начала в разных книгах. Оказывается, почти все книги в папиной библиотечке начинаются с описания погоды. А зачем же описывать пого-

ду в моих записках, если ребятам интересно жить и летом, в жару, и зимой, в холод. Даже дождик и то любят все. После дождя появляется так много интересных луж и, кроме того, везде текут ручейки, и по ним можно пускать кораблики и устраивать плотины.

Не зная, как же все-таки начать свои записки, я позвонила в редакцию журнала «Звезда» и спросила толстым голосом:

— Скажите, пожалуйста, если писатель задумал написать книгу о детстве, с чего он должен начать описание?

— С детства! — ответил мне голос в трубку.

Ну, вот я так и начну.

До четырех лет я совсем не помню, как жила, и если бы мне не сказали, что я все-таки что-то делала и что-то говорила, никогда бы мне и в голову не пришло, что я могла жить с папой и мамой. Так, что-то такое припоминается иногда, но все будто в густом тумане плавает. Хорошо я начинаю помнить себя только с четырех лет и с того почему-то дня, когда папа принес мне первую в моей жизни книгу и сказал:

— Развивайся!

И я стала понемножку развиваться.

Помню: в книге были нарисованы собаки, кошки, птицы и какие-то непонятные животные, похожие на лошадей. И самыми забавными у них были хвосты. С кисточками, понимаете? А на головах что-то вроде вешалки для пальто. Такие же, как в комнате у тети Шуры

— Ой, какие смешные лошадки! — закричала я.

Папа сказал:

— Это не лошадки! Это коровы!

Я засмеялась, потому что слово «коровы» показалось мне смешным и потому еще, что я совсем не знала, что такое коровы. С лошадьми я была уже знакома немного. Одна знакомая лошадь привозила к нам на детскую площадку нашу няню — тетю Пашу. Но чем могли заниматься коровы и кого куда они возили, — этого я не знала, потому что еще не встречалась с ними.

— А ты уверен, что это коровы? — спросила я.

— Вполне! — сказал папа.

— Ну и что же они делают? — спросила я. — Зачем они?

Папа сказал:

— Коровы дают молоко и мясо!

Как это у них получается — с молоком и мясом — я не представляла. Ведь мне было всего четыре года, и я думала в то время, что молоко делают в магазинах из молочного порошка, а мясо — из костей и мясных консервов.

Вот какая глупая была я восемь лет назад.

Сейчас я учусь в пятом классе и скоро перейду в шестой. А в шестом никто вообще не может быть слишком глупым. Хотя, конечно, среди мальчишек встречаются довольно неразвитые. Вовка Волнухин, например, дергает постоянно девочек за косички. Ну а разве можно назвать умным или развитым мальчишку, который устраивает глупые развлечения с чужими косичками?

15 февраля

Сегодня произошел несчастный случай. Я получила двойку. Первую двойку за всю свою жизнь.

Вот как это случилось.

Нам задали очень непонятную задачку о двух пешеходах, которые вышли из пункта «А» и направились в пункт «Б». Что им там было нужно, — неизвестно. Но пешеходы должны были пройти тридцать восемь километров и прибыть на место в такое время, которое сошлось бы с ответом в задачнике.

Эту задачу я решала час, решала два часа и, наконец, решила, что пешеходы — ужасно глупые люди. Подумайте сами: идут пешком тридцать восемь километров и не догадаются сесть на электричку или подъехать на попутной грузовой машине. В общем-то, несообразительные пешеходы шагали и шагали и дошагались до того, что запутали мне всю задачку.

Чтобы лучше понять, как все-таки передвигаются они от пункта «А» до пункта «Б», я нарисовала одного пешехода впереди, а другого сзади. Но ничего хорошего из этого не по-

лучилось. Тогда я выкрасила переднего пешехода в зеленый цвет, а заднего разукрасила, как зебру, разными красками, но ответ все равно не получился.

— Дикари какие-то, а не пешеходы! — сказала я и поставила им по единице. За поведение! И за глупость!

И вот за этих несообразительных пешеходов я и схлопотала двойку.

Ну, где же справедливость?

Пешеходы не умеют ходить по дорогам, ничего не понимают, а я должна почему-то умножать, делить и складывать разные числа да получать двойки.

Терпеть не могу математику и с удовольствием не учила бы ее, но папа и мама сказали, что примут меры, если у меня появится хоть еще одна двойка по арифметике. Какие они примут меры — еще неизвестно, только я думаю, что ничего хорошего они, конечно, не примут. Подозреваю, что папа тогда ни за что не купит мне часы, о которых я мечтаю с первого класса, а мама не сделает мне летний сарафанчик.

Да, придется отложить писание книги и сесть за арифметику. Все-таки неизвестно еще: получится у меня книга или не получится, а двойка непременно получится, если я не решу сегодня все задачки.

16 февраля

Ну, с задачками все в порядке. Две решила сама, три списала утром у Нонки. Между прочим, списывать лучше всего, конечно, у Нонки. Она решает все задачки правильно и никого еще ни разу не подвела.

А теперь продолжу свои записки и, чтобы было интереснее их читать и слушать по радио, расскажу немного о себе.

Мне двенадцать лет и семь месяцев, но выгляжу я гораздо старше. Некоторые дают мне тринадцать и даже четырнадцать лет. Наверное, потому, что у меня густые черные волосы, высокий лоб и сильная воля. Силу воли я воспитываю

уже две недели. Утром делаю гимнастику и обтираюсь холодной водой, а твердый характер закаляю уборкой комнаты и мытьем грязной посуды.

Какая я? Хорошая? Плохая?

Папа говорит: каждый человек считает себя хорошим, но хвалит себя сам только тот, кто знает, что его не похвалят другие. А дядя Вася сказал недавно: «Только пустые и глупые люди кричат о том, что они всех умнее, всех лучше».

Я про себя ничего не скажу. И не потому, что боюсь, как бы не подумали, будто я глупая, а потому, что, честно говоря, сама не знаю, какая я. Да и, кроме того, разве это так просто угадать, кто плохой, кто хороший.

Наши учителя, например, очень хорошо относятся к зубрилам и тихоням, всегда хвалят их, ставят всем в пример. Конечно, ничего удивительного в этом нет, потому что каждому учителю интересно, чтобы у него в классе было побольше отличников и поменьше шума.

А для наших ребят нет ничего хуже зубрилы, потому что каждый раз, когда не успеешь выучить урок и когда приходится «плавать» и «пускать пузыри» перед столом учителя, он всегда кивает на зубрилу и спрашивает:

— Почему же вот он (или она) знает, а ты не знаешь? Потому что он прилежный, а ты ленивая! Потому что он думает об уроках, а ты, наверное, по улицам гонялась весь день!

Конечно, учителя не говорят так грубо, но в общем-то их надо так понимать, а уж двойку они ставят без всякой жалости.

Не любят ребята и тихонь, а не любят потому, что знают их сверху донизу. Вот, например, учитель видит перед собою тихого, вежливого мальчика, который сидит и смотрит умильно в глаза учителя, словно ждет, когда он ему шоколадку в рот положит. Учитель, конечно, радуется, что у него такой внимательный ученик. Радуется потому, что видит его сверху и только глаза. Ну, а мы-то знаем, чего стоит образцово-показательное поведение этого тихони. Мы видим, как он старается достать ногою сидящего впереди, как левой рукой щиплет соседа, а правой укрепляет в парте кончик пера, чтобы потом «играть на нервах», как говорят

ребята. Такого показательного тихоню надо бы выставить вон из класса, а учитель смотрит на него с удовольствием и, может быть, думает: «Ах, какой чудесный мальчик! Ах, если бы все были такими!»

Притворяться послушной и внимательной совсем не трудно, но я никогда не буду притворяться хорошей, а стану жить такой, какая уж есть. Хотя, признаться откровенно, я иногда и сама себе не нравлюсь.

Вот иной раз мне очень хотелось бы держать себя так же серьезно, как держится Света Дерябина, а иногда я хотела бы быть веселой, как наша Тоня Тимофеева. А в общем-то, и сама не знаю, что мне хочется. Иногда хожу совсем серьезная, серьезнее даже Светы, и вдруг чувствую, что мне ужасно хочется опустить кому-нибудь за воротник паука, например, или кузнечика. Чтобы посмотреть, что из этого выйдет. Еще интереснее было бы сунуть за воротник жука, но, к сожалению, это невозможно, потому что я сама боюсь брать их в руки.

В нашей квартире говорят, что я расту отчаянной. А тетя Шура сказала недавно:

— Ах, Галка, Галка, ну почему ты не родилась мальчишкой? Право же, тебе нужно бы парнем родиться!

Почему тетя Шура считает мальчишек лучше нас, девочек, не понимаю. По-моему, все-таки девочки гораздо лучше мальчишек.

Ой, чуть не забыла выучить стихотворение.

Придется отложить записки до завтра.

17 февраля

Сегодня я должна написать о папе и маме и про наших соседей, потому что в книге «Детство Темы» написано и про родителей Темы и про соседей.

Папа любит меня больше мамы и бабушки. И я люблю его больше всех. Люблю за то, что он добрый, и за то, что он четыре раза ранен на войне и получил много орденов за храбрость. Мне очень повезло с папой. Не у каждой девочки

есть такие папы. И мне просто неудобно как-то огорчать его своими плохими отметками. Когда я получаю двойку, мне всегда вспоминается папа.

«Как-то, — думаю, — перенесет он, бедняжка, эту двойку?»

Я изо всех сил стараюсь получать только хорошие отметки, но, к сожалению, не всегда мне удается это. Однако в будущем году я постараюсь учиться так, чтобы не огорчать папу.

Мама тоже любит меня. Но не всегда. Вот когда я собираюсь пойти в парк Победы, она обнимает меня, называет малышечкой, крошкой и говорит:

— Ну куда ты собралась одна? Упадешь еще в пруд, а то заклюют лебеди!

И только после того, как я даю слово не подходить близко к воде и не дразнить лебедей, мама отпускает меня в парк. А вот когда она посылает меня в магазин, где все толкаются, наступают на ноги и все сердятся, как в переполненном трамвае, мама не говорит уже «моя крошка», «моя малышечка», а кричит сердито:

— Такая здоровая дылда и не хочешь помочь матери!

Мы живем в коммунальной квартире. Папа говорит: «Пока еще нет коммунизма, — приходится мириться и с коммунальной квартирой. Все-таки это лучше, чем жить в бараке, в котором почти всю жизнь прожил наш дедушка, когда он работал на Путиловском заводе».

О коммунизме у нас на кухне спорят очень часто и очень интересно. И все завидуют мне, потому что я-то буду жить уже при коммунизме.

Тетя Шура говорит:

— Конечно, и сейчас у нас славные люди, но встречаются, к сожалению, и такие, которые топчут красоту нашей жизни ногами.

Тетя Шура уверяет меня, что при коммунизме все будут такими, как самые лучшие в наши дни.

Не знаю, правильно я понимаю коммунизм или неправильно, но мне кажется, коммунизм — это самая красивая жизнь. При коммунизме денег уже не будет, а если кому-

нибудь что понадобится, он может взять бесплатно в любом магазине. У всех будет красивая одежда и вкусная пища. Все театры и кино будут бесплатными. Если кто-нибудь захочет поехать в поезде, трамвае, на пароходе или самолетом, — платить тоже не надо. Поезжай, куда захочешь, бесплатно.

В нашей квартире живет Викторина-Образина. Я ее так про себя называю. Она такая жадина и такая противная, что ее никто не любит в квартире. Она так воображает о себе, что нарочно со всеми спорит и говорит разные гадости. Когда все начинают говорить, как мы будем жить при коммунизме, Викторина-Образина уверяет, будто все бросятся в магазины и начнут хватать, что попадет в руки. Так плохо думать о людях может только очень плохой человек. Викторина, конечно, по себе судит о других. И я уверена, что она-то уж непременно постарается притащить к себе в комнату пять телевизоров, десять пианино и все, что сумеет дотащить. Я бы ни за что не пустила ее в коммунизм. Но дядя Вася говорит, что придется и Викторину захватить, когда станем переезжать в коммунистическое общество.

— Викторина рассуждает, как глупец из русской сказки. «Эх, — говорил этот глупый человек, — если бы я был царем, украл бы сто рублей и запретил бы искать себя!» Когда всего будет много, изменятся и такие люди, как наша Викторина. Ну подумай сама, зачем человеку брать больше, чем нужно? Ведь три обеда никто не съест сразу, три костюма на себя не наденет, в трех квартирах сразу жить не будет. И если все будет хорошо и вокруг тебя будут жить только хорошие люди, то захочется ли кому-нибудь быть плохим? И не потому, что стыдно перед другими, а потому, что самому тогда противно будет думать о себе, что ты всех хуже, что среди хороших лишь один ты жадина-хапуга.

В школе говорят: при коммунизме у всех будет все. Но ведь и теперь все имеют хорошую пищу, неплохую одежду, и хотя не у всех еще отдельные квартиры, однако ни один человек не живет на улице. У нас же дома и сейчас все есть! Мне вот совсем ничего не нужно. У меня шесть платьев, три пальто и четыре пары разной обуви. Говорят: коммунизм —

это радостный, свободный труд и обеспеченная жизнь. Но разве сейчас труд не радостный? Папа мой очень любит свою работу. И мама тоже. По-моему, у нас и сейчас труд и радостный и свободный.

Ну, я и сказала об этом дяде Васе.

— Глупыха! — сказал дядя Вася. — Конечно, не ради того строится коммунизм, чтобы ты могла получить еще шесть платьев и три пальто. Коммунизм — это не магазин, распределяющий товары без продавца. При коммунизме будут такие условия жизни, что человеку не нужно будет беспокоиться ни о пище, ни о жилье, и каждый будет делать свое любимое дело просто из потребности трудиться, — понимаешь? Каждый человек сможет развить свои способности и таланты и дарить все лучшее, что сможет сделать, на пользу и радость всему обществу Нам, Галка, сейчас и представить-то трудно, как будет интересно жить при коммунизме!

Я спросила:

— А нет ли такой книжки, где написано, как будут люди жить при коммунизме?

Дядя Вася подумал и сказал:

— Есть, конечно! Только пока не для твоего возраста эти книги.

В общем, я ничего не поняла. Дядя Вася еще долго объяснял мне про коммунизм, но чем больше он говорил, тем меньше я понимала, хотя про все обыкновенное он рассказывает очень понятно.

Дядя Вася живет в нашей квартире, и мы с ним большие друзья. Он уже не молодой. Ему, наверное, лет двадцать семь или двадцать восемь. Но выглядит он довольно молодо. И, думаю, это потому, что дядя Вася не обращает внимания на свой возраст, всегда веселый и каждый день придумывает что-нибудь интересное.

Работает он на заводе «Электросила» фрезеровщиком и учится заочно на инженера. Когда у него бывает свободное время, он помогает мне готовить уроки по английскому или учит играть в шахматы. А иногда берет гитару и поет красивые песни: «Прощай, любимый город», «Ленинград мой, милый брат мой» — и другие старинные песни, кото-

рые пели очень давно, еще во время войны, когда меня и на свете не было.

Сегодня я прочитала ему все, что написала о ребятах. Он сказал:

— Пиши! Уж что-нибудь непременно получится!

— А что вы посоветуете описать в первую очередь?

— Напиши, какие у вас в классе мальчики и девочки, что ты о них думаешь и что они думают о тебе. Словом, пиши, потом разберемся, что к чему. Про выдающихся ребят упомяни!

18 февраля

Напишу сегодня о наших мальчишках, хотя не знаю даже, что хорошее можно написать про них. А уж про выдающихся и говорить смешно. Все мальчишки нашего класса самые обыкновенные. Друг от друга отличаются не больше, чем грибы маслята. Одни покрупнее, другие — помельче. И все такие задиры! Правда, с нами они не дерутся, а только между собою, но за косички нас дергают. Когда я спросила Славку, почему он дернул мою косичку, он сказал:

— Да я так просто! В шутку! Сам не хотел. Но никак не мог удержаться. Руки сами потянулись! Если обиделась, — можешь стукнуть по шее! — Он нагнулся, чтобы мне было удобнее его ударить. Но я уже остыла, злость моя пропала, и, конечно, мне уже неинтересно было бить его по шее.

Очень похожи друг на друга и наши девочки. Но среди них все-таки есть довольно выдающиеся. Не похожие на других. Вот, например, Маша Киселева. Она у нас совсем особенная. Уж такая выдающаяся, что, по моему мнению, других таких во всей нашей школе, да и в других школах не встретишь. Киселеву ребята прозвали «королева Марго», потому что она совсем не похожа ни на какую королеву. Такая неуклюжая, коротконогая, а ходит, переваливаясь с боку на бок, словно утка. Раньше она жила в деревне у бабушки, а когда бабушка умерла, мать взяла ее к себе и привела в нашу школу, где сама она работает уборщицей.

Когда Марго появилась в нашем классе, на нее никто не обратил внимания. Для всех она была самая обыкновенная девочка, только неловкая какая-то и очень тихая. Но скоро все ребята заметили, что Марго почему-то тычет пальцами в лоб, в плечи и в живот, когда ее вызывают к доске отвечать уроки. Мы спросили, что это она делает. Зачем? Марго сказала, что она крестится.

— А для чего это? — поинтересовались мы.

— Чтобы бог помог ответить урок! — объяснила она.

Ну, этого у нас еще не было в классе!

— И помогает? — спросили мы, потому что нам интересно было выяснить, что получается из этого. Ведь если бог помогает получать хорошие отметки, так трудно ли и всем нам потыкать немножко себя пальцами в лоб, в плечи и в живот?

— А то нет! Конечно помогает! — сказала Марго.

Славка захохотал.

— Ну и врать здорова! — сказал он. — А вчера? Забыла? Крестилась-крестилась, а по английскому все равно влепили тебе двойку!

Марго подумала, посопела носом и сказала:

— Просто я не успела выучить урок!

— Эх ты! — сказала Инночка Слюсарева. — Да если ты выучишь урок, тебе и креститься не надо. Ты и без крестов получишь пятерку. Чем зря креститься, — уж лучше выучить урок! Спокойнее!

— А перекрестишься — еще спокойнее! — засопела Марго. — Без бога ни до порога! И бабушка так говорила, и мама так говорит!

Она стала рассказывать нам про бога разные истории, вроде сказок, только какие-то скучные, неинтересные сказки. Мы слушали ее, старались понять, шутит она или просто дурочка, что верит в такие глупости, а потом спросили, для чего же все-таки надо верить в бога.

— Чтобы читать молитвы! — сказала Марго. — И чтобы соблюдать посты и ходить в церковь!

— Ну, и что это дает? — спросил Рыжов. — Что ты от этого имеешь?

Марго сказала:

— Бог во всем помогает верующим! Он же такой всемогущий, что может все сделать для человека, если человек будет молиться!

— А самого себя может поднять за волосы? — спросил Славка.

— Может! — сказала Марго. — Бог все может! Любое чудо делает!

— Докажи!

— Что докажи? — растерялась Марго.

— Докажи, что он такой деловой! — толкнул Славка Марго. — Давай покажи хоть какое-нибудь чудо! — Он захохотал и плюнул на пол. — Пусть сделает чудо, чтоб плевка моего не было на полу!

Все захохотали. Мальчишки начали дергать Марго за косички и свистеть. У нас всегда свистят, когда кто-нибудь заврется.

Марго покраснела, как вареная свекла, глаза у нее забегали, губы задрожали. Я подумала: «Вот заревет сейчас так, что по всем классам прокатится ее рев». Но она вдруг завизжала, словно кошка, которой наступили на хвост:

— Бессовестные! Бессовестные! Ироды! Иуды! Все до одного попадете в ад!

Кто это такие Ироды и кто такие Иуды, никто из нас не знал. И про ад мы не проходили в классе.

— Куда, куда мы попадем? — поинтересовалась Нина.

— В ад! — взвизгнула Марго. — Вот куда! К чертям! В котлы с кипящей смолой! Варить вас будут в котлах! Черти! Вас! Вас! Всех! А тебя, — ткнула она пальцем в Славку, — повесят за язык. Над огнем будешь висеть!

— А тебя за что повесят? — спросил Славка.

— Меня никто не повешает... Не повесит! — поправилась Марго. — Меня ангелы вознесут в рай... А вы будете в котлах вариться! В аду! За богохульство! А я буду есть райские яблоки... И у меня на голове будет сияние!

— Она сумасшедшая! — сказала Валя Павликова. — У нее и сейчас уже сияние в мозгах!

С этого дня ребята вообще перестали интересоваться Марго, да и она уже не заводила больше разговоров о своем

боге. Так как никто не захотел сидеть с ней рядом, она пересела на заднюю парту и заявила всем, что не будет с нами дружить и разговаривать. Ну и что? Подумаешь, как испугала! И вот почти два месяца ни девочки, ни мальчишки не дружат с ней и не разговаривают. Пусть она дружит со своим немыслимым богом и с ним пусть разговаривает Нам она не нужна. Никто не дружит также и с Лийкой Бегичевой. Эта девочка ужасная хвастунья. И чем, подумайте, хвастает? Своими родителями. Как будто она сама выбрала их. Смешно! Но особенно против послушать, когда она хвастается «собственной "Волгой"», на которой привозит ее папа в школу. Это хвастовство мне уже так надоело, что я была бы очень рада, даже просто счастлива, если бы «Волга» сломалась, сгорела, утонула, развалилась на части, чтоб Лийке нечем было бы хвастаться.

Все остальные ребята ничего себе. Подходящие. И каждый с кем-нибудь дружит. Самые же дружные ребята в классе — это детдомовские. Живут они так, будто братья и сестры. У нас, например, ни один мальчишка не станет играть с девочками. А детдомовские играют на переменах все вместе. И девочки и мальчишки. Если кто-нибудь тронет хоть мальчишку, хоть девочку, детдомовцы бросаются на выручку и дерутся все вместе. Ходят они тоже вместе. Книги читают вместе. И, кажется, вместе смеются и плачут. Такие дружные, что просто завидно.

24 февраля

Опишу сегодня еще одного выдающегося. Нашего старосту Андрюшу Птицына, которого у нас прозвали Колбасой.

Он очень любит объяснять все понятное, все известное всем и никому поэтому не интересное. Когда он идет по улице вместе с нами из школы, его разъяснения пилят всех, как ржавая пила.

— Ребята, — тычет он пальцем в витрины, — это колбаса! А это копченая колбаса! Смотрите, тут рыбой торгуют. А это игрушки! А здесь книгами торгуют!

— А это трамвай идет! — кричим мы и начинаем разыгрывать Птицына.

— Гляди, Птицын, милиционер стоит!

— Птицын, это дом! А это труба водосточная!

— Братцы, а это сам Птицын шагает! Ура Птицыну!

Мы сначала думали, что это у него болезнь такая и он любит говорить только потому, что так его язык устроен. Но когда я рассказала папе про нашего Птицына, папа засмеялся.

— Просто у него чересчур много энергии, — сказал папа, — и он не знает, что с ней делать.

Тогда я предложила ребятам избрать его старостой класса, и он теперь занимается полезным делом, да так хорошо, что считается лучшим старостой в школе.

Из других интересных ребят я бы выделила еще Дюймовочку. Нашу звеньевую, Барыбину Лену. Прозвали мы ее Дюймовочкой за маленький рост и за то, что она очень хрупкая, очень миленькая и такая со всеми ласковая, что мальчишки даже не дергают ее за косички, а когда к ней пристают ребята из других классов, наши мальчишки защищают ее. Хотя Дюймовочка самая крошечная в классе, учится она лучше всех и к своим обязанностям звеньевой относится по-серьезному. За это ее тоже все уважают.

Однажды я спросила ее:

— Ты зубришь или тебе легко дается ученье? Или, может быть, тебе нравится учиться?

— Не очень нравится, — призналась Дюймовочка. — Просто плохо учиться совесть не позволяет.

Моя совесть тоже не позволяет плохо учиться, но и не мешает получать тройки, и даже двойку я успела прихватить со своей совестью.

Сама не знаю, почему так получается. Способности у меня есть. Это все учителя говорят. Ну, и не глупая я. Это уж я точно знаю. А вот уже скоро и четверть кончается, у меня же как была двойка по арифметике, так и осталась. Просто ужас что такое. Как подумаю о ней, — даже мурашки по спине ползут. Неужели так и выведут двойку в четверть?

Ну-ка, совесть, сядем да порешаем с тобою задачки. Хватит уж писать книгу. Ведь если я не подтянусь, — не видать мне тогда часов. Папа ни за что не купит часы, пока у меня чирикает на ветке двойка.

Записываю твердое, пионерское, честное слово:

— Не буду продолжать свою книгу, пока не подтянусь по арифметике и не исправлю двойку на пятерку или, по крайней мере, на тройку.

10 марта

Вчера нам дали решить такую задачку. Группа пионеров взяла обязательство собрать тонну старой бумаги. Шесть девочек сдали бумаги вдвое больше, чем восемь мальчишек (девочки вообще серьезнее относятся к делу), а каждый мальчишка (вы же знаете, как они любят баловаться) собрал только по пять килограммов. Нужно было узнать: сколько бумаги сдали девочки, если вся группа выполнила обязательство на 133 %?

Задачка мне понравилась. Я и сама захотела выяснить, сколько же бумаги собрали мальчишки и девочки из учебника? Больше или меньше, чем сдали мы сами в январе? И я непременно решила бы такую задачку, но в ту самую минуту, когда уже начала решать ее, прибежала Валя Павликова.

— Здрасте! — закричала она. — Я ее жду, а она сидит измазанная вся чернилами и воображает себя королевой черных! С ума сойти! Одевайся быстрее и пошли!

— Куда?

— Ой, она еще спрашивает куда! — возмутилась Валя. — Конечно, на каток! Куда же еще в такую погоду идти?

Я стала сопротивляться, сказала, что, пока не решу задачку, даже со стула не встану.

— Ну, знаешь, — развела руками Валя, — ты рассуждаешь, как ребенок! Задачка-то ведь никуда не денется, а лед не сегодня-завтра растает — и до будущего года уже не покатаешься. Пошли!

— Но у меня уже чирикает одна двойка! — сказала я. — А если их будет две, — могу я тогда надеяться получить часы к дню рождения?

— И не надейся!

— Ну, значит, я должна сидеть и решать задачку!

— Глупости! Для тебя прямой смысл списать ее завтра утром у Нонны! Зайдем к ней утром вместе и спишем. Заодно уж и я спишу.

— А если Нонна не решит?

— Кто не решит? Нонна? Ты Нонку не знаешь, что ли? Да она только и питается с утра до вечера задачками, кроссвордами, чайнвордами и всякими немыслимыми головоломками.

— Но, понимаешь, я дала слово решить задачку самостоятельно. А когда я даю слово, — значит, так и должно быть, как я решила. Не могу же я расшатывать свою силу воли!

— А ты не расшатывай! Ты прогуляйся сначала. Подыши свежим воздухом и решай сколько хочешь. А не выйдет, — к Нонне тогда!

— Ой, Валя, но мы же пионеры... Нам же не полагается списывать. Мы должны сами подавать пример... А какой пример? Списывать — это хороший пример?

— Да не списывать! Ты что? Нет! Просто пусть она объяснит, как решается задачка. При чем тут списывание? Обыкновенная товарищеская помощь. Пионерская помощь. Ведь мы, пионеры, должны помогать друг другу. Она выполнит только пионерский долг.

— Ну, если объяснит, — тогда другое дело! Тогда я согласна! Но списывать, учти, официально заявляю, — не буду.

Какое красивое слово: о-фи-циаль-но!

Ребята ужасно любят официально отказываться, официально просить взаймы на кино, официально не любить уроков пения. Когда говоришь о чем-нибудь официально, чувствуешь себя совсем взрослой. Мне тоже нравится это слово. Только правильно ли я употребляю его?

В прошлом году наши ребята подхватили где-то интересное слово «рекламация».

— Не занимайся рекламацией! — стали щеголять этим словом и девочки и мальчики. — Не хвастай!

— Враки! Одна рекламация!

Все почему-то думали, что слово «рекламация» — то же самое, что слово «реклама», а когда посмотрели в словарь, увидели, что рекламация ничего даже общего не имеет с рекламой.

Так же глупо получилось с другим красивым словом: «идиома». Мы думали, «идиома» — это женский род от слова «идиот», но когда посмотрели в словарь, — увидели, что надо быть трехэтажным идиотом, чтобы употреблять это слово как ругательное.

Вообще, в нашем классе, да и в других классах школы, все ребята вечно увлекаются чем-нибудь или, как говорят у нас, болеют. То интересными словами бредят, то собирают открытки, марки, фантики, спичечные коробки, а то все вдруг начинают строить модели самолетов, подводных лодок, ракет, ледоколов. Очень часто весь класс «болеет» какой-нибудь игрой. Вот совсем недавно мы все «переболели» самой увлекательной игрой в «секреты».

Я не знала этой игры, пока меня не познакомила с ней Люся Патефон (так мы прозвали Люсю Храпову за болтовню на уроках). Она подошла ко мне однажды и сказала с таинственным видом:

— Ой, Галка, в парке творится что-то просто невероятное! Вчера, говорят, там нашли столько разных сюрпризов, столько сюрпризов — умереть можно. На каждом шагу сюрприз!

Люся Патефон предложила мне пойти с ней и, как она сказала, попытать счастья. Ничего не подозревая, я пошла и, как дурочка, лазала с ней по кустам парка, вся поцарапалась, измазюкалась и, когда уже хотела отказаться от всех сюрпризов, Люся нашла в земле гнездо, покрытое сверху стеклом.

— Ура! — сказала она шепотом. — Тут обязательно должен быть сюрприз! Кажется, нам повезло! И, кажется, здорово повезло! Ну-ка, посмотрим, какое наше счастье?

Под стеклом, в ямке, лежал пакетик, перевязанный шнурком. Мы его вытащили, развязали и обе ужасно обрадовались. В пакете оказалась коробочка, а в ней десять половинок шоколадных батончиков.

— Я же говорила, что тут сюрпризы на каждом шагу! — сказала Люся, вся так и сияя. — Уж если я что-нибудь говорю, так ты можешь мне поверить: я знаю, что говорю.

Ну еще бы ей не знать! Ведь эту коробочку с половинками батончиков она же сама и спрятала, чтобы найти с кем-нибудь и вместе съесть.

Потом я узнала, что так делают и все другие девочки и мальчишки. Они тоже прячут в «секретах» и конфеты, и открытки, и марки, и все интересное, все ценное, чтобы потом найти с товарищем и вместе порадоваться. Но особенно интересно находить чужие секреты и конфисковывать их. Какое красивое слово, не правда ли? Не украл, не взял без спроса, а кон-фис-ко-вал! Но самое интересное не в том, что конфискуешь секрет, а в том, что ты на место секрета кладешь что-нибудь другое. Вместо конфет, например, или открыток, фантиков или марок положишь ржавую пуговицу, рваные ленточки, пузырьки или черепки, а все это обвязываешь ленточкой и сверху прикрепляешь записку: «Ждем новых подарков» — или: «Конфеты не понравились! Наши любимые — с кремовой начинкой. Учтите!» Но еще интереснее выследить тех, кто конфискует секреты. Тогда в секрет кладут конфеты с перцем или старые билеты в кино и записку: «По этим билетам можете получить лекарство от глупости!»

Но играть в секреты зимою нельзя. Это летняя игра.

Зимою большинство ребят увлекается катаньем на коньках и на лыжах. Но я люблю больше всего каток.

Особенно хорошо на катке бывает в солнечные дни. Когда лед отражает солнце, мне почему-то кажется, что под ногами у меня и не лед вовсе, а будто само солнце расплескалось по льду, да так и застыло солнечной оледенелостью, а я катаюсь по мерзлому небу и не катаюсь даже, а летаю, как птица. Люблю я и такие дни, когда сверху медленно сы-

плется и сыплется солнечный снежок. Тогда каждая снежинка как будто танцует в воздухе свой солнечный танец и все снежинки вместе, блестящие, сияющие серебром, раскачиваются под музыку, словно живая, снежно-серебристая кисея, и только для того, чтобы нам было приятнее кататься.

Сначала мы с Валей катались вдвоем, потом к нам присоединился краснощекий дедушка. Он сказал на полном серьезе, что самый настоящий дед-мороз — это он и что его прислали в Ленинград как подарок из одной старой сказки.

Мы спросили, сколько ему лет. Он сказал:

— Не так много! Не так еще много! Всего сто пять лет!

Конечно, он пошутил и мы ему не поверили. Но он стал уверять нас, что все катающиеся на коньках живут очень долго, а некоторые и вообще не умирают. Мы так хохотали, так хохотали, что к нам скоро присоединились еще две девочки и пять мальчишек. Мы устроили карусель. Дед-мороз присоединился к нам и вместе с нами баловался, как мальчишка.

Время летело на крыльях, и я, наверное, каталась бы до закрытия катка, но знакомый дед-мороз вдруг сказал: «Делу — время, потехе — час! Кто куда, а я — на работу. В ночную смену! Да и вам не мешает подумать об уроках! Привет!»

Ну, конечно, задачку я так и не решила, потому что после катка глаза так и слипаются.

Придется списать у Нонны.

Ой, а вдруг она тоже была на катке? Даже страшно подумать, что получится завтра, если я не успею или не сумею списать задачку.

11 марта

Ужасный день!

Утром проспала, задачку списать не успела, да еще опоздала на урок.

Чтобы Раиса Ивановна не догадалась ни о чем, я нахально развалилась на парте и начала смотреть в глаза Раисы

Ивановны с таким видом, будто нисколько не боюсь, что она меня вызовет. Я даже несколько раз подняла руку, будто бы умоляя Раису Ивановну вызвать меня к доске. Иногда это очень помогает. Когда кто-нибудь лезет с протянутой рукой, Раиса Ивановна поморщится недовольно и скажет: «Сиди, сиди! Вижу, что приготовила урок!»

К сожалению, сегодня такой номер не вышел.

Когда я подняла руку в четвертый раз, Раиса Ивановна кивнула головой и сказала:

— Сологубова хочет помочь? Ну, помоги! Ступай к доске! Попробуй исправить свою отметку!

Она подумала, наверное, что я хочу избавиться от двойки. А у меня так все и оборвалось внутри; щеки стали горячими, будто кипятком на них плеснули. Я и не помню даже, как встала, как оторвала ноги от пола.

— Смелей, смелей! — подбадривала Раиса Ивановна.

Я двинулась к доске, ничего не соображая. Лицо Раисы Ивановны расплылось в тумане, голова моя наполнилась странным шумом, и прямо в уши вроде чей-то голос будто зашептал быстро-быстро: «Птичка прыгает на ветке... раз... два... три... Нет, не три, а только кол!.. Единица! Единица! Пригодится единица...»

Я шла, пробираясь между партами, к доске, а мне казалось, будто классная доска сама двигается навстречу, и будто открывает она широкий, черный рот и хрипит злорадно: «Проглочу!»

Раиса Ивановна продиктовала задачку на то же правило, которое помогло девочкам и мальчишкам выполнить обязательство на 133%. Только в этой задачке никто и ничего не собирал, а две бригады трактористов поднимали целину. Надо было выяснить, сколько гектаров вспахала каждая бригада, если обе вместе они выполнили план на 126%.

Я умножала трактористов на гектары, бригады на проценты, потом складывала трактористов с гектарами и с процентами, делила полученное и на бригады и на трактористов, но правильного ответа не получалось. Я исписала

цифрами всю доску вдоль и поперек, вымелила себя мелом с головы до ног и за всю свою работу получила двойку. Да еще какую двойку-то! Одним глазом и то не хотелось смотреть на нее.

Первая двойка, за пешеходов, была крошечная малюська. Почти совсем незаметная. Она так скромно устроилась в уголке дневника, будто зашла всего на минутку, взглянуть на мою пятерку по истории и на четверку по ботанике. Эта же двойка — за трактористов — развалилась нахально в дневнике и вытянула длинный хвост так, что занял он три соседние строчки. А чтобы показать, как удобно и как приятно ей находиться в моем дневнике, двойка положила безобразную голову на красивую пятерку по истории.

Я понимаю Раису Ивановну. Она, конечно, не могла поставить мне пятерку. Двойку я заслужила. Тут уж ничего не скажешь. Но даже заслуженную плохую отметку не очень-то приятно получить.

А во всем виновата Валя. Если бы она не зашла за мною, я решила бы задачку обязательно и тогда поняла бы и правило решения таких задачек. Дед-мороз тоже неизвестно откуда взялся. Если бы не он, я покаталась бы немножко и пошла домой. А он все время смешил, и я совсем забыла про уроки.

Ну почему мне так не везет? Почему я такая несчастная?

18 марта

Сегодня День Парижской Коммуны. В школе будет торжественный вечер. Но я уже твердо решила никуда не выходить из дома. Пока не решу тридцать задачек или, по крайней мере, хотя бы десять, я и со стула не слезу. С двойками пора кончать.

Когда папа увидел, чем кончился мой матч с трактористами и гектарами, он покачал головою и вздохнул грустно:

— Ловко! Крепенько учимся! Вторая уже? Ай, молодец! Вот бабушка-то обрадуется!

И больше ничего не сказал. Но можно ли сказать еще хуже? Если бы папа ругал меня, я тогда бы поняла, что он еще надеется на меня, верит мне. Но он же ни одного плохого слова не произнес. Неужели он думает, что я такая бестолковая, такая глупая, что на меня даже ругательные слова жалко тратить?

Никогда не поверю, что я глупая и что из меня так ничего и не получится. Уж я-то знаю себя. Способности у меня есть и не хуже, чем у других. Надо только подтянуться немного, взять себя в руки, как советует нам Раиса Ивановна. И я это сделаю. Я возьму себя в руки, докажу всем: и папе, и Раисе Ивановне, и самой себе, что стоит мне захотеть, как все будет хорошо и даже отлично. Буду сидеть, повторять правила и выучу их так, как никто еще не учил. Это мое самое твердое решение.

Я села за стол, но в это время Мурзик начал отвлекать меня, стал прыгать, кувыркаться, носиться по комнате как угорелый. Мне надо учить уроки, а он, такой эгоист, захотел играть со мной. Чтобы отвязаться от него, я прикрепила к шнурку клочок бумажки и стала бегать по комнате. Мурзик так смешно гонялся за бумажкой, что я хохотала, как сумасшедшая. Ему, конечно, это ужасно понравилось. Он же такой еще глупый! Совсем не понимает, как мешает мне заниматься. Такой бездельник! Если бы я не выкинула его из комнаты, он бегал бы весь вечер за бумажкой. Но я не могла допустить этого. Выбросив Мурзика за дверь, я села за стол так, чтобы можно было видеть себя в зеркало и следить за своим поведением. Это же очень удобно. Если начинаешь отвлекаться, в зеркале сразу становится все видно.

Я села, и тотчас же передо мною села... тоже я.

Так, так!

А между прочим, у моего второго «я» довольно симпатичное все-таки лицо. Правда, не слишком красивое, но все же ничего себе. Бывают лица и похуже. Во всяком случае, глаза довольно умные, волосы черные, а зубы белые. Я чищу их утром и вечером. Но, пожалуй, самое красивое у моего

«я» — это бант. Однако что за безобразие? Красные губы раздвигаются, и «она» показывает мне язык. Мне? Себе? Ну, хватит! Будем серьезными!

Я щелкаю пальцем по курносому носу своего отражения в зеркале и говорю совершенно официально:

— Ну, уважаемый бантик, смотри, как работают по-настоящему!

Чтобы не думать даже о сегодняшнем вечере в школе, я разулась, положила туфли на самый верх шифоньера, сняла бант, чулки и раскрыла учебник.

— Итак, — сказала я басом, — начинается новая жизнь!

И в эту самую историческую минуту в квартире задребезжал звонок, потом в дверь моей комнаты кто-то постучал, а когда я крикнула «войдите», за дверью послышался голос дяди Васи:

— Не проживает ли у вас дама пионерского возраста, Галина свет Сергеевна, высокочтимый товарищ Сологубова?

— Проживает! Проживает! — закричала я и бросилась к двери.

Дядя Вася такой выдумщик! Он всегда придумывает разные веселости.

— Надеюсь, я попал в приемные часы? — спросил дядя Вася и, прижимая руку к сердцу, важно поклонился. — Тысяча извинений! Я не стал бы беспокоить такую серьезную даму, но кто-то требует вас к телефону!

Комната дяди Васи находится рядом с телефоном, и поэтому ему приходится почти всегда вызывать квартирантов к телефону. Но он никогда не скажет, кто вызывает, а говорит, будто звонят короли, артисты или разные другие знаменитости.

Он хотя и не молодой уже, а любит подурачиться, как школьник. Воображаю, какое у него было поведение, когда он учился в школе. Но у нас никто не обижается на дядю Васю.

Я побежала к телефону. Взяла трубку, приложила к уху.

— Алло! Откуда говорят?

А трубка захлебывается, хихикает, и в ней такой шум, будто соединили меня с большой переменой.

— Алло, алло! — кричу я. — Кто говорит? Я слушаю!

— Галка, это ты? Говорю я! Валя! Не узнала? Алло, алло! Подожди немного. Я сейчас успокою Лильку. Такая настырная, что просто ужас. Одну минутку!

В трубке послышался визг и рев.

— Алло! Галя, ты слушаешь? Извини, пришлось немного заняться воспитанием Лильки. Алло! Алло!

— Ну, я же слушаю! В чем дело?

— Понимаешь, — зашептала трубка, — это что-то ужасное... Приходи сейчас же ко мне. Я должна сказать тебе важную новость!

— Какую? Про что?

— Придешь — узнаешь! Это такая загадочная тайна — умереть можно.

— Скажи по телефону!

— С ума сойти! Кто же говорит по телефону загадочные тайны?

— Ну, тогда приходи ко мне!

— Не могу! Папа ушел, а я сижу одна с Лилькой! Приходи поскорее!

— У меня твердый план! — закричала я. — Сегодня никак не могу! Я даже разулась, чтобы твердо выполнить план.

— Дура! Нет, это не тебе! Это Лилька мешает говорить о загадочной тайне. Просит, чтобы я ей открыла тайну. Понимаешь? Такая микроба маленькая, а ей уж подавай тайны. Уйди сейчас же, или я начну тебя воспитывать! Это не тебе, не тебе. Это все с Лилькой воюю! Ну? Придешь?

— Не могу, понимаешь? Дала твердое слово никуда не ходить, пока не выучу все задачи по арифметике. А Лильке не смей говорить. Разболтает всем твою тайну. Сегодня же разболтает!

— Тогда приходи скорее сама!

— Ой, Валя, какая ты! Я же сказала — не могу. Лучше и не проси. У меня же такое твердое слово. Ты ведь знаешь меня!

— Ну, на минутку-то можешь забежать?

— Нет, нет! Никак! Впрочем, возможно, что минут через двадцать я сумею прийти к тебе. Ну, в крайнем случае, минут через десять или через пять. В общем-то, никуда не уходи! Я уже иду!

Да и как же я могла не пойти? Нельзя же быть эгоисткой! Валя все-таки мучается со своей загадочной тайной, а я буду сидеть и выполнять свой твердый план?

Надо не только о себе думать, но и о своих друзьях. У меня, конечно, железная сила воли. Я могу и завтра узнать эту тайну. Ну а как же Валя? Можно ли ее оставить вдвоем с тайной? Она же мучается, наверное. Я и по себе знаю, как трудно хранить одной какую-нибудь тайну. Но зато когда поделишься с кем-нибудь секретами, — сразу становится легко на сердце.

Ну, и кроме того, нельзя же готовить уроки и в то же время думать о тайне. Это все равно, что одной рукой играть на пианино, а другой дрова колоть.

Пойду, а уроки приготовлю завтра. Встану пораньше и приготовлю.

3 апреля

Ну, вот и дописалась!

По арифметике в четверти — двойка! Пятерок только две. Четверка — одна. Все остальные отметки — тройки!

Папа со мной не разговаривает. Мама не замечает меня. Даже в магазин не посылает.

Сегодня дядя Вася спросил:

— Почему все так смешалось в доме Сологубовых? Что происходит у вас? Кто чем недоволен? Ты не покажешь мне свой табель? Уж не твои ли отметки всему причина?

Я сказала, что табель у бабушки, а сказала так потому, что мне просто стыдно было показывать свои отметки дяде Васе. Ведь если он увидит двойку, тогда пропадет все его уважение ко мне.

И вдруг я подумала: «А что будет со мной, если я останусь на второй год?»

Это ужасно!

Все ребята перейдут в следующий класс, а я буду только издали смотреть на них. Лийка Бегичева выпятит губы и скажет:

— Ах, эта Сологубова? Да, да, я помню ее. Она когда-то училась со мною, но была такая глупая, такая неразвитая — просто ужас! В каком-то классе она отстала от нас.

Потом все кончат школу, а я все еще буду школьницей. Все начнут работать, а я буду решать задачки и получать отметки.

И все из-за этой книги.

Вместо того чтобы учить уроки, я сидела и записывала разные глупости.

Потом я снова представила себе, как я встречу через несколько лет своих ребят на улице. Они возвращаются с работы, а я иду им навстречу с книжками в руках.

— Привет школьницам! — кричит Славка. — Сколько получила двоек сегодня?

Дюймовочка, конечно, заступится за меня и скажет:

— Как не стыдно обижать ребенка! Не у всех же хорошие способности. Не обращай внимания, Галочка! Вот, возьми на конфетки! Бери, бери, не стесняйся. Я теперь сама зарабатываю деньги, а тебе где же их взять?

Мне захотелось уткнуться головою в подушку и реветь до потери сознания.

Кончено! Никаких книг! Никаких записок! Больше слова не запишу в эти тетрадки.

А может, порвать их?

Порвать или не порвать?

Не зная, как мне поступить, я загадала на Мурзика. Если он мяукнет, когда я его поглажу, — сохраню записки на память, а если Мурзик ничего не скажет по-своему, по-кошачьему, — разорву.

Я подошла к Мурзику. Он лежал, развалившись на диване, подняв лапки так, будто сдавался в плен. Я погладила

его... Он потянулся, показал розовый язычок и, сладко зевнув, мурлыкнул: «Мяу».

Значит, придется сохранить тетрадки. Но вот на этой, на последней страничке я ставлю загадочный, таинственный знак и записываю торжественно клятву:

Я буду самая последняя дрянь, если не исправлю отметок и если останусь на второй год. И тогда пусть презирает меня весь мир и все ребята нашего двора и нашего класса.

Клянусь!
Клянусь!
Клянусь!

Часть вторая

2 сентября

Вот она, моя смешная, моя глупая мечта!

Перелистывая помятые страницы, я чувствую, как щеки мои краснеют, как всю меня бросает в жар. Неужели это я писала? Все эти глупости?

Как быстро все-таки меняется человек! И как незаметно!

Когда я приехала из пионерского лагеря и пыталась надеть свое любимое голубое платье, оно затрещало по швам. Вот как выросла я за одно лето. Да и сама я очень изменилась. Даже удивительно, как изменилась. Стала гораздо серьезнее, и мысли у меня появились уже другие. Летом я читала много хороших книг, и, кажется, чтение принесло мне большую пользу. Да и вообще с переходом в шестой класс чувствуешь себя как-то совсем по-иному. Во всяком случае, я уже знаю, что теперь не буду играть ни в секреты, ни в классы, ни в пятнашки, ни в прятки. Сейчас мне интереснее проводить время среди взрослых, слушать их разговоры, советоваться с ними, спрашивать их обо всем, что в прошлом году меня совсем не интересовало. Как жаль, однако, что взрослые и сейчас еще смотрят на меня, как на ребенка. А мне ведь уже тринадцать лет. Через три года я получу паспорт, но, к сожалению, взрослые думают, будто детство продолжается и после тринадцати лет.

Тринадцать лет! Ужасный возраст! Играть с девочками десяти и одиннадцати лет мне уже не хочется. Да и они теперь не подходят ко мне. Для них я уже взрослая, и они про-

сто стесняются меня. Взрослые же смотрят на меня как на младенца. И получается так: ты и не взрослый и не ребенок, а что-то вроде карлика с бородой из сказок Гримма.

Хотелось поговорить с дядей Васей, но его нет в городе. Он уехал на практику еще в начале лета, и мне просто не с кем посоветоваться. А за лето накопилось столько разных вопросов, на которые самой не так-то просто и ответить. Почему бы, между прочим, не открыть такие справочные киоски в городе, в которых каждый мог бы получить ответ на любой вопрос? Интересует меня, например, для чего живет человек. Я подаю письменный запрос и тут же получаю справку. По-моему, это не так глупо. Существуют же справочные киоски, где разъясняют, когда идут поезда, кто где живет, как найти какое-нибудь учреждение. Я думаю, что многим нужны справочные киоски и по всем другим вопросам.

14 сентября

Сегодня приехал дядя Вася. Увидела я его и подумала: что с ним такое? Он стал меньше ростом и совсем уже не таким выглядит, как полгода назад. Я не удержалась и сказала:

— А знаете, дядя Вася, вы как будто поменьше ростом стали.

Он засмеялся.

— Это ты выросла, а я все тот же. Честное слово, не обманываю. Но ты-то, ты-то какая длинная! Так вымахала за лето, что и не узнать даже.

Я разговаривала с ним целый час. Между прочим, он спросил, как подвигается моя книга о школе.

— Ты говорила как-то зимою, что пишешь книгу. Ну, и как? Хоть показала бы свое творчество. Как знать, может, живу я рядом с будущей знаменитостью, с классиком советской литературы и не подозреваю даже об этом.

— А вы смеяться не будете?

— Это почему же я должен смеяться?

— Ну... Дело в том, что там написаны разные глупости. Очень все детское! Не настоящее!

— А ты торопишься стать взрослой? Напрасно!

Разве детство людей — самое грустное в их жизни? Нет, Галочка, детство человека — это и есть, может быть, его самое настоящее, самое радостное, самое светлое, самое важное. Взрослой ты будешь, но детство твое никогда уже не повторится. Поэтому и в детстве надо жить по-настоящему.

— А что такое жить по-настоящему?

— Готовиться серьезно к большой жизни, запасаться знаниями, выбирать большие дороги, по которым шагать придется. В твои годы уже пора подумать о том: а что же ты будешь делать, когда станешь взрослой, чему посвятишь свою жизнь.

— Хорошо! — сказала я. — Свои записки я дам вам почитать. Но вы непременно должны сказать мне честно свое мнение.

16 сентября

Сегодня дядя Вася вернул мне тетрадки. Вместе с большим письмом. И вот что написал он:

«Недостаточно быть лысым, чтобы походить на Юлия Цезаря.

Недостаточно одного желания писать, чтобы стать писателем и написать книгу. Твои записки — еще не книга, а только попытка, проба пера. Но ты не огорчайся. Если у человека нет голоса, зачем ему тужить, что он не может быть оперным певцом? Я хотел бы рисовать, да вот не получается у меня с рисованием. Так что же, я должен волосы рвать на голове? Книга у тебя не получилась. Стиль ужасный. Словарь бедный. Ты чересчур злоупотребляешь такими словами, как «вообще», «ужасно», «конечно». Да и других пустых слов, ничего не говорящих ни уму, ни сердцу, у тебя более чем достаточно. Есть выражения просто неграмотные. Ты пишешь: «лично я»!? Но если

«лично», — то это и есть «я»! А если ты ставишь слово «я», тогда зачем же писать еще и «лично»?

Книги у тебя не вышло, но начатую работу не бросай! И вот почему: ты живешь в самое интересное время. Наша страна уже стоит перед входом в коммунизм, и тебе предстоит войти в новое общество вместе с твоим поколением первыми. Но сегодня ты живешь в мире, который будущим поколениям будет во многом непонятен, и тебе придется рассказывать, как человеку, который сам видел деньги и многое такое, чего уже не будет в новом обществе.

Новые люди нового мира будут расспрашивать тебя, как поднималось твое поколение, как росло оно, чем жило и чем дышало. Что волновало вас? О чем мечтали вы? Всего тебе, пожалуй, не упомнить! Многое забудется к тому времени. Ну, а ты вот вытащишь свои записки и почитаешь новым ребятам о сегодняшней жизни. Да и самой тебе интересно будет посмотреть на себя с высоты собственного роста и сказать: «Вот ведь какими мы были когда-то!» Человеку очень полезно оглядываться время от времени, чтобы сравнить себя с тем человеком, каким он был много лет назад. Но, может быть, записки твои попадут в руки историка, и он, возможно, найдет в них то, что безуспешно ищет в серьезных книгах. Какое-нибудь слово, которое выйдет к тому времени из употребления. Или какую-нибудь фразу, которая поможет ему лучше понять наших отцов, матерей и нас с тобою. Только не пиши розовой краской. А то будущие поколения могут подумать, что шли мы к новому обществу по накатанной дороге, с песнями и приплясывая. Надо писать обо всем. И о том, как мы боролись за новое, и о том, какими нелегкими были дороги в светлое будущее».

Дядя Вася прав! Вот теперь я сама уже знаю, о чем надо писать. И в самом деле: а вдруг какому-нибудь будущему историку понадобятся мои записки?

Все! Буду писать для истории. И уж, конечно, скрывать ничего не стану. Пусть потом краснеют разные фифочки и все несознательные ребята.

А если уже писать ничего не скрывая, так мне придется сказать здесь о безобразных прическах.

Дело в том, что после летних каникул некоторые девочки вдруг появились в классе с прическами «конский хвост» и «мамы дома нет», а Дюймовочка смастерила из своих волос на голове немыслимый папуасский кок. Она сказала, что сделала такую прическу, чтобы казаться повыше ростом. Но я думаю, что Дюймовочка не для роста обзавелась коком, а чтобы пофорсить, чтобы все обратили на нее внимание.

Когда Раиса Ивановна пришла в класс и увидела модные прически, она покраснела даже от негодования.

— Это еще что за салон парижских модниц? — спросила она и заставила всех заплести косы. — Как вам не стыдно! — сказала она. — Чтоб я больше не видела этого!

И думаете, наши модницы послушались ее? Устыдились?

А ни-ни! В школу приходят с косами, а как из школы выбежали, так сразу же распускают свои хвосты и гривы и идут гулять в парк, будто им ничего не говорила Раиса Ивановна.

Но это еще что! Лийку Бегичеву мы встретили в парке с подкрашенными губами. Я стала стыдить ее, а она выпятила губы и сказала презрительно:

— В Америке девочки красят губы с одиннадцати и двенадцати лет, а мне уже тринадцать. В Америке родители даже губную помаду покупают девочкам.

— Но мы же не в Америке живем!

— Ну и что? А разве взрослые не красят губы? Моя мама всегда освежает губы. Почему я не могу освежиться?

— Ладно, — сказала я, — завтра спрошу у Раисы Ивановны, можно нам красить губы или нельзя. Скажу, что ты ходишь подкрашенная и учишь нас краситься.

Лийка испугалась.

— Я не учу вас... Когда я вас учила?

— Ну, подаешь пример!

— Ничего не подаю! — затрещала Лийка.

— Ладно, — сказала я, — еще раз увижу тебя подмазанной — обязательно попрошу у Раисы Ивановны разрешения краситься.

После этого разговора я уже не встречала Лийку крашеной. Но вместо того, чтобы сказать мне спасибо, Лийка просто возненавидела меня. Ну и пусть! Я не очень нуждаюсь в ее дружбе.

Стала другой после летних каникул и моя старая подружка Валя Павликова. В прошлом году она ходила, словно заряженная разными секретами и тайнами; стоило ей только открыть рот, как из него сыпались самые загадочные и самые таинственные тайны и секреты. Если же я делала вид, что не интересуюсь ее секретами, — она обижалась даже. А сколько раз звонила мне по телефону, приглашая к себе, чтобы поделиться своими глупыми выдумками. Однажды я даже бросила решать задачки и побежала к ней на дом. И что же? Оказывается, вся загадочная тайна ее была обыкновенной чепухой. Какой-то мальчишка сказал ей, что у нее красивые глаза, а когда она сказала: «Неправда!» — он обещал ей написать письмо и рассказать в этом письме кое-что такое, о чем он давно уже собирается сказать.

Я в тот же день отыскала этого мальчишку (он живет во дворе того же дома, где квартира Вали) и сказала ему:

— Валя говорит, что ты хочешь послать ей письмо. А ее папа сказал, что он вместо ответа на письмо выпорет тебя при твоих родителях.

Мальчишка покраснел и забормотал:

— Я же ничего... Честное слово, ничего... Я же так... Пошутил.

Валя так и не узнала, почему не получила письма о своих глазах. Но после летних каникул я просто не узнаю Валю. Она стала такая молчаливая, что я думаю: вот теперь-то у нее действительно появилась какая-то тайна. Дня два назад я спросила:

— Почему ты ходишь такая, будто ежа проглотила?

Она стала уверять меня, что с ней ничего не случилось, а потом вдруг расплакалась и сказала, что давно хочет поделиться одной тайной, но говорить ей об этом стыдно.

Я не стала расспрашивать. Все равно она скажет. Я же знаю Валю с первого класса. Не утерпит она. Поделится непременно своими секретами.

Впрочем, опять какая-нибудь глупость. А меня это уже не интересует теперь. Я все чаще и чаще думаю над словами дяди Васи о будущем. Он прав, конечно! Будущее надо выбирать в детстве. Но кем быть — вот вопрос, который потруднее самой трудной задачки. Мне хочется выбрать что-нибудь необыкновенное и чтобы оно было самым полезным для всех. И чтобы не нужно было хорошо знать математику. Мне, например, хотелось бы строить машины, электростанции, сооружать плотины, но для этого надо очень хорошо знать математику. А с математикой у меня неважные отношения. Просто я ее не люблю почему-то. Неплохо бы выучиться на врача, но я боюсь больных. Однажды я увидела человека, который попал под трамвай, и не спала всю ночь. Лечить его я не могла бы. Ужасно боюсь крови. Сегодня читала журнал «Наука и техника» и там нашла интересную статью про айсберги. И мне показалось, что айсбергами стоило бы заняться. Дело в том, что айсберги Антарктиды достигают 180 километров в длину и столько же в ширину. Над водою они возвышаются на 40 метров, да еще под воду опускаются на 300 метров. Ученые подсчитали, что, если растопить такой айсберг, из него можно получить воды в два-три раза больше, чем дает Волга. Вот я и подумала: если такой айсберг прицепить на буксир к большому кораблю и перевезти по океану в такое место, где нет воды и редко бывают дожди, он, айсберг этот, будет постепенно таять и орошать засушливые места. Но такие айсберги перевозить можно по морям и океанам только к берегам Индии, Африки и Азии, а к нашим засушливым местам его не подтянешь.

17 сентября

Ох, и день же был вчера! Произошло сразу столько событий, что и не знаю даже: успею ли записать все, а если успею, то сумею ли приготовить уроки на завтра?

Перед первым уроком Нина Сергеевна привела в класс новичка и сказала:

— Это Леня Пыжик. Ваш новый товарищ. Его маму перевели из Москвы в Ленинград, и теперь он будет учиться вместе с вами. Надеюсь, ваш новый товарищ почувствует себя среди вас не хуже, чем в родной Москве!

Новичок показался нам таким скромным, таким образцово-показательным мальчиком, какие бывают разве что только в детских книжках. И когда мы рассматривали его, никто и не предполагал даже, что это — за Сахар-Медович и как эта тихоня поставит через пять минут весь класс чуть ли не на голову.

Он стоял, застенчиво опустив глаза, и так вздыхал, словно объелся компотом, а потом посмотрел на всех и улыбнулся, да так хорошо улыбнулся, что мы засмеялись. Глаза у него веселые! Хорошие глаза. А мальчишки с веселыми глазами, как я уже заметила, не дергают нас за косички, не дразнят и почти не дерутся с нами. Иногда они даже играют с девочками.

Как только Нина Сергеевна вышла из класса, ребята обступили новичка и стали расспрашивать, за кого он болеет: за «Динамо» или за «Зенит»?

— А это обязательно? Болеть? — Он пожал пренебрежительно плечами и сказал важно: — Какая же это работа — пинать мяч ногами? По-моему, можно болеть только за тех, кто головою работает или руками, но не ногами! Тоже мне деятельность — пинать ногами мяч!

Первый болельщик за «Динамо» — Вовка Волнухин — был потрясен таким ответом и так возмущен, что даже покраснел от негодования.

— А ты не академик, случайно? — спросил он ехидно.

Новичок усмехнулся:

— Представь себе, даже не академик. Но чем же хуже академики футболистов? Я думаю, любой академик может быть футболистом, но вряд ли какой футболист может работать академиком. Вообще-то я за то, чтобы и академики играли в футбол, но против того, чтобы люди занимались только забиваньем голов в ворота!

Славка Капустин захохотал:

— Ребята, да это же двоюродный брат Академии наук и персональный племянник того Чижика-Пыжика, который на Фонтанке водку пил!

Новичок спокойно сложил на груди руки, молча оглядел Славку с головы до ног и, пожав плечами, усмехнулся.

— Ну? — насмешливо спросил он. — Можно смеяться? Это, кажется, острота высшего класса? Что? М-да... У нас в Москве таких остряков-самоучек показывают за деньги! В зоологическом саду! Вместе с обезьянами!

Все захохотали. Славка покраснел, но сразу не нашелся, что ответить. Но больше всего, по-моему, он был удивлен. Новичок, такой крошечный, чуть-чуть побольше только нашей Дюймовочки, вдруг осмелился отвечать так дерзко Славке — одному из самых сильных мальчишек в классе. Все молча смотрели на Славку. Ну, непременно начнется сейчас драка. Ведь Славка — первый драчун у нас.

— Ты что? — с запозданием рассвирепел Славка. — Давно лещей не ел? Языкатый, я вижу! Смотри, как бы я не наступил на твой язык. У меня недолго и... того... — Славка угрожающе повел плечом.

— Кого, чего? — прищурил насмешливо глаза новичок. — Родительный падеж? Повторяешь грамматику! Давай, давай!

Славка стиснул зубы так, что на щеках его проступили желваки.

— Как бы не повторить тебе дательного падежа, — угрожающе сказал он. — И таблицу умножения! У вас в Москве умножают зуб на зуб?

Дюймовочка, размахивая руками, закричала:

— Ребята, это же позор! Можно ли так встречать новичков?

— Ну, ты, — выступил вперед Чи-лень-чи-пень, — чего пристал?

Славка посмотрел на хмурое лицо Чи-лень-чи-пеня и, бормоча что-то под нос, направился к своей парте. Уж если в спор вмешивается Чи-лень-чи-пень, мальчишки сразу отступают. С ним не очень поспоришь. Правда, я еще не

видела, чтобы Чи-лен-чи-пень дрался с кем-нибудь, но это потому, наверное, что все знают, какой он сильный и каким бывает иногда бешеным.

Настоящая его фамилия Карасев. А зовут Анатолием. В классе же называют его Чи-лень-чи-пенем, потому что никто точно не знает: то ли учиться мешает ему лень, то ли он бестолковый. Иногда Карасев учится на все пятерки, а потом вдруг ни с того ни с сего переходит на сплошные двойки. А по-моему, он самый способный и совсем не ленивый, но ему что-то мешает учиться. Наверное, он очень надеется на свои способности и поэтому в начале каждой четверти занимается своими делами, а когда видит, что в четверти могут появиться двойки, садится за уроки и быстро нагоняет всех, исправляет двойки на пятерки. Но учителя все равно не выводят ему за четверть последние отметки, а ставят средний балл — чаще всего тройку и очень редко четверку.

Вот ребята и прозвали его Чи-лень-чи-пенем.

— Чи-лень-чи-пень? — смеется Карасев. — А что, звучит! И не плохо звучит!

Вообще, я должна сказать, что ребята любят давать друг другу клички и прозвища. Сеню Бомбича зовут Бомбой. И за то, что у него фамилия такая, и потому, что он толстый и любит кричать. Во время большой перемены только и слышишь то тут, то там его крики: «Ура! Давай! Ко мне!»

Лийку Бегичеву зовут Гусыней. А прозвали так за ее глупую гордость своим ответственным папой, у которого есть собственная «Волга». Но разве не похожи на гусей из басни Крылова те, кто гордится своими предками? Гуси, возможно, и спасли Рим, но все равно почет гусю только на столе и только в жареном виде.

Меня ребята прозвали почему-то Антилопой. Глупо, не правда ли? Ну почему Антилопа? Конечно, не очень-то приятно слышать, как глупо называют тебя, но я стараюсь не обращать внимания. Я уже заметила: стоит только показать всем, что тебе не нравится кличка, как она пристанет, словно приклеенная намертво.

Между прочим, недавно мы вынесли на пионерском сборе решение бороться с кличками. Но вряд ли что полу-

чится серьезное из этого постановления. Ведь клички не придумывают нарочно. Они же сами появляются. Вот, например, писали мы сочинение на вольную тему: «Кто кем хочет быть?», а Коля Племянников написал, что хочет быть персональным пенсионером. Ну вот его и прозвали Коля Пенсионер. Сначала так прозвали. А потом он стал просто Персональным Племянником.

Да и как бороться с кличками, если некоторые ребята даже гордятся своими кличками. Особенно те задирают носы, кого зовут Чапаями, Маршалами, Изобретателями. А Миша Кузин с гордостью носит скверную кличку Людоед. Ребята прозвали его Людоедом за то, что он имеет привычку бросаться в драку с криком: «Давно я что-то не ел человеческого мяса!» Даже учителям дают у нас прозвища. Учителя русского языка называют почему-то Брамапутра. И он действительно какой-то Брамапутра. Что это такое, — никто не знает, но только похож он на самую настоящую Брамапутру. Не на ту, что в географии, а просто так: добрая, немножко растрепанная Брамапутра. Преподавателя физкультуры ребята прозвали товарищ Ну-ну. Он всегда покрикивает на нас:

— Ну-ну, еще усилие! Высоко падать не придется, ну-ну!

Этот новичок тоже получит прозвище. Он говорит каким-то книжным языком, и, может быть, его назовут Профессором, а скорее всего — просто Чижиком-Пыжиком. Он такой маленький, верткий, быстроглазый. Настоящий Чижик-Пыжик. Кстати, сразу же в первый день выяснилось, что новичок и задиристый очень.

Когда Чи-лень-чи-пень одернул Славку, Пыжик и не подумал поблагодарить Карасева. Он даже как будто обиделся на Анатолия.

— Меня не требуется защищать, — вздернул он свой нос. — Выбивать матрацы о свою голову я сам никому не позволю. Вот так, братцы-ленинградцы. А теперь скажите, где у вас приземлиться?

— Топай ко мне! — предложил Чи-лень-чи-пень. — На мой баркас! Я один сижу. На задней парте. С моего места на весь класс вид туда и обратно! Пошли! Баркас — первый класс!

— Порядок! — кивнул Пыжик. — Мы откроем на твоем баркасе клуб занимательных наук и небольшой отдел путешествий изобретательных шестиклассников.

Он занял место рядом с Чи-лень-чи-пенем, потер руки и, взглянув на Славку, который сидел в одном ряду с ним, но на другой парте, сказал, щуря хитро глаза:

— Ну? Славкой, значит, тебя зовут? Ты кто? Занимательный или изобретательный?

— А ты кто такой, что спрашиваешь? — разозлился Славка.

— Я?

Пыжик вынул из кармана черную маску и, взмахнув маской в воздухе, ловко нацепил ее на нос.

— Мистер Икс! Таинственная личность!

— А побитой личностью не желает быть мистер Икс? — спросил Славка.

Пыжик мотнул головой:

— Представь себе, никак не желает. И сам никого не желает бить. Мистер Икс желает подарить для первого знакомства миллион рублей! Всем, кто имеет не только кулаки, но и голову. Ребята, кому из вас нужен на мелкие расходы миллион рублей?

Вовка Волнухин усмехнулся:

— Ты случайно не сын миллиардера из Америки?

— Я? Ну, нет! Мои родители честные люди, — засмеялся Пыжик. — Миллион рублей я предлагаю заработать тоже честно. Его может получить любой, кто придумает только одно-единственное слово, кончающееся на «зо». За три таких слова дают три миллиона рублей. Два слова на «зо» — «железо» и «пузо» — у меня уже есть. Нужно еще одно.

— Райзо! — крикнула Дюймовочка.

Пыжик мотнул головой:

— Не годится! Райзо не слово! Это же районный земельный отдел. А мне нужно только одно слово.

— Крузо! Робинзон Крузо! — крикнул Бомба.

— Нет, — опять мотнул головою Пыжик. — Во-первых, это не русское слово, а во-вторых, это же фамилия. А такие фамилии сколько угодно можно придумывать. Барбузо! Мабузо! Карапузо!

— Арбузо! — сказал Вовка Волнухин.

— А это что же такое?

— Обыкновенный арбуз! — сказал Вовка. — Так называет арбузы наш дворник.

— Мало ли что дворник! Я, например, могу назвать тебя ученизо среднезо школозо.

— Вовкозо Волнухозо! — подхватила Инночка Слюсарева.

Ребята захохотали.

— Будем серьезны! — сказал Пыжик. — Миллион рублей не шутка. Можно купить футбольный мяч, пароход, ракетку для тенниса и каждому по автомашине, да еще останется на мороженое. Будем думать ребята!

И все стали думать.

Наступила такая тишина, будто из класса все убежали на большую перемену.

Мы сидели, молча поглядывая один на другого, и, вытаращив глаза, шевелили губами.

Какие же русские слова кончаются на «зо»?

В голове возникали самые неожиданные, самые забавные словечки: трамозо, папурозо, лузо, бизо, карапузо, но среди этих слов не было ни одного, которое стоило бы хоть одну копейку. Так сидели мы тихо и думали, пока не пришла Анна Трофимовна и не начался урок.

Когда она вошла, по классу пронесся шепот:

— Спросить Анну Трофимовну!

Все возмутились. Ребята замотали головами, а Вовка показал кулак.

С какой стати отдавать миллион рублей Анне Трофимовне, когда мы и сами можем получить его?

Урок начался, но слушали мы Анну Трофимовну рассеянно. Вполуха! Честно говоря, мы ее совсем не слушали. Ребята сидели, устремив взоры в потолок, и беззвучно шевелили губами: «Азо, базо, газо, дозо, рузо, шузо...»

Весь урок искала и я третье слово на «зо».

Но я не ради миллиона ломала голову. Просто я хотела показать классу, что новичок хвастун. Ну откуда он возьмет миллион рублей, если я придумаю третье слово на «зо»?

Какое безобразие! Ростом новичок не больше Дюймовочки, а заставил весь класс заниматься пустяками. Даже Чи-лень-чи-пень и тот задумался. Подперев руками щеки, он смотрел в угол, где стояла классная доска, и, шевеля безостановочно губами, то и дело облизывал их.

Вот он каким оказался, московский Пыжик! Говорил о науке, вошел в класс таким серьезным, а теперь отвлекает всех от урока.

Не придумав третьего слова за весь урок, я решила подумать серьезно о третьем слове на «зо» во время перемены, но после урока ко мне подошла Таня Жигалова — председатель совета нашего отряда — и сказала важным голосом (она всегда говорит важным голосом, когда хочет показать, что разговаривает не просто как Таня, а как председатель отряда):

— Сологубова, над нами смеются!

— Над кем? Над тобою и мною?

— Над нашим отрядом!

— Почему?

— Потому что в нашем классе... Короче говоря, надо тебе взять на буксир Марго! Понятно?

— Нет!

Таня обиделась:

— Кажется, говорю ясно! Марго же единственная у нас ученица, которая носит вместо пионерского галстука крестик. И молится! На уроках! Никого даже не стесняясь!

— Ну и что? Она же дура!

— Не стыдно тебе обзывать своего товарища дурой? Это мы дураки! Да! Не спорь, пожалуйста! Мы даже не разговариваем с ней! Тут каждый начнет верить в бога. Все отвернулись от нее, и никто не помогает ей ничем. Ни в одном классе нет верующей, а у нас почему должна быть такая?

— Ну и неправда! А Петя Крестовоздвиженский из шестого «б»? Петя-Христосик?

— У Пети отец — поп! А у Марго мать — трудящаяся уборщица! Короче говоря, ты для чего носишь пионерский галстук? Для красоты? Вот и докажи, что ты пионерка!

— А почему же именно я должна доказывать? Почему не ты?

Таня покраснела и стала говорить, будто все ребята решили поручить это дело мне, потому что никто, кроме меня, по мнению ребят, не справится с Марго.

— Ты же самая боевая! — сказала Таня. — И у тебя есть подход. Все будет хорошо, вот увидишь. Подружись с ней, а потом...

— Я? С Марго? Ты с ума сошла!

— Почему сошла? — растерялась Таня.

— Потому что я презираю ее! Представь себе, она даже зубы не чистит! Вообще она неряха!

— Ты права! Когда девочка не чистит зубы, — это ужасно! Но еще ужаснее не объяснить ей, почему нужно чистить зубы и почему советская девочка должна быть всегда чистой, опрятной. Думаешь, она не поймет? Обязательно поймет! Да еще спасибо скажет тебе. Потом скажет! Когда поймет! В общем, начинай развивать ее. Книжки против религии мы достанем. Ты прочитаешь их и можешь тогда воспитывать ее на полный ход!

Всю перемену я спорила с Таней, но пионерское поручение все же пришлось взять.

— Не знаю только, — сказала я. — Просто и не знаю даже, что у меня получится с этой Марго.

— Все получится! — обрадовалась Таня. — Ребята говорят: «Уж если у Антило... то есть... если уж Сологубова не справится с Марго, нам тогда и делать нечего». Ты же волевая! Развитая! Выдержанная! Короче, на тебя смотрит весь отряд!

Что ж, все это правильно. Пожалуй, кроме меня, и в самом деле никому не воспитать Марго. Ну, а если я ее воспитаю, представляю, как все ребята станут уважать меня.

— Ладно! — сказала я. — Попробую!

18 сентября

Не знаю даже, как я справлюсь с пионерским поручением. Во всяком случае, начала выполнять его не совсем удачно.

Когда я подошла к парте Марго и сказала, что решила пересесть к ней, глаза Марго стали такими круглыми, будто она подавилась горячей картошкой.

— Теперь, Марго, я буду сидеть с тобою. Вот увидишь, как хорошо мы подружимся.

Марго смотрела на меня, раскрыв рот, и вдруг вся покраснела и забормотала:

— Никого не нужно! Мне и одной хорошо! Сиди со своей Павликовой! На что ты мне... такая?

— Это какая же еще я такая? — потянулась я к ее косичкам, но, вспомнив, что выполняю пионерское поручение, сказала вежливо: — Ладно! Не задавайся! Подвинься лучше!

Но вместо того, чтобы культурно уступить мне место, Марго развалилась на парте, словно собиралась улечься спать, да еще и руки растопырила, чтобы я не могла сесть рядом.

— Не буду с тобой сидеть! — запыхтела она.

Я сказала совершенно официально:

— Можешь пять раз лопнуть от злости, а я все-таки сяду!

— Попробуй только! — закричала Марго.

А я взяла и села.

— И пробовать не буду. Просто села и сижу! — И нечаянно придавила ей ногу, чтобы она не воображала о себе.

Тогда она стала щипать меня и кричать:

— Чего пришла наступать на ноги? Убирайся! Убирайся!

Я тоже ущипнула ее как следует, но без всякой злости, а вежливо и только для того, чтобы она не подумала, будто я струсила.

— Думаешь, одна умеешь щипаться? — спросила я и ущипнула ее еще раз.

Потом мы уселись поудобнее и начали щипать друг друга, но уже молча. Не знаю, кто из нас запросил бы первой пощады, но как раз в эту минуту в класс вошла Раиса Ивановна и сразу же спросила:

— Сологубова, что у вас происходит? Почему ты красная такая?

— Ничего не происходит, — сказала я. — Просто мне жарко! — И так щипнула Марго, что, подпрыгнув на парте,

она посмотрела на меня так, как, наверное, смотрят крокодилы на свою добычу. Потом, вырвав из общей тетради лист, написала:

«Пративная Антилопа, уродина, обизьяна. Призираю тебя!»

Я спокойно поправила грамматические ошибки, подчеркнула каждую ошибку двумя чертами и, влепив Марго единицу, написала: «Научись сначала правильно писать, а потом уж оскорбляй других. Я не уродина, а ты — неряха! Советую тебе умываться хоть перед праздниками и раз в пять лет чистить зубы!»

Марго поспешно вытерла рот рукавом и стала искать в моей записке ошибки, но что она могла найти, если сама-то учится по русскому языку хуже всех? И все-таки она нахально подчеркнула в каждом слове моего вежливого совета по нескольку букв и поставила мне три единицы. Я только плечами пожала, а чтобы Марго не торжествовала, переправила все единицы на пятерки и подписала внизу: «Отличная работа! Ни одной ошибки! Можно послать на выставку в Академию наук!»

От бессильной злости Марго вдруг заплакала. Молча заплакала. Втянув голову в плечи, она сидела, вытирая потихоньку слезы на щеках, и была в эту минуту такая жалкая, такая несчастная, что у меня как-то сразу пропала вся злость и я сама чуть не заревела.

— Не надо! — дотронулась я до ее руки. — И не думай, пожалуйста, что я села, чтобы издеваться над тобою! Я для тебя же стараюсь! Понимаешь? Вот подожди немного, и ты увидишь, как тебе хорошо будет со мной!

Марго ударила меня по руке и, сквозь слезы, зашептала:

— Ничего от тебя не надо! Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Бессовестная какая! Я хочу развивать ее, а она ненавидит меня. За что же, интересно? За мое хорошее отношение к ней? Еще минута, и я бы показала Марго, как надо ценить дружбу, но в это время Раиса Ивановна вызвала меня к до-

ске. Я выпустила из рук косы Марго и спокойно пошла отвечать урок.

И вот, когда я пишу о том, какой скверный характер у Марго, я с ужасом думаю: неужели я не сумею выполнить поручение? Ведь на меня же надеется весь класс, а Марго этого не понимает. Да и кроме того, если говорить честно, теперь мне и самой уже хотелось бы сделать что-нибудь для Марго. И даже не для того, чтобы меня уважали ребята, а лично для себя.

Марго несимпатичная. Грубиянка. Неразвитая. Но вот поэтому-то мне и хочется теперь сделать для нее что-нибудь. Ведь она же совсем не виновата, что самая отсталая в нашем классе. И мне просто жалко ее. Вместо того чтобы сделать ее счастливой, мать заставляет учить молитвы, ходить в церковь, и уж конечно, ничего хорошего она не увидит в своей церкви. Кто же поможет Марго быть счастливой, если мы отвернемся от нее? А Марго должна быть счастливой, потому что мне, например, будет ужасно неприятно жить, если я ничего не сделаю для нее.

Я хочу, чтобы и ей досталось большое счастье. И потому, что она ничего хорошего еще не видела, и потому, что все люди должны быть счастливыми, и потому, что нельзя быть самой счастливой, если рядом с тобою будут стоять несчастные.

Когда я поделилась своими мыслями о Марго с дядей Васей, он сказал:

— Браво! Ты растешь, Галочка! Это очень хорошо, что ты поняла, что счастье твоих товарищей — это совсем не чужое тебе счастье, а также и твое личное! По-настоящему люди будут счастливы только тогда, когда счастье станет общим достоянием всего человечества.

— Это когда будет коммунизм во всем мире? — спросила я.

— Да уж никак не раньше! Во всяком случае, ты-то увидишь, а может, и я даже увижу по-настоящему счастливое человечество. Как знать, как знать! Ведь теперь люди не плетутся к своему счастью пешочком, а мчатся со скоростью реактивных самолетов.

Счастье! Как много говорят все об этом счастье, но вот теперь мне стало ясно, что нельзя быть по-настоящему счастливой только одной, потому что несчастье других просто мешает быть полностью счастливой. Ну, разве я могла бы сидеть среди голодных и есть вкусные вещи, если на меня будут смотреть тысячи голодных глаз?

Да и вообще, как я заметила, все стараются радоваться вместе, собираются компаниями, и это, наверное, потому, что настоящая радость должна быть обязательно радостью многих, а не одного человека.

Сейчас я очень много читаю. Но не книги, а журналы. Меня почему-то стало больше интересовать не то, что выдумывают писатели, а все настоящее, действительное, все такое, какое бывает в настоящей жизни. Мне теперь хочется узнавать каждый день что-нибудь новое о нашей планете, о других мирах, о работе наших ученых, о новых замечательных машинах и вообще обо всем, что делается и у нас и за границей. Я хочу знать мир, в котором живу. Ведь это же мой дом, и я просто обязана узнать, где и что находится. В школе мы учим разные правила, но когда они пригодятся, еще неизвестно, а вот знания моего мира мне нужны уже и сегодня.

Сегодня, например, я прочитала о том, что бури и штормы уносят каждый день с нашей планеты в мировое пространство тысячи тонн пыли. Значит, Земля худеет и уменьшается на миллионы тонн в столетие. Но что же тогда останется от Земли через тысячу, через пять тысяч лет? Где же тогда будут жить люди? Ведь, в конце концов, планета наша станет не больше тыквы или же совсем распылится в мировом пространстве. Но, как выяснилось в конце статьи, ничего страшного с Землей не случится. Дело в том, что и днем и ночью на планету сыплется космический дождь из метеоров и метеоритов и всяческой космической пыли, и поэтому вес Земли увеличивается ежедневно на 6000 тонн, или на два миллиона тонн в год.

Разве это не интересно? И разве найдешь такое в учебниках?

Завтра предложу Нонке космическую задачку.

Пусть подсчитает, на сколько процентов увеличивается ежегодно вес Земли, если известно, что весит она 50 000 000 000 000 000 000 000 000 граммов!

19 сентября

Ох, как не хочется рассказывать тайну Вали Павликовой, но и молчать о ней нельзя. Ведь если писать только об одном хорошем и только сладким сиропом, а не чернилами, будущий историк, пожалуй, подумает, что у нас люди только пели, танцевали и хохотали, погода была солнечная круглый год, что мы не знали, что такое дожди, морозы и туманы, и что нам непонятны были огорчения, неприятности, что мы не плакали, не горевали, не царапались друг с другом.

Тайна Вали мне совсем не нравится, но уж если я решила писать обо всем, о хорошем и плохом, придется записать и всю глупую историю Валиной тайны.

Я уже писала о том, что у нее что-то есть и что она хочет поделиться со мной какой-то тайной. И вот вчера она звонит по телефону и просит прийти к ней как можно скорее.

— А что случилось? — спросила я.

— Я должна открыть тебе одну небольшую тайну. Приходи как можно скорее. Больше я не могу переживать все это в одиночку!

Я бросила все и помчалась, теряя калоши, не зная даже, что и подумать о Валиной тайне.

— Уж не случилось ли у Павликовых какое несчастье? Может, Джульбарс пропал? А может, Лилька проглотила пуговицу?

Я мчалась с такой быстротой, что прохожие смотрели на меня с удивлением, думая, наверное: «Уж не покусала ли эту девочку бешеная собака?» Некоторые даже останавливались и смотрели мне вслед, а постовой милиционер бросился ко мне и спросил испуганно:

— Что-нибудь произошло?

— Да нет! — отмахнулась я. — Обыкновенный пробег! Эстафета!

И вдруг вижу: Валя сама бежит навстречу.

— Почему так долго? — закричала она, хватая меня за руку. — Пойдем скорее в парк! Покажу тебе сейчас кое-что.

Глаза у нее блестят, на лбу пот. Ноздри так и раздуваются. «Ну, — подумала я, — произошло какое-то несчастье!»

— Да что случилось? Валя, возьми себя в руки!

— Ах, ты ничего не знаешь! — простонала она и, увлекая меня за собою, помчалась так, словно за нами гнались львы, тигры, пауки и мокрицы.

Не успела я понять, куда это она меня тащит, как мы уже остановились около скамейки за новой эстрадой парка.

— Успокойся! Пожалуйста, успокойся! — сказала я, еле дыша.

Валя беспокойно осмотрелась по сторонам.

— Поклянись! — уставилась она на меня совсем круглыми глазами. — Дай слово, что никто и никогда не узнает о том, что я сейчас скажу тебе!

— Клянусь! — ударила я себя кулаком в грудь. — Здесь все будет погребено, как в могиле! (Так всегда клянутся в романах.)

— Слушай! — прошептала Валя, поглядывая взволнованно по сторонам. — Понимаешь? — Она перевела дух. — В меня кто-то влюбился!

Я чуть не захохотала.

Правда, в шестом классе есть такие мальчишки, которые посылают девочкам разные записки, но ведь все же знают, что эти глупые записки пишут просто так, для смеха. Ну и не таким девочкам, как Валя, потому что Валя ходит всегда с открытым ртом, а нос у нее так густо посыпан веснушками, словно они посеяны специально для того, чтобы ее не перепутали с другой Валей.

— Глупости! — сказала я. — В тебя никто не влюбится!

Валя обиделась.

— Почему ты думаешь? — спросила она странным голосом.

Ну, что я могла ответить?

— А зачем тебе все это нужно? — спросила я.

Валя смутилась.

— Мне совсем ничего не нужно! Но разве я виновата, что в меня влюбляются? — Она снова посмотрела по сторонам и, вздохнув, протянула руку. На раскрытой ладони лежала помятая бумажка, закапанная чернильными кляксами. — Я получила записку! Читай! Только чтобы никому ни слова!

Я развернула скомканную бумажку и прочитала с трудом:

«Я в тебе влюбленый. До свиданья».

— Ну? Что ты скажешь? — задышала мне в лицо Валя.

— Что скажу? — растерялась я. — Скажу, что слово «влюбленный» надо писать с двумя «н». И не «в тебе», а «в тебя» надо писать! Скажу, что это просто чепуха с двумя грамматическими ошибками.

Валя покраснела.

— Не придирайся, пожалуйста. Когда человек влюблен, какая уж тут грамматика! Он же волнуется. Он знаешь как переживает?.. Недавно я видела по телевидению, как мучаются влюбленные... Один с моста в холодную воду прыгнул, чтобы доказать любовь, а ты говоришь — грамматика... Не раздеваясь, прыгнул.

— Но кто он? Кто? Ты знаешь?

Валя пожала плечами.

— Не представляю! — Она вздохнула и засопела носом, словно собиралась зареветь. — Но все-таки ужасно жалко. Мучается же человек, понимаешь? И вдруг куда-нибудь прыгнет, а я потом виновата буду... Представляешь?

Я стала внимательно рассматривать записку, стараясь припомнить: чей же это почерк? Вот, например, букву «д» так пишет только Нина Елагина — девочка из детдома. И буква «я» тоже удивительно похожа на елагинскую.

— Слушай, это же писала Нина Елагина! Честное пионерское, она! Определенно, Нинка! Держу пари!

— Еще новости! — фыркнула Валя. Она посмотрела так, как будто даже обиделась на меня.

— Тогда, — сказала я для смеха, — тогда не иначе, как Вовка Волнухин в тебя влюбился.

Глаза у Вали заблестели. На лице появилась довольная улыбка, но она повела плечом и сказала небрежно:

— Очень-то мне нужен он!

Но я видела, что мое предположение заинтересовало ее; и, чтобы разыграть ее, я стала уверять, что Вовка все время посматривает на нее как-то особенно.

— Подумаешь, — презрительно скривила губы Валя. — Такой противный! — И, взглянув на меня исподлобья, спросила равнодушно: — А как он смотрит? Ты не заметила?

— Вот так! — вытаращила я глаза и тут, не выдержав, расхохоталась, потому что, как только я стала смотреть на нее вытаращенными глазами, она сразу же принялась изображать красавицу из заграничного фильма.

— Что ты ржешь? — обиделась Валя.

— Да, что ты ржешь, мой конь ретивый? — засмеялась я. — А конь и говорит: «А что прикажете делать? Плакать? Не умею!» Дурочка ты, дурочка! Тебя разыгрывают девчонки, а ты всерьез принимаешь. Просто это для смеха написала Елагина.

Валя посмотрела злыми глазами:

— Заладила: Нинка, Нинка! А если хочешь знать, — я с Нинкой в ссоре, и уж мне-то она ни за что не станет писать. Ну, зачем ей писать такие записки? Скажи, зачем?

— Вот и я думаю: зачем? Но знаешь что, — я сегодня же проверю. Посмотрю ее тетрадь по русскому... Вместе посмотрим! Ты увидишь, что букву «д» и букву «я» пишет так только она одна в классе.

— Да? — усмехнулась Валя. — А чьим почерком вот это написано? — И протянула пачку смятых записок, которую вытащила из кармана пальто.

— Ого! Что это?

— Читай!

Я прочитала восемь других записок. Написанные разными почерками, все они повторяли одну и ту же глупость. Хотя и по-разному. Еле сдерживаясь от смеха, я прочитала вслух самую глупую записку:

«Мы должны обязательно пожениться. Я совсем помираю от любви. Как ты на это смотришь?»

— Да, — спросила я, — в самом деле, как же ты на это смотришь? Тебе уже тринадцать лет. Ему, конечно, не больше. Вот вы и будете вместе просить у родителей деньги на кино и на каток. Просто замечательно.

— Глупости! — пробормотала Валя. Она прикусила губу, поправила шляпку и сказала устало: — Вообще-то в некоторых странах даже еще раньше выходят замуж. В Индии, например. В Корее. В Японии. Я читала об этом в журнале «В защиту мира». Но ты думаешь, я собираюсь выходить замуж? Во-первых, это глупости! А во-вторых, папа ни за что не разрешит. Просто мне интересно узнать, кто это сходит с ума и чем это все может кончиться? Вот что для меня интересно. Понимаешь?

— Поркой! — захохотала я. — Поркой кончится! Вот как узнает твой папа, он и тебя выпорет и того, кто пишет. Нет, нет! Не того! А тех, кто пишет! Неужели ты не видишь, что все записки написаны разными почерками?

Мы сели на скамейку и стали рассматривать внимательно каждую записку. Вдруг я сделала неожиданное открытие.

— Слушай! — закричала я от радости. — Да эти же записки написали ребята детдома. Посмотри внимательно на бумагу! Все на одной бумаге! На одинаковой! И на какой? Видишь? У кого в классе такие тетрадки — с фиолетовыми линейками? У ребят из детдома, да?

— Да! — растерянно кивнула Валя.

— А если да, тогда они и разыграли тебя.

— Но почему? — замигала ресницами Валя.

— Вот и я хотела бы это знать! Да! Почему?

— И за что? — развела руками Валя. — Что я им сделала?

— Ты ни с кем из них не поругалась?

— Н-нет! — неуверенно ответила Валя.

— Вспомни! Попробуй вспомнить!

Если Валя задела кого-нибудь из детдомовских ребят, тогда для меня все ясно. Они же горою стоят друг за друга. И в этом нет ничего удивительного. У многих из них нет ни отцов, ни матерей, ни дедушек, ни бабушек. Они круглые сироты. Никто за них не вступится, не пожалеет, не приласкает. Ну, вот они и живут, как сечевики в Запорожской

Сечи. Все за одного, один за всех. У них, конечно, есть воспитатели, есть шефы, которые устраивают им елку, возят на дачи, отмечают именины каждого подарками, заботятся о карманных деньгах, а билеты в кино, в театры и в цирк они получают гораздо чаще, чем мы, дети, имеющие родителей. Живут они, конечно, ничуть не хуже нас, только без семьи. Ну, вот они и организовались в свою собственную, детдомовскую семью, да такую дружную, что им даже позавидовать можно. Сестры и братья не живут так по-родному, как они.

И когда я увидела, что записки написаны на тетрадях детдомовских ребят, мне все стало понятным. Я вспомнила, как Валя однажды поругалась с детдомовскими ребятами из-за книги. Они увидели у нее очень интересную книгу и попросили почитать. Валя сказала им, что книга эта не ее, а чужая, и просила обращаться с ней осторожно. А как ни обращайся с книгой осторожно, все равно она портится. Тем более что книга понравилась и ее вернули Вале только после того, как прочитали все триста человек. Конечно, вместо книги Валя получила что-то вроде толстой лепешки. Валя даже заплакала при виде книги. Вернуть ее в таком виде было просто стыдно. И тогда, чтобы не краснеть за порчу, она вынуждена была купить такую же книгу в магазине, истратить на покупку деньги, которые дает ей папа на кино.

Валя после этого категорически отказалась давать книги детдомовским ребятам, а когда они видят у нее какую-нибудь интересную книгу и просят почитать, она говорит:

— Рано вам еще читать такие книги! Это про любовь. Подрастите сначала!

— По-моему, — сказала я, — детдомовцы решили разыграть тебя. Ты все время говоришь, что им рано читать твои книги, и они, может, в самом деле думают, что ты про любовь читаешь. Я уверена, они еще не так разыграют тебя. Думаю, они еще и свиданье назначат тебе письмом. А когда ты придешь, они намажут тебе нос чернилами. Для смеха! И кому тогда что скажешь? Папе? Учителю? Пионерскому отряду? Они же скажут: «Мы ее хотели отучить от глупостей!»

— Уже! — вздохнула Валя.

— Что уже?

— Уже прислали! — сказала она и, выудив из кармана конвертик с наклеенными на него цветочками, тяжело вздохнула. — Просят прийти к фонтану к шести часам. В парк Победы! Но не в наш парк, а в приморский парк Победы! К фонтану!

— Поедешь?

— Я? С ума сойти! Туда же два часа надо ехать! Да теперь, если бы и в наш парк назначили, — не пошла бы!

— Ну и правильно!

13 февраля 1959 года

Ровно год назад я начала писать свои записки. Думала, напишу интересную книгу, а получилось у меня полное собрание глупостей. Но теперь это меня уже не огорчает.

Дядя Вася говорит:

— Великие дела, как и высокие горы, лучше видны издалека. С расстояния!

Ну, конечно, он шутит! Ничего великого я не сделала, однако чувствую, что, заставляя себя каждый день записывать свои переживания, я научилась следить за собою, лучше поняла себя, стала верить в свои силы, в свой характер.

Осенью папа сказал:

— Если будешь работать по-настоящему, получишь от меня часы.

Вообще-то папа так и так подарил бы мне часики. Он даже советовался с мамой, спрашивал, какие часы лучше купить мне. Но все-таки гораздо интереснее заработать их своим трудом. Ведь ученье — это тот же труд, как говорит Брамапутра. И мы все согласны с ним. Только за свой труд мы получаем не деньги, а книги, путевки, отметки, грамоты и аттестаты.

Я честно потрудилась, и вот на левой руке у меня чудесные золотые часики, и теперь я показываю ребятам на пальцах, сколько минут осталось до конца урока.

Правда, часы не настоящие золотые, а только анодированные, но об этом никто в классе не знает. А когда меня спрашивают, я только плечами пожимаю:

— Какая разница? Не все ли равно, какие они! Ходят хорошо, а это самое главное.

В нашем классе часы имеют теперь, кроме меня, Лийка Бегичева, Света Дерябина и Славка. У них тоже неплохие часики, но мои мне нравятся больше всего. И не потому, что похожи на золотые, а потому, что это премия за мою силу воли. Захотела учиться на отлично — и пожалуйста! Да, свои часы я не сменяла бы на бриллиантовые даже. Когда мне кажется что-нибудь трудным, я смотрю на них и говорю сама себе: «А часики, думаешь, легко было получить? Но получила же!»

Сейчас передо мною стоит другая трудность: перевоспитание Марго. Это задача нелегкая. И все-таки я уже твердо решила, что своего добьюсь, Марго перевоспитаю, и все ребята увидят, что я выполняю поручения серьезно. Марго уже привыкает ко мне. Иногда разговаривает со мною и три раза списывала у меня. Только вот с ней трудно говорить о богах. Я прочитала очень много антирелигиозных книг и могла бы рассказать ей кое-что интересное, но она такая упрямая, такая противная, что с ней не так-то просто говорить о богах. Как только я начинаю такой разговор, она затыкает пальцами уши и, вытаращив глаза, бормочет испуганно:

— Свят, свят, свят! Сгинь, пропади! Сгинь, пропади!

Сегодня Пыжик пришел к нам на парту, сел рядом с нами и стал расспрашивать Марго об учебе. Он спрашивал, кто помогает ей учиться и не мешают ли ей дома готовить уроки? На все вопросы Пыжика Марго отвечала фырканьем да пожимала плечами, а когда Пыжик отошел от нас, она засопела:

— Чего он прилез к нам?

Я подумала: «Наверное, Пыжику поручили подтянуть Марго, и он, как пионер, теперь будет заниматься с Марго». Но вслух сказала:

— Как? Ты ничего не знаешь? Но весь класс знает, что он влюблен в тебя!

Марго захныкала, сказала, что она пожалуется на меня, потом замолчала и так сидела молча до конца уроков, о чем-то все время думая и вздыхая, а на другой день пришла с таким бантом на голове, что мне показалось, будто на ее голову села гигантская белая бабочка. С этого дня она перестала сторониться ребят и начала играть со всеми во время перемен и в классе, перед началом уроков.

Почему я соврала про Пыжика?

А потому, что он ко всем девочкам относится хорошо. Для него все равны: и мальчишки и девочки. И, кроме того, он уже два раза вступался за Марго, когда Славка толкал Марго и смеялся над ней во время физкультуры. Но разве она виновата, что у нее не получаются некоторые упражнения?

Вообще-то все разговоры о любви — ерунда на постном масле. Девчонкам просто интересно, чтобы с ними дружили мальчики. Как в кино! А мальчишки просто притворяются взрослыми. Они и записки пишут для того только, чтобы задаваться.

В первом классе мы все играли в классы, в прятки, в пятнашки, позже собирали спичечные коробки, марки, потом — открытки артистов. В прошлом году у всех было увлечение «секретами». А в шестом классе играют в любовь.

Ну, я-то уж ни в кого не собираюсь влюбляться и не позволю никому в себя влюбиться. Да и зачем все это? Вот Том Сойер влюбился в Бекки и принес ей дохлую крысу. Но ничего хорошего из этого не получилось. Бекки визжала, как кошка, от страха, а Тома чуть не выпороли.

21 февраля

Марго невозможна. Сегодня она уверяла меня, будто бы у них в деревне есть настоящая колдунья, которая сглазила ее, когда она родилась, и что теперь из-за этой колдуньи она и учится хуже всех и болеет сердцем.

Какой вздор! И как можно верить в такую чепуху? И для того ли дана человеку жизнь, чтобы он тратил ее на такие пустяки, как болтовня о колдуньях!

Недавно я прочитала в журнале, что в среднем человек живет семьдесят лет. Но это же ужасно мало! Ведь каждый человек спит ежедневно по восемь часов, а это значит, что из семидесяти лет надо вычеркнуть третью часть. И это значит, что для жизни у него остается только сорок семь лет. А если подумать о том, что до пяти лет многие даже не понимают, что они живут, и если все учатся от восьми лет до двадцати, а не живут, тогда для жизни остается всего-навсего лишь тридцать лет. Но и это еще не все! Ведь столько времени все тратят на завтраки, обеды, ужины, на раздевание и одевание и просто так сидят, ничего не делая, что для жизни не остается почти ничего. Какие-то пустяки! Ну как можно тратить считаные часы жизни на разные глупости, болтать о колдунах, учить молитвы, скучать в церкви! Когда же человеку жить тогда?

И вот сейчас, в эту минуту, я вдруг подумала: «А правильно ли я поступаю, расходуя свою жизнь на записки в своих тетрадках?»

Решила посоветоваться об этом с дядей Васей и заодно спросить у него, о чем же все-таки писать в дневнике.

И что записывать в те дни, когда ничего не происходит?

27 февраля

Этот листок, написанный рукою дяди Васи, наклеиваю в тетрадь на память.

«Не так важно прожить долго, уважаемая тетка, как важно прожить хоть немного, да с толком. Пожалуй, ты напрасно отняла у человека двенадцать лет на ученье. Человек живет и в школе. И как ты можешь учиться, если не будешь жить? Почему также выбросила ты из жизни время на завтраки, обеды, ужины и на разные процедуры? Человек и во время обеда живет. Особенно во время хорошего обеда. Не могу посчитать правильным и выброшенную тобою треть жизни на сон. Машина и та нужда-

ется в остановке, а человек тем более. Отдыхая по ночам, он не напрасно теряет часы своей жизни, он восстанавливает ее. Для того, чтобы жить. Попробуй не поспи месяц! Доживешь ли ты тогда не только до семидесяти, но и до семи лет?

Но все же я согласен с тобою. Живем мы до обидного мало. Согласен и с тем, что даже очень короткую эту жизнь мы заполняем пустяками. Убиваем часы своей жизни, да еще и спрашиваем друг друга: «Как бы нам сегодня убить время?»

Забавно? Как ты думаешь? Будто нам миллион лет отпущен для жизни и мы не знаем, что же с ним, с этим миллионом, делать.

Жизнь, тетка, — это самое большое счастье наше, это праздник из праздников, величайшая наша радость; и тот, кто понимает это, — тот живет и шагая по улице, и умываясь, и примеряя костюм, и решая задачки, и познавая мир, людей, и ощущая тепло земли и солнца, и прислушиваясь к шуму ветра, к шорохам растущих трав. Жизнь твоя — это звезды, дожди, солнце, цветы, это мир, в котором ты живешь. Постарайся только не быть в этом мире бесплатным пассажиром, зайцем. Не привыкай только брать радости жизни, ничего не отдавая взамен. Не будь потребителем жизни, потому что настоящий человек — творец жизни, и его, настоящего, тем и можно отличить от ненастоящих, что после него остается что-то на земле: завод, дерево, новая машина, научное открытие, полезная книга, обработанная земля. Да мало ли что может оставить после себя на земле человек! А уж если кроме старых калош да фотографий не останется ничего после смерти человека, то какой уж это человек? Просто брюхо на двух ногах.

Писать ли тебе свои записки? Непременно! Обязательно!

Твои ежедневные записи дисциплинируют тебя, приучают к усидчивости, помогут тебе приобрести навыки работать вдумчиво и серьезно.

Ты спрашиваешь: о чем писать? Попробуй теперь написать о том, как изменились ребята за этот год и какой сама ты стала».

А по-моему, ребята совсем не изменились. Все остались такими же, какими были в прошлом году. И девочки и мальчишки. Только другими стали игры и у всех появились новые интересы.

Раньше мы увлекались играми в прятки, в «секреты», собирали коллекции, но теперь все больше нас интересует кино. Мы любим также ходить в театр; многие стали учиться танцевать, кое-кто превратился в «чернокнижников» и все свободное время читает книги. Увлечение спортом становится в классе просто какой-то болезнью.

Мальчишки учатся боксу, гоняют по футбольному полю мяч, занимаются в спортивных залах фехтованием, легкой атлетикой, а девочки увлекаются баскетболом и волейболом, игрой в пинг-понг, фигурным катанием на коньках. Но все по-прежнему любят больше всего баловаться, дурачиться, разыгрывать друг друга.

Нет, не сумею я написать что-нибудь интересное о ребятах нашего класса, потому что никаких особенных, необыкновенных девочек и мальчишек у нас нет, а если нет выдающихся ребят, то какие же необыкновенности могут быть?

Спросила Валю:

— Кто, скажи, из наших ребят выдающийся, по твоему мнению?

— У нас? Выдающиеся? — Валя рассмеялась. — Помоему, Славка! Выдается своим длинным носом. Да еще Лийка Бегичева! Своим хвастовством! — Она подумала немного и сказала небрежно: — Между прочим, Вовка Волнухин сказал сегодня, что у меня красивые волосы.

— Ну и что?

— Ничего! Просто сказал: «Красивые волосы! Как золото!»

— Да? А ты что сказала?

— Я? Сказала: «Ничего особенного!»

— По-моему, тоже ничего особенного! У нас такого цвета кастрюля... Медная!

— Ну и не ври! Вовка лучше тебя разбирается... А ну, смотри!

Валя приложила кончик своей косы к моей руке с часами и, очень довольная, засмеялась:

— Точь-в-точь! Ну, ничем, ничем не отличается от золотых часов!

Я чуть было не сказала, что они у меня анодированные, но потом подумала: а зачем ей знать об этом?

28 февраля

Ой, Валька! И что она только думает? Сегодня была у нее, и мы вместе решали задачки. Я предложила ей погулять немного в парке, чтобы проветриться после математической пыли, но она сказала, что будет заниматься английским языком, а когда я согласилась повторить с ней английский, Валя покраснела и начала жаловаться на головную боль.

— Я сначала полежу немного, — сказала она. — У меня какой-то шум в голове.

Ну, это меня не удивило. После задачек моя голова тоже и шумит, и гудит.

— Ладно, — сказала я, — отдыхай! — И пошла одна в парк.

И что же?

Возвращаясь домой, я увидела на углу Кузнецовской и Севастьяновской Валю. И с кем? С Вовкой Волнухиным!

Так вот почему она не пошла со мною в парк! Вот как у нее болит голова! Ну, хорошо! Я так разозлилась, что готова была побить ее, но потом подумала: «А может быть, она случайно вышла на улицу, может, ее послали в магазин и она также случайно встретилась с Вовкой. Нельзя же думать о своей подруге только плохое. Надо сначала проверить, а потом уж и злиться».

Я остановилась у ограды парка и стала наблюдать за ними.

Разговаривали они недолго. Вовка помахал еще немного руками и пошел к Московскому проспекту, а Валя побрела по Севастьяновской. Я догнала ее и спросила:

— Ты с кем проводишь тут собрание? Это не Вовка стоял?

Валя смутилась, покраснела.

— При чем тут Вовка? — забормотала она. — Просто вышла подышать немножко... Ну... и это... стояла и думала.

Интересно, о чем можно думать на улице?

— Ну, и как? Придумала что-нибудь?

Валя пожала плечами и отвернулась.

Бессовестная какая! Променяла подругу на какого-то мальчишку и еще отпирается. Какой же это друг, который встречается с мальчишками на углах, да еще скрывает свои встречи?

Я схватила ее за руку, повернула лицом к себе.

— О чем ты говорила с Вовкой? — ущипнула я ее.

— Просто встретились! — пропищала Павликова и покраснела еще гуще.

О, с каким удовольствием я бы стукнула ее по носу!

— А почему краснеешь? Ага, ага! Ну, посмотри мне в глаза. Я же все видела! Ты стояла с Вовкой и разговаривала о дурацкой любви.

— Неправда, неправда! — закричала Павликова. — Я не стояла! Я шла. И он шел! Потом остановились. Он спросил...

— Что спросил?

— Спросил... Просто спросил: «Ты куда?» А я... — И вдруг сказала со злостью: — Не понимаю... Пристаешь, а сама не знаешь, что тебе нужно...

— Мне от тебя теперь ничего не нужно, Павликова! — сказала я спокойно, вежливым голосом. — И вообще освобождаю тебя от своей дружбы... И раньше никогда не навязывалась, а сейчас...

Слезы душили меня так, что я не могла сказать больше ни слова. Толкнув ее в снег, я побежала домой и целый час плакала от обиды.

Такая неблагодарная эта Павликова. Я для нее на все готова. Хранила все ее секреты и тайны, а она так поступила

со мной. И с кем дружит? С Вовкой, который всем девочкам говорит: «Ну ты, явление природы, чего расквакалась! Катись, пока не получила путевку!»

Поплакав, я села за стол и нарисовала Вовку с большим носом и кривыми ногами, а чтобы его не спутали с другими, внизу подписала: «Это Вовка Волнухин». Рядом с кривоногим уродом изобразила Вальку с торчащей, как метла, косичкой и огромным бантом. Бант получился похожим, но все-таки для ясности (чей бант?) написала: «В. Павликова». Под рисунком поместила известные всем в школе стишки:

«Тили-тили-тесто,
Вовкина невеста.
Тили-тили-тили-бом,
Стоит рядом с женихом.

Прочти, распишись, добавь от себя и передай дальше».

Но когда я приготовила дразнилку, чтобы завтра пустить ее по партам в классе, мне стало самой смешно. Ведь так дразнятся только в первом классе. Даже самой смешно; и, конечно, свое художество порвала. Не такими рисунками нужно отвечать на свинские поступки тех, с кем дружишь и кому веришь. Их просто-напросто надо вычеркивать, не обращать на них внимания. Для меня с сегодняшнего дня Павликова не существует больше.

1 марта

День сегодня солнечный, веселый.

В воздухе пахнет весной. Легкий пар поднимается от влажных тротуаров. И небо такое голубое и чистое, будто вымыли его и заново покрасили. Все словно готовится к большому празднику. К весне! Все веселое, все праздничное и в комнате. Солнечные зайчики вспыхивают на стеклах окон, на стенах, на зеркалах и люстре. Солнечные полосы лежат на полу, и живая, прозрачная пыль струится от потолка к полу и от пола к потолку.

Проснулась и с радостью вспомнила: «Мы всем классом едем в свой подшефный колхоз!»

Я вскочила, запела, но вспомнила Павликову, и все мое чудесное настроение сразу испортилось. Впрочем, зачем мне теперь думать о ней? Она уже не существует для меня. В конце концов, я могу поехать вместе с Марго, буду ее воспитывать по дороге, а на Павликову и не взгляну даже. Дня два назад мы договорились ехать на вокзал вместе, и я обещала зайти за Валькой. Обещала тогда, когда считала ее своей подругой, а теперь, после всего, что произошло между нами, зачем же я буду заходить за ней? Пусть одна едет! Или со своим Вовкой!

Чем думать о ней, лучше скажу несколько слов о нашем колхозе «Новый путь». О том, как стал он нашим подшефным колхозом.

В прошлом году мы вместе с нашей воспитательницей Ниной Александровной побывали на некоторых фабриках и заводах, а во время весенних каникул поехали за город, чтобы посмотреть, как живут и работают в колхозе. Нина Александровна сказала: «Вы должны хорошо знать свое государство. Это ваш дом, где вы будете жить как хозяева, а хороший хозяин должен хорошо знать все свое хозяйство: свои фабрики и заводы, свои шахты, рудники, колхозы и совхозы».

Мы с радостью поехали посмотреть, как растут хлеб и овощи, поглядеть на живых коров, на кур, на уток, и вообще нам интересно было узнать жизнь колхоза. Электричка довезла нас до станции, а потом на грузовике мы добрались до колхоза «Новый путь». Все здесь нам очень понравилось. И мы не только смотрели, но с удовольствием и сами поработали немного. В колхозном саду. На птицеферме. В парниках. И, кажется, работали неплохо.

И председатель колхоза, и все колхозники нас хвалили, а самый высокий старик сказал: «С такими ребятами горы можно перевернуть! Богатыри!»

Все, конечно, были довольны, что мы понравились, а еще большее удовольствие мы получили, когда нас угостили хорошим обедом. И не потому, что подавали какие-нибудь необыкновенные блюда, а потому, что обед устроили кол-

хозные ребята и угощали так, как и дома не угощают. Приветливо очень. Что нам оставалось делать? Сказать спасибо и уехать? Мы посоветовались между собою, поговорили и с Ниной Александровной, а потом Таня Жигалова пригласила колхозных ребят к нам в гости. Когда будут каникулы. И ребята приехали. Им-то ведь тоже надо посмотреть, как живут и работают в городе. Они же тоже должны хорошо знать свое собственное государство.

Колхозные ребята пробыли в Ленинграде три дня. Мы осматривали вместе метро, Петропавловскую крепость, Ботанический сад, ходили в панорамное кино, смотрели стереоскопические картины.

Мальчиков взяли к себе наши мальчишки, а девочки гостили у наших девочек.

У меня тоже жила девочка. Толстенькая такая, как поросеночек Пуф-Пуф из сказки «Три поросенка». Люся Богачева.

Такая краснощекая, что папа все время спрашивал, нельзя ли прикурить от Люсиных щек. А мама смеялась.

— Вот, — смеялась она, — смотри, Галчонок, какие бывают девочки! Попробуй-ка догнать и перегнать ее.

Но ведь я тоже не особенно худая, хотя, конечно, не такая сильная, как колхозная Люся.

Когда папа и мама ушли, мы стали бороться, чтобы выяснить все-таки, какие же у нас силы. Наша схватка кончилась со счетом 5:0 в пользу Люси. Но это не обидное поражение. В колхозе воздух все-таки лучше, чем в городе, и поэтому люди там гораздо здоровее.

После борьбы я показала Люсе акробатический этюд. Знаете, что такое этюд? Это когда стоишь на голове и мотаешь для равновесия ногами. Я целых пять минут стояла на голове. Люся сказала: «Ничего особенного».

— Да? Ты уверена, что тут нет ничего особенного? Попробуй продержись хоть минуту! — предложила я.

Люся стала пробовать. Но, сколько раз ни вставала на голову, — ничего акробатического у нее не получалось. Она такая толстуха и у нее такие толстые ноги, что они все время перевешивали ее. Вместо этюда Люся делала такие смешные

штуки, что я чуть не умерла от смеха. Кончились ее упражнения тем, что она перевернулась через голову и своими толстыми ногами стукнула по буфету. Раздался ужасный грохот, зазвенела посуда. Любимая мамина чашка полетела на пол и, конечно, разбилась.

Я очень испугалась, но пугайся не пугайся, а чашки-то уже нет. Люся заплакала. Тогда я сказала:

— Ерунда! Скажем: чашку разбил Мурзик. Он ужасно непоседливый котенок. Вечно гоняется по комнате, прыгает, как обезьяна, на стол, на буфет, на шифоньер. Так и так когда-нибудь он все равно должен что-нибудь разбить. Я даже удивляюсь, почему он еще не разбил до нас мамину чашку.

Люся захныкала и стала спрашивать, сколько стоит чашка.

— Я попрошу папу, чтобы он купил! Или заплатил деньгами.

Ну, этого еще только не хватало!

— И не думай даже, — сказала я. — Ты у меня в гостях, а с гостей не берут денег. И кроме того, это же просто несчастный случай. Ну, и не будем говорить больше.

Люся сказала:

— А как же сказать твоей маме, что я разбила? Будем говорить, что делали упражнения или как?

А зачем маме знать, какая неуклюжая моя новая приятельница?

— Ничего тебе не надо говорить! Да и разве не все равно, кто разбил? Скажем, что Мурзик! Мама знает, какой он проказливый. Да и что с него взять? Он же глупый, и ему все равно что бить: хоть любимые, хоть нелюбимые чашки. Да и ничего хорошего не получится из твоего признания. Ни для мамы, ни для меня, ни для чашки!

Ну, конечно, Мурзику попало от мамы. И мы с Люсей потом ревели обе, как дуры, потому что все-таки не очень приятно смотреть, как за нас наказывают ни в чем не повинного глупенького котенка.

Вспомнив, как пострадал за нас в прошлом году Мурзик, я наградила его сосиской, перед тем как поехать на вокзал.

— Бедненький ты мой, — погладила я его на прощанье. — Не повезло тебе тогда, но тут уж ничего не поделаешь. Кому-то надо же отвечать за разбитую чашку.

Прибрав комнату, я приготовила бутерброды, термос с горячим чаем и ровно в десять вышла из дома.

На Финляндский вокзал мы поехали вместе с Марго, но сели в метро нечаянно не на тот поезд и спохватились только через две остановки, когда увидели, что едем к Нарвским воротам. Пришлось, конечно, пересесть в другой поезд. Словом, на Финляндский вокзал мы приехали почти самыми последними.

Ребята уже собрались около билетной кассы, и у всех в руках были портфели, баульчики, свертки с бутербродами. Мы ведь отправлялись за город на весь день.

Когда мы с Марго подошли к кассе, кто-то засвистел. Славка сказал, что из-за таких засонь, как мы, они пропустили уже два поезда. И все-таки мы были не самыми последними. После нас примчалась, уже самой последней, Павликова.

Она растерянно уставилась на меня выпученными глазами.

— Галочка, ты же обещала... Почему же не зашла? Мы же договорились...

— Ах да! — сказала я, обнимая Марго за плечи. — Действительно! — Я засмеялась и стала поправлять шапочку на голове Марго. — Представь себе, Маргошенька, я ведь совсем забыла, что собиралась зайти за Павликовой. То есть даже не забыла, а мне показалось, что за ней зайдет Волнухин... Пойдем, Марго, я угощу тебя мороженым!

Я подхватила Марго под руку, и мы побежали с ней на перрон, где стоят продавщицы эскимо и пломбира. Не удержавшись, я оглянулась и увидела Павликову в самых растрепанных чувствах.

Она стояла с открытым ртом, глядя мне вслед такими удивленными глазами, будто видела меня верхом на крокодиле.

Ну и пусть! Пусть смотрит и удивляется! Для меня все это уже безразлично.

Ой, даже пальцы свело от писания. Придется отложить описание поездки в колхоз до завтра. А сейчас запишу для памяти — думаю, мне пригодится позже — кое-что о жизни.

По радио передавали о долгожительнице Кавказа, осетинке Тэлсе Абзиве, которая прожила 180 лет и недавно умерла.

Но если один человек может жить так долго, почему и мне не прожить хотя бы до 170 лет? Только как нужно жить, чтобы не умереть раньше такой старости? Я побежала к дяде Васе и спросила, слышал ли он о 180-летней осетинке?

— А что? — засмеялся дядя Вася. — Завидно? Хочешь тоже подольше пожить на свете?

— Спрашиваете! Конечно! Кто же не хочет? Но как?

— Ну, тетка, я не врач! Это не по моей специальности! Впрочем, — он снял с полки книгу, раскрыл ее и сказал: — Вот что советовал когда-то великий мудрец и врач древних времен Гиппократ! Запиши на память!

И я записала слова Гиппократа:

Вот он, этот совет всем, кто хочет долго жить:

> *«Праздность и ничегонеделание приводят к ослаблению человека. Укрепляет же нашу жизнь работа, бодрый дух и устремленье ума к полезному».*

Я верю Гиппократу. Ленивые и праздные и в самом деле мало живут на свете. Об этом же говорил и папа.

2 марта

Несчастье! С утра трудно глотать. И все это после приключений с Пыжиком. Мама вызвала врача. Он поковырялся в моем горле ложечкой, выписал лекарство и сказал, что день-два можно отдохнуть от школы. Одеваясь, он подмигнул мне, как будто хотел сказать: «Ох, и рада ты, наверное!» Но я совсем не обрадовалась. Хотя и не всегда интересно учиться в школе, однако я не представляю, что стала бы де-

лать, если бы не ходила в школу. Там всегда весело и так много разных новостей, интересных разговоров, событий и происшествий, что жизнь без школы я просто не представляю!

Вот и сегодня, как подумаю, что делают сейчас ребята в школе, мне уже хочется бежать туда и вместе со всеми переживать все, все!

Но ничего! Уж как-нибудь день вытерплю. Буду сидеть и писать дневник. И поскольку времени свободного у меня много, постараюсь написать о нашей поездке в колхоз более подробно.

Колхоз обещал прислать за нами машину, но, когда мы вышли из поезда, на разъезде машины еще не было. Да и людей не было видно. Только неподалеку от железнодорожной будки стояла у стога сена рыжая корова и помахивала хвостом. Солнце освещало ее ввалившиеся бока, и ей, наверное, было очень приятно принимать солнечные ванны после долгой зимней жизни в сарае. Как видно, корову выпустили сегодня впервые, и она рада была солнцу, стогу сена и нам. Ну, конечно, за всю свою коровью жизнь она ни разу еще не видела на разъезде столько городских школьников. Помахивая хвостом, она смотрела на нас добрыми, мокрыми глазами и как будто хотела сказать: «С весною вас, ребята! Ох, и надоело же мне стоять в темном хлеву!»

Над нами висело солнечное небо. Ослепительно сверкали под солнцем рельсы, и они убегали вправо и влево в голубую дымку весенних далей. Кое-где еще лежал снег; в воздухе пахло прелой землей, тающим снегом, речною свежестью.

Пыжик поклонился корове и спросил:

— Уважаемая корова, вы не могли бы сказать, где тут машина колхоза «Новый путь»?

Корова вздохнула и сказала:

— Му-у-у!

Бомба подбросил шапку вверх.

— Ур-р-ра! — закричал он. — Поедем на корове! Я сяду верхом, как египетский жрец, а вы пойдете сзади и будете петь что-нибудь протяжное.

Лена Бесалаева сказала:

— Ну и неправда. Жрецы на коровах не ездили. У египтян коровы считались священными. Им дары приносили, а не ездили на них.

— Подтверждаю! — сказал Пыжик. — Поднесем же, братцы, дары священной «Му-114»!

Он развернул сверток, достал пирожок и протянул его корове:

— Священная буренушка, прими в дар вот этот симпатичный пирожок с повидлом.

Корова заинтересовалась пирожком. Помахав приветственно хвостом, она потянулась к руке Пыжика и снова сказала: «Му-у-у!»

— Ребята! — захохотал Пыжик. — Она спрашивает: почему такие скудные дары? Нет ли чего-нибудь еще у нас? — И он повернулся к корове. — Я правильно перевожу с коровьего языка?

«Му-у!» — замычала корова; она мотнула головою и слизала языком с руки Пыжика пирожок так ловко, что все захохотали.

Ребята обступили корову и принялись угощать ее. Ну, принимала она наши дары с явным удовольствием, а глотала их почти не разжевывая. Мы, кажется, понравились корове, и поэтому она никого не хотела обидеть отказом от угощения. Она посматривала на всех добрыми глазами и ела пирожки Пыжика, бутерброд с сыром, предложенный Павликовой, потом ватрушку Тани Жигаловой. С аппетитом скушала корова и пару конфет, преподнесенных в дар Дюймовочкой, а кусок торта, который дала ей Лийка, священное животное жевало зажмурив глаза и кивая головою так, словно благодарила всех. Скоро выяснилось, что корова совсем уж не такое травоядное животное, как можно было предполагать до встречи с ней.

Пыжик поклонился до земли и сказал:

— Многоуважаемая священная скотина, мы поражены, мы восхищены вашими способностями. Если же вы скушаете вот эту котлету, мы тотчас же переведем вас из класса травоядных в класс всеядных и насекомоядных животных.

Пыжик посолил крепко котлету и сунул ее под нос коровы.

— Не съест! — закричал Вовка.

— Посмотрим! — сказал Пыжик.

Корова вздохнула, но котлету съела, хотя и без особого, кажется, удовольствия.

— Мы сделали научное открытие! — засмеялась Нина Евтушенко. — Нашли всеядную корову. Предлагаю выяснить теперь, какую же пищу она не ест.

И мы стали выяснять.

Предложили корове копченую рыбу. Корова съела. Нина Станцель протянула кусочек шоколада. Корова скушала шоколад не поморщившись.

— Ребята, — закричал Пыжик, — нет ли у кого в термосе кофе? Кажется, она не прочь выпить чашку крепкого кофе.

В это время сзади послышался шум.

Мы оглянулись и увидели грузовую машину.

Машина остановилась. Я от удивления раскрыла рот.

Представьте, из шоферской кабины выскочила моя колхозная Люся Богачева.

— Садитесь! — закричала она. — Быстрее только! Мне дали машину на полчаса. Предупреждаю: на борта не садиться. Вытряхну. Это — раз. На ноги не вставать. Это — два. В кузов положено сено, чтобы мягко сидеть. Это — три. Держаться надо друг за друга покрепче, потому что поедем сначала по лесной дороге.

— А кто поведет машину? — спросил Бомба, заглядывая в кабину.

— Я поведу! — сказала Люся.

— А у тебя есть права? — спросил Бомба.

— Есть!

— Покажи!

— Сначала покажи свои права проверять шоферов! — усмехнулась Люся.

Бомба закричал:

— Ребята, она угробит нас! Она без правов!

— Не без правов, а без права! — поправила Бомбу Таня Жигалова.

— Все равно угробит, — засмеялся Бомба. — Хоть правильно говори, хоть неправильно. Ей сколько лет?

Люся вспыхнула и сказала сердито:

— Нос вытри, а потом спрашивай. Человека не по летам судят, а по его делам!

— Да он смеется! — сказала я. — Бомбе просто завидно, что он не умеет водить машину. Ему просто обидно, что мы, девочки, умеем делать то, что мальчишкам не по силам.

— Ну, уж ты, — закричал Бомба, — не примазывайся к чужой славе! Мы пахали!

Тут Дюймовочка попросила слова и, волнуясь, сказала:

— Ребята, Люся, конечно, доведет машину. Я не сомневаюсь. Но вдруг по дороге мы встретим инспектора движения? Тогда что? Ведь он же не разрешит управлять машиной девочке без прав. Вот какой вопрос я предлагаю обсудить срочно.

Не успела Дюймовочка закрыть рот, как из кабины показалась голова мужчины, очень похожего на Люсю. Он зевнул сладко и сказал:

— Порядок, порядок, ребята! Усаживайтесь! Шофер без прав ведет машину под моим наблюдением. Садитесь быстрее! Порядок!

Мы стали садиться, но тут кто-то заметил, что пропал наш Ломайносов. И мы побежали искать его. Он ведь такой растяпа, что за ним приходится следить всем классом. И не могли же мы оставить его на станции, если все поручились в школе смотреть друг за другом, дали слово не драться, вести себя как полагается взрослым шестиклассникам.

После недолгих поисков Ломайносова мы нашли рядом с коровой. Он стоял и смотрел, как она кушает пирог с рыбой.

— Ребята, — замигал длинными ресницами Ломайносов, — оказывается, рыба нравится корове больше, чем пирог. Смотрите, она сначала выбирает рыбу из пирога, а потом ест все остальное.

Таня Жигалова сказала:

— Когда я была маленькая, мы жили недалеко от Мурманска. Там все коровы ели рыбу. По-моему, эта корова

родилась за Полярным кругом, где сена очень мало... Коров там кормят сушеной и вяленой рыбой.

— А может быть, корова ест все подряд потому, что она голодная? — спросила Света.

Пыжик покачал головою:

— Ничего не голодная. Просто не хватает ей каких-то витаминов. В одной книге я читал, что северные олени иногда ловят и поедают мелких животных и птиц, грызут, как собаки, кости. Ученые говорят, что оленям нужен фосфор, кальций, натрий и еще что-то, а в лишайниках, которыми питаются олени, ничего этого нет. Вот оленям и приходится охотиться за мелкими животными. Наша корова, наверное, нуждается в каких-то витаминах. Она же всю зиму провела в сарае и всю зиму питалась одним только сеном.

— Ребята, — сказал Чи-лень-чи-пень. — Если поставить серьезно опыты, — мы можем написать научную работу. И знаете какую? «Как приучить животных к разной пище»! Нет, в самом деле! Едят же собаки хлеб! А собака какое животное? Травоядное?

— Одна моя знакомая собака, — сказала Дюймовочка, — ела траву. Честное пионерское! Сама видела!

— Это же она лечилась! — крикнул Бомба. — Собаки едят траву, когда болеют. И кошки едят траву. А когда я ездил с отцом в Крым, мы видели там собак и кошек, которые едят виноград. Честное пионерское!

— А куры? — закричала Дюймовочка. — Куры зерноядные? Да? А разве куры не едят мясо? Они даже куриное мясо едят с удовольствием. И вареное и сырое. Это уж я точно знаю.

Мы бы еще долго обсуждали все эти вопросы, но Люся начала гудеть, и мы побежали к машине. С нами вместе помчалась и корова. Кажется, мы произвели на нее хорошее впечатление, и мне кажется, она твердо решила присоединиться к нашей компании.

Это было так смешно, что мы чуть не умерли от смеха.

Когда мы подбежали к машине и корова увидела, что мы уезжаем, она ужасно заволновалась. Пыжик закричал, дурачась, что он не поедет без коровы. Перегнувшись через

борт грузовика, он схватил корову за рога и сделал вид, будто тянет ее в машину.

— Цепляйся, цепляйся, Матильда Ивановна! Ребята, освободите место для мадам коровы!

— Ой, какие балованные ребята! — закричала Люся. Она выскочила из машины и отогнала корову хворостиной подальше. Корова жалобно замычала. Пыжик начал ломать руки над головой.

— Прости, священная скотина! — запел он. — О, как жестоко разлучают нас!

Ребята долго еще не могли успокоиться. Солнечный веселый день и крепкие запахи земли и еще чего-то, что всегда будоражит всех за городом, настроили всех так, что мы готовы были дурачиться без конца.

Бомба кричал:

— СОС! СОС! Сейчас начнется невероятное автомобилекрушение. Наденьте спасательный пояс на Ломайносова. СОС! СОС!

Все захохотали, потому что Игнатьев вовсе никакой не Ломайносов, а прозвали его так за то, что он часто налетает носом на двери, парты, на классную доску и, конечно, ломает нос. Не совсем, правда, ломает, но синяков и царапин у него хватает. Ну, вот его и прозвали Ломайносовым.

В конце концов все уселись и мы поехали.

Дорога была ужасная.

Машину то и дело подбрасывало, и Бомба кричал все время:

— СОС! СОС! Дайте умереть спокойно. Ой, шофер без прав, пожалей наших родителей. Я уже превратился в гоголь-моголь!

Но когда лесная дорога кончилась и машина выбралась на асфальтированный тракт, тряска прекратилась, ребята повеселели.

Девочки запели «Летят перелетные птицы», мальчишки подхватили, и мы помчались с песней мимо весенних солнечных перелесков, лесных полян. По сторонам потянулись поля, черные и бурые, и только кое-где еще лежали полоски желтого снега.

Весна!

Ну до чего же она веселая за городом! Воздух тут такой чудесный, что его уж никак не сравнить с ленинградским. И небо за городом веселое, а голубой горизонт словно акварельной краской расписан. Такой нежный и неземной.

По сторонам то и дело всплывали из-за бугров силосные башни. Кое-где уже ползали приземистые трактора. Но вряд ли это была вспашка. Наверное, тракторы вывозили на поля удобрения. Но Птицын потер руки и сказал, махнув рукой в сторону тракторов:

— Ранняя вспашка!

И начал объяснять, как пашут землю и для чего нужна такая пахота. Но мы и без Птицына знали все еще в первом классе.

Мальчишки повалили Птицына и стали кричать:

— Дважды два — четыре! Волга впадает в Каспийское море! Птицын питается сеном! — И, дурачась, начали щекотать Андрюшу, выкрикивая: «Помогайте, кто может, перепахать старосту!»

Птицын взвизгивал, словно поросенок, а время от времени вопил, как автомобильная сирена.

Под визги его и вопли мы влетели на широкую улицу колхоза, перепугав до смерти кур и гусей, которые совещались о чем-то на самой середине улицы. Захлопали крылья, поднялся такой негодующий шум, словно мы передавили половину всех кур и гусей. Но, конечно, ни одна птица не пострадала, только следом за машиной взвились в воздухе пух и перья.

Перед колхозным клубом машина остановилась. И тотчас же из переулочка вышли колхозные ребята (я думаю, они давно уже стояли тут, поджидая нас). Они стройными рядами двинулись прямо к машине. Впереди, барабаня на сверкающем новыми красками барабане, шла Наташа Пономарева — наша старая знакомая. За ней важно вышагивали Петька, Нина, Тамара, Коля и другие ребята, которые приезжали к нам в Ленинград, а за ребятами бежали, высунув языки, тоже знакомые уже нам барбосы, джульбарсы, дамки, пираты, буяны, трезоры и еще какие-то пегие и лохматые со-

баки, которым, наверное, все равно было, как их называют. Увидев нас издали, собаки бросились к машине с лаем, но, когда подбежали ближе, сразу узнали нас (мы же теперь не чужие в колхозе) и принялись махать хвостами, приветствуя нас по-своему, по-собачьему. В клубе уже стояли накрытые столы. На тарелках лежали творог, моченая брусника и яблоки, в мисках светился золотистый мед, пышные ломти хлеба были сложены горками на одном и другом концах стола.

Пыжик шепнул мне на ухо:

— Священное животное пригласить бы сюда! Уж оно бы показало тут себя! Уж оно бы тут повеселилось!

Все дружно принялись угощаться, потому что после дороги всегда почему-то хочется есть. Громко похваливая все, что подавали нам, мы опустошали тарелки и с творогом, и с мочеными яблоками, и все нам казалось очень вкусным. Одна только Лийка Бегичева восседала (именно восседала, а не сидела за столом) с таким видом, будто она оскорблена слишком простым угощением колхоза. Выпячивая противно губы, она нюхала то одну тарелку, то другую, смотрела с недоумением на всех и, сюсюкая, спрашивала:

— А это что такое?

Она хотела, видимо, показать колхозным ребятам, что не привыкла к такой простой пище, а питается какими-то особенными деликатесами. Но колхозные ребята не поняли ее.

— А ты что, — спросил паренек с облупленным носом, — не все, стало быть, ешь? Животом, что ли, мучаешься? Тогда на мед навались. Мед очень полезный, когда брюхо пучит!

— Ничего у меня не пучит! — покраснела Лийка. — Я просто не привыкла к грубой пище.

— Сейчас! — подмигнул всем Вовка Волнухин. — Сейчас привыкнет! — Он придвинул тарелку с творогом к Лийке, положил в творог сметану и сказал шепотом, чтобы не слышали колхозные ребята: — Лопай! Ну? А если оставишь хоть крошку на тарелке, — намажу тебя саму сметаной! Понимаешь? Лопай и не позорь нас, не оскорбляй хозяина!

Лийка испуганно отшатнулась, но, взглянув на Вовку, поспешно схватила ложку и принялась очищать тарелку с такой быстротой, словно спешила на поезд.

Молодец Вовка! Так с этой Лийкой и надо поступать. Ведь она и в самом деле оскорбляет гостеприимных хозяев, отказываясь от их угощения. И нас подводит. Ведь колхозные ребята могут подумать, что таких Лиек в Ленинграде видимо-невидимо. И это тем более обидно, что все поданное нам на завтрак было свежим, вкусным, питательным.

Позавтракав, мы все, в сопровождении колхозных ребят, пошли на лисью ферму.

Она находилась на окраине деревни, в березовой роще. На крутом берегу маленькой речушки стояли домики-клетки с проволочными сетками вместо окон и дверей. Домики стояли друг против друга, образуя улицы лисьего города.

— Сказочный город Лисебург! — усмехнулся Пыжик, подтолкнув меня. — Верно, Антилопа?

— Ага! — кивнула я. — Ты прав, Чижик-Пыжик! — сказала я, чтобы он не называл меня больше Антилопой.

Пыжик, с удивлением взглянув на меня, кажется, понял, почему я назвала его Чижиком-Пыжиком, а поняв, растерянно пожал плечами и, смущенно покашливая, смешался с ребятами колхоза и сразу заговорил с ними о чем-то с таким оживлением, будто ради этого разговора только и приехал в колхоз.

В Лисебурге было удивительно тихо. Весенний ветер шевелил над головами голые ветви берез, и они раскачивались, поскрипывая и шурша берестой, словно жалуясь на своих невеселых соседей-лисиц.

Кое-где лежал еще снег, но на открытых местах уже зеленел брусничник. Колхозные ребята сказали нам, что брусника — единственное растение, которое даже под снегом остается в своем зеленом наряде.

Мы шли по улицам Лисебурга. И нас провожали взгляды лисиц, которые посматривали сквозь черные сетки, склонив головы набок, словно пытаясь услышать, что говорим мы. Некоторые лисы сидели спокойно и не интересовались нами. Они были такие важные, такие гордые, что Пыжик остановился перед гордецами и сказал:

— Смотри, Сологубова, до чего важные эти два лиса. Сидят, как будто в ложе, и ждут, когда поднимется занавес.

— Действительно! — сказала я. — И, между прочим, они здорово похожи на заколдованных принцев и принцесс! Все в чернобурых накидках и у всех меховые шлейфы!

Бомба захохотал.

— Ребята, — закричал он, — интересно, что у них в голове сейчас? По-моему, они смотрят на нас и думают: кажется, приехал цирк и сейчас начнется представление... А что? Покажем лисам парочку номеров?

Не успели мы обсудить этот вопрос, как, взметнув в небо ноги, Бомба встал на голову.

Лисицы вытянули морды, навострили уши, а одна даже похлопала пушистым хвостом по проволочной сетке. Может быть, поаплодировала Бомбе?

Колхозные ребята, однако, не одобрили номер Бомбы.

Круглый Васек сказал:

— Если люди будут перед лисами на головах ходить, — они перестанут уважать нас.

Бомба покраснел.

— А ты думаешь, — спросил он, — они уважают вас?

— А как же! Ясно, уважают! Мы же в прошлом году выручили от продажи меха полмиллиона рублей. А это немногим меньше, чем весь колхоз получил за проданное зерно и мясо. И за это наши ребята в почете у колхозников. А затратили мы трудодней в двадцать два раза меньше, чем другие колхозные бригады. Ясно?

— И вам отдали полмиллиона? — поинтересовалась Лийка.

— Чудная! — пожал плечами Васек. — У нас же хозяйство общее. И доходы общие. Часть денег пошла на клуб, часть на расширение фермы, часть — на покупку новых машин.

— А вам что?

— Нам-то? А нам вот телевизор купили, моторную лодку, коньки, футбольный мяч.

На каждой лисьей клетке висели таблички с именами лисиц.

— Жучка! — шли мы и читали.

— Полкан!

— Дамка!

— Жучка Вторая!

— Трезор Четвертый!

— Как цари, — засмеялся Пыжик. — А почему-то имена собачьи!

— Какие же им еще давать имена? — удивился Васек. — Человечьи? Одного лиса мы назвали Председателем! Уж очень хмурый был он! Так наш председатель колхоза обиделся, и нам пришлось назвать лиса просто Хмуркой!

Нина спросила:

— А можно их погладить?

— Не стоит! — мотнул головою Васек. — Малосознательные они, зверюги эти! Хоть ты корми, хоть не корми, — все равно стараются за руку цапнуть. Это ж не собаки! И не кошки!

— Кошки тоже не очень уважительные! — сказала Наташа из колхоза. — Только и ластятся тогда, когда им пожрать нужно, а как наелись — хвост трубой и поминай как звали.

— А что они кушают? — спросил Ломайносов.

— Мясо, рыбу, мышей, лягушек, ягоды! — быстро ответил Васек. — Но уже заболеют если, — тогда только яйца! Одни сырые яйца! И не кушают! Кушают люди! Едят лошади, коровы, овцы! А звери жрут!

— Интересно, шоколад они будут есть? — поинтересовалась Надя.

— Шоколадом еще не пробовали кормить! — засмеялся Васек, и все колхозные ребята засмеялись тоже. — Да и приучать лисиц к шоколаду не стоит. Ведь тогда каждая шкура обойдется в тысячи рублей.

— Но, — сказала Надя, вытаскивая из кармана плитку шоколада, — для опыта интересно все-таки... Попробуем? А?

Она отломила от плитки кусочек и просунула его сквозь сетку. Лис осторожно потянулся к шоколаду носом, понюхал и отвернулся, сморщив нос так, словно собирался чихнуть.

— Что за гадость! — пропищал за лисицу Пыжик. — Почему предлагают такой скверный шоколад?

Все засмеялись.

Я сказала:

— Ты очень смешной, Пыжик!

— Вообще-то, — заважничал Пыжик, — по своему характеру я очень серьезный! Но сам люблю все веселое и всех веселых людей. Мои любимые книги — это веселые книги: «Янки при дворе короля Артура», «Записки Пиквикского клуба». А ты читаешь что-нибудь? Любишь книги?

— Только серьезные книги! О путешествиях тоже люблю читать! Про зверей, растения, о жизни в морях.

— О, тогда ты можешь брать у меня книги! У нас большая библиотека. И в ней больше всего серьезных книг.

Пока мы разговаривали, Лийка Бегичева выкинула новый номер. Чтобы похвастаться перед колхозными ребятами, показать себя особенной, не похожей ни на кого из нас, она зажала нос и запищала:

— Ой, какой тут ужасный запах!

Вот ломака! Полчаса не замечала, что на лисоферме пахнет не лучше, чем в зоологическом саду, но вот, желая обратить на себя внимание, вдруг «заметила» запах лисиц.

Васек повел носом, подозрительно посмотрел на колхозных ребят:

— А что? Запах как запах! Обыкновенный! Лисий! Одеколоном мы их не брызгаем. Пахнут, как могут!

— Они ужасно грязные, не так ли? — зажеманничала Лийка.

Васек обиделся за своих лисиц.

— Лиса, — сказал он, — чистоплотное животное. Если посадить лису в грязное помещение, она сразу начинает болеть. Хиреет, говоря научным языком. От грязи хиреет. Это и наш профессор подтвердит в любое время. А он уже два раза сюда приезжал.

Лийка вытянула губы трубочкой и засюсюкала:

— Бедняжечки! Сидят на голой проволоке! Неужели нельзя подложить им сена, чтобы помягче было?

Васек усмехнулся:

— Ну, если лисы будут мягко сидеть, у них станет тогда сваливаться шерсть. На шкурках появятся колтуны. А вот жесткая сетка очищает шкурку и лоснит ее. Она будто смазанная салом становится.

— Но им же неудобно! — запищала Лийка.

— Зато колхозу выгодно. С колтунами шкуру и даром никто не возьмет, а за настоящую платят сотни рублей.

Пыжик зашептал мне на ухо:

— Заметь, как он все здорово знает. Настоящий хозяин будет!

И мне понравилось, как колхозные ребята говорят о своей ферме. И как гордятся своими заработками.

Лийка между тем закатила глаза и промурлыкала (она всегда мурлыкает, когда хочет показать себя):

— Ах, как я завидую вам! У вас удивительно актуальная работа. Я бы с наслаждением поработала здесь!

— Что же, — сказал Васек, — приезжай на лето! Работы хватит. И работой поделимся и доходами. На всю зиму заработаешь деньжат.

Тут уж я не выдержала.

— Уж она вам наработает! — захохотала я. — На трех машинах не вывезете ее работу.

Уж я-то знаю Лийку, да и все в классе знают, что она даже постели не убирает за собою. Пола не умеет подмести. Одевается и то с помощью мамы. Подумайте, какой младенец! Девчонке тринадцать лет, а без мамы шагу ступить не может. Я уж хотела спросить: кто же будет одевать ее по утрам и кто раздевать возьмется, если она приедет работать в колхоз, но Таня Жигалова шепнула мне на ухо:

— Не связывайся! Она еще разревется!

Но я никак не могла успокоиться. Больше всего меня возмутило то, что она сказала: «У вас актуальная работа!» Это же специально для колхозных ребят ввернула она слово «актуально», чтобы показать, какая она развитая и что говорит совсем не так, как все, а на своем особенном языке.

Я нарочно наступила ей на ногу, а когда она взвизгнула, я сделала удивленное лицо и сказала вежливо:

— Ах, извиняюсь!

Тем временем колхозный Васек подвел нас к новенькому домику-клетке и остановился.

— Вот! — сказал Васек. — Это тип, так тип!

И он начал рассказывать удивительную историю о самом удивительном лисе колхозного Лисебурга.

За густой темной сеткой сидел огромный, не похожий на других, удивительный лис, и весь он как будто светился.

Его пышная шкура блестела серебром. А эту, не виданную еще нами окраску оттеняли его черные лапы. Лис походил на седого принца в черных перчатках. Он смотрел так гордо, что я бы не очень удивилась, если бы он сказал: «Так что же вы от меня хотите? Какие у вас просьбы? Выкладывайте, да побыстрее. Я приглашен в королевский дворец. Разве не видите, что я уже надел перчатки? Мне давно пора ехать. Что там у вас? Говорите покороче!»

Васек сказал:

— Это — Катькин сын. Приемный. Зовут его Малыш. Ну, как живешь, Малыш?

Лис вздохнул, облизнулся.

— Скучает! — сказал Васек.

— Ой, какой седой! — затрещала Лийка. — Наверное, это самый старый Рейнеке-Лис. Он предок всех, да?

— Ничего не предок, — сказал Васек. — Это самый молодой лис.

— Ах, понимаю, — закатила Лийка глаза. — У него были сильные переживания. Бедняжка!

— Что было, то было, — кивнул Васек. — Пережил он много. Верно! — И рассказал нам историю удивительного детства серебристого Малыша, сына Жучки Второй.

Когда Малыш родился, он почему-то не понравился своей лисице-маме. А не понравился, быть может, потому, что был белоснежным. Совсем не похожим на других лисят. Вот его мама и подумала, наверное, что Малыш и не лисенок вовсе, а какой-нибудь другой зверушка. Может, зайчонок, а может, волчонок. Неизвестно. Она смотрела на него с удивлением, а когда Малыш запищал и пополз к ней, чтобы познакомиться, лисица-мама отшвырнула его прочь. Малыш был такой крошечный и такой еще глупый, что никак не мог понять, почему же он не понравился своей маме. Он пищал, плакал по-своему, по-

лисьему, ползал неуклюже по клетке и все время просил, чтобы мама накормила его. А Жучка Вторая только рычала на Малыша:

— Иди прочь! Не буду кормить такого урода!

Она переходила из одного угла клетки в другой, а когда Малыш надоел ей, Жучка Вторая схватила его зубами и заснована по клетке взад-вперед, отыскивая щелочку, чтобы выкинуть Малыша вон. Малыш беспомощно перебирал лапками, скулил жалобно. Он же ведь не понимал, за что на него сердится лисица-мама. Ну разве виноват он, что родился беленьким?

К счастью Малыша, на лисью ферму пришли в это время колхозные ребята. И когда они увидели, как плохо обращается Жучка Вторая со своим сыном, ребята пожалели Малыша. Они вытащили его из клетки и отнесли на воспитание к ангорской кошке Катьке. А у нее и своих котят было семь штук. И серых, и желтых, и дымчатых. Но Катька была добрая кошка. Она понюхала беленького Малыша, лизнула его языком и стала кормить, чтобы он не плакал.

Так сын лисицы Жучки Второй вошел приемышем в кошачью семью, а Катька с этого дня стала воспитывать его как родного.

Но ничего хорошего из этого не получилось.

Пока Малыш был маленьким, он ничем не отличался от своих молочных сестер и братьев. Он даже играл с котятами. Но когда подрос, в кошачьей семье начались ссоры и драки, потому что характер у Малыша оказался скверным. Любил он только самого себя и думал только о себе. Когда Катьке и ее семейству приносили молоко, суп, кусочки мяса или рыбы, Малыш бросался на всех, рычал, отгонял от миски и котят и приемную маму Катьку и, жадно урча, пожирал все один. Если же он не мог управиться с едой, залезал в миску с ногами и скалил зубы, никого не подпуская к ней.

А Катька все терпела и терпела. Она надеялась, что Малыш исправится, поймет, как нехорошо быть злым и жадным. Но с каждым днем он становился все злее и злее. И наконец выгнал из ящика, в котором жил с котятами, и приемную маму, и ее котят. Теперь Катька и ее семейство

подходить даже боялись близко к собственному дому. Они смотрели на злого приемного брата и жалобно попискивали.

— Что мы сделали тебе? За что ты нас выгнал?

— Идите прочь! — рычал Малыш. — Никого мне не нужно. Я и без вас проживу.

Малышу не было еще и года, а весил он уже девять килограммов. Больше, чем весят взрослые лисицы. Но особенно удивительной была у него шкура. Белая, как серебро, она светилась, словно смазанная жиром.

Гладкий серебряный Малыш скоро стал охотиться по ночам за котятами, за курами, утками, и его пришлось посадить в клетку с лисицами. Однако и тут он ни с кем не мог ужиться. Он так трепал лисиц, что из них только шерсть летела клочьями.

— Что за разбойник? — удивлялись на лисьей ферме. — Может, потому он злой такой, что болен чем-нибудь?

Малыша показали профессору.

Профессор осмотрел Малыша и сказал:

— Этот лис очень редкий, очень дорогой. Это платиновый лис! За шкуру его вы получите очень много денег. Кормите его лучше.

Сейчас серебряный Малыш сидит в клетке один, ест за троих, но характер его так и не исправился. Он пытается укусить даже тех ребят, которые приносят пищу.

Почему такой он злой, никто не знает.

Может, потому, что у него было плохое детство, а может, мама Катька неправильно воспитывала его? Но я лично думаю, он сам виноват во всем. Со всеми передрался, всех перекусал. Кто же будет любить такую злюку?

И вдруг я почувствовала, что на меня кто-то смотрит. Я повернулась. Мои глаза встретились с глазами Павликовой. И тотчас же мы обе отвернулись.

Почему?

Не знаю. Но я ужасно покраснела. Мои щеки словно кипятком ошпарило. Неужели я такая же злая, как Малыш? И когда я сравнила себя с Малышом, подумала: «Сегодня же помирюсь с Валей, хоть она и поступила очень нехорошо, сменяв мою дружбу на Вовку. Конечно, я скажу ей все без

утайки, и если она раскается, мы снова можем быть друзьями. Да, сегодня же помирюсь с ней. Только поставлю условие: или я, или Вовка!»

День в колхозе мы провели чудесно, и если бы наши мальчишки не показали свою глупость перед отъездом, я осталась бы очень довольна поездкой. К сожалению, мальчишки влили все-таки ложку дегтя в бочку с медом.

Когда мы уже стали собираться домой, нам предложили поужинать. Мы согласились, потому что на свежем воздухе аппетит всегда бывает хороший.

На ужин нам подали такие жирные щи и столько жареного сала с яйцами, что мы вылезли из-за стола еле дыша. И вот, плотно поужинав, наши мальчишки начали хвастаться силой перед колхозными ребятами, а те не стерпели хвастовства и стали спрашивать, сколько сушеных городских ребят идет на один грамм и много ли хвастунов в городе.

Обидный этот разговор чуть не перешел в драку. Тогда кто-то предложил организовать товарищеский матч по вольной борьбе и решить вопрос о силе на ринге.

Все мальчишки, и наши и колхозные, с радостью согласились помериться силами, и тут же, в клубе, началась дурацкая борьба. Сразу разбили всех на пары: кому с кем бороться. Арбитрами назначили меня и Ваську с облупленным носом.

Первым выскочил на ринг Славка. С ним бороться вышел Костик — сын председателя колхоза.

— Давай! — закричал Славка.

— Даю! — засмеялся Костик, и Славка, прочертив пятками небольшую орбиту, грохнулся на пол.

Потом наши мальчишки выходили на ринг один за другим, но никто из них не мог даже минуты устоять против колхозных ребят. И это понятно. Здесь ребята куда здоровее городских, а кроме того, они ведь тоже занимаются физкультурой.

Стыдно признаться, но мальчишки нашего класса позорно летали на пол один за другим, и только Чи-лень-чи-пень немного поддержал авторитет класса, повалив раз за разом

трех колхозных мальчишек. Колхозные ребята стали хвалить Чи-лень-чи-пеня и спрашивать, где родился он, — не в колхозе ли? И этот противный Чи-лень-чи-пень сказал, что он старый колхозник, чтобы доставить им удовольствие. Хотя на самом деле он и в глаза даже не видел колхоза, а родился и вырос в Ленинграде. И это было особенно обидно потому, что остальные мальчишки нашего класса опозорили себя и весь класс, голосуя пятками за поражение. Мне, конечно, это все равно, но все-таки мальчишки-то ведь из нашего класса. И я скажу откровенно: просто обидно было смотреть, как позорится класс. Уж лучше бы они не лезли бороться, если уж такие слабаки.

И вот, когда все перепробовали свои силы, Славка схватил вдруг Пыжика за руку и, захохотав, вытолкнул его на середину круга.

— Выступает чемпион мира Чижик-Пыжик! — закричал Славка.

Пока мальчишки боролись, Пыжик стоял рядом со мной и только улыбался, только поглядывал на борцов. Я еще подумала тогда; хоть бы он-то не вылез! Такой маленький. А вот Славка и Пыжика вытащил. Чтобы еще больше опозорить класс.

Все засмеялись, потому что действительно было смешно смотреть на крошечного Пыжика как на чемпиона мира.

И вдруг Пыжик схватил Славку, швырнул на пол и молча поклонился всем.

Ребята зааплодировали. Колхозная Наташа закричала «бис». Славка вскочил весь красный, губа у него тряслась; он просто задыхался от злости.

— Сейчас тебе будет «бис»! — проскрипел он зубами и, как бешеный, бросился на Пыжика.

Но снова, взлетев вверх пятками, рухнул на пол.

Я так обрадовалась. Ну не молодец ли этот чудесный Пыжик? Такой маленький, а как ловко он перекинул через себя такого длинного.

Славка снова вскочил и снова бросился на Пыжика, но опять растянулся на земле. Несколько раз пытался он повалить Пыжика, но так ничего у него и не получилось.

А мы стояли и хохотали до слез. Ведь Славка подумал, наверное, что первый раз случайно был сбит с ног, второй раз — тоже. Ну, а теперь-то он шлепался уже по привычке. И тогда мне стало понятно, что Пыжик хотя и крошечный, а силач из силачей. И, может быть, не уступит по силе даже Чи-лень-чи-пеню.

Когда опозорившийся Славка понял, что с Пыжиком ему не справиться, он закричал:

— Ты не по правилам борешься!

Пыжик пожал плечами:

— Это же приемы самбо! А против самбо ни одна сила не устоит.

Ага, значит, не сила у него, а ловкость! Ну, а я ведь тоже ловкая и, пожалуй, половчее даже Пыжика. Надо только посмотреть, какие у него приемы, и тогда я сама буду кидать мальчишек не хуже Пыжика.

Ребята начали обсуждать, что главнее: сила или ловкость, можно ли слабому победить сильного и какими приемами.

Колхозный Васек сказал:

— Прием при силе хорош, а если силы нет, — так с одним приемом не одолеешь.

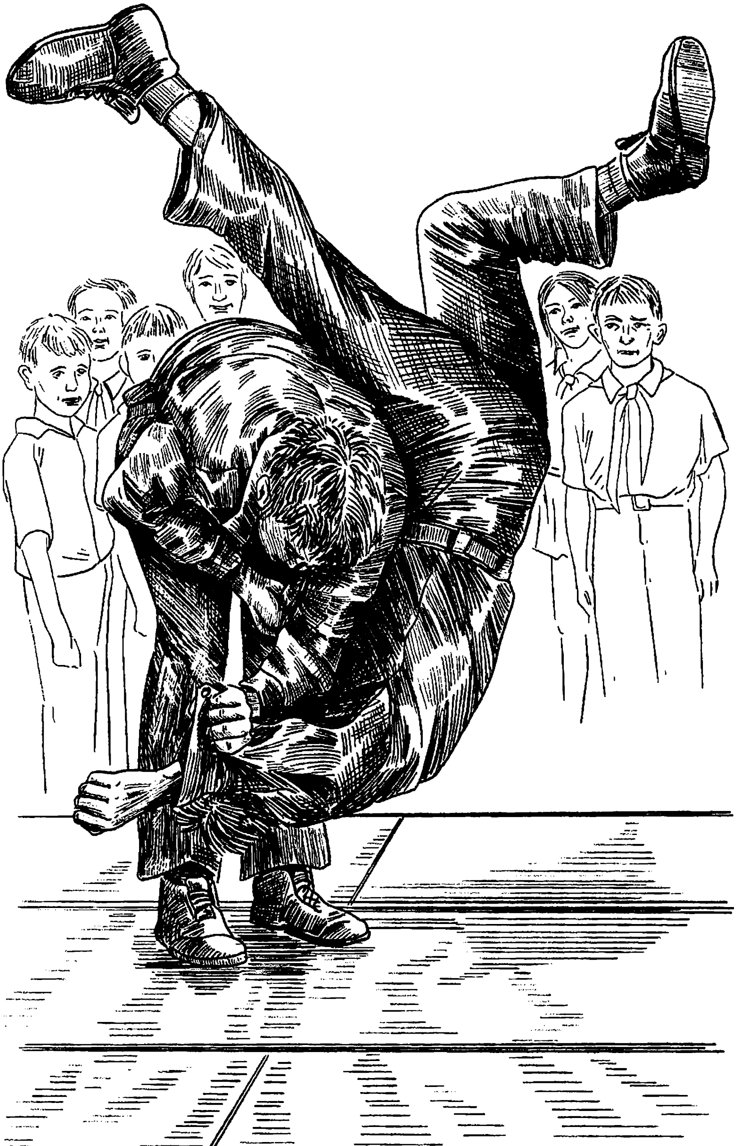
Пыжик начал доказывать, что приемы самбо делают человека втрое, даже вчетверо сильнее.

— Видите, какой я ростом? — спросил он. — Самый низкорослый! Но уверен, ни один из вас минуты не устоит против меня. Даже самые длинноногие.

Завязался горячий спор. Пыжик раскраснелся от обиды (ему же никто не верил) и закричал:

— Давайте! — Он выхватил из кармана черную маску, нацепил ее на нос. — Таинственный самбист Икс плюс Игрек предлагает миллион рублей каждому, кто устоит перед черной маской пять минут! Выходи, желающие!

Дима Смирнов, праправнук самой старой бабушки колхоза, вышел первым и через полминуты полетел на пол. За ним выходили, смущенно улыбаясь, другие колхозные ребята, но все они, один за другим, кувыркались через головы.

Я внимательно следила за приемами Пыжика. Мне показалось, что ничего хитрого тут нет, а поэтому я и сама решила побороться с Пыжиком.

— Давай со мной! — предложила я.

— Давай! — засмеялся Пыжик. — Получишь миллион рублей!

— Не миллион, а маску, — сказала я. — Если свалю тебя, сожгу твою маску сегодня же!

Мы схватились, но не успела я понять, каким приемом Пыжик захватил меня, как уже валялась на полу.

Колхозные ребята закричали:

— Дудина!

— Пусть Дудин схватится!

— Мишаку Дудина!

Ребята вытолкнули в середину круга своего колхозного богатыря — Мишу Дудина. Он стоял, растерянно улыбаясь, похожий на медвежонка, широкоплечий, головастый, с длинными, чуть не до колен, руками. По сравнению с Пыжиком колхозный Миша был таким здоровяком, что мне показалось, — раздавит он Пыжика одной своей тяжестью.

— Да он же хлипкий, — сконфуженно бормотал Миша. — Я ж поврежу его ненароком. Не надо, ребята...

Но все закричали:

— Надо!

— Надо!

Я тоже кричала вместе со всеми, потому что интересно же выяснить: что выше — сила или ловкость?

— Защищайся! — крикнул Пыжик. Налетев на Мишу, он опрокинул его раньше, чем тот приготовился бороться.

Под общий дружный хохот Миша поднялся медленно с пола и, посмотрев на всех с удивлением, мотнул головою:

— Давай еще раз! — и тотчас же снова растянулся на полу.

Вскочив проворно, Миша спросил озадаченно:

— Ты, значит, по-заправдошному? Ладно! Тогда... смотри! Тогда и я позаправдошно! — И, склонив голову, как бык, он двинулся на Пыжика, широко раскинув руки.

Отскочив в сторону, Пыжик схватил Мишу за руку, дернул его на себя, и Миша опять оказался на полу. Наши ребята захохотали, забили в ладошки и закричали радостно:

— Бис! Бис!

Не поднимаясь с пола, Миша почесал грудь, вздохнул и сказал угрюмо:

— Так я не согласен! Бороться надо по-честному! А ты дергаешь да подножку делаешь! Давай по-настоящему. В обнимку!

Пыжик засмеялся:

— В обнимку? По-медвежьи? Ну, уж нет! Ты ж мне кости переломаешь! Вон ты какой медведь!

— А так я не буду! — тяжело поднялся с пола Миша. — Так это не борьба, а жульничество!

Наши ребята стали кричать:

— Тогда сдавайся! Или давай еще раз!

Подбежав к Мише, Бомба схватил его руку и стал подталкивать к Пыжику.

— Внимание! — закричал Бомба. — Последний раунд! Ловкость на силу! Техника борьбы или техника силы! Шире круг! Дз-з-зан! Начали! Чемпион Мишутреску полетит на пол с треском!

Но Миша решительно отказался бороться.

— А ну вас, — отмахнулся он от Бомбы. — Хитрые вы, городские!

— Ага! — закричал Бомба. — Значит, сдаешься? Признаешь себя побежденным?

Миша вдруг схватил Бомбу, приподнял и, покружив его в воздухе, бросил на пол.

— Ура! — закричали колхозные ребята. — Бис! Бис!

— Ничего не ура! — вскочил Бомба. — Я болезненный ребенок! Меня любой и каждый поборет!

Все так и покатились от смеха. Ведь Бомба — самый толстый у нас мальчишка, самый здоровый.

— Хочешь на кулачки? — предложил Миша Пыжику. — Или перетягиваться на палках? А так... это ж баловство одно!

— Чудак! — засмеялся Пыжик. — Я же не для того боролся, чтобы тебя победить, а чтобы показать всем, как полезно

знать приемы борьбы самбо. А если ты непременно хочешь победить меня, считай, что я тебе уже сдался.

Ах, какой молодец Пыжик! Обязательно буду учиться у него приемам самбо.

Когда мы ехали обратно в электричке, я всю дорогу разговаривала с Пыжиком о борьбе, о книгах, о школе, похвалила его за то, что он хорошо относится к девочкам. Пыжик потрогал нос, подумал и сказал честно:

— Вообще-то я не очень люблю девчонок. И знаешь почему? Уж очень они какие-то... трусихи! Лягушек боятся! Пауков боятся! И все такие плаксы, такие болтушки, что я, признаться, с ужасом думаю о том, как бы я жил, если бы родился девчонкой. Но, — торопливо сказал он, — ты еще ничего! Ты совсем не похожа на всех других девчонок. Боролась со мною! Самбо хочешь изучать. И вообще все в тебе больше напоминает мальчика. И даже дерешься ты по-настоящему. Нет, ты молодец! Честное пионерское, молодец! Даже жаль, что ты не мальчик!

— Какой ужас! — сказала я. — Но я бы за миллион не согласилась быть мальчишкой!

— А я бы за миллиард миллиардов не стал бы девчонкой! Подумай сама, приятно разве слышать, когда ребята говорят: «Эх, ты, девчонка, а не парень!» Или еще говорят, если хотят унизить: «Ты не мужчина, а баба!»

— Так это кто говорит? Глупые мальчишки говорят это! И говорят потому, что мальчишки вообще глупее девочек!

— Привет! Это кто же тебе насвистел?

— Да это все давно уже знают! Скажи, кто занимает первые места по учению в классах? Мы! Кто самые ленивые? Вы! Мальчишки. Что, скажешь, неправда?

— Ерунда! У нас в Москве были такие классы, где первые места занимали мальчики.

— Ну и что? В нашей школе тоже есть два-три таких класса. Но это же редкость! А теперь скажи: кто учит нас? Бывшие девочки! Учительниц в нашей школе в пять раз больше, чем учителей! А кто лечит нас? Бывшие девочки! Почти все врачи — женщины!

— Ну и что?

— Ну и то... Значит, из мальчишек ничего не получается!

Конечно, я сама понимала, что говорю неверно, но когда начинаешь спорить, — всегда почему-то хочется доказать все так, как тебе самой хочется. И когда мы заспорили с Пыжиком, я все время боялась, что он скажет: «А из мальчиков выходят маршалы, генералы, ученые, композиторы, знаменитые летчики!» И я бы еще назвала много полезных профессий, которые прославляют бывших мальчишек, если бы мне пришлось спорить не за себя, а за Пыжика. Но он вздохнул грустно, потрогал в раздумье кончик носа и сказал:

— У нас замедленное развитие! Мы не сразу развиваемся. Но уж зато как разовьемся, — так сразу начинаем проявляться. Тогда уж за нами девчонкам не угнаться!

— А по-моему, дело не в том, что мальчишки поздно развиваются, а в том, что — сознайся все-таки — они же не такие старательные и трудолюбивые, как девочки! Ну, ты видел когда-нибудь девочку-лентяйку? Чтобы она училась на все двойки?

— Видел! У нас в Москве была одна!

— Ну и что? Одна не считается! А вообще-то во всех классах самые последние ученики не девочки, а мальчишки! Скажи — нет?

— Просто мы стесняемся учиться! А вдруг скажут: «Эх ты, зубрила-мученик!» Но стоит только захотеть — и точка! Как миленькие выйдем на первое место!

— Ну, так захоти! Чего ж ты не захочешь?

— Уже! — снисходительно улыбнулся Пыжик. — План! Понимаешь? План и слово! В седьмом классе буду учиться на одни пятерки! Вот увидишь! Факт! Железное решение! Твердый личный план! И я уже дал маме слово занять в классе первое место.

— Напрасно!

— Что напрасно?

— Напрасно ты поторопился дать такое слово. Тебе не так легко будет выполнить свое обещание, потому что я сама уже дала твердое слово быть первой в седьмом. А мое слово — это такое слово, что ты не представляешь даже.

— Не спорь со мной, — нахмурился Пыжик. — Уж если я даю слово, так... — Он прищурил глаза и скрестил на груди руки. — Учти, слово мужчины — это же совсем не то, что слово женщины.

— Ты? Мужчина? Ну какой же ты мужчина?

Пыжик нахмурился:

— Ну... Пока еще не совсем, но потом все равно же буду мужчиной!

— Это еще неизвестно!

— Ух ты! Неизвестно!?. А кем же я буду? Женщиной?

Я сказала:

— Мужчина — а то когда... самый храбрый, самый сильный, самый умный!

Пыжик возмутился:

— Что же тебе... все сразу? Сразу все не приходит. Главное, чтоб была сильная воля. А насчет моей силы воли — будь покойна.

— О силе воли лучше не говори, — сказала я, возмущенная хвастовством Пыжика. — У меня, например, такая сила воли, что я сама себе удивляюсь.

— У тебя? — презрительно фыркнул Пыжик. — Да знаешь ли ты, какая у меня стальная сила воли? Не знаешь? Нет? Смотри!

Он выхватил из куртки булавку, и не успела я понять, что собирается он делать, как Пыжик воткнул булавку в свою руку.

— Ха-ха! — сказал он деревянным голосом. — Видишь? Кровь? Да? А я смеюсь! Я говорю: трижды ха-ха! Чихаю на боль! Теперь ты видишь, какая бывает настоящая сила воли!

Он слизнул языком проступившую кровь и спросил гордо:

— Назови хоть одну девчонку, которая может воткнуть в себя булавку и смеяться?

Этого уж я не могла стерпеть.

Не говоря ни слова, я взяла у него булавку, воткнула себе в руку пониже локтя и, когда брызнула кровь, сказала таким же деревянным голосом:

— Ха-ха! Смеюсь десять раз! Даже сто раз могу сказать «ха-ха»! Такие пустяки может делать любая девочка и утром, перед завтраком, и вечером, перед сном.

Конечно, мне было очень больно, но надо же было проучить хвастуна. И, кажется, он понял, что я не та девочка, которая позволяет мальчишкам хвастаться.

Пыжик посмотрел на меня с уважением.

— Тебе не больно? — спросил он, схватив меня за руку.

— Больно! Какие глупости! — сказала я и вдруг подумала: «А что, если булавка грязная и у меня начнется заражение крови?» А это не так уж приятно, потому что от заражения крови всегда умирают. Я чуть было не заревела от страха. Однако показать себя трусихой перед каким-то чижиком-пыжиком мне тоже не хотелось.

— Боли я не чувствую, — сказала я, — меня это не беспокоит. Сейчас я думаю о том, через сколько часов начнется заражение крови? Булавка-то грязная? Грязная! Значит, заражение крови началось. Теперь, может быть, у меня всю руку отнимут до плеча. Но ты не беспокойся. Пусть отнимают! Я буду говорить спокойно «ха-ха»! Как ни в чем не бывало. Не сомневайся!

Скажу честно: я ни вот столечко не верила, что у меня отнимут руку, но пусть теперь и Пыжик подумает о своей руке. Булавкой-то одной мы испытывали силу воли.

— Слушай, — сказал Пыжик, глядя на меня округлившимися глазами. — У проводника вагона должна быть аптечка. Надо поскорее смазаться йодом.

— Поздно, — сказала я.

Думаете, я верила, что мы должны умереть? Конечно нет! Просто мне хотелось получше напугать Пыжика, чтоб больше он не втыкал в себя булавок и чтоб не учил других таким глупостям.

Я закрыла глаза и, нарочно заикаясь, сказала тихо:

— К-к-кажется... уже начинается.

— Что? — вскочил, бледнея, Пыжик.

— З-за-заражение к-к-крови начинается.

Я откинулась к спинке сиденья и помотала головою, как это делают в кинокартинах умирающие артисты, потом два раза вздрогнула и зашептала:

— Палит... по всему телу огонь... А по руке... поднимается что-то...

— Что поднимается?

— Ржавчина... Кажется, ржавчина... — Тут я вспомнила, как интересно умирала одна киноартистка. Подпрыгнув на месте, я провела ладонью по лбу. — Подступает... к самому сердцу... как ледяной комок...

Пыжик вскочил, растерянно глядя по сторонам, и открыл уже рот, собираясь, кажется, позвать на помощь.

Ну, вот этого еще не хватало!

Я быстро «пришла в себя», села как следует и вздохнула.

— Первый приступ прошел, — сказала я нормальным голосом. — Посмотрим, что будет дальше! — Но, так как Пыжик повеселел сразу, а мне эта веселость совсем не понравилась, я прошептала снова умирающим голосом: — В случае чего — возьми себе на память мой термос... С горячим чаем... Когда будешь пить чай, вспомни про меня... Вот он! Возьми, Пыжик!

Пыжик выхватил из моих рук термос, быстро открутил головку и, придерживая меня одной рукою, другую, с термосом, поднес к моему лицу.

— Выпей, — зашептал он. — Выпей, Сологубова... Чай всегда помогает... Знаешь, как хорошо... Когда горячим чаем... Тебе не холодно?

— Холодно, — прошептала я. — Рука холодеет...

Перепуганный Пыжик начал поить меня. У него был такой смешной вид, что я чуть не расхохоталась. Но вдруг почувствовала, что в самом деле, кажется, умираю. Мне показалось: рука моя немеет, становится холодной, как мороженое.

Тут уж я и сама испугалась по-настоящему. А вдруг действительно булавка грязная и у меня начинается самое настоящее заражение крови?

Ох, как я разозлилась на Пыжика, вы не представляете даже! Мне хотелось вскочить, вцепиться ему в нос и так отлупить его, чтобы он уже не баловался с булавками. Но как раз в эту минуту электричка влетела на перрон Финляндского вокзала, и мне сразу стало легче.

Все бросились к выходу, но я нарочно прижалась к спинке сиденья.

— Одну минутку... — забормотала я больным голосом, — подождите... Мне так плохо... Все кружится, как на каруселях... Страшная слабость... И сердце... Так бьется, так бьется... Одну минутку... Только соберусь с силами...

Пыжик стал таким бледным, что его голубые глаза показались мне черными пятнами на лице.

— Сологубова, — забормотал он, хватая мои руки, — Антило... Подожди... Тут же рядом... Возьми себя в руки... Я сейчас устрою... Тут же аптека... Рядом с вокзалом... Аптека, понимаешь?... Обопрись на меня!

Я приоткрыла глаза, а когда увидела, что все уже вышли из вагона, простонала:

— Где я? (В книгах всегда стонут и спрашивают: «Где я», когда происходит несчастье.)

— Ты со мной! Со мной! Я — Пыжик! Опирайся на меня! Сейчас я все устрою. Пошли.

— Поздно!

— Ничего не поздно! — закричал Пыжик. — Аптека еще открыта, мы успеем купить хоть пять литров йоду.

Он вытащил меня из вагона, и так как на перроне уже никого не было, я повисла на руке Пыжика и позволила ему вести меня, как умирающую. Но когда мы переходили площадь перед вокзалом, я пошла сама, потому что через площадь идут трамваи, троллейбусы, автобусы и грузовики и тут надо смотреть в оба глаза, чтобы не попасть под колеса.

— Тебе немного лучше? — дрожащим голосом спросил Пыжик.

— Я напрягаю всю силу воли! — простонала я. — Дойду!

В аптеке я села на скамейку, закрыла лицо руками и сквозь пальцы смотрела, как Пыжик бегает от одного окошка к другому, платит деньги, получает йод.

Но вот йод у него в руках. Он подбегает ко мне, мажет мне руку так, что она превращается в бурую. Наверное, теперь у меня обязательно слезет кожа с руки.

— Помажь и себя! — шепчу я.

Пусть и у него слезает кожа. В следующий раз не будет баловаться с булавками.

Пыжик помазал, но плохо.

— Дай-ка я тебе помажу!

И я размазала по его руке все, что было в маленьком пузыречке.

— Полегче? — спросил Пыжик.

— Как будто, — кивнула я. — Только внутри... сильный жар.

— Ничего, ничего! Это пройдет! — стал уверять меня Пыжик. — После йода всегда начинается жар. Это даже хорошо. Значит, йод подействовал.

Мы вышли из аптеки, а при выходе чуть не столкнулись с продавщицей мороженого.

— Вот что нам еще нужно! — крикнул Пыжик. — Против жара внутри это же самые лучшие компрессы... Пару брикетов! — остановил он продавщицу. — Даже не пару, а четыре!

С холодными сливочными брикетами в руках мы вошли в метро и, пока ехали до Технологического, лечились так усердно, что сегодня у меня болит горло и трудно глотать даже чай.

— Кажется, теперь есть надежда остаться живыми! — сказала я, когда мы пересели в трамвай.

— Значит, — обрадовался Пыжик, — ты одна доедешь до дома?

Ну скажите, не бессовестный разве?

Человек, может быть, умирает, а он торопится бросить его посреди улицы. И, главное, сам же довел до смерти и сам же спешит уйти от своей жертвы.

Я пошатнулась, оперлась всей тяжестью на его руку и простонала:

— Дойду! Как-нибудь, возможно, доберусь одна... Если, конечно, не умру на улице... Иди, Пыжик! Спасибо, что помог мне!

Пыжик покраснел, закашлялся и наконец сказал решительно:

— Ладно! Доведу до дома... Хотел зайти в одно место, но... не могу же я тебя бросить.

Ну, все-таки есть еще у него совесть.

— Как хочешь, — сказала я, и мы поехали вместе.

Пыжик проводил меня до самого дома, и я уже хотела отпустить его, но потом подумала, что как-то надо же его еще немного повоспитывать, чтобы не учил он других втыкать булавки в руки. И, подумав, решила, что неплохо будет, если он потащит меня на десятый этаж.

Я сказала слабым голосом:

— Совсем ослабела. Очень прошу тебя... помоги, пожалуйста, дойти до квартиры.

— Пожалуйста! — сказал Пыжик.

Мы подошли к лифту, но я, конечно, не для того его попросила проводить себя, чтобы он катался на лифте.

— Мы поднимемся так... По лестнице! — сказала я. — Боюсь, что лифтом я не сумею... У меня ужасно кружится голова!

Пыжик вздохнул. Лицо его вытянулось. Он ведь знал, что я живу на десятом этаже. Но ничего! Все-таки пришлось ему подниматься на десятый этаж с высунутым языком. А чтобы еще крепче ему досталось, я все время тянула его за рукав, как будто сама и шагу не могла ступить без помощи.

Когда же я отпустила его, он помчался вниз, прыгая через две-три ступеньки. Я слышала только, как трещат его подметки по маршам лестницы, но мне показалось, что я вижу его сияющее от радости лицо и слышу, как он шепчет обрадованно:

— Фу, еле избавился! Вот наделал делов сегодня! Но все хорошо, что хорошо кончается!

Я стояла и хохотала. И вдруг кто-то меня окликнул.

Я оглянулась по сторонам.

У двери стояла Валя Павликова и молча смотрела на меня. Я так растерялась, что не знала, что мне делать, что сказать и о чем вообще теперь говорить с Валей. Ведь если она ждала меня, — значит, все слышала и все видела. Значит, она могла теперь подумать, что я шла с Пыжиком под руку, и думает, наверное, что я дружу с мальчишкой. Но это же совсем другое. Я же только хотела проучить Пыжика.

— Где ты застряла? — спросила Валя. — Я тебя полчаса жду!

— А... что ты хочешь? — спросила я, не зная, что говорить.

— Не дуйся, а то лопнешь! — засмеялась Валя. — И ничего, пожалуйста, не выдумывай! Если тебе наболтали на меня что-нибудь, — так и скажи прямо, а не дуйся!

— А я и не дуюсь!

— Неправда! Я все вижу! Что ж я, первоклашка?.. Не зашла за мною! Приехала с Марго! Все время была с Пыжиком! Неужели не понимаю? Все понимаю, только не знаю, кто наговорил тебе на меня. Когда дружишь, — надо честно говорить про все! И честно выяснять... ну... если что... ну... не получается... Неужели нельзя сказать честно?

Но как могла я сказать ей, что решила не дружить из-за Вовки? Особенно теперь, когда Валя видела меня с Пыжиком? И вдруг я почувствовала, как все-таки нехорошо поступила я. Ведь Валя тоже могла случайно встретиться с Вовкой и также могла, как и я, просто разговаривать с ним, и не думая даже о дружбе.

Нет, уж если мне придется когда-нибудь отказаться от дружбы, так прежде всего я постараюсь честно выложить все, что не нравится мне, а уж потом только рвать дружеские отношения.

Я обняла Валечку и сказала:

— Я очень плохая. Не сердись. Но, может быть, хорошей никогда и не станешь, пока сама не поймешь, какая ты плохая. Мир? Да? Не будем ни о чем расспрашивать друг друга. Договорились? Да?

Валя сказала:

— Я догадываюсь. Это все из-за Марго. Но, право же, она не помешает нашей дружбе. Хочешь, стану помогать тебе воспитывать Марго?

— Хочу! Очень! — закричала я. — Но почему мы стоим в коридоре? Идем ко мне!

Мир! Надолго! Навсегда! Навечно!

5 мая

Последняя! Решающая! Самая страшная, самая ответственная четверть года! Сколько радостей и сколько непри-

ятных неожиданностей приносит она во все классы. Ведь именно последняя четверть и решает судьбы отстающих: одних приклеивает к парте с позорным клеймом второгодника, других ведет за руку со всеми товарищами в следующий класс.

Ой, только бы не остаться на второй год! Как подумаю об этом, у меня даже мороз по коже проходит и как-то очень ясно представляется широкая река, солнечный берег на другой стороне реки и там сидит весь наш класс. А я так и не могу переплыть к ним. Я хожу по берегу, привязанная длинной веревкой к столбу с глупой надписью «второй год».

И вот когда мне не очень хочется посидеть лишний час с учебниками, я стараюсь представить перед собою и этот столб, и эту веревку, потом щелкаю себя по носу и говорю:

— А ну, без фокусов! Садись и сейчас же зубри, дрянная девчонка. Я не позволю никому издеваться над собою!

И все получается отлично.

Да, когда имеешь силу воли, — жизнь тогда и легкая и радостная. И чем крепче она, эта сила, тем приятнее жить и учиться. Сейчас я вынесла постановление укрепить свою силу воли еще больше и для ее укрепления писать в эти тетрадки каждый день не меньше тринадцати страниц (по числу моих лет).

Но сегодня о воспитании Марго надо столько писать, что еле-еле только уложусь в тринадцать страниц. И все потому, что с Марго у меня пока ничего не получается. А не получается потому, что просто не могу понять, с какой стороны лучше всего подойти к ней. Дядя Вася говорит, что к любому человеку можно найти подход. Только надо найти ключик, который открывает сердце человека. Но вот с каким ключиком подойти к Марго? Уж с чего только не начинала я свою воспитательную работу, но она такая бесчувственная, что просто руки опускаются.

Вчера попробовала говорить с ней о будущем. Спросила, кем она хочет быть и что думает вообще о своем будущем.

И что же?

Оказывается, Марго вообще не думает ни о чем!

Не понимаю, как можно жить и не думать о том, для чего живешь и что собираешься делать? У меня столько разных планов на будущее, что сама не знаю, на чем остановиться, кем быть и что в конце концов надо делать, чтобы жить интересно, весело, радостно.

Одно время я твердо решила работать укротительницей львов. Несколько дней изучала по книгам их повадки, ходила в зоосад и там смотрела львам прямо в глаза, чтобы приучить себя не бояться их.

Может быть, я и стала бы в конце концов укротительницей, если бы у львов не было ужасно неприятного запаха. Нюхать их ежедневно и утром и вечером не слишком большое удовольствие, не говоря уже о том, что любой лев в любое время и любому укротителю может даже очень запросто откусить голову или же разорвать на части.

Иногда мне кажется, что неплохо стать балериной. Но хорошей балериной. Вроде Улановой или Плисецкой.

Ой, как это было бы чудесно!

Я кончаю балетную школу и выступаю в самом большом театре. Бесплатно! Для всех ребят нашей школы. Но никто из них еще не знает, что я — это я. Они сидят и зевают. Им скучно. Они уже собираются уходить. И вдруг выходит конферансье и говорит громко:

— Выступает талантливая, заслуженная деятельница танцев Галина Сологубова!

Ребята толкают друг друга локтями, шепчутся:

— Это не та Галька Сологубова, которая училась в нашей школе?

— Ну, что ты, что ты? Какая ж она балерина? У нее же по математике две двойки были, а за драку с мальчишками она получила четверку за поведение.

Вовка Волнухин говорит, оттопырив губы:

— Тоже мне балерина! Да я ее за косички тысячу раз таскал, а вы говорите — балерина! Мелко плавает!

А я выбегаю на сцену в коротенькой юбочке, которая называется «пачка», и тогда ребята видят мое лицо.

— Она! — проносится шепот по залу. — Галька! Та самая!

— Точно! Та самая, которую я за косы!

Музыка играет танец маленького лебедя, и я танцую, развожу руками, порхаю, как Уланова, улыбаюсь, чтобы показать всем, как легко и радостно танцевать.

Все ужасно довольны, все хлопают, стучат ногами, а я прикладываю руки к сердцу и произношу маленькую речь.

О чем? Ну, это не так важно! Речь придумать гораздо легче, чем научиться танцевать.

Да, балериной неплохо быть, только ведь после танца ничего не остается, кроме воспоминаний. А я хотела бы оставить после себя на земле что-нибудь нужное, полезное. Вот как останутся после папы его дома. Он уже столько построил их, что теперь в каждом районе есть его дом. Стоят папины дома и на нашей Кузнецовской улице. И когда мы с ним проходим мимо этих домов, папа говорит громко:

— Стоят голубчики! И еще сотни лет простоят! Как памятник каменщику Сологубову со други!

Один раз я была на стройке десятиэтажного дома. Папа работал на самом верху. Смотреть оттуда вниз так страшно, что у меня кружилась немного голова.

— Облака, как видишь, рядом, — сказал папа. — До солнца запросто рукой достать. Благодать! Жарко станет — снимай рубашку и клади ее на любое облако. Для просушки. Вот какое оно, поднебесное министерство. Нравится, Галчонок?

Папино министерство мне очень и очень понравилось. Понравились и высота, и облака. И все, все... Город отсюда виден как на ладони. Воздух чистый-пречистый. И кругом так просторно, так солнечно, что хочется даже петь. И ветер здесь веселый, певучий. И красный флаг пляшет на ветру, словно наверху всегда бывают только праздники.

Папа повел рукою и сказал:

— Смотри, Галка! Было тут когда-то болото топкое. Да такое болото, что ни одна порядочная лягушка не жила в нем. Мальчонком, бывало, я сетки ставил здесь на перелетных уток. А теперь? Видишь, красоту какую воздвигли каменщики! Широкие проспекты! Красивые дома! Просторные площади! Любо-дорого смотреть!

Я положила одиннадцать кирпичей, а папа намазал их чем-то, и они приклеились. Если будете проходить по Московскому проспекту, обязательно посмотрите на десятиэтажные дома. В одном из них лежат одиннадцать моих собственных кирпичей. И все они помечены крестиками. Я сама отметила карандашом каждый кирпич.

Что ж, может быть, я тоже стану строить красивые дома. Ведь это же очень интересно — проходить мимо своих собственных домов и говорить громко:

— Стоят голубчики! И сотни лет будут стоять. Как памятник каменщице Сологубовой со други!

Ну, в самом деле, разве не интересно построить такой дом, который останется после тебя как память о твоей жизни?

Вообще мне хочется жить так, чтобы люди считали меня полезной, чтобы гордились мною, уважали меня. Вот почему иногда я хотела бы заняться спортом, добиться звания чемпионки мира по лыжному спорту, по бегу, плаванию, прыжкам, метанию диска и вообще ставить мировые рекорды.

Не для себя! Нет! А для того, чтобы все гордились мною. Я бы ездила по всем Олимпиадам и скорее умерла бы, чем уступила первое место. Ну, разве не замечательно выступать за всю нашу страну и побеждать для всех наших людей, для славы Родины? А иногда хочется водить корабли в самые дальние страны, видеть весь мир, смотреть своими глазами на то, о чем много раз читала в книгах.

И все ведь это возможно! Стоит только захотеть, и ты будешь кем хочешь.

Раньше мне казалось, что моя мама неудачно выбрала себе занятие. Я думала, работать поваром совсем неинтересно.

Мама сказала однажды, когда я завела такой разговор:

— Дурочка, не место красит человека, а человек — место! У нас, запомни, нет и не может быть плохих профессий, а вот люди плохие еще встречаются. А коли сам никудышный, так такому любая работа кажется плохой. Про нашу, про кулинарную скажу работу. Почему нет на свете выше этой профессии? Да потому — всем нужная она! И ученому, и министру, и писателю, и артисту, и герою труда, и самому

старому, и самому малому! Кормилец он людей, повар-то! И пока человек не может обходиться без пищи, — нет важнее работы, чем наша, поварская!

Один раз я была на фабрике-кухне, где мама работает шеф-поваром, и там сама увидела, как уважают маму.

Я сидела в общем зале, ждала, когда мама освободится, чтобы взять у нее деньги на билет в ТЮЗ. И вот рядом со мною сел мужчина с большими усами и совсем без волос. То есть не совсем, потому что на голове у него было что-то вроде птичьего пуха, но уж прически-то из этого пуха никто бы не сделал. Мужчина заказал обед и стал есть, а потом постучал ножом по тарелке и сказал:

— Хочу сказать несколько слов шеф-повару!

Мама, конечно, вышла в общий зал, чтобы послушать несколько слов. Мужчина вскочил, начал трясти мамину руку и закричал на весь зал:

— Благодарю! Спасибо! Уж так пообедал сегодня, как давно не ел. Замечательно! Вкусно! Просто объедение! Это надо же сообразить такой борщ! Гениально!

Мама спросила:

— Вам еще что-нибудь нужно?

— Только карету скорой помощи! Я же не просто поел, но буквально объелся! Подумайте, три порции умял талантливого борща! Ну, право же, меня хоть на носилках выноси! Еле дышу! Честное слово!

И тут все обедающие закричали:

— Да разве только борщ хорош? Вы бы щи ленивые попробовали, расстегаи, солянку, окрошку! А люля-кебаб? А котлеты по-киевски? А шашлык по-черкесски? Пальчики оближете!

— А какие чахохбили здесь подают! — вскочил один толстый мужчина и причмокнул губами так, словно выстрелил. — Это же не повар, это ж настоящий Наполеон кухни. — И, взмахнув руками, бросился к маме с криком: — Чествовать! Чествовать!

Все засмеялись, закричали «ура», и все кинулись к маме и стали пожимать ей руки.

А мама почему-то заплакала. Я спросила:

— Ты, мама, что? Тебе больно?

Мама сказала:

— Глупыха ты, глупыха! С непривычки! Нас, пищевиков, чаще в жалобных книгах чествуют, а тут, видишь, какое дело! Да и то сказать: что дает она, жалобная книга-то? Что в ней? Ругань да оскорбления. А тут — доброе слово! Ласка! Поневоле растопишься да заплачешь от радости...

Но я бы ни за что не заплакала. Ну, чествуйте! Пожалуйста! Каждый день можете чествовать. А потом сказала бы всем:

— Мы, конечно, немножко недосмотрели, и обед сегодня получился не совсем хороший. Но завтра постараемся накормить получше. Приходите, пожалуйста!

И я бы себя не пожалела, но уж такой бы обед приготовила, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Впрочем, хвастаться нехорошо. Папа говорит:

— Хвастун подпрыгнет на метр, а разговор о прыжке на тысячу километров растянет.

Нет, я бы ничего не сказала. Просто приготовила бы такой обед, после которого все плакали бы от радости.

Ведь все же возможно, если постараться.

Но вот интересно: почему так хочется, чтобы хвалили тебя? Хорошо это или плохо?

Нина Александровна говорит, что это и не хорошо и не плохо.

— Если, — говорит она, — человек старается сделать что-нибудь полезное, приятное для других, — тогда это хорошо, конечно. Но когда из кожи лезет вон для того только, чтобы его все хвалили, чтобы сказали, будто он лучше всех, умнее, способнее, — тогда это не совсем хорошо. Даже очень плохо!

6 мая

Сегодня, наконец, завязался у меня разговор с Марго о боге. Я сказала:

— Ну, хорошо. Ты веришь. Ладно! Но для чего же верующие ходят в школы? Для чего они учатся? И зачем тебе

школа, образование, книги, если сам бог безграмотный? Ведь он даже и двух классов не кончил.

— Бог всемогущий и всезнающий! — сказала Марго.

— Тогда зачем же он идет против науки? И зачем других заставляет быть темными?

— Не ври! — засопела Марго. — Это ты сама выдумала.

— Ничего не выдумала. У меня факты. Пожалуйста! Ты знаешь, что король франков запретил крестьянам ставить громоотвод. И знаешь почему? Потому что бороться с волей божьей грешно. А если в чей-нибудь дом ударит молния, — значит, так угодно богу. Ты читала об этом?

— Нет!

— Вот видишь! Не читала, а споришь. Слушай, Марго, я дам тебе три книги. Обязательно прочитай их. А когда прочитаешь, поговорим серьезно.

И я дала ей три книги, которые подобрал для меня дядя Вася, чтобы легче было воспитывать Марго.

Пусть читает.

7 мая

Марго начала думать. У нее появились в голове разные мысли. Я очень рада, что наконец-то она поняла, для чего приделана голова к шее.

Она пришла сегодня в школу задумчивая и какая-то рассеянная и все время посматривала на меня, а потом, во время большой перемены, спросила:

— Ты для чего живешь?

Я удивилась, конечно, потому что такого вопроса никак не ожидала от Марго. Не понимая, что она хочет, я сказала:

— Ну... живу и только. Полагается жить, вот и живу!

— Значит, сама не знаешь! — усмехнулась Марго.

— Ты задаешь глупые вопросы, — сказала я. — А таких вопросов я сама могу сотню задать. Для чего ты ешь? Для чего спишь? Для чего дышишь воздухом? Смешно!

Но Марго смотрела на меня с таким видом, будто я задала очень умный вопрос. Этого уж я не могла выдержать.

Я схватила ее, зажала ладошкою ее рот и, когда она посинела вся, спросила:

— Ну, ты можешь не дышать? Ты теперь будешь спрашивать, для чего дышишь?

— Пусти! — прохрипела Марго, и, когда я выпустила ее из рук, она сильно вдохнула воздух, посмотрела на меня исподлобья и, подумав, сказала: — И ты не знаешь, почему люди живут.

— Не говори глупостей! Люди живут потому, что жить интереснее, чем не жить. Просто нам нельзя не жить, если мы живые.

— А для чего?

— Конечно, для жизни!

Марго вздохнула и замолчала. А я и сама не могла сказать ничего больше.

Между прочим, раньше никто у нас в классе не задумывался, почему и для чего мы живем, а в этом году даже Марго интересуется этим. Но что я могу объяснить ей, если сама не все еще понимаю.

Я решила поговорить с дядей Васей. И у нас с ним был такой большой разговор о жизни, что я просидела в его комнате больше часа.

— Что ж, — сказал дядя Вася, — рано или поздно у каждого человека появляется такой вопрос. И на него тысячи мудрецов пытались ответить на протяжении тысячи лет. Люди ломали головы, стараясь узнать конечные причины жизни, а жизнь сама и есть конечная причина. Ты спрашиваешь, для чего мы живем? Ну, не для того же, конечно, чтобы задавать глупые вопросы. Жить надо, Галочка, жить! Как, ты спросишь? Скажу! Я ведь и сам в свое время искал ответ на этот вопрос.

— Да? — удивилась я. — А мне казалось, что только ребята нашего класса интересуются этим.

— Всех интересует этот вопрос! Но по-разному! Есть умники, которые не живут, а только болтают о жизни. Ах, что такое жизнь? Ах, почему я живой человек, а не мертвый? Ах, почему у меня две ноги, а не четыре? Есть и такие люди, которые всю свою жизнь считают только подготовкой

к какой-то особенной жизни. Которые не живут, а только собираются зажить по-настоящему с понедельника, с первого числа, с нового года! Которые не могут понять, что жизнь наша — это именно сегодняшний день. Самый ценный! Единственный! Неповторимый! Но когда люди только собираются жить, но не живут, они подходят незаметно к последнему дню своего существования, за которым уже нет и не может быть ни завтра, ни первого числа, ни нового года. За которым стоит пустота. Смерть берет такого человечишку за воротник и говорит: «Ну, довольно уж тебе коптить землю! Кончай свое ожидание!» Человечишко брыкается: «Ах, уважаемая смерть, позвольте еще пожить немного». Я вот завтра обязательно начну жить по-настоящему!» А смерть стучит его по затылку: «Хватит; всю жизнь прособирался и ничего не сделал, так что же ты сумеешь сделать за один день!» Главное, тетка, жизнь сама, а не ожидание жизни.

— Ну, хорошо, — согласилась я, — я не буду ожидать, я хочу жить, но как надо жить?

— Вот это уже вопрос по существу. И на него жизнь отвечает, не мудрствуя лукаво. «Живи, — говорит она, — твори, делай все, что нужно и полезно другим, без чего люди не могут жить, а стало быть, без чего ты и сам не проживешь ни одного дня».

— А что самое главное в жизни? — спросила я.

— Самое главное — это самое необходимое. А самое необходимое — это труд, конечно! Работа! Деятельность! Созидание! И эта потребность в труде появляется в человеке вместе с первым его дыханием. Вот ты посмотри на детей. Завтра же взгляни на них! В парке! На детской площадке! Чем занимаются они?

— Дети?

— Да! Дети! Что делают они день-деньской!

— Играют!

— Как играют? Во что играют? Присмотрись получше! А играют они в труд! Да, да, не смейся!

Ребенок лепит из песка куличики, строит плотины, шалаши, строгает палки, сооружает из кубиков дворцы, роет каналы, ковыряет землю, расчищает ее, изменяет все

по-своему, не понимая даже, для чего и с какой целью он это делает. Но мы-то с тобой отлично понимаем, что в этих играх пульсирует живая человеческая потребность творить, работать, преобразовывать мир по своему вкусу. Если бы такого стремления к работе, к приспособлению мира к своим потребностям не было у людей, тогда бы не было у нас ни культуры, ни цивилизации. Да ничего бы не могло быть. Тогда промчались бы по земле человеческие орды, сожрали все и исчезли бы, как многие животные исчезают из жизни планеты. Бесследно!.. Творить, работать пришел на землю человек, чтобы не исчезнуть, чтобы жить, жить и жить. Тот, кто не понимает, что работа и есть сама жизнь человечества, — не человек, а глупое, бессмысленное животное.

— Дядя Вася, а вы любите полы мыть?

— Нет! И комнату убирать не люблю! Но, — развел руками дядя Вася, — приходится, ничего не поделаешь! Не ходить же по колено в грязи. Да и невыгодно. Грязь да всякие заразные микробы не позволяют жить неопрятно. Стало быть, хочешь не хочешь, нравится или не нравится, а наводи чистоту и порядок. Значит, работа бывает не только игрой, удовольствием, творчеством, но также и необходимостью. Иногда тяжелой, иногда удивительно неприятной!

— А какую работу лучше всего выбрать?

— Ну, этого я не скажу... Одному нравится строить машины, другому — искать подземные клады золота, угля, алмазов, нефти. Третий увлекается разведением и выращиванием новых, невиданных сортов злаков, овощей, выводит небывалые породы животных. Один чувствует радость, управляя машинами, другому нравится строить города. Выбирай работу по душе, чтобы быть хозяином этой работы, а не рабом ее. Каждый должен заниматься только своим делом, любимым, радостным. Это и есть счастье. Но еще счастливее будет жить человек, когда он увидит и поймет, что его любимая работа к тому же и полезна тебе, мне, миллионам других и что радует она всех и каждого... Впрочем, тебе пока еще не понять этого. Мала! Ноги коротки, головка на три номера меньше, чем требуется для понимания.

Ну тут-то дядя Вася неправ. В моем возрасте ребята все понимают. Да и что непонятного в работе для общей пользы?

Утром я открываю окно и делаю физзарядку. Я вижу толпы людей, машины, трамваи. В этот час тысячи, сотни тысяч людей спешат на работу. Уходят и папа, и мама, и наши соседи по квартире. Из окна я вижу сотни дымящих труб. Белый, розовый, серый и черный дым растекается в воздухе, и кажется, будто плывут в нем дымы папирос, которые курит утренний город. Мой папа всегда курит перед работой, и у нас вот так же по утрам, в таком же вот солнечном тумане клубятся папиросные облачка.

— Раз, два, три! — подсчитываю я вслух и выбрасываю руки вперед и в сторону. — Раз, два, три!

А Ленинград уже проснулся, откашливается, покуривает заводскими трубами, и мне кажется, вот-вот вздохнет он, крякнет и густым голосом, таким, как далекий гром, скажет:

— Доброе утро, добрые люди! Выспались? Отлично! А теперь пора и на работу!

Я слышу голоса всей страны. Они входят в радиоприемник, рассказывают радостно, где и какие заводы, фабрики, электростанции строятся и где они уже построены. Знакомый диктор московской радиосети говорит, как и вчера, все о том же — чем заняты советские люди и как хорошо будет жить, когда у нас станет всего много: и металла, и машин, и угля, и сахара, и хлеба, одежды и мяса.

Все люди трудятся. И для себя! И для меня! Все наши советские люди заботятся о всех. И обо мне! Я очень даже понимаю это. А когда понимаешь такое, тогда становится понятным и все другое. Ведь если вся страна работает для меня, как же я могу не работать для страны? Для всех? И если я не стану для всех работать, как все работают для меня, то можно ли брать все, что необходимо для жизни, не краснея от стыда?

8 мая

Эта Валя не девочка, а тридцать три несчастья. С ней обязательно что-нибудь происходит, а мне всякий раз прихо-

дится распутывать ее приключения. Я уже писала о письмах, которые она получала. Ну, как я и предполагала, эти письма посылали детдомовцы. Когда Валя сообщила мне о них, я на другой же день села к Елагиной на парту и сказала ей:

— Глупо! Мелкая месть! Валя смеется над вашими письмами.

Елагина сделала удивленное лицо.

— Какие письма? О чем ты это? Ты лук ела или без лука обалдела? Никаких писем твоей Вальке никто не посылает. Чего привязываешься? Тебя не трогают — и не лезь!

А глаза у нее бегают, так и вертятся во все стороны.

— А ну, погляди мне в глаза! — сказала я.

— Подумаешь, какая! — забормотала Елагина. — Привязывается ко всем со своими глазами... Пусть твоя Валька изучает твои глаза, а мне нечего смотреть.

— Слушай, Елагина, — сказала я, — нельзя же быть такой мелочной! Она не дает книги, а ты глупые письма посылаешь. Чего ты хочешь доказать? Ну, что?

— Ты ее агитируй, а меня нечего... Да... Она начиталась книг о любви и воображает, будто все так и начнут писать ей да свиданья назначать...

— Ага, ага! — закричала я. — Попалась! Сама проговорилась! Если бы не писала, тогда откуда же тебе известно, что Вале назначают свиданья?

— Ничего не знаю!

— Зато я все знаю!

— Чего ты знаешь?

— Чего ты не знаешь! Валя никаких книг о любви не читает! Она о разных приключениях любит читать. О шпионах! Вот что я знаю.

— Да? — почему-то обрадовалась Елагина. Глаза ее заблестели, она захихикала и, вскочив с парты, убежала. — Ладно! — крикнула она, помахав мне рукой. — Больше не буду!

Разговор с Елагиной, кажется, повлиял на нее. Валя перестала получать любовные письма. Но сегодня она снова получила письмо такое загадочное, что ни я, ни она так ничего и не поняли.

Красивым почерком на плотном листке бумаги было написано:

«Совершенно секретно. Соблюдай осторожность. На днях сообщим все подробно. Никому ни слова. Салют!

Нептун — Гроза морей и четыре бороды».

— Кто же этот Нептун? Ты где с ним познакомилась? И эти... еще... четыре бороды? Кто они?

— А я знаю? — пожала плечами Валя.

Мы осмотрели странное письмо еще раз, и на этот раз очень внимательно, но ни конверт, ни марки, ни почерк не помогли нам понять: кто пишет, для чего пишет и чего хотят от Вали этот Нептун и четыре бороды?

— Просто письмо не попало по адресу! — решила я. — Или в вашем доме проживает другая Валя Павликова! Еще одна! Но в другой квартире!

В доме, где живет Валя, почти полтысячи квартир, и среди ребят этого дома может быть десять Павликовых. Мальчишек и девочек тут столько, что они даже в лицо не знают друг друга, хотя и живут в одном доме. Я предложила пойти к воротам и тут прочитать список жильцов, чтобы узнать, нет ли в доме еще Павликовых и в какой квартире они живут. Но лишь только мы спустились вниз, как столкнулись на лестнице с Дюймовочкой и Птицыным.

— Очень хорошо! — сказал Птицын, загораживая нам с Валей дорогу. — Вы знаете, что случилось с Марго?

— Нет! — переглянулись мы с Валей.

Марго была до конца уроков в школе, спорила со мной и пошла домой одна. Что же могло с ней случиться?

— Заболела! — сказал Птицын.

— Так она все время болеет!

— Смертельный случай! — нахмурился Птицын. — Ее подняли на улице девчонки из восьмого «б» и провели домой. Я сам видел! И я думаю: теперь полагается послать к Марго делегацию! Так всегда делают, когда кто-нибудь из товарищей болеет.

— А ты за доктором сходил? — спросила Валя.

— Я сказал матери Марго, чтобы сходила! Доктора полагается вызывать матери, а мы будем делегация!

— И ты так и не узнал, что же все-таки с Марго?

— Ну, — развел Птицын руками. — Болеет и болеет! О лекарствах пусть мать, думает, а мы... — тут Птицын строго посмотрел на меня, на Дюймовочку, на Валю. — Деньги есть? Давайте, у кого что есть! Не с пустыми же руками идти к больному товарищу.

У нас, у девочек, набралось столько денег, что можно было купить только шоколадку. Птицын сказал, что забыл деньги дома.

— Но ничего, — успокоил он нас, — ваши деньги — моя организация! Я сейчас организую покупку подарка.

Шоколад очень полезный! Одна плитка заменяет десять килограммов хлеба! По-научному!

— И тонну воды! — засмеялась Валя.

Но Птицын, кажется, не понял, что хотела сказать Валя. Он сунул деньги в карман и повел нас в кондитерскую; мы купили плитку шоколада и пошли к Марго.

Дверь нам открыла ее мать. Мне она показалась не совсем плохой. Лицо у нее доброе, глаза хорошие, а голос такой певучий и такой мягкий, будто мыльный. Она заохала, засуетилась и, приговаривая на ходу, повела в комнату.

— Ох, миленькие, спаси Христос вас... Вот славно, вот хорошо-то как, что навестили. То-то обрадуется доченька!.. Спаси Христос, как хорошо! Ну, посидите, поговорите с ней, а я тем часом сбегаю к одному человеку. Старец тут есть. И живет недалеко. Святой человек. Пусть вознесет и он за болящую отроковицу святые молитвы.

Она впустила нас в комнату.

— Товарищи к тебе, Машенька! — пропела она и засновала по комнате, собирая какие-то вещи и увязывая их в узелок.

Налетая на стулья, мать Марго говорила стулу ласково: «Ох ты, глупыш, глупыш, ну чего под ноги суешься?» Увязывая ковровый платок, она и с ним разговаривала, будто платок мог понимать ее: «Вот, милый, вот так! Лежи, лежи,

спаси Христос!» И, приговаривая ласковые слова, исчезла за дверью раньше, чем я успела осмотреться.

Комната у Марго небольшая, но забита разной мебелью. Можно подумать, что живет она в мебельном магазине. Сундуки, кровати, диван, кушетка, стулья, комод, швейная машина, этажерки с посудой загромождали комнату так, что ни ходить по ней, ни повернуться невозможно. В углу комнаты висели позолоченные ящички с цветными фотографиями богов. Некоторые боги были ничего себе, симпатичные, с усиками и веселыми глазами, но рядом с ними висели небритые боги, с длинными бородами и с сердитыми глазами. Чтобы боги могли лучше видеть сундуки, швейную машину, стулья, перед каждым богом висели баночки с маслом, а в них плавали, чадя, горящие фитили, и они коптили так, что на потолке и на стенах лежали полосы копоти. Да и у самих богов были немножко подкопчены носы.

Птицын пригладил волосы руками, вытащил из кармана плитку шоколада. Сунув ее в руки Марго, которая лежала на постели, он сказал, кашлянув, важно:

— Это тебе от нас! Небольшой подарок! Это шоколад. Очень полезный. Когда больные едят шоколад, они всегда поправляются. А у тебя какая болезнь? Не заразная?

Марго покачала головою.

— Сердце! — сказала она, разглядывая шоколадку. — Но сейчас стало уже лучше.

Птицын, понимающе кивнув, сел на стул, заложил ногу на ногу.

— Сердце — самая важная часть человека, — сказал он, двигая бровями. — Важнее всего! Вот, например, нога или рука. Можно прожить без рук и без ног? — Он посмотрел на всех строго, будто мы собирались оторвать ему ноги или руки. — Вполне! И даже очень просто жить без рук и без ног. А без сердца не проживешь.

Я разозлилась и сказала:

— Некоторые ухитряются жить без головы!

Но Птицын ничего не понял. Он посмотрел на меня с удивлением:

— Кто же без головы живет? — И начал доказывать, почему без головы жить не полагается и как неудобно жить безголовым.

Но мы не слушали его. Я спросила Марго, когда она заболела и очень ли больно ей. Марго нахмурилась, потом вытащила из-под подушки мои книги, которые я дала ей прочитать, и протянула их мне.

— Не буду читать таких! — сказала она. — Я, может, от этого и заболела, что...

Марго не договорила, но я поняла и без слов, что она хотела сказать.

Конечно, я промолчала. Пусть она выздоровеет сначала, а потом я поговорю с ней. Тем временем Птицын уже объяснил, почему людям нельзя жить без головы, и, оглядев комнату, кивнул в угол, где проживали боги Марго.

— Это какие иконы? — спросил он.

— Разные! — вздохнула Марго.

Я подумала, что Птицын начнет высмеивать Марго, и, чтобы не раздражать ее, поспешно спросила:

— А где же черти?

Марго сказала:

— Чертей мы выводим!

Меня это заинтересовало. Как же выводят чертей? Так ли, как клопов, дизенсекталем или другой жидкостью?

— Вы их чем же... это?.. Как боретесь с ними?

— Крестиками! — вздохнула Марго. — От них одно спасенье — крещенские крестики! — Она показала рукой на белые крестики, нарисованные на дверях и подоконниках. — Когда бывает водосвятие, мы ставим крестики. Каждый год ставим.

— И помогает?

— А то нет? Ясно — помогает! Черти как увидят кресты, сразу поджимают хвосты. Как миленькие!

Мы переглянулись.

Я подмигнула Дюймовочке и Вале:

— Воображаю, сколько чертей в каждом классе. Ведь у нас в школе ни одного креста нет. Ни на окнах, ни на дверях.

Марго приподняла голову с подушки.

— Кошмар, как много! — сказала она, волнуясь. — В нашем классе, например, их видимо-невидимо. Миллион!

— Ты считала их? — спросила строго Дюймовочка.

— Не верите? Смешно! Так это любой и каждый может проверить!

— Как?

— Очень просто! Найдите на парте сучок, прижмите его пальцем и трижды скажите: «Черт, черт, помоги. Черт, черт, отврати!» И обязательно поможет, обязательно отвратит.

— А ты пробовала?

— Грешно это! — сказала Марго. — Я всего только один раз попробовала, да и то потом раскаялась. Это когда не выучила ботанику.

— Ну и как?

— Ну и помогло, конечно! Не вызвали! Пришлось, однако, вспрыснуться дома крещенскою водою. Чтобы черт не потребовал ничего! Только, — Марго махнула рукой и вздохнула, — обхитрил он все-таки... Отомстил. Ангиной я заболела после этого. Ангину напустил на меня.

Мы засмеялись. Птицын посмотрел на всех и сказал:

— Обманывать не полагается. Нехорошо! Черт на тебя надеялся, а ты подвела его. Он же помог тебе. Он же отвратил единицу. Значит, ты должна была поблагодарить его.

— Что ж, по-твоему, душу ему должна отдать? Жирно будет!

— Не обязательно душу! Могла бы хоть спасибо сказать!

Мы захохотали с Дюймовочкой, а Марго рассердилась и сказала со злостью:

— Чем смеяться, взяли бы да проверили: правду говорю или вру, как лошадь. В любой день можно проверить!

— Ерунда! — пренебрежительно махнула рукой Дюймовочка.

— Ничего не ерунда! Попробуй, сама увидишь, как помогает.

— А по-моему, тоже ерунда! — сказала я. — Ты подумай сама: ведь могут же ребята в классе в один день и в один час попросить чертей, чтобы никого не вызывали. Кого же тогда вызовет учительница?

— Тогда... — задумалась Марго. — А никого и не вызовет! Затменье на нее найдет! Черти напустят туман такой! — И вдруг села на постели. — Даже лучше будет... Для проверки лучше, чтобы все сразу попросили чертей!

— Ладно! — сказал Птицын. — Проверим! — Он встал, надел кепку, которую вертел в руках. — А ты выздоравливай. Когда болеют, приходится лежать, а тебе лежать нет никакого расчета! Отстанешь от класса. Пока! Руки не подаю. На всякий случай! Чтобы не заразиться!

Возвращаясь домой, я не на шутку расстроилась.

Неужели Марго подумала, будто заболела от чтения антирелигиозных книг? Но я-то их читаю и не болею! Да и никто не болеет. Почему же она должна болеть?

Такая чепуха, которую ни на каких весах не взвесить!

Подбирая научный материал для разговоров с Марго о боге, сегодня прочитала в журнале «Наука и жизнь» интересную заметку о мамонтовых деревьях. Растут они в США на склонах гор Сьерра-Невада и достигают ста метров в высоту. Некоторым таким деревьям более трех тысяч лет. Три тысячи! Подумать только! Значит, начали они расти, когда еще не было ни России, ни Англии, ни Франции, ни Германии, а многих народов вовсе не существовало на земле. А недавно тут же нашли еще более древние деревья. Сосны в возрасте четырех тысяч лет. Что же было тогда на земле? Какие народы жили? И какая это была жизнь? Все-таки как хорошо, что я родилась на четыре тысячи лет позже. Завтра спрошу дядю Васю, что было на земле четыре тысячи лет назад.

11 мая

Валя опять получила письмо. И такое же загадочное. От того же Нептуна и бородатых.

Переписываю Валино письмо в тетрадку:

«Подбери смелых, отважных ребят. Мы нуждаемся в помощи. Дело идет о спасении чести мужественных советских моряков. Если тебя

и твоих друзей не страшат опасности, — будьте готовы к решительным действиям.

Нептун — гроза морей и четыре бороды».

Это письмо написано не на бумаге, а на чем-то вроде куска носового платка. И не простыми чернилами написано, а красными.

Прочитав вместе второе письмо, Валя растерянно посмотрела на меня. В эту минуту у нее было такое выражение лица, словно ее вызвали к доске и дали решать задачку на такое правило, которое у нас не проходили в классе.

— Ну? — задвигала бровями Валя. — Ты понимаешь что-нибудь?

— Может, не тебе письмо? Может, другой Павликовой?

— Уже! Справлялась! Кроме меня, никакой другой Вали Павликовой в нашем доме не проживает. Значит...

Да, не простое это дело.

— Тут что-нибудь одно, — сказала я, — или письмо попало не по адресу, или же...

— Или что?

— Или тебя разыгрывают!

— Но кто? И почему разыгрывает?

— Вот это и я хотела бы знать! Письмо написано таким почерком, каким пишут только в девятом и десятом классах. Значит, наши ребята не могли писать. И ты посмотри: ведь в письме нет ни одной ошибки!

В тот же день Валя получила самую настоящую телеграмму. Вскрыв телеграфный бланк, мы прочитали:

«ПОЛОЖЕНИЕ СЕРЬЕЗНОЕ. ПОДРОБНОСТИ НА ДНЯХ
НЕПТУН И ДРУГИЕ»

— Еще Нептун? — удивилась я. — И какие-то еще «другие»!

— А по-моему, — сказала Валя, — Нептун все тот же. А другие — это те же четыре бороды. Просто для краткости подписано. Пишут же на афишах: «Достигаев и другие», «Булычев и другие».

Действительно, все это было очень и очень даже странным. Нет, это не наши ребята пишут. Они-то уж никогда бы не стали тратить денег на телеграмму. Скорее истратили бы их на мороженое, на кино, конфеты; ведь телеграмма не копейки стоит, а рубли!

— Будем выяснять, — сказала я, потому что меня эти письма тоже заинтересовали. А больше всего я хотела бы выяснить, почему таинственный Нептун и четыре бороды обратились именно к Вале. Почему к ней? И почему она должна спасать честь моряков? Что она и кто она? Девочка по спасению чести моряков?

— Знаешь, Валя, тут что-то не то! Тут или путаница какая, или ты скрываешь от меня подробности...

— Но они же сами пишут, что подробности сообщат на днях!

— Тогда ничего не будем делать. Подождем подробности, посмотрим, какие они, а уж потом подумаем, что делать!

Я весь вечер ломала голову, стараясь догадаться: чего хотят Нептун и четыре бороды от Вали, но эту задачу так и не решила. Вечером читала журналы по науке и технике и вот что узнала сегодня. Оказывается, в 1900 году во всем мире было только восемь тысяч автомашин. До 1906 года в Англии все владельцы машин должны были нанимать особого человека, который шел впереди автомобиля с красным флагом.

Для чего? А для того, чтобы предупреждать пешеходов об опасности. Вот ведь какие смешные законы были раньше! И смешные и странные.

12 мая

Марго выздоровела. Мы сегодня вместе возвращались из школы, и я рассказывала ей о науке и технике, но, чтобы не поняла она, к чему этот разговор, про бога не говорила ни слова, а стала рассказывать про смешные законы Англии.

— Не ври! — не поверила Марго. — Не могло этого быть, чтобы люди ходили с красным флагом перед машиной. Они же мешают машине!

— Не могло быть, по-твоему? А вот было, и все!

— Что ж они, дураки или несознательные?

— Мудрецы! Помнишь песню пели: «Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь, изобрел за машиной машину».

— А впереди машины заставил идти человека с флагом! — захохотала Марго. — Вот так мудрецы!

— Ну и что? Поверили, что так будет лучше, — вот и заставили идти с флагом. Разве у нас нет таких людей, которые в разную чепуху верят? Есть! И сколько хочешь!

Это хорошо у меня получилось.

Я уже собралась потихоньку начать беседу по антирелигиозному вопросу, но в это время сзади послышался мальчишеский голос:

— По какому случаю смешно? Нельзя ли посмеяться вместе?

Мы оглянулись. Нас догнал Пыжик и, поравнявшись с нами, спросил:

— Какая повестка дня? Кто выступает?

Я рассказала Пыжику про английский закон. Пыжик снисходительно улыбнулся:

— Это еще что! В папиной библиотеке есть книги, в которых рассказывают и не такое! Со смеху умрете, когда читать будете. А знаете что, — хлопнул он меня по плечу. — Пошли ко мне! Вы же у меня еще не были, да? Ну, вот! Заодно приготовим вместе обед! Мы с мамой по очереди готовим. Сегодня как раз моя очередь. Но что приготовить на обед, — никак не придумаю. Можете?

Марго сказала важно:

— Спрашиваешь! Ясно, можем! Любая женщина может делать обеды! — И так повела носом, будто зазнавшийся шеф-повар.

— Вот это да! — обрадовался Пыжик. — Делайте! Но хороший обед! Чтобы вкусный был! Сам я не особенно люблю готовить, да понимаете, какое дело: мы же с мамой вдвоем живем. И тут уж ничего не придумаешь... Между прочим, мама тоже не очень любит готовить. Мама моя врач. Хирург!

— А в столовой? — спросила я.

— И в столовой бываем! Но там пока пообедаешь, — бороду отрастишь. А маме некогда, мне тоже. Уроки, то да се. Договорились? Приготовите?

Марго подтолкнула меня локтем:

— Ну? Поможем?

— Угу! — кивнула я и подумала: «Если Марго готовит так же, как я, — Пыжикам придется после нашего обеда идти в столовую».

— Ура! Вы самые передовые женщины! — засмеялся Пыжик.

Женщинами назвал он нас просто для смеха, но Марго напустила на себя серьезность и вдруг засеменила мелкими шажками, покачиваясь на ходу и поводя важно носом. В эту минуту она была похожа на молодую индюшку из какого-то мультфильма.

Так неожиданно мы попали к Пыжику.

Живет он недалеко от нас. В Яковлевском переулке. Его квартира из двух комнат выходит окнами тоже на парк Победы, как и наша коммунальная квартира. Только я живу на десятом этаже, а Пыжик — на пятом. Одну комнату занимает его мама, а другую — он. Обедают они на кухне.

Комната Пыжика мне понравилась. Веселая такая и вся насквозь просвечивается солнцем. Солнца так много, что кажется, будто все вещи светятся и все так нагрето, что нельзя прикоснуться ни к чему руками. А белые портьеры, тюль на окнах и белый чехол на диване делали комнату похожей на операционную. Сразу видно, что мама Пыжика хирург.

Мебели лишней не было. Диван, письменный стол и стеллажи с книгами, закрывающие всю стену от потолка до пола. Над диваном-кроватью висел большой портрет широколобого офицера-летчика. Он смотрел на нас со стены храбрыми глазами, плотно сжав губы, вскинув чуть крутой подбородок.

— Это мой папа! — сказал Пыжик. — Он был летчиком-испытателем. Проверял новые самолеты. Очень полезная работа, но опасная. Когда мне было три года, папа погиб.

Я его почти не помню. А тут, — повел рукою Пыжик в сторону стеллажей с книгами, — папина библиотечка. Уйма интересных книг. Когда прочитаю их... Ой... одну минуту!

Он суетливо открыл тумбочку, втиснутую между диваном и письменным столом, и, вытащив оттуда вазу с яблоками, поставил перед нами.

— Яблоки! — пробормотал Пыжик. — Не совсем хорошие, но, может, попробуете? А? Что в самом-то деле! Валяйте!

Марго засмеялась.

— Пробуй, Галка! Все равно выбрасывать!

Пыжик смутился.

— Да нет, — сказал он, вспыхнув, как девочка, — есть их все-таки можно. Честное пионерское!

— Ой, Пыжик, — сказала я, — ну кто же так угощает гостей? Надо угощать гостя, как самого себя.

Чтобы не обидеть Пыжика, мы взяли по яблоку.

Марго спросила:

— А где продукты? Показывай!

Мы пошли на кухню. Грызя яблоко, Марго выложила на тарелку мясо, осмотрела картошку, пакеты с разными крупами и другие продукты, которые Пыжик вытаскивал из кухонного стола и холодильника, а все осмотрев, повернулась ко мне:

— Ну, чего приготовим? Давай!

А что я могла давать? Советы? Указания? К сожалению, должна признаться, что сама я ни разу не пробовала готовить. И это не так уж удивительно. Моя мама — шеф-повар, и я не думаю, что папа стал бы есть мою стряпню. Да я бы и сама, пожалуй, не решилась пообедать собственным супом или вторым блюдом своего приготовления. Но не могла же я сказать при мальчишке, что не умею готовить. Чтобы не осрамиться, я стала называть разные супы и вторые блюда, которые очень хорошо приготовляла мама, однако тут же подумала: «А вдруг Марго скажет: давай вот это и приготовим».

Но Марго, выслушав меня, повернулась к Пыжику и спросила:

— Мука есть? Яйца есть? Сода?

А когда Пыжик все это выложил на стол, Марго надела передник и сказала:

— Ладно! Сделаю суп с клецками и блинчатые пирожки. На сладкое подадим печеные яблоки. А теперь не мешайте мне!

Я с удовольствием выполнила приказ Марго. Сказать откровенно, я побоялась принимать участие в этом темном деле. А вдруг мы приготовим вдвоем такую гадость, которую никто из Пыжиков и в рот не возьмет.

Пока Марго стряпала, мы с Пыжиком сидели в его комнате и культурно разговаривали о книгах. Он уверял меня, будто прочитал почти все книги, которые стояли на стеллажах, но я не могла поверить этому, потому что книг было не меньше тысячи.

— И неужели все понял? — спросила я.

— Нет! — честно признался Пыжик. — Но пойму когда-нибудь все до одной. Художественную литературу я и сейчас понимаю, но с научными книгами труднее. Они написаны таким языком, что не очень легко понять, в чем дело. И все-таки обязательно осилю все книги. Я дал слово прочитать их, чтобы таким же быть, как папа.

— Летчиком?

— Конечно, я хотел бы летать, как папа. Но это невозможно. Мама сказала однажды, что она будет мучиться каждый день и думать: а вдруг со мною случится что-нибудь, как с папой.

В это время с кухни прибежала Марго и принесла пробу.

— Суп уже! — сказала Марго. — Пробуйте, как соль? Хватит или подсолить еще?

Соли вполне хватало. Даже было немножко множко, но я промолчала, а Пыжик только поморщился, и довольная Марго умчалась обратно; мы же снова стали разговаривать. Я спросила Пыжика, не может ли он помочь мне перевоспитать Марго. Пыжик сказал, что для него это раз плюнуть, но он должен сначала хорошо продумать план воспитательной работы и посоветоваться с мамой.

Наконец обед Марго сделала. Ну, суп был так себе. Обыкновенный. А вот блинчатые пирожки — мировые. Я еле удержалась, чтобы не съесть еще один. И, наверное, съела бы, если бы не знала, что этими пирожками Пыжик должен кормить свою маму.

А когда обед был уже приготовлен, мы начали играть. Пыжик показывал мне и Марго приемы самбо.

Я узнала в этот день, что слово «самбо» составлено из первых трех букв слова «САМозащита» и начальных букв двух слов — «Без Оружия». Но эти знания никак не помогли ни мне, ни Марго. Мы обе летали на пол так же, как любой человек, который и не подозревает даже, что такое самбо.

Мы, наверное, целый час боролись, как вдруг в дверях комнаты появилась незнакомая девочка с большими синими глазами.

Пыжик закричал:

— Ребята, это же моя мама! Мама, это из нашего класса! Мои товарищи!

Девочка с большими синими глазами подошла к нам, и я увидела, что она совсем не девочка, а самая настоящая взрослая, только очень-очень маленького роста. Меньше меня. Чуть-чуть повыше Дюймовочки.

— А тебе нельзя бороться, — сказала мама Пыжика, подавая руку Марго. — Взгляни в зеркало, какая ты бледная! У тебя как сердце?

— Иногда бывает трудно дышать! И колет! — сказала Марго.

Мама Пыжика внимательно посмотрела на нее, потом оглядела меня и улыбнулась.

— Меня зовут Софья Михайловна! — сказала она и повернулась к Пыжику. — Ну, приглашай своих друзей к столу. Будем обедать. Мой сын, девочки, сегодня сам готовил обед. За качество не ручаюсь, но горячий обед.

Пыжик засмеялся.

— Обед готовила сегодня Марго! — сказал он. — За его качество я тоже не ручаюсь.

Мы стали отказываться, но Софья Михайловна и слышать ничего не хотела, поэтому пришлось и нам пообедать.

За столом было очень весело. Софья Михайловна и Пыжик так хвалили стряпню Марго, что она светилась вся от удовольствия, словно смазанная жиром.

Больше часа мы еще просидели у Пыжика, а когда собрались уходить, Софья Михайловна повела Марго к себе в комнату, чтобы послушать ее сердце.

— Видишь, — сказал Пыжик, — моя мама сразу увидела, что Марго больная... Она очень хороший врач. Она даже операции делает на сердце, а за такие операции не всякий врач-мужчина берется.

— Женщины вообще способнее мужчин! — сказала я. — Вот тебе первый пример. А ты тогда в поезде спорил!

Скоро вернулись к нам Марго и Софья Михайловна. Марго застегивала на ходу пуговки. Софья Михайловна выглядела серьезной, озабоченной.

— Вот что, Машенька, — сказала она, положив на плечо Марго руку, — скажи своей маме, что я хотела бы поговорить с ней. О твоем здоровье. Скажи ей, что я очень, очень прошу зайти ко мне. Примерно в такие часы я всегда дома. Скажешь?

— Да! — кивнула Марго. — А я не могу умереть?

— Ну что ты, Машенька! — потрепала Софья Михайловна Марго по плечу. — Кто же умирает в такие годы? Да и кто это позволит умереть? Но тебе надо обязательно лечиться.

Значит, Марго действительно серьезно больна, я это поняла по глазам Софьи Михайловны.

Бедная Маргушка! А я, дура, щипала ее. Мне стало так стыдно, что я чуть не разревелась. Но разве слезами исправишь что-нибудь? Чтобы хоть немного искупить свою вину и чтобы сделать Марго приятное, я сказала, когда мы возвращались домой:

— Твой обед просто замечательный! И Пыжик, и Софья Михайловна в восторге. Особенно Пыжик. Ты заметила, как смотрел он на тебя? Настоящими влюбленными глазами.

Марго остановилась, подозрительно посмотрела на меня. Лицо ее превратилось из розового в красное, из красного в багровое. Наверное, от моих слов она покраснела вся, от головы до пяток.

— По-моему, он влюблен в тебя! — сказала я.

Марго закрыла лицо руками.

— Бессовестная, бессовестная! Как не стыдно! — прошептала она и вдруг, толкнув меня, бросилась от меня прочь и, не оглядываясь даже, убежала раньше, чем я успела сказать ей, что я пошутила.

Дома я опять читала журналы по науке и технике и, кажется, нашла все-таки свое будущее.

Да, вот такую работу я с удовольствием стану делать всю жизнь. Не знаю только, нужны ли большие знания по математике, чтобы работать на такой полезной должности.

Дело в том, что морская вода содержит, оказывается, не только соль, но и много разных полезных металлов. Морскую воду перерабатывают (но как — этого я не поняла, потому что статья написана трудным языком) и выделяют из нее медь, цинк, марганец, золото и другие металлы. Морская вода превращается в обыкновенную после того, как из нее извлекут металлы, и становится годной для питья, для орошения полей.

Если переработать из морской воды в простую такое количество, каким можно оросить двести гектаров земли, то из этого количества воды получится пять килограммов чистого золота и много других металлов.

Очень интересная работа. А жить у моря — разве это не чудесно?

Я люблю море. И наше, Балтийское. И Черное, где жила с мамой целый месяц, когда мама ездила в Крым лечиться.

Надо обязательно узнать, где, в каком институте можно научиться превращать бесполезную морскую воду в полезную для всех.

Завтра спрошу у кого-нибудь.

13 мая

Валя опять получила письмо. Нептун и четыре бороды пишут ей в этом письме (я опять переписываю его на всякий случай, потому что вся история с письмами кажется мне подозрительной):

«Все пропало. Нам не спастись. Если до завтра останемся живы, сообщим или письмом или телеграммой. На всякий случай подбери решительных ребят, но не более пяти-шести человек. Жди дальнейших сообщений.

Нептун — гроза морей и четыре бороды».

— Надо подбирать! — сказала Валя.

— А вдруг розыгрыш? — спросила я и, подумав немного, предложила посоветоваться с Пыжиком. — Мне кажется, — сказала я, — он с головой парень. И у него так много разных книг... Думаю, нам будет полезно поговорить с ним.

— А он не проболтается?

— Что ты! По-моему, он совсем не болтун. Пойдем?

И мы пошли.

Застали мы Пыжика у входа в квартиру. Он стоял на приставной лесенке с проволокой на шее, с большими плоскогубцами в руках.

— А, здорово, — закивал головою Пыжик. — Привет, привет! Придется вам подождать минуточку... Перегорели пробки. Я сейчас! Я их в два счета!

И действительно, он недолго заставил ждать. Пожимая нам руки, Пыжик сказал Вале:

— Я ведь один живу с мамой. А она — только женщина. Так что мне самому приходится делать мужскую работу.

Валя сказала:

— Мы пришли посоветоваться!

— Об одной загадочной тайне! — уточнила я.

Глаза Пыжика засветились.

— Тайна? Это здорово! Это хорошо, что вы пришли.

— Но, — предупредила я, — об этом никто, никто не должен знать!

— Кому говоришь? — усмехнулся Пыжик. — Мне? Да знаешь ли ты, сколько погребено здесь разных тайн? — Он постучал кулаком по груди. — На дне океанов не найдешь столько погибших кораблей, сколько у меня тут загадочных тайн.

Мы рассказали все, показали Пыжику и письма, и телеграмму.

— Только сохраняйте спокойствие! — сказал он, выслушав нас. — Не такие тайны приходилось раскрывать. Как-нибудь разберемся. Не в первый раз!

Он вытащил из стола большую лупу с костяной черной ручкой и, прищурив глаз, принялся исследовать полученные письма, разглядывая каждую букву.

— М-да! — покачал головою Пыжик. — Это становится интересным. Так, так! Та-а-ак! Понятно! Ну да, я так и знал! — сказал он наконец, сдвигая брови.

Валя беспокойно заерзала на стуле.

Пыжик посмотрел на нас строгим учительским взглядом и вздохнул так, как только вздыхает одна тетя Паша — наша школьная гардеробщица, когда 8 марта ей приносят подарки от всех классов.

— Все понятно! — вздохнул Пыжик, нюхая письмо, написанное красными чернилами. — Видите, какие буквы? Смотрите внимательно. Как думаете, чем написано?

Он выдержал паузу, потом подошел к двери, закрыл ее плотно и, вернувшись к столу, провел ладонью по лбу.

— Кровью написано! Понятно? — Пыжик взглянул на нас каким-то замогильным взглядом (не знаю, можно ли так сказать, но другими словами мне не передать его взгляда).

У Вали от испуга отвалилась нижняя губа. Она хотела спросить что-то, но так и осталась сидеть с широко открытым ртом. Я почувствовала такой жар на щеках, что стала похожей, наверное, на вареную свеклу или на вишневый кисель.

— Но... п-п-почему кровью? — пролепетала Валя.

Пыжик презрительно хмыкнул:

— Старый прием! С бородкой приемчик! Неужели не догадались?

— Нет! — признались мы.

Да и как догадаешься, если не знаешь, о чем догадываться?

— Эх, вы, — усмехнулся Пыжик. — А ты говоришь, — повернулся он ко мне. — Да, что ты говорила в поезде? Девочки самые развитые? Ну, вот и покажи свое развитие! Если, конечно, у вашего брата головы привинчены для соображения, а не для того, чтобы шляпки носить!

— Тушью! — крикнула я.

— Карандашом! — подскочила Валя.

— Молоком! Молоком! — замахала я руками. — А потом надо подогревать написанное на огне! Чтобы прочитать!

Пыжик скривился, будто мы с Валей были такие безнадежные тупицы, что смотреть на нас можно было только с таким кислым видом.

— Кровью, кровью пишут! — вытянул он губы и помахал перед носом каждой из нас пальцем. — Это вы найдете, если умеете читать, конечно, в любом романе... Да! В любом!..

Одного благородного англичанина захватили морские пираты. Захватили вместе с его верным бульдогом Ганнибалом, а он взял да и написал письмо. Кровью!

— Кто? Бульдог?

— Не остри! — огрызнулся не хуже бульдога Пыжик. — Благородный англичанин написал. Ну, и пираты остались с носом. Друзья англичанина быстро разыскали его и освободили, конечно.

— А бульдога? — спросила Валя.

— А бульдог сидит и ждет, когда ты освободишь его. Но давайте серьезно. Без бульдогов и без острот. Итак, что нам известно? А известно нам пока еще немного! Мы знаем только, что их пятеро.

— Кого? — не поняла я.

— Бульдогов! — огрызнулся Пыжик. — Кого! Кого! Ясно — моряков! Нептун кто? Гроза морей? Да? А если гро-

за — значит, так мог назвать себя только капитан дальнего плавания. Почему гроза? Да потому, что так только и называют капитанов дальних плаваний. Им что, капитанам? Да им чихать и на моря и на океаны. Не боятся, иначе говоря. Все теперь понятно?

— Нет! Непонятно, почему же гроза морей пишет кровью.

— А чем же он будет писать, если его взяли в плен? Пишущую машинку ему дадут, что ли?

— Плен? Почему он в плену? В каком плену?

Пыжик пожал плечами:

— Ну, знаете...

— Ничего не знаем! Объясни, при чем тут плен?

— Очень даже при чем! — Пыжик даже покраснел от возмущения. — Октябренку и то ясно, что Нептун захвачен кем-то и что его держат в каком-нибудь подвале. Пошевелите-ка мозгами и скажите: с какой стати он станет писать кровью, просить о помощи, если прогуливается по городу и тросточкой помахивает? Тут все ясно. Ясно, что ждет помощи. Ясно, что помощь должна прийти как можно скорее. Недаром же он телеграфирует.

— Для чего же его захватили?

— Чай пить! — со злостью сказал Пыжик. — Музыку слушать! Танцевать! Захватили, конечно, для того, чтобы выпытать секреты. Ну... например... как называется пароход, куда плывет, какой груз, сколько человек команды и другие секреты!

— А по-моему, все это чепуха! — сказала я.

— Но чепуха-то ведь интересная! Скажи нет! А потом, ничего же еще не известно. Может, чепуха, а может, не чепуха! И вообще, не понимаю! Такое интересное дело попалось в руки, а вы нос воротите от него! — Пыжик скрестил на груди руки и сказал: — Зря таких писем никто не напишет! Тут что-то есть! А если ничего нет, — тогда что? Нам влепят по единице? Сожгут на костре? Заставят смотреть подряд все телепередачи? Одну минутку! Я забыл это слово! — Он подошел к стеллажам, снял словарь с полки и, раскрыв заложенную страницу, прочитал: — Ин-ту-и-ция! Чутье, до-

гадка, инстинктивное понимание! Во! У меня, братцы, интуиция эта самая! Понимание чутьем! Я еще ничего не знаю, но чувствую — в какую-то беду попали советские моряки. Может, шпионы захватили их, а может, они сами захватили шпионов и держат их, не могут отойти ни на минуту, чтобы не убежали шпионы.

— Чепуха какая-то!

— Но интересная же чепуха! Зачем тебе все надо, чтобы обязательно было на самом деле, по-заправдошному!

— Почему же они не сообщили в милицию, почему обратились к Вале? — спросила я. — И почему именно к Вале, а не в другое место?

— Ну, знаешь, — усмехнулся Пыжик, — задавать вопросы гораздо легче, чем отвечать на них. Почему ты Сологубова, а не троллейбус номер два? Почему у нас ноги, а не колеса?

— Дело в том, — сдвинул брови Пыжик, — что многое становится ясным только в конце романа. Все приключения обычно начинаются именно с таких загадок... Сначала ничего не понимаешь, но это же и хорошо. Если бы все сразу было понятным, тогда и читать неинтересно. Ты вот спросила, почему они не обратились в милицию! Ну, а зачем же им обращаться, если они, может быть, сами решили распутать все это дело!

— Да какое дело-то? Никакого еще дела нет!

— Нет, так будет! Не торопитесь! Все будет! И дело, и приключения! У меня интуиция! Да!

— А если нам самим обратиться в милицию? — предложила Валя.

— С таким-то делом? Ха! Сказала тоже! Вот если бы октябренок затерялся, — тогда другой разговор. Тогда мама или бабушка могли бы заявить о пропаже в отделение, и через полчаса им бы уже позвонили и сказали: «Зайдите за вашей пропажей и получите вместе со слезами и мокренькими штанишками!» А тут дело серьезное! И уж если этот Нептун и бороды сами не обратились в милицию, — нам тоже нечего выскакивать! В общем, нужно готовиться!

— К чему готовиться?

— Интуиция подсказывает мне: будут большие события! Надо организовать спасательную экспедицию!

— Кого спасать?

— Кого потребуется, того и спасем! Давайте обсудим кандидатуры будущих участников экспедиции. Какие есть предложения? Не стесняйтесь!

— Ну, — сказала я, — мы трое! Это раз!

— Чи-лень-чи-пень! — предложил Пыжик.

Но я стала доказывать, что мальчишки разболтают все и что вообще я против того, чтобы нам мешали. Пыжик пусть войдет в спасательную экспедицию, но остальными пусть будут только девочки.

— Это почему же? — спросил Пыжик, как будто он не слышал моих объяснений.

— Потому, что ты... подходящий для нас, а все остальные мальчишки... Не надо, в общем, мальчишек.

— Но тут потребуется сила, а у вашего брата вместо силы — слезы!

— Ну и неправда! Пригласим Нину Станцель. Она спортсменка. С нами пойдет также Джульбарс,

— Овчарка?

— Угу!

— Овчарка — это хорошо! Овчарку я приветствую.

— А по-моему, возьмем еще Марго — и хватит! — сказала я. — Четыре девочки, овчарка и ты — это уже приличная экспедиция. Мы возьмем палки. На всякий случай. Я могу захватить большой поварской нож. Чтобы защищаться. Ну, что еще нужно?

— Пятерых, — сказала Валя, — вполне достаточно. И назовем свою экспедицию: «Пятеро смелых по спасению чести».

Пыжик стукнул кулаком по столу:

— Нас пятеро, но среди членов экспедиции не должно быть ни одного труса. — Он мечтательно улыбнулся. — Хорошее название для кинокартины: «Пятеро смелых спасают грозу морей и четыре бороды». Ладно. Быть всем наготове.

Объяснить Марго и Нине обстановку и будем... Да, будем ждать развития событий.

Когда мы уходили, я задержалась в передней, чтобы найти шарфик, который лежал у меня в кармане. И как только мы остались одни с Пыжиком, я спросила:

— Ты веришь, что все это серьезно?

Пыжик захохотал:

— Чудачка! А зачем тебе обязательно по-серьезному все?

— Мне кажется, кто-то разыгрывает нас!

— Ну и что? Ну и пусть! И разве неинтересно узнать, кто разыгрывает, почему разыгрывает и чего хотят от нас те, кто затеял такое дело? — Он приподнялся на цыпочках, обхватил пальцами горло и пропел, вращая глазами: «Вся на-а-аша жизнь игра-а-а!» — и, подтолкнув меня в бок, спросил: — Кто это сказал?

— По радио передают!

— Ну, и все! Точка! Будем действовать! А потом разберемся. Что мы теряем, в конце концов?

14 мая

Нина сразу согласилась войти в нашу экспедицию.

— Вообще-то, — сказала она, — все это чепуха! Но интересная чепуха! Я согласна!

Марго даже сама напросилась, когда узнала, что в экспедицию вошел Леня Пыжик.

Но как только экспедиция была организована, Нептун и четыре бороды начали загадочно молчать. Это нас обеспокоило. Уж не случилось ли действительно что-нибудь серьезное с этими моряками? Мы даже провели у Пыжика собрание членов экспедиции, чтобы лучше понять поведение Нептуна и его друзей. Мы просто не знали, что и подумать. Наконец слово взял Пыжик и сказал:

— Ничего страшного. Так во всех романах бывает. Сначала идет все непонятно, а потом выясняется постепенно, что к чему и для чего!

В ожидании новых известий от Нептуна я вспомнила разговор с Марго о чертях и предложила ребятам всего класса организовать научный опыт. Конечно, все с радостью приняли предложение, потому что никто еще ничего определенного не знал о чертях.

Первым сегодня был у нас урок английского языка. Самый скучный, самый противный урок. Я терпеть не могу этот удивительно непонятный язык. Бестолковый он какой-то! Никак не поймешь, когда нужно читать простую букву «а», как «а», а когда как «э» и как «ей» и даже как «о». Не понимаю, для чего же называть буквы так, как они не произносятся?

А произношение?

Почему мы еще не вывернули языки и не свернули скулы, — просто не понимаю.

Ясно, что уж если делать опыт с чертями, — так делать его нужно только на уроке английского языка. И мы с радостью стали готовиться к опыту, не подозревая даже, как грустно кончится наша затея.

И вот что произошло в этот день.

Перед английским все ребята отыскали на партах сучки, а когда Ольга Федоровна вошла в класс, мы зашептали: «Черт, черт, помоги! Черт, черт, отврати!»

Ольга Федоровна села.

Она очень нервная и всегда кричит на нас. Но никто ее не боится. Ребята вообще не боятся учителей, которые кричат, а иногда мы даже нарочно «кипятим» их, потому что пока они накричатся, можно заняться своими делами. Ольгу Федоровну совсем не трудно вскипятить. Чтобы спасти других ребят от чтения, мы заранее договариваемся, кому кипятить ее сегодня. И тот, кто в этот день спасает класс, притворяется болваном. Он начинает так произносить английские слова, что Ольга Федоровна краснеет от негодования, стучит по столу и поправляет, поправляет, поправляет.

Особенно бьется она с нами, приучая всех твердо произносить «з» в окончаниях существительных множественного

числа. А так как «с» не очень просто отличить от «з», ей приходится доходить до белого каления. По сто раз повторяет она с кем-нибудь одно слово, пока не услышит правильный ответ, а мы тем временем спокойно учим другие уроки, решаем задачи и вообще отдыхаем от английского языка.

Когда Ольга Федоровна вошла, все прижали пальцы к сучкам на парте. Я тоже. Все зашевелили губами. Я тоже стала шептать позывные чертям. Не потому, что верю в чертей, а просто ради опыта. Интересно все-таки посмотреть, что же получится. Но, честно говоря, мне безумно захотелось, чтобы Ольга Федоровна вызвала именно Марго и чтобы вкатила ей жирную-прежирную единицу. Пусть не суется со своими чертями в английские уроки.

Ольга Федоровна села.

— Ну, уроки приготовили?

— Приготовили! — хором ответили мы громко и пошевелили губами. Наверное, все про себя добавили: «Никто не приготовил».

Ольга Федоровна раскрыла журнал и вдруг побледнела.

Мы испуганно переглянулись.

Ольга Федоровна приложила руки к сердцу, качнулась, тяжело рухнула головою на стол.

Марго торопливо перекрестилась.

— Свят, свят, свят, — забормотала она. — Да воскреснет бог, да расточатся врази его!

— За доктором! — крикнул Чи-лень-чи-пень, кидаясь к двери. За ним помчались Пыжик, Нина Станцель, все детдомовские ребята.

Мы сидели притихшие, боясь взглянуть друг на друга.

Ольга Федоровна лежала, положив голову на раскрытый журнал, опустив руки вдоль тела. На одной руке у нее чуть-чуть шевелились пальцы. Мы так испугались, что никто из нас не решался подойти к ней. Да и что могли бы мы сделать? В наступившей тишине слышались только вздохи Марго, ее бормотание молитв и всхлипывание.

Сколько времени просидели мы так, — не знаю, но, когда приехала «скорая помощь» и Ольгу Федоровну унесли на

носилках, все вскочили, столпились у дверей. Мы не знали, что делать. Не знали, о чем говорить. И нужно ли говорить о чем-нибудь?

В класс пришла Нина Александровна. Она сказала:

— Спокойно, ребята! Ольга Федоровна болеет. У нее старый инфаркт. Болезнь такая. Сердечная. Сегодня был второй, очень тяжелый приступ. Врачи оказали ей помощь, но, кажется, Ольга Федоровна не сумеет заниматься с вами. Возможно, у вас будет новая учительница английского языка. А сейчас займитесь повторением урока! Надеюсь на вашу сознательность.

Нина Александровна ушла. В классе стало так тихо, словно в музее. И вдруг Марго завыла. Обливаясь слезами, она мотала головою, крестилась, никого уже не стесняясь, причитая плачущим голосом:

— Господи, прости... Господи, не осуди... Бес попутал! Черт подтолкнул... Господи, прости, маленькая я еще!

Как ни смешны были причитания Марго, однако никто из ребят не смеялся. Мы сидели молча, избегая смотреть друг на друга. У всех был испуганный и виноватый вид. Дюймовочка сидела, закрыв лицо руками. Только Лийка Бегичева улыбалась, но улыбалась фальшиво.

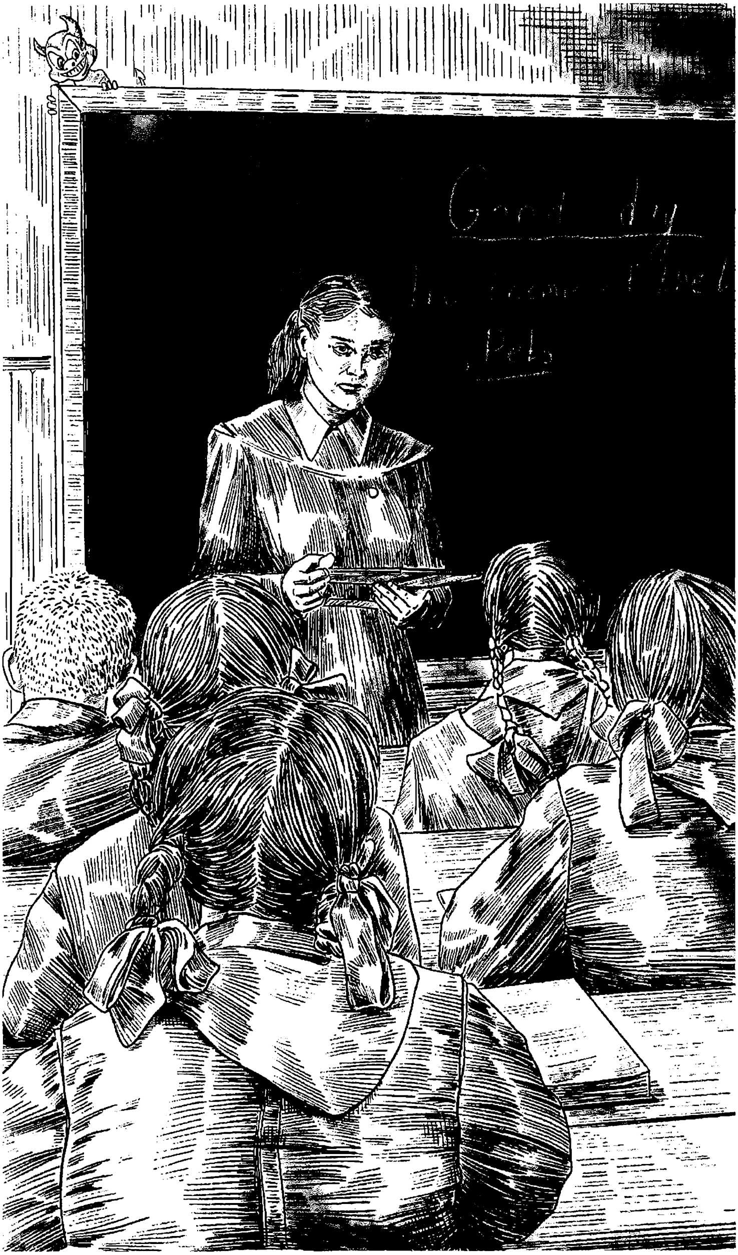
Ну до чего же глупо все получилось! Я хотела доказать Марго, что чертей не бывает, а теперь весь класс может поверить в них!

— Ребята, — сказала я, — мы тут ни при чем! И черти тут ни при чем! Это же простое совпадение! Ведь Нина Александровна сказала, что у Ольги Федоровны старый инфаркт и, значит, с ней так и так должно было случиться... это!

— А почему же раньше не случилось? — захныкала Марго.

— И раньше случалось! Нина Александровна говорила же, что это второй приступ! Сначала — дома, теперь в школе! Ей дадут лекарство, и все будет в порядке!

— Ничего не в порядке! — канючила Марго. — Против чертей никакое лекарство не действует! Умрет она, вот увидите! Попомните меня!

— Все умрем! — вздохнул Пыжик. — Одни раньше, другие позже!

— Ребята, — сказала я, — в нашей квартире живет дядя Вася. Знаете, что говорит он? Он говорит: нельзя принимать разные случайности как законы жизни. Он говорит: «Мальчик съел грушу, выбежал на улицу и попал под трамвай. Можно ли сказать: "Не ешьте груш, иначе попадете под трамвай"?» Это же совсем не черти были, а старый инфаркт. Могу доказать хоть сегодня же! В общем, предлагаю попробовать номер с чертями еще раз! С другими! Давайте возьмемся еще раз за сучки и скажем снова: «Черт, черт, помоги. Черт, черт, отврати!» Чтобы никого не вызвала...

Тут я запнулась. Я вспомнила, что следующий-то урок у нас арифметика, а нашу Раису я люблю больше всех.

Не скажу, что она добрая. Нет. У нее очень просто схлопотать единицу; пятерки она ставит довольно скупо. И все же мы любим ее. Она не кричит на нас, не насмехается над теми, кто не понимает трудных задач, никого и никогда не выгоняет из класса. Если кто-нибудь начинает баловаться на уроках или болтать, она вызывает к доске и заставляет решать примеры и задачи. А поэтому у нее не очень побалуешься. Но больше всего ребята любят ее за то, что она ровная, сдержанная. Она относится одинаково и к тем, кто учится на пятерки, и к тем, кто плетется позади. И даже к отстающим, пожалуй, относится лучше, чем к успевающим. Она часто беседует с ними, бывает у них дома, приглашает к себе. А когда отстающий догоняет всех, Раиса Ивановна ходит тогда по классу с таким видом, будто у нее день рождения, будто ей надарили столько цветов и конфет, что она растерялась от радости.

Скажу откровенно: не хотела бы я проверять на Раисе ворожбу с чертями.

Марго поднялась с места и сказала, размазывая слезы по лицу:

— Чего еще проверять? Так мы всех учителей изничтожим, а кто отвечать будет? Дознаются если, — по головке не погладят!

— Хорошо! — уступила я. — На этом уроке не будем! Но на уроке географии категорически предлагаю проверить.

Таня Жигалова поддержала меня. Ребята захохотали и стали кричать:

— Проверить! Проверить!

— Не надо! — подняла руки вверх Марго.

Но почему же не надо? Для нас он не такой уж ценный учитель, которым мы дорожили бы так же, как всеми другими учителями. Если с ним и случится что-нибудь, так нам, может быть, дадут другого, не такого, как Арнольд Арнольдович. Вообще-то он не строгий и даже добрый. Плохих отметок он никому не ставит. И баловаться можно на его уроках. Хоть на голове ходи, он ничего не скажет. И все-таки никто его не любит. А не любим мы его потому, что он и сам не любит нас. Придет в класс, сядет и начинает о чем-то думать. Мы отвечаем урок, а он сидит и думает. И улыбается своим думам. Может быть, они у него интересные, хорошие, но это так обидно для нас. И особенно для тех, кто выучит урок на отлично и думает, что учитель порадуется вместе с ним, а учитель даже и не слушает по-настоящему. Однажды Славка, отвечая на уроке, стал рассказывать, как он отдыхал в пионерском лагере, и Арнольд Арнольдович спокойно выслушал его, вздохнул и поставил отметку. Хорошую отметку. А за такое безобразие Славке надо бы единицу влепить.

Арнольд Арнольдович такой рассеянный и такой невнимательный к нам, что никого не знает по фамилиям и не старается запомнить, как зовут нас.

Вызывает он так:

— Ну, теперь ты! Соловьева твоя фамилия?

— Сологубова!

— Значит, я тебя все путаю с Соловьевой из восьмого класса!

А в нашей школе вообще нет ни одной девочки с такой фамилией, но зато есть пять мальчишек Соловьевых.

А то и вовсе не называет по фамилиям. Просто ткнет пальцем и скажет:

— Рассказывай!

И после того, как ответишь, спросит:

— Так как же правильно произносится твоя фамилия? На каком слоге ставится ударение?

Нина Станцель сказала однажды:

— Когда я была в первом классе, меня называли Масловой, в прошлом году Масловой, а теперь, наверное, нужно ставить ударение на Масловой!

И он поставил пятерку Масловой.

Такой безразличный.

Когда я предложила проделать опыт с Арнольдом Арнольдовичем, все ребята захохотали. Уж такого, как он, красного, толстого и равнодушного ко всему, никакие черти не расшевелят.

— Давай, давай! — закричали все.

— Его ни один черт не собьет с ног! Он сам их нокаутирует!

Все ребята обрадовались и стали готовиться к раунду чертей с Арнольдом Арнольдовичем. Нажимая пальцами на сучки в партах, ребята зашептали и хором и в одиночку: «Черт, черт, помоги! Черт, черт, отврати!» И только одна Марго не захотела вызывать чертей. Тогда я схватила ее руку, приложила палец к сучку и сама, за Марго, вызвала чертей на подмогу.

Марго захныкала:

— Запомни: если он умрет, — я отвечать не буду!

По коридорам прокатился звонок.

Мы так и замерли.

Ой, что-то будет!

Дверь открылась. Арнольд Арнольдович вошел, рассеянно улыбаясь. Мне даже жалко стало его. Вот улыбается, ничего не подозревает, о чем-то думает, а через минуту упадет головой на стол, а я побегу вызывать «скорую помощь».

— Садитесь! — крикнул Арнольд Арнольдович. — Дежурный, кого нет на уроке?

— Киселевой! — крикнула я и шепнула на ухо Марго: — Это чтобы тебе не отвечать. В случае чего!

Ребята захихикали.

Арнольд Арнольдович отметил Марго как отсутствующую, потом осмотрел всех и ткнул пальцем в Марго.

— Ну, что ты выучила?

— Я, — растерялась Марго, — я... я...

Ну, положение ее в эту минуту действительно было неважное. Ведь Арнольд Арнольдович отметил ее в журнале как отсутствующую. Кому же после ответа он поставит отметку?

Марго пролепетала:

— У меня умерла... тетя!

Но, подумав, решила, что смерть одной тети недостаточная еще причина, чтобы не отвечать урока.

— И... бабушка! — поспешно добавила Марго.

— Вот как? — усмехнулся Арнольд Арнольдович. — В один день? И может быть, в один час? Что?

Марго, не соображая, что говорит, сказала, заикаясь:

— В один час!

— Они, наверное, были очень дружны, если решили умереть в один день и в один час? А может, умерли они только для того, чтобы ты не выучила урок? Ты, кажется, хочешь сказать, что урока не могла выучить потому, что хоронила тетю и бабушку? Так я понял тебя?

— Так! — прошептала Марго.

— Очень хорошо! — кивнул Арнольд Арнольдович. — А теперь я хочу, чтобы и вы поняли меня. Я долгое время был слишком добр с вами! И вот мне говорят, что я балую вас. Что я никогда и никому не ставлю плохих отметок. Но почему же не поставить единицу за лень? За обман учителя с помощью умирающих тетей и бабушек? Так на каком же слоге делается ударение в твоей фамилии?

Марго злорадно взглянула на меня и сказала нахально:

— Сологубова! А можно сказать Сологубова!

— Прекрасно! Ставлю тебе единицу! Но можешь назвать ее единицей! Дай дневник!

Марго схватила с парты мой дневник и помчалась к столу.

Ребята так и покатились со смеху. Но мне-то было не до смеха.

А что я могла сделать? Встать и сказать, что я обманула Арнольда Арнольдовича, отметив Марго отсутствующей? Но если он за тетю и бабушку влепил единицу, то за обман его самого мне ведь тоже не миновать ее. Единицы!

Я чуть не заплакала. Противная Марго! Я для нее же старалась, а она так подвела меня!

Но ребята напрасно веселились.

Арнольд Арнольдович был в этот день неузнаваем.

Он так свирепствовал, что по партам пошла гулять записка:

«А. А. записался в пираты. Держитесь за сучки. Зовите всех чертей на подмогу! Да спасет провиденье наши души!»

Марго зашептала на ухо:

— Вот видишь, пока чертей не вызывали, он никогда так не обращался с нами! Это они, они подзуживают его. Всегда был такой добрый, а сегодня как осатанел. Скажешь теперь, что их нет, чертей?

— А если есть, так почему ж они не уничтожат его? — спросила я тоже шепотом.

Марго подумала, посмотрела на Арнольда Арнольдовича и прошептала, прикрывая рот ладошкой:

— Еще ничего не известно! Урок еще не кончился! Еще никому не известно, что с ним случится.

Арнольд Арнольдович наставил классу семь единиц. Но с ним так ничего и не случилось. Он вышел из класса, мечтательно улыбаясь и потирая носовым платком свои красные щеки, по которым катились капельки пота. Он же здорово потрудился сегодня. А сколько еще отцов будет трудиться вечером, когда придет час расплаты за полученные единицы!

Я набросилась на Марго, стала стыдить ее.

— Понимаешь, — захлопала она глазами, — сама не знаю, как получилось... Может, черт подтолкнул. Но ты не переживай. Переправь единицу на четверку, и все будет хорошо! Не сердись!

— Ладно! — сказала я. — Прощаю! Но признай честно, что чертей никаких нет. Ты же убедилась теперь?

— А Ольга Федоровна?

— У нее же инфаркт! — закричала я, не выдержав.

Марго покачала раздумчиво головою.

— Не так это просто!

— Вот балда! — окончательно рассердилась я. — И что мелешь — сама не знаешь. Да если бы так можно было бороться с учителями, их давно бы уничтожили двоечники. А Арнольд Арнольдович? Почему он уцелел?

— Может, он знает слово... Или сам с ними связался... Вот у нас был в деревне один, так тот...

Тут я не вытерпела и чуть было не влепила ей подзатыльник, но, вспомнив, что она больная, повернулась и быстро отошла прочь.

Происшествие с Ольгой Федоровной испортило мне весь вечер. Честно говоря, Ольгу Федоровну я не особенно любила. Она такая нервная, так всегда кричала на всех, будто не учить приходила нас, а срывать на всех свою злость. Но после того, что случилось, я не осуждаю ее. Наверное, она очень боялась умереть раньше, чем научит нас произносить букву «з» в именах существительных множественного числа.

15 мая

История с Нептуном и небритыми моряками продолжается. И чем и когда она кончится, — неизвестно.

Неизвестно даже, что же это такое: новая игра или розыгрыш? Но если разыгрывает кто-то, то почему именно Валю и для чего? Что хотят доказать Вале Нептун и его экипаж?

Впрочем, я ничуть не жалею, что ввязалась в эту загадочную историю. Во всяком случае, я ничего не потеряла. Ведь с тех пор, как у нас появилась экспедиция, все мы очень часто собираемся у Пыжика, играем, иногда танцуем, вместе готовим уроки и вообще довольно весело проводим время.

Ну, а Нептун... Мне кажется, что в этого Нептуна все-таки никто не верит. Разве что Валя старается уверить себя в том, что все это серьезно и что действительно кто-то мечтает о нашей помощи, нуждается в нас. Думаю, Вале просто хочется верить во что-нибудь необыкновенное — вот она и играет по-серьезному в «дело с Нептуном».

А Пыжик? Он помогает Вале с таким видом, будто больше всех заинтересован в спасении немыслимых моряков. Но уж я-то знаю теперь, какой он выдумщик, этот Пыжик.

Вот и сегодня... Он так здорово играл роль сыщика, что даже я поверила, будто Пыжик серьезно относится к переписке с Нептуном.

Но вообще-то во всей этой истории действительно есть что-то загадочное, и я просто горю от любопытства. Так мне хочется знать, чем же все это кончится?

Утром, на уроке геометрии, Валя послала всем членам экспедиции записку с черепом и скрещенными костями, с надписью на конверте: «Совершенно секретно! Только членам экспедиции отважных»:

> *«Есть новости. Получила такое загадочное письмо, какого еще не было ни разу. Надо собраться и обсудить. Предлагаю устроить во время большой перемены конференцию на волейбольной площадке».*

Но Пыжик запротестовал.

— Такие дела, — сказал он, — на волейбольной площадке не решают.

Он предложил организовать съезд членов экспедиции у него дома и провести его в торжественной обстановке.

Предложение Пыжика было принято единогласно. И съезд прошел действительно шикарно.

Перед окном в комнате Софьи Михайловны мы поставили большой стол, накрыли его красной скатертью. Пыжик принес графин с водою и стакан. Над столом красовался приготовленный Пыжиком плакат с надписью:

«ПРИВЕТ ОТВАЖНЫМ И ВСЕМ БЕССТРАШНЫМ»

Съезд открыл Пыжик. Он сказал небольшую речь о флоте, о происках империалистов, а потом посадил Валю за стол, поставил перед ней графин и постучал по нему карандашом.

— А теперь, — сказал Пыжик, — предоставляю слово товарищу Павликовой, которая сделает содержательный доклад о поступивших сигналах бедствия от экипажа Нептуна и других. Возражений нет? Дополнений? Тогда голосую! Кто воздержался? Единогласно. Валяй, Валя! Докладывай!

— Нервные могут выпить воды! — сказал Пыжик и сделал такие глаза, будто ему и самому стало страшно.

Валя стала читать:

— *«Мы обречены! Все пропало! Что будет с нами, мы еще не знаем, но если вы хотите спасти нашу честь, вам нужно пойти в парк Победы только не в воскресенье...»*

— Я больше не могу! — сказала Нина Станцель. — Это же кошмарная глупость! Кто-то дурачится, а мы помогаем ему одурачить нас! Предлагаю письмо порвать и пойти в кино!

Пыжик схватил Нину за руку и сказал, волнуясь:

— Слушай... Станцель... Так это ж интереснее кино... Ну, ты подумай сама: разве часто встречаются такие истории...

— Такие глупые истории, ты хочешь сказать?

— Неважно! Глупость тоже нужная вещь. Если бы на свете не было глупых, как же ты узнала бы тогда, что ты ужасно вумная, как вутка? И давайте сразу договоримся: бросим мы это дело или выясним: кто, что, зачем, почему, для чего и отчего втянул нас в это дело. Читай, Павликова! Читай дальше! На чем ты остановилась?

— Я? — вскинула бровями Валя. — На этом и остановилась! На том, что спасти честь можно только не в воскресенье!

— Стой, стой! — закричал Пыжик. — Чего ты торопишься? Тут не мотогонки, тут серьезное дело! У меня есть вопрос! Для всех один вопрос! Почему нельзя спасать честь в воскресенье? Думайте, братцы! Все думайте! И каждый про себя! Не вслух! А тот, кто не может думать, пусть выпьет воды или съест два-три яблока!

— А зачем думать? — удивилась Валя. — Думать не надо! Слушайте! — И Валя продолжала чтение: — «И там постарайтесь никому не попадаться на глаза. Лучше всего пойти в будний день, когда народу в парке мало».

— Правильно! — кивнул Пыжик. — Я так и думал, что наша экспедиция должна быть тайной. Читай дальше!

— «Вам нужно, — продолжала Валя, — идти по аллеям парка курсом зюйд-норд-вест, потом повернуть на зюйд-норд и двигаться к павильону танцев...»

— Знаю! — стукнул Пыжик кулаком по столу. — Место вполне подходящее для преступлений.

Марго побледнела, будто ее напудрили для спектакля, а глаза стали круглыми и большими, как пуговицы летнего пальто.

— Ой, — взвизгнула она, — умереть можно!

— Ничего, ничего! — ободряюще похлопал Пыжик по плечу Марго. — Пятеро смелых и отважных не такие еще преступления могут открыть! Читай дальше!

— *«Около павильона танцев,* — продолжала читать письмо Валя, — *встаньте спиною к Кузнецовской улице, отсчитайте в сторону мостика, что перекинут через канал, семнадцать шагов, но шагайте вдоль протоки, по самой кромке дамбы. Отмерив семнадцать шагов, остановитесь, внимательно посмотрите под ноги. Вы увидите небольшой холмик, а на нем — два ржавых гвоздя, положенные крестообразно друг на друга. Здесь начинайте копать. Если же вы при... Прощайте, прощайте... Привет и прощальный салют.*

Нептун — гроза морей и четыре бороды».

Марго всплеснула руками.

Глаза ее так и загорелись.

Ох, уж эта Марго! То испугалась, как зайчиха, то так и рвется в героини.

— Пойду! Обязательно пойду! — заверещала она. — Ну, до чего же интересно! — И вдруг рассеянно поглядела на Пыжика. — Как вы думаете, Пыжик, — спросила она, — а это не разыгрывают нас? Уж очень что-то не так все получается. Подозрительно. Может, кто-нибудь подстроил? Написал и послал. А потом придет в парк, спрячется в кустах и — пожалуйста!

— Что пожалуйста?

— Очень даже просто — что! Возьмет да сфотографирует, как мы ковыряемся в земле... Чтобы потом вся школа смеялась...

— Ты уж скажи прямо, что трусишь! — рассердилась Нина.

— Я не трушу... Я только высказала предположение... Но я пойду... Пожалуйста... Как все, так и я! Только бы не посмеялись над нами.

Нина Станцель сказала:

— Ну, а если нас разыгрывают? Ну и что? Все равно интересно. А насчет смеха... Ну и пусть смеются. И мы посмеемся. А тем, кто будет смеяться, скажем: мы сами знали, что это розыгрыш, но просто не хотели портить игры. И почему бы нам не посмеяться? Я недавно слушала по радио, что смех полезен для человека, он делает людей здоровыми, сохраняет старым молодость, а молодых превращает в радостных и счастливых. Да вы и сами, наверное, замечали: все здоровые люди всегда веселые, а все больные вечно недовольны всем, на всех брюзжат, шипят и похожи на уксусную кислоту, а не на людей.

— Определенно! — одобрительно кивнул Пыжик. — Но тут дело идет не о том, чтобы посмеяться, а чтобы спасти честь Нептуна и его бородатых матросов! Поклянемся не отступать перед трудностями. Ура!

— Ура! — закричала Нина.

Она схватила его и закружила в вальсе. Они носились по комнате, все опрокидывая. Нина напевала вполголоса о легком, пушистом снежке, о голубых мерцающих огнях, а я барабанила в такт вальса крышкой чайника и подсвистывала. Валя выводила мелодию вальса на гребенке, обтянув ее бумагой. И только Марго сидела нахохлившись, поглядывая с явным неодобрением на Нину, меня и Валю.

— Чего ты? — спросила я.

— Эта Нинка всегда лезет ко всем со своими танцами! — прошипела Марго, словно проколотый мяч.

Ох, ты дуреха!

Неужели она влюбилась в Пыжика?

Часть третья

28 августа 1959 года

Вот и прошло оно, наше школьное лето.

Позади и спортивный лагерь, где было так весело, и мое смешное, немножко глупое детство.

Вчера мне стукнуло четырнадцать лет.

Где-то я слышала, что в этом возрасте ломается характер, человек тоже меняется весь, у него появляются другие желания, другие интересы, новые друзья и привязанности. Словом, меняется все, все и поэтому, наверное, такой возраст называют переломным и, кажется, чуть ли не опасным, потому что, по мнению взрослых, ломка характера всегда бывает болезненной.

Но вот я и не заметила даже, как вступила в опасный возраст и как меняется, незаметно для меня самой, мой характер.

И все это благодаря Пыжику.

Это же он научил меня относиться с уважением к нашему возрасту, и когда я поняла Пыжика, мне стало ясно: детство мое кончилось, наступила уже юность, и с этих дней мне надо относиться серьезнее к своим обязанностям. Все-таки я уже почти взрослый человек. Во всяком случае, не маленькая, безответственная девочка. И понять это помог мне опять-таки Пыжик.

Не помню теперь почему, но я сказала как-то, что мы еще дети и нам корчить из себя взрослых просто смешно.

Пыжик презрительно хмыкнул:

— Дети качаются в люльках, гуляют в саду с мамами за ручку. А мы уже шестиклассники. Знаменитый астроном Клод Клеро в десять лет занимался исчислением бесконечно малых и коническими сечениями. А это знаешь, какая высшая математика? Ого! Такую математику проходят сейчас только в университетах. В тринадцать лет его научную работу уже рассматривала Академия наук. В тринадцать лет! Понимаешь? А какую работу мы можем послать в Академию наук? Писатель Грибоедов к семнадцати годам успел кончить три факультета университета. Представляешь, что он знал в тринадцать лет? Да я тебе могу привести тысячи примеров, а если хочешь, дам почитать книгу. А наши отцы? Мой папа в двенадцать лет уже работал в часовой мастерской и помогал своей маме, моей бабушке. Мамин папа с семи лет начал пасти гусей, а в двенадцать уже работал коногоном в шахте. Думаешь, мало таких?

Как-то очень незаметно я подружилась с Пыжиком, подружилась не хуже, чем с Валей, хотя первое время ужасно переживала эту дружбу. Не так ведь легко в нашем классе дружить с мальчиками, а мальчикам — с девочками.

Оглядываясь назад и припоминая все, что подружило нас, я прихожу к заключению, что сблизил нас все-таки Нептун — гроза морей и его четыре товарища, заставив пятерых отважных и смелых пережить удивительные приключения в аллеях парка и такие ужасные минуты в зарослях сирени у памятника Зои Космодемьянской. Помню, когда мы...

Но не будем обгонять собственную тень, как говорит дядя Вася. Уж лучше расскажу все по порядку, тем более что делать сегодня нечего.

За окнами моросит противный мелкий дождь. Улицы мокрые, неуютные, тротуары затянуты мутными лужами. Над городом низко висит серое небо. Холодный ветер посвистывает в пролетах улиц.

В такую погоду только и сидеть дома да вспоминать.

И вот я сижу и вспоминаю, пересыпая в памяти, как теплый песок в руках, все оставшиеся позади и радости и огорчения. Мне хочется писать сегодня о том, что теперь уже всегда будет прошлым, о том, что в то время было ужасным

и горьким для пятерки смелых и отважных, а вот сейчас стало только забавным, смешным ребячеством.

Когда становишься серьезнее, прежние детские огорчения могут лишь позабавить и лишь чуть-чуть взволновать, как волнует все оставшееся далеко позади.

Я хочу рассказать сегодня историю Нептуна и его бородатого экипажа потому, что в моих воспоминаниях оно останется навсегда как самое большое событие шестого класса.

Я закрываю глаза и вижу зеленую решетку парка Победы. Вся экспедиция столпилась перед входом в парк; Марго стоит с открытым ртом, Нина беззаботно улыбается, Пыжик смотрит на всех строгим взглядом начальника экспедиции, Валя взволнована, и только один Джульбарс сладко зевает.

Но вот Пыжик строго взглянул на часы.

— Точность, — сказал он, сдвинув сурово брови, — самое главное в таких делах. Мы пришли даже на восемнадцать минут раньше! Но лучше прийти пораньше, чем опоздать на секунду. — Он отступил на шаг, скрестил на груди руки. — А теперь пусть каждый спросит себя: как дело с нервами? Учтите, сейчас еще не поздно отказаться от экспедиции.

Мы досмотрели друг на друга: неужели среди нас найдется хоть один трус?

Пыжик помолчал немного, но так как никто не сказал ни слова, он поддернул деловито брюки и скомандовал:

— За мной!

Приключения начались сразу же, лишь только мы подошли к фонтану, где стояла, словно поджидая нас, Инночка Слюсарева. Задумчиво поглядывая на кипящий столб воды, она полоскала в воде пальцы, как будто собираясь искупаться в бассейне.

Но о ней придется сказать тут несколько слов, потому что встреча с Инночкой имела самые неприятные последствия для экспедиции. Позже вся пятерка смелых и отважных говорила, вздыхая:

— Если бы тогда мы не встретили эту Слюсареву, — все осталось бы нашей тайной и никаких неприятностей у нас бы не было.

Скажу сразу: Инночка Слюсарева — самая удивительная девочка в классе. Не наружностью. Нет! Наружность у нее ничем не примечательная. Небольшого роста, худенькая, белобрысая, она отличается от всех других девочек только бровями, похожими на две запятые. Ну, и глаза еще. Они у нее такие, словно удивилась она однажды, да так и осталась на всю жизнь удивленная.

Характер у нее просто железный. Я никогда еще не видела ее плачущей. А ведь сколько пролито под крышей школы девчоночьих слез, сколько двоек тут полито горючими слезами! Если бы собрать все наши слезы в одно место, получилось бы такое слезохранилище, которое было бы вполне пригодным для лодочных соревнований. Помню, поставили ей как-то единицу за домашнюю работу, а она только хмыкнула и сказала равнодушно:

— Подумаешь! Да я сама знала, что не получу больше.

— И тебе не обидно?

— Мне? При чем тут я? Пусть переживают единицу папа и мама. Они вчера пригласили столько гостей и так долго справляли мой день рождения, что мне просто было негде и некогда готовить уроки.

Наши девочки с шестого класса, а некоторые с пятого и даже с четвертого класса, уделяют много внимания своей одежде, вплетают в косы умопомрачительные банты, устраивают немыслимые прически, прыскаются духами, стараются быть не просто чистыми, а блестящими, сверкающими, сияющими. А вот Инночка глубоко равнодушна к этому.

Я сказала ей однажды:

— Ты же девочка, а ходишь, как мальчишка. Платье у тебя помятое, ботинки нечищеные, бант торчит в косе, будто это носовой платок, а не бант.

— Подумаешь! — передернула плечами Инночка. — Что ж я, по-твоему, экспонат для выставки? У меня все чистое! И ботинки чистые, только не блестят. Ну и пусть. Я же не кастрюля, чтобы блестеть.

Как-то она измазюкала свое зимнее пальто не то в меле, не то в известке.

Я сказала:

— Зайдем ко мне почиститься. Неудобно же тебе идти домой в таком виде.

Инночка фыркнула носом:

— Вот новости! Подниматься к тебе на десятый этаж? Зачем? Прыгну с крыши в снег — и порядок! Подержи портфель.

Она подбежала к гаражу школы, залезла на крышу и сиганула оттуда в снежный сугроб.

— Всего и делов-то! — отряхнулась она. — Снег лучше всего чистит! Пошли!

Инночка ни с кем не дружит в классе, но ни с кем еще никогда не ссорилась, ни с кем не поругалась за шесть лет. А такое не часто встретишь в школе. Все ребята и дружат и ссорятся, а нередко не разговаривают друг с другом месяцами.

Учится она не хуже Тани Жигаловой. Но рассеянная до смешного. И с ней всегда приключаются какие-то истории. То она решит не ту задачку, то вообще позабудет выполнить домашнее задание, а то потеряет тетрадь, учебник или дневник.

— Ну, и потеряла, — зевает она. — Ну, и пускай. Искать не буду. Ничего хорошего в моем дневнике не было. А теперь в новом дневнике будет все по-новому. Может быть, в миллион раз лучше, чем было.

Ребята спросили ее однажды, кем она хочет быть, куда думает поступить после школы. Что собирается делать?

— Лаять! — не задумываясь, ответила она.

Мы засмеялись, но Инночка сказала с самым серьезным видом:

— Ничего смешного! Лучше меня и сейчас никто в Ленинграде не лает. Свой талант я не собираюсь зарывать в землю.

Мальчишки засвистели, стали ее одергивать (у нас всегда дергают тех, кто заврался).

— Нечего меня дергать! — сказала Инночка. — Уж я-то знаю, как нуждается в таких специалистах радио. Называются они имитаторы. По телевидению ни одна детская передача не обходится без собачьего лая. Но что это за лай?

Разве так по-настоящему лают? Жалкая брехня у них, а не лай собачий. За собак краснею, когда слышу, как лают по радио и по телевидению.

А на другой день сама же смеялась над своей выдумкой.

Когда мы подошли к фонтану, Инночка, взглянув на нас, радостно закричала:

— Девочки! Несчастье! Стихийное бедствие!

Ну, не странная разве? Кричит о несчастье, а сама сияет, будто пятерку по арифметике получила.

— Какое несчастье? — кинулись мы к ней. — Что случилось?

Она протянула к нам руку, разжала ладонь, и мы увидели на мокрой ладони кожаный бумажник желтого цвета, чем-то туго-претуго набитый, почти круглый.

— Что? Что это? — взволнованно спросила Валя.

— Деньги! — просто сказала Инночка. — Понимаете? Обыкновенные деньги! Нашла уйму денег! Вот! Смотрите! — И, облизав языком губы, раскрыла бумажник.

Мы так и ахнули.

В нем было столько денег, что Марго даже взвизгнула.

— С ума сойти! — закричала она. — На все, на все хватит! И на мороженое и на конфеты.

— Определенно! — согласился Пыжик. — Тут даже на сотню тортов хватит. Но давайте серьезно. Ты где же нашла такую уйму денег?

— Там! — Инночка мотнула головой в сторону большого пруда. — Около скамейки... В траве. — Она повертела бумажник в руках и сказала, волнуясь: — Я сидела, и он сидел. На одной скамейке. Вон там. Просто сидели. От нечего делать. Потом он схватился руками за сердце и упал со скамейки на землю. Потом потихоньку начал говорить: «Врача, врача!» А где же я могла взять врача? Правда, я тоже стала звать врача и кричать, пока не прибежала толстенькая тетенька. Ну, она взяла у него руку, немного подержала и покачала головою. Вот так.

— Ну и что? А деньги?

— Деньги — потом. Сначала она сказала: «Вызовите “скорую помощь”».

Я побежала в магазин и позвонила по телефону.

— А деньги?

— Сейчас будут деньги. После «скорой помощи». Она приехала и увезла дяденьку.

— А деньги?

— А деньги не увезли! Деньги валялись недалеко от скамейки. В траве. Трава — зеленая, а бумажник — желтый. Ну я и подумала: что это такое желтое? А это деньги. Вот! Пожалуйста!

— Ясно! — сказал Пыжик. — Деньги вывалились из кармана. Определенно! Посмотрим. Тут должны быть и документы. В бумажнике всегда носят документы.

Раскрыв бумажник, мы вытащили из него все, что там было, но никаких документов, кроме двух лотерейных билетов, не оказалось. Тогда мы сели на скамейку и стали считать. Насчитали две тысячи восемьсот восемьдесят семь рублей.

Марго сказала:

— Если отнять для ровного счета семь рублей на мороженое, останется ровно две тысячи восемьсот восемьдесят рублей.

— Ну и что? — спросил Пыжик.

— На семь рублей, — сказала Марго, — можно купить мороженого. Нам же полагается процент за находку. Вы что, Пыжик, не верите? Тетя Глаша нашла в прошлом году пять тысяч и отнесла в милицию, а ей дали процент. Правда, правда!

Пыжик стал красным, как галстук.

— При чем тут процент? — сказал он. — Когда деньги находят, их несут всегда в милицию... Ставлю на голосование. Кто за то, чтобы отнести деньги в милицию, — прошу поднять руки.

Мы быстренько проголосовали и все вместе пошли в милицию. Впереди шагала Инночка с бумажником в руке, а наша экспедиция шла сзади, чтобы Инночка не потеряла чего-нибудь по дороге.

В милиции самый главный милиционер подумал сначала, что деньги нашел Джульбарс, и хотел погладить его, но

Джульбарс зарычал, и главный милиционер, отдернув руку, спросил строгим голосом:

— А вы сосчитали деньги? Сколько тут?

— Две тысячи восемьсот восемьдесят семь рублей! — хором ответили мы.

— А больше не было? — спросил милиционер.

— Больше не было, — сказал Пыжик.

Милиционер стал писать на бумажке, где и как мы нашли деньги, и попросил нас расписаться, а потом встал, одернул куртку и сказал, что хочет пожать нам руки за честность.

— При чем тут честность? — возмутился Пыжик. — Мы же пионеры! Может, вы думаете, что пионеры могли найти деньги и взять себе семь рублей на мороженое?

Милиционер сказал, что он так не думает, потому что сам когда-то был пионером и всегда уважал и уважает пионеров. Тогда мы охотно пожали ему руку и вернулись в парк.

Когда мы возвращались в парк, с нами увязалась и Слюсарева Инночка, хотя никто из нас ее и не приглашал вовсе.

— Ты куда? — спросил Пыжик, останавливаясь.

Остановилась и вся наша экспедиция.

— А вы куда? — спросила Инночка.

— Мы?... Ну... мы немножко прогуляемся.

— И я немножко прогуляюсь!

— Ребята, — сказал Пыжик, — вы понимаете?

— Мы понимаем! — сказала Нина. — Но Инночку вполне можно взять. Она же отчаянная. Она же от других никогда не отстанет.

Пыжик спросил Инночку:

— Ты отчаянная?

— Я свободная сегодня!

— Мы идем на опасное дело! — предупредил Пыжик.

— Ну и что? — повела плечами Инночка. — Все равно мне до обеда нечего делать.

Пыжик сделал страшные глаза, посмотрел по сторонам и сказал таким шепотом, что даже мы — члены экспедиции — и то испугались.

— А вдруг нам ни обедать, ни ужинать никогда уже не придется? Думаешь, шучу, что опасная? Ого! По-моему, лучше тебе идти обедать.

Пыжик просто не хотел, чтобы Инночка шла с нами. Вот он и старался напугать ее. Да только она совсем не испугалась. Инночка так и загорелась вся.

— Ой, как интересно! — подпрыгнула она и захлопала в ладоши. — У меня никогда еще не было ничего опасного. Я иду. Точка. И восклицательный знак!

— Подожди! — нахмурился Пыжик. — Ты идешь? Но согласна ли вся экспедиция, чтобы ты пошла с нами... Ставлю на голосование. Кто «за», — прошу поднять руки.

При одном воздержавшемся, Пыжике, Инночку тут же включили в спасательную экспедицию, и мы зашагали в сторону танцевального павильона. В эту минуту никто и не подумал даже, какую непоправимую ошибку сделали мы, захватив с собою Инночку. Но человек не всегда понимает, когда он ошибается, а может быть, человеку даже полезно ошибаться, чтобы научиться думать и лучше понимать все?

Но уже поздно. Надо спать. Продолжу свои записки завтра.

30 августа

Воспоминанья прошлых дней теснятся в памяти моей! Откуда эти слова, никак не могу припомнить. Пушкин? Лермонтов? Ну, да это не важно. Расскажу, что случилось с нашей экспедицией.

Когда мы подошли к павильону танцев, Пыжик сказал торжественно:

— Ребята, держаться всем до последнего. Все за одного, один за всех. Если придется бежать, сбор назначаю у главного входа.

Мы осмотрелись и стали отсчитывать вдоль канала шаги, медленно двигаясь к мостику.

— ...четырнадцать... пятнадцать... шестнадцать... семнадцать... Стоп! Смотрите под ноги! — скомандовал Пыжик.

— Есть! — прошептала Валя, наклоняясь поспешно над небольшим холмиком, на котором лежали сложенные крестом два ржавых гвоздя.

Пыжик внимательно осмотрел землю под ногами и, покивав головою, как будто пробуя, хорошо ли она держится у него на шее, процедил сквозь зубы:

— М-да... Понятно! Пока все идет, как я думал. А теперь смотрите хорошенько по сторонам, чтобы нам никто не помешал. Возможно, за нами уже следят и потому...

— Кто?

— ...и поэтому, — продолжал Пыжик, не обратив внимания на вопрос Нины, — будем осторожны. Я начинаю копать, а вы... Короче говоря, — заметите подозрительных людей, — свистните!

— Но я совсем не умею свистеть! — предупредила Нина.

— Крякни уткой! Кря-кря! Доступно?

— Могу! — кивнула Нина.

Пыжик опустился на колени и принялся разгребать осторожно землю руками. Джульбарс подошел к воде и с такой жадностью начал лакать, будто пять дней росинки у него не было на языке.

Над головами прошел с ревом самолет с четырьмя моторами. Может, ТУ-104 или ТУ-114. Я подумала: интересно, видят нас пассажиры сверху или не видят и как, вообще, выглядит из окна самолета земля? Я никогда еще не летала и не представляю даже, что чувствуешь, когда летишь на такой страшной высоте.

Вдруг Нина крякнула:

— Кря-кря!

Пыжик вскочил.

— Где? Что?

Нина повела носом в сторону мостика через канал.

— Идут! — прошептала она.

Мы так и замерли.

По мостику передвигались две загадочные личности, волоча за собою по воде темные, длинные тени.

— Мужчина! — подтолкнул меня Пыжик.

— И женщина! — вздохнула Валя.

Мы стояли минут пять, пока загадочные личности не прошли и не скрылись в темной зелени, а потом снова принялись за работу.

— Фаруэлл! Фаруэлл! — попрощался с ними Пыжик, почему-то по-английски, и начал копать яму, выгребая из нее осторожно руками землю, то и дело наклоняясь над ямой, внимательно рассматривая каждый комочек земли, даже растирая ее пальцами.

— О'кей! О'кей! — бормотал он, окончательно переходя на английский язык, считая, наверное, этот язык более подходящим для спасения чести Нептуна и его товарищей.

Солнце припекало уже основательно. Марго захотела пить. Джульбарс ушел куда-то по своим собачьим делам. Инночка начала зевать и сказала, что ей скучно. Пыжик посоветовал пойти в читальный павильон и почитать «Крокодил», если Инночке неинтересно заниматься серьезным делом.

Яма становилась все глубже и глубже, и мы уже начали сомневаться. Обливаясь потом, Пыжик подбадривал всех, покрикивая то и дело:

— Еще одно последнее усилье, и ямочка закончена моя!

И вдруг закричал:

— Есть, ребята, есть!

Вся экспедиция так стремительно нагнулась над вырытой ямой, что послышался ужасный шум. Это мы столкнулись лбами. Откуда-то появился и Джульбарс. Он тоже посмотрел внимательно на дно ямы и начал лаять.

— Чувствует! — сказал Пыжик. — У собак удивительное чутье на преступления. Дайте ему понюхать след.

Валя стала тыкать Джульбарса носом в яму, но он обиделся и не захотел брать след.

— Ничего, ничего! — сказал Пыжик. — Не насилуй его! Он сам поймет сейчас, что нужно ему делать. — Пошарив в яме рукой, Пыжик вытащил оттуда бутылку, густо облепленную песком. — Есть! — и тихо свистнул. — Все идет, как я предполагал!

Он поднес бутылку к глазам, посмотрел сквозь нее на солнце.

— Все понятно! Все так и должно быть! — сказал он бодро.

Мы просто сгорали от любопытства.

— Что?

— Что понятно?

— Мы ничего не понимаем!

Пыжик поднял руку вверх:

— Спокойно! Сейчас поймете. Давайте Джульбарса.

Валя подтащила упирающегося Джульбарса за ошейник к Пыжику.

— Спокойно! — скомандовал Пыжик и обратился к Джульбарсу заискивающе: — Джульбарсик, многоуважаемый песик. Вот эту бутылочку, — он сунул под нос Джульбарсу бутылку, — нужно понюхать и взять след. Понимаете! След! Вашим симпатичным носиком. Ду ю андэстэнд ми? — спросил он по-английски и тут же перевел на русский язык: — Вы понимаете меня?

Джульбарс, удивленный вежливым обращением и английским языком, посмотрел растерянно на бутылку, на Пыжика, громко чихнул и, не ожидая, пока Пыжик скажет ему: «Будьте здоровы!» — молча пошел прочь.

— А ну, вернись! — дернул Джульбарса за хвост Пыжик.

Джульбарс, повернув голову, оскалил зубы. Из горла его вырвалось угрожающее рычанье.

Пыжик отдернул руку.

— Хам! — рассердился Пыжик. — Тоже ищейка называется!

— Он устал! — вступилась за Джульбарса Валя.

— Ничего не устал! — нахмурился Пыжик. — Лодырь! Самый бесполезный гав-гав. Может искать след только в миске. Зря мы его взяли с собой. Ну, да ладно. Обойдемся без собак. Отойдите в сторону!

Пыжик взмахнул бутылкой и с размаху хлопнул ее о камень.

Осколки стекла брызнули во все стороны. Из бутылки вывалилась свернутая в трубочку бумажка.

Пыжик развернул ее и прочитал вслух:

«Возьмите лодку, плывите на островок, который расположен в трех кабельтовых от причала. На острове найдете березовый кол, а под ним — дальнейшие указания.

Нептун — гроза морей и четыре бороды».

Пыжик обвел нас торжествующим взглядом.

— Ну? — помахал он победоносно бумажкой. — Это что? Это какое дело? Серьезное или не серьезное? Кто говорил — разыгрывают? — И уже другим, деловитым тоном скомандовал: — Пойдем по горячим следам. Надо сразу же взять лодку напрокат. На час. За час берут три рубля. Понятно? У кого есть три рубля?

Мы переглянулись.

Ни у кого таких денег не оказалось, конечно. Пыжик предложил порыться в карманах и выложить все, что имеется у каждого.

— Вносите, ребята, кто что может, — распорядился Пыжик. — Если не хватит, — добавлю.

Я нашла в своих карманах тридцать девять копеек, Марго семнадцать копеек. Нина и Валя собрали вместе двадцать две копейки, а капитал Инночки составлял ровно четыре копейки. До трех рублей не хватало всего-навсего двух рублей и восемнадцати копеек.

— Эх, вы! — сказал Пыжик с раздражением. — Ну как можно выходить из дома без копейки в кармане? А вдруг что-нибудь случится?..

Он вывернул карманы с видом миллиардера, который и счета не знает деньгам. Посыпались пуговицы, копейки, пустые патрончики от мелкокалиберки, круглая коробочка из-под вазелина и скомканные фантики.

— Считайте! — небрежно повел рукою Пыжик над своими сокровищами. — На «Волгу», конечно, не хватит, но кое-что наберется!

Мы сосчитали капиталы Пыжика: один рубль и пятьдесят копеек, а сосчитав, переглянулись.

— Вот я говорила, — торжествующе посмотрела на всех Марго, — говорила, что надо взять семь рублей из

находки! Или хотя бы два рубля, а вы... — не договорив, она махнула рукой, как бы считая бесполезным продолжение разговора.

— Говорила, говорила, — передразнил Пыжик, — а кто же знал, что нам понадобится рубль пятьдесят?

— Может, сходить в милицию? Может, объяснить им?

— Ерунда! — нахмурился Пыжик. — Там еще подумают, будто для того мы только и находим деньги, чтоб получать за находку рубли и копейки...

— А если без лодки? Давайте поплывем без лодки! — предложила Нина. — Я запросто доплыву до островка. Он же почти рядом!

— Читать умеешь? — ткнул пальцем в плакат Пыжик. — За купанье штраф! Прочла? Имеешь деньги, чтобы уплатить? — И вдруг он хлопнул себя по лбу ладонью. — Есть выход! Есть! За мной! Придумал! Надо уговорить кассиршу! Попросим лодку не на час, а на полчаса! Пошли!

Разговор с кассиршей был серьезным и продолжительным.

Пыжик стоял, сунув голову в кассу, на цыпочках, а во время разговора так беспокойно перебирал ногами, что можно было подумать, будто кассирша мылит ему голову и в глаза Пыжика набилась мыльная пена.

Наконец он вытащил голову из кассы, радостно повернулся к нам. Лицо его сияло, правый глаз подмигивал заговорщицки:

— По-ря-до-ок! — пропел он. — Идем! Согласилась!

Мы побежали к причалу.

— Ребята! — кричал на бегу Пыжик. — Дал честное пионерское вернуть лодку раньше даже чем через полчаса. Действовать быстро, зря не терять ни минуты, иначе, ребята, мы не расплатимся с кассиршей и подорвем пионерский авторитет. Учтите, ребята, я дал ей честное пионерское.

Не теряя понапрасну ни одной минуты, все вскочили в лодку и тронулись в путь. Но вот тут-то произошла небольшая заминка. Джульбарс тоже полез в лодку и чуть-чуть не опрокинул нас.

— Паразит! — процедил Пыжик сквозь зубы. — Не внес ни копейки, а лезет, будто три рубля вложил. Слушай, Павликова, скажи ему, чтобы он шел домой.

— Он не пойдет! — вздохнула Валя. — Он очень любит кататься на лодке.

— Здравствуйте! — усмехнулся Пыжик. — Как будто мы специально пришли сюда, чтобы катать этого лодыря.

Он посмотрел на Джульбарса с возмущением. Но у Джульбарса такие зубы, что Пыжик не стал с ним спорить.

Он взмахнул веслами, и мы, не теряя ни минуты, сразу стали мокрыми курицами, потому что Пыжик обрушил на нас веслами половину пруда.

Марго завизжала. Пыжик обиделся.

— Эх ты, — сказал он, — а если бы мы попали в шторм на двенадцать баллов? Ты визжала бы, наверное, так, что оглохли бы жители Сан-Франциско и мыса Доброй Надежды.

— Ах, — сконфузилась Марго, — вы, Пыжик, не обращайте внимания. Я это... от удовольствия...

Пыжик сорвал с головы кепку, бросил ее под ноги и крикнул:

— Полный вперед! Помогайте загребать руками, и да спасет наши души провидение!

Все начали помогать. Поднялся невообразимый шум. Джульбарс залаял. Лодка стала раскачиваться так, что Валя побледнела.

— Осторожнее, осторожнее! — закричала она, вцепившись руками в борта.

— Нам не страшны океаны! — засмеялся Пыжик и стал выкрикивать непонятные команды: — Право на бакборт! Крепи стакселя! Отдай брамсели!

Инночка запела ужасным голосом:

Тот, кто рожден был у моря,
Тот полюбил навсегда
Белые мачты на рейде,
В дымке морской города.

Она бы очень даже просто допела всю песню до конца, но, к счастью экспедиции, Нина закричала:

— Земля! Земля!

Кто бывал в парке Победы, тому, конечно, знаком необитаемый островок, расположенный на зюйд-вест от причала на расстоянии нескольких узлов. По-морскому. Или в пятидесяти метрах, при переводе на метрическое исчисление.

Вот к нему-то мы и плыли.

— Ясно вижу землю! — отрапортовала Нина. — Остров покинут жителями, но березовый кол они оставили.

— Самый тихий! — скомандовал Пыжик, табаня веслами.

Лодка подошла к берегу.

— Спокойствие! — поднял руку Пыжик. — Приготовить спасательные шлюпки. Первыми садятся женщины и дети!

Но Джульбарс (такой бестолковый) высадился на берег раньше всех. Не ожидая организованной высадки, он оттолкнулся от лодки ногами и, сиганув на берег, накренил борт так, что через него хлынула вода и все мы очутились по пояс в затопленной лодке.

— Мужчины уступают женщинам спасательные пояса, сами добираются до берега вплавь! — закричал Пыжик, выскочив на берег. Следом за ним стали выпрыгивать из лодки, как лягушки, и девочки, мокрые с головы до ног.

— Назовем этот остров «Земля Пыжика»! — предложила Нина.

Пыжик мотнул головой.

— Неинтересно! Предлагаю другое название: «Остров Спасенных Душ!». Мы же потерпели кораблекрушение! Понимаете? Океанские валы выкинули нас на берег, и мы сошли на землю со слезами благодарности. Давайте, ребята, слезы благодарности!

Он плеснул на лицо пригоршню воды, высоко поднял руки к небу:

— О великое Провидение! Моряки бригантины «Стелла Полярис» обещают тебе отныне не прикасаться к рому и виски в течение трех лет.

Нина Станцель тоже брызнула на себя водою и, не вытирая слезы благодарности, тоже подняла руки вверх:

— Клянусь не убивать никого по святым пятницам! Отныне и присно, алиллуйя, алиллуйя, алиллуйя!

Мы все побрызгались немножко, чтобы у всех на глазах были слезы благодарности, после чего вытащили лодку на материк и начали отливать из нее воду.

Пока мы так дурачились, Валя закричала:

— Весло!.. Ой, весло поплыло!

Как оно ухитрилось пуститься в самостоятельное плавание, никто не понял, но всем стало ясно, что с одним веслом нам ни за что не вернуться на берег, а придется остаться на необитаемом острове, потому что мы и с двумя-то веслами перемокли все.

— Полундра! — прошептал Пыжик. Не спуская глаз с уплывающего весла, он начал поспешно стаскивать штаны. Стянув проворно рубашку через голову, поддернув трусики и крикнув: «Старый пират плавал, как молодой кашалот», — Пыжик кинулся, взбучив столб брызг, в морские глубины.

Не раздумывая долго, следом за ним бросился, коротко тявкнув, Джульбарс. И оба поплыли наперегонки к веслу.

Пыжик первым схватил весло, но Джульбарс решил, кажется, что Пыжик напрасно вмешивается в собачьи дела.

Мотнув головою, Джульбарс схватил весло зубами, потянул к себе, угрожающе рыча на Пыжика.

— Пусти, уродина! — закричал Пыжик, вырывая весло из пасти Джульбарса.

Валя пожала плечами:

— Не понимаю, за что он оскорбляет Джульбарса. Он же хочет помочь ему.

— Ничего не помочь! — сказала Марго. — Он только мешает человеку. Уж очень много он воображает о себе, твой Джульбарс.

Борьба за честь спасения весла становилась нешуточной.

— Куда тянешь, дура собачья? — кричал Пыжик. — Пусти! Слышишь? Кому говорю?

А Джульбарс и не подозревал даже, что он должен уступить свою собачью обязанность Пыжику. Ловко перехватив весло зубами, он победоносно вздернул хвост над водою и поплыл с веслом к берегу, посматривая то вправо, то влево.

— Отдай! — настигал брассом Джульбарса Пыжик.

Но мы на берегу сразу оценили всю серьезность положения. Ведь Джульбарс мог плыть и к нам, и к причалу. Ему даже выгоднее было бы доставить весло на большую землю, так как в эту минуту она была расположена к нему гораздо ближе, чем остров.

— Не пугай! Не пугай Джульбарса! — закричали мы и самыми подхалимскими голосами стали кричать наперебой: — Сюда, Джульбарсик! Сюда, собачка! Колбаски дадим! Косточку! Мы здесь, мы здесь, Джульбарсик.

Конечно, никаких косточек, никакой колбаски у нас не было, но откуда же мог знать Джульбарс, что мы его обманываем?

Он подплыл с веслом в зубах к острову, а когда Валя взяла весло, выскочил на берег, отряхнулся и начал лаять на подплывающего Пыжика.

Пыжик вылез из воды злой, как не знаю кто.

— Если не уложимся в полчаса, — сказал он, — пусть Джульбарс сам тогда платит за прокат лодки. — Посмотрев на нас, он закричал: — А вы-то что стоите? Денег нет, чтобы платить за прокат, а выстроились, как миллионеры на прогулке. Давайте же, ребята, давайте. Времени же у нас в обрез.

Фу, устала как! Больше не могу писать. Короче говоря, — продолжение следует. Завтра!

1 сентября

Весь день — сплошные улыбки, цветы, шум, радостные встречи. Все рассказывают, захлебываясь, о летних переживаниях. Многие ребята загорели и, кажется, выросли.

Были, конечно, уроки, но... кто же не знает, как трудно слушать внимательно после летних каникул.

Пыжик, увидев меня, оскалил зубы, засмеялся:

— Ну, как Нептун? Не пишет?

Да, Нептун. А я еще не все рассказала о нем. Попробую закончить его историю!

Значит, так.

Пришвартовались мы у необитаемого острова, а так как он был расположен на такой широте и долготе, что через всю его территорию можно было переплюнуть как с севера на юг, так и с востока на запад, отыскать березовый кол было не трудным делом. Кол мы выдернули и, раскопав землю под ним, нашли бутылку, а в ней записку:

«Не торопитесь, но и не медлите. Вы уже у цели. Еще одно усилие — и ключи перейдут вам в руки!..»

— Стойте, стойте, какие ключи? — спросила Нина.

— Какие, какие?! Неужели непонятно? Ключи к спасению чести, — нахмурился Пыжик. — Но давайте не будем перебивать. Где я остановился? Ага. Вот...

«Смело идите к памятнику Зое Космодемьянской. Когда подойдете к памятнику, встаньте лицом к большому пруду, спиною — в сторону памятника Матросову, потом поверните головы на два румба вправо. Вы увидите справа от себя заросли кустарника. Вот тут-то, в двух шагах от парковой дорожки, в самых зарослях кустарника, ищите медную пуговицу. Возьмите ее в правую руку. За пуговицей потянется тонкий шнурок. Не удивляйтесь, а тяните его до тех пор, пока не вытянете из земли вокарудотс, а также ценную премию за ваши усилия...

Привет! Нептун — гроза морей и четыре бороды».

— Что такое вокарудотс? — спросила Инночка.

— Что, что? — усмехнулся Пыжик. — Самый обыкновенный вокарудотс. Ну, да это слишком долго объяснять... Достанем его из-под земли — вокарудотс, — тогда ты и сама увидишь, что это такое... И давайте, ребята, без глупых вопросов... Короче говоря, плывем сдавать лодку.

Мы пришвартовались мокрые-премокрые, и каждый из нас изображал на берегу петергофский фонтан, — так обильно стекала со всех вода.

Марго предложила пойти на пляж, чтобы обсушиться немного на солнышке, но Пыжик криво усмехнулся:

— Трижды ха-ха! Первоклашки мы, что ли?.. Как это поется? Солнце, воздух и вода нам полезны завсегда! Закаляйся, как сталь!

Марго поспешила согласиться.

— Я лично не против, — забормотала она. — Мне так приятно даже... Холодит и... вообще. Я за вас, Пыжик... беспокоюсь... Как бы вам не простудиться...

Что за чудесный день сопровождал экспедицию!

Солнце освещало тенистые аллеи, чтобы нам удобнее было шагать по ним; облака плыли над нами, как бы желая проводить нас и посмотреть, чем кончится экспедиция; шпалеры кустарников и деревьев, покрытых веселым, зеленым пухом, стояли по сторонам, как солдаты при встрече королей, президентов и министров. В нежной клейкой листве парка возились ошалевшие от весеннего воздуха суматошливые воробьи, и они чирикали так, как могут чирикать только одни ленинградские воробьи, которые выполняют в парках Ленинграда обязанности соловьев и других приличных птиц. Подсвистывая воробьям, теплый ветер шевелил опушенные клейкою листвою кроны деревьев, ерошил зеркало прудов; вода в них искрилась под солнцем живой, сверкающей чешуей.

Экспедиция шагала по аллеям, оставляя за собой шлейф стекающей со всех воды, поливая щедро посыпанные свежим песком дорожки. Позади тащилась (именно тащилась, а не шла и не шагала) Инночка Слюсарева. Она все время останавливалась, то и дело потирала лоб, бормотала что-то под нос.

Оглядываясь назад (мне показалось, что она заболела), я вдруг увидела, как Инночка опустилась на колени и, странно жестикулируя, принялась выписывать на песке пальцем не то чертежи какие-то, не то таинственные письмена.

Я окрикнула ее:

— Э, что у тебя там?

Инночка подняла голову, а встретив мой взгляд, неожиданно захохотала, да так, что все невольно остановились, недоумевающе поглядели друг на друга.

— Чего хохочешь? — удивилась Нина. — Смешинка в рот попала?

Взмахнув руками, Инночка села на песок и принялась так хохотать, словно ее щекотали.

— Да ты что? — испугалась Валя. — С ума сошла?

— Наоборот! — крикнула Инночка и снова захлебнулась смехом. — Наоборот надо! — выкрикивала она, вытирая проступившие от смеха слезы. — Если наоборот, — тогда все понятно!

— Сошла с ума! — вздохнул мрачно Пыжик. — Я же говорил, нельзя брать на такое опасное дело всех, кто под руку попадет! Тут нужны люди с крепкими нервами. Пусть идет домой! Скажите ей!

— Ты можешь идти домой! — крикнула я. — Теперь мы одни справимся! Отдыхай!

— А вокарудотс? — снова захохотала Инночка.

— Ну и что? — подозрительно посмотрел на нее Пыжик.

Инночка, зажав одной рукой рот, чтобы не расхохотаться, и вся посинев от натуги, другую руку подняла вверх и стала писать что-то по воздуху.

Мы ничего не поняли.

— Перестань смеяться! — попросила Нина. — Говори по-человечески.

— Но я же и говорю! — развела руками Инночка. — Наоборот надо. Читайте «вокарудотс» не слева направо, а справа налево, и получится «сто дураков»!

— Она больна! — сказал Пыжик. — Отведите ее домой!

Инночка всплеснула руками:

— Неужели непонятно? Ну, тогда читайте сами! А я уже прочитала, и у меня получилось... Что получилось? А получилось: «Тащите шнурок и сто дураков».

— Розыгрыш? Да? — почему-то обрадовалась Нина. — Ну, что, разве я не говорила?

— Что ты говорила? — взорвался Пыжик. — Ничего не говорила! И зачем ты пошла с нами, — не поймет вся Академия наук.

— А что я теряю? — усмехнулась Нина.

— Что теряешь? — растерянно переспросил Пыжик, думая о чем-то другом. Глаза его стали скучными, он весь словно посерел, осунулся, ресницы его пришли в движение: то вверх, то вниз, то вниз, то вверх, будто отплывал он от неприятностей, помахивая, вместо платочка, ресницами.

— Подождите! — поднял руку Пыжик. — Одну минутку! Во-кару-дотс! — он присел, поспешно начертил на песке это дурацкое слово, провел по нему пальцем и грустно вздохнул. — Правильно! Сто дураков! — И, взглянув на нас, захохотал так, словно боялся заплакать. — Ха-ха! — выжимал он из себя веселый смех, глядя на всех невеселыми глазами. — Так я же давно догадался, что это розыгрыш! Эх, вы!

— Догадался? — усомнилась я. — Тогда зачем же ты...

— А затем! — Пыжик оскалил зубы, как Джульбарс. — Для интереса! Вот зачем! — И вдруг лицо его повеселело, глаза заблестели, радостная улыбка раздвинула губы. — Ну, сто дураков! Ну, хоть двести даже! Ну и что? Ну, а дальше? Тайна-то ведь не раскрыта? Нет! Мы же все равно еще не знаем, кто разыграл нас! И почему именно нас, — тоже непонятно. Значит, — он сделал паузу, молча посмотрел на всех и решительно надвинул кепку на нос, — я остаюсь! Выясню все... один! Если никто не останется!

— Почему никто, Пыжик? Я остаюсь с вами! — послышался голос Марго.

— И я!

— И я!

— И я!

— А мне, — сказала Инночка, — все равно нечего делать.

Мы двинулись к памятнику Зое. Но хотя работы экспедиции продолжались, настроение у всех было, видимо, такое же, как у меня. А мое, скажу честно, определенно испортилось. Мне показалось, что и солнце светит после появления вокарудотса уже не так, да и все в парке стало вроде невеселым, как дождливая, осенняя ночь.

Молча мы прошли танцевальную площадку, молча миновали розарий, так же молча промаршировали по аллее Героев Советского Союза. И только когда над пушистой зеленью

молодых лип показалась бронзовая голова самой храброй девушки, Пыжик сказал, как бы разговаривая сам с собою:

— Но только это не наши ребята... Почерк мировой... И опять же — ни одной ошибки в письмах... Нет, честное пионерское, это все-таки самая настоящая тайна.

Облака плыли над бронзовыми плечами Зои, пепельно-сизые голуби вились над ее головой, опускаясь на бронзовые волосы, на закинутую за плечи винтовку. Зоя стояла повернув голову в нашу сторону. Она смотрела на экспедицию таким спокойным и твердым взглядом, что мне захотелось остановиться, и что-нибудь сказать ей.

Проходя мимо Зои Космодемьянской, Пыжик отвернулся и, кажется, покраснел. Ведь Зоя единственная девочка, которой, как говорил Пыжик, он завидует.

— Ладно, сейчас узнаем, — сказал он, нервно подергивая воротничок куртки, — сейчас все станет ясно. И кто разыгрывает, и почему разыгрывает, и так далее. — Он говорил, обращаясь к нам, но смотрел на нас, как на пустое место. Его глаза глядели куда-то дальше. — В общем-то, теперь самое интересное узнать, кто и для чего разыгрывает. Да! Вот в чем штука!

Мы грустно вздохнули.

Как хорошо, как интересно началось все! Ну, почему в загадочную тайну вмешалась Инночка? Хотела все описать сегодня, но уже устала, да и пора ложиться спать. Но завтра обязательно, непременно закончу рассказ о приключениях в парке Победы.

2 сентября

Медную пуговицу мы отыскали быстро. В зарослях кустарника Инночка и нашла ее. Она же (как будто для того мы ее пригласили) вытащила прикрепленный к пуговице шнурок, а затем, проворно перебирая непомерно длинный шнур, вытянула из-под корней какой-то сверток.

— Вот!.. Тайна!.. — Инночка схватила что-то завернутое в газету и перевязанное бечевкой. — Вскрываем? — И, не

ожидая ответа, распаковала сверток. — Ура! — захохотала Инночка. — Это вам!

Мы отшатнулись.

В руках Инночки появился пучок розог, обвитый розовой ленточкой. На ленточке было написано тушью:

> *«Наружное. Принимать перед чтением книг о похождениях шпионов.*
>
> *Привет! Нептун — гроза морей и четыре бороды».*

— Вот это секрет! — совсем уже бесстыдно захохотала Инночка.

Нина посмотрела на небо и, улыбаясь, вздохнула.

— Пятеро отважных и смелых открывают тайну! — сказала она и, передернув плечами, достала из кармана маленькое зеркальце. — Пятеро курносых оканчивают игру со счетом пять — ноль в пользу Нептуна — грозы морей! — снова вздохнула Нина и, поглядывая в зеркальце, стала рассматривать свои зубы.

Я посмотрела на членов экспедиции. Кроме Инночки, все пятеро были действительно курносые. Все до одного курносые.

Неужели это простое совпадение? Мне показалось в эту минуту, что я сделала какое-то научное открытие, но какое именно, этого я еще не могла понять. Однако разве не удивительно, что пять курносых попали, как один, в такое глупое положение?

Впрочем, лично я не совсем курносая. Пожалуй, я только подвид небольшой курносости. Но лишь успела я отметить мысленно деление курносых на виды и подвиды, как с ужасом подумала: «Ну и шум будет в классе, когда узнают о наших похождениях в парке».

— Девочки, — сказала я, — как это хорошо, что у нас появилась настоящая тайна. Собственная! И вы понимаете, конечно, что нам теперь придется хранить ее, заботиться о том, чтобы никто не узнал о приключениях с Нептуном.

— Ясно! — повела носом Марго. — Если в классе узнают, — засмеют!

У Пыжика был самый смущенный вид.

— Ребята, — сказал он, расстегнув воротник рубашки, — вообще-то ничего страшного не случилось... Ну, просто... играли и... все тут! И никому докладывать об этом, конечно, не стоит... Мало ли кому и как нравится играть... Лучше всего, чтобы никто не знал... Да! Короче говоря, предлагаю... Давайте поклянемся...

— ...над розгами! — захихикала Инночка.

Ну, зачем мы взяли ее с собою?

Пыжик покосился на нее, но, сделав вид, что не слышал, поднял вверх крепко сжатый кулак:

— Поклянемся, ребята...

— Стойте, стойте, — закричала Инночка, наклоняясь, — тут что-то еще есть! Завернутое в целлофан! — Она выудила из пучка розог пакетик и вдруг заорала так, что ее услышали, наверное, и на Выборгской стороне, и на Охте. — Соска! Ура! Одна на всех! И с приложением! Глядите! Записка! Ого! Читаю: «Принимать между главами шпионских книг. Перед употреблением не болтать. Четыре бороды и одна безусая особа!»

— Ясно, — угрюмо сказал Пыжик. — Подстроил кто-то из девчонок, а всю эту пакость устроил или старший брат, такое мое мнение, или целая банда.

— Тогда, — сказала Нина, — я знаю кто. Лийка Бегичева. У нее же целая банда мальчишек. Стиляг. Семиклассников. Они всегда с ней бывают.

Пыжик покачал головою.

— Почерк не семиклассный, — вздохнул он. — Да и стиляги написали бы по-другому. Но не в этом дело, ребята! Дело в том, что мы должны дать клятву не трезвонить в классе об этом... стихийном бедствии. Поклянемся же держать загадочное дело в тайне!

— Ой, девочки, — отскочила Инночка, — у вас теперь столько тайн, что даже голова кружится. Я пошла. До свиданья!

— Куда?..

— Постой!

— Куда же ты?

Но Инка, бессовестно оскалив зубы, помахала рукою и помчалась так, что ее худые длинные ноги взлетели к самому затылку.

— Все! — опустил голову Пыжик. — Мы пропали! Завтра весь класс будет скалить зубы.

Марго дотронулась до руки Пыжика:

— Вы не расстраивайтесь, Пыжик. Пусть смеются, а мы будем дружить.

Пыжик угрюмо поковырял носком ботинка землю.

— Говорил, не надо ее брать, а вы — голосовать, голосовать.

Он круто повернулся и пошел, не взглянув на нас, к главному входу в парк.

Растерявшаяся Марго подняла с земли пучок розог, посмотрела, смешно мигая глазами, на девочек, на спину Пыжика и закричала:

— Пыжик, а это... Вы не возьмете?

Она протянула розги, считая, кажется, что они могут принадлежать только ему одному.

Пыжик оглянулся, бросил диковатый взгляд на розги, со злостью посмотрел на Марго. Она побледнела, опустила низко голову.

Кто же, однако, подшутил над нами?

ЗАПИСАНО В РАЗНОЕ ВРЕМЯ

На уроке зоологии по партам пошло гулять какое-то послание. Я видела, как, читая его, ребята хихикали, посматривали то на меня и Марго, то на Пыжика, то на Валю и Нину.

Ну, конечно, кто-то остроумничает о наших похождениях в парке.

Я старалась сидеть спокойно, как будто меня и не касается глупое хихиканье, но легко ли изображать мраморный памятник, когда чувствуешь, как на тебя показывают пальцем. И самое неприятное было то, что ведь я даже не знала, какие гадости написаны о нас.

Наконец, обойдя все ряды, записка пошла гулять по нашему ряду, а скоро подошла и к нашей парте.

Сзади протянулась рука. Я услышала хихикающий шепот Бомбы:

— Антилопа, тебе письмо от Нептуна! — И на мою парту упал свернутый клочок бумаги.

Я развернула его и увидела пять отвратительных уродов. Они мчались, широко открыв рот, к чудовищу с трезубцем. У ног чудовища стояла корзина. В руках чудовище держало пучок розог с лентой, на которой было написано мелко: «На память от грозы морей».

Под рисунком были стихи:

Мчатся в парк ужасным кроссом
Пять загадочных курносых.
Там, в аллеях темных, в парке
Раздает Нептун подарки.
Руки шире расставляйте!
Получайте! Получайте!
Вот с погибших кораблей
Пять заржавленных гвоздей!
Вот бечевки! Вот записки!
Горсть песка из Сан-Франциско!
Две бутылки, шерсть китов!
Пять хвостов морских котов!
Ну, а это — для отваги.
С лентой розовой бумаги
Получите пустячок:
Розги, свитые в пучок!

Внизу была пометка: «Прочитай и передай дальше!»

И такие бездарные стихи, глупые, как поэт, который написал их, вызвали такой же глупый смех.

Я была возмущена. Что же тут смешного? Я чувствовала, как на меня смотрит весь класс. Уж не думают ли они, что я расплачусь? Ну, как бы не так!

Пожав плечами, я передала рифмованную гадость Марго.

— Не подавай вида, — прошептала я, — изобрази на лице презрение и отдай Пыжику.

Марго прочитала и, конечно, ужасно расстроилась.

— Я... порву это! — захныкала она.

— Не смей! Нас же тогда засмеют! Изобрази презрение!

Марго выпятила губы. Не знаю, понимает ли она, что такое презрение, но, по-моему, она изобразила сестренку Вали — Лильку, когда та принимает рыбий жир.

Я выхватила послание из рук Марго и перебросила его Пыжику.

Пусть все видят, что наша парта приняла стихи без особых переживаний.

Марго шепнула:

— Это Лийка! Это она сочинила!

Я посмотрела на Лийку.

Она сидела, вздернув нос, гордо посматривая по сторонам, как бы желая сказать:

«Вот она я! Смотрите! Это я, я, я сочинила. Вам никогда не написать таких стихов. А для меня ничего не стоит даже еще ядовитее сочинить стишки».

Ну, погоди же! На большой перемене я научу тебя сочинять такие поэмы, что ты придешь домой с расцарапанным носом и хорошенькими синячками на ручках. Я отучу эти ручки делать гадости. Пусть они научатся сначала убирать за собою постель, одевать тебя, а уж потом пишут, что им вздумается.

Я послала Пыжику записку:

«Это Лийка-кривляка сочинила. Она давно уже занимается такими гадостями. С третьего класса. Надо заманить ее в большую перемену в пустой класс. Ты встанешь у дверей, а я зайду и хорошенько поговорю с ней. Ладно?»

Пыжик, прочитав записку, взглянул на меня и помотал недовольно головой, потом быстро написал что-то и передал мне.

Я прочитала:

«Если это Лийка, — имею другой план. После урока нам всем отважным (зачеркнуто) пятерым надо собраться. Предупреди Марго и Нину. Павликовой я сказал. Сбор на большой лестнице».

Я показала записку Марго. Она вздохнула так, будто в груди у нее скопились все ураганы, тайфуны, самумы и штормы.

— Пыжик теперь очень расстроится! — сказала она. — Пыжику это всех неприятнее.

Вот глупости какие! Почему же один Пыжик будет переживать? А я? А Валя? А Нина?

Ну, конечно, нам было сейчас не до зоологии. Я еле-еле дождалась конца урока, а как только услышала звонок, сунула учебник в парту и, кивнув Пыжику, побежала к большой лестнице.

Пожалуй, это самое удобное место для совещаний. Особенно в большую перемену, потому что орут и визжат здесь так, что можно спокойно обсудить любое дело и никто не услышит ни слова. Все секреты тут тоже очень удобно передавать.

Я прибежала к лестнице.

С визгом, хохотом и свистом, толкая и обгоняя друг друга, мчались мальчишки. Первоклашки скатывались, визжа от восторга, по перилам, не забывая, однако, зорко поглядывать по сторонам (а вдруг появится учитель?). Стайка крошечных безобразников бежала за маленькой девочкой и хором квакала:

— Ква, ква!

Толстенький, румяный первоклассник, задыхаясь, тащил на спине еще более толстого мальчишку. Наверное, они поспорили о чем-то и проигравший везет в школьный буфет «на верблюдах» выигравшего пари.

— Вот устрица! — усмехнулась я. А давно ли я сама была такой же глупышкой?

Не прошло и минуты, как подошел Пыжик и сказал:

— Я все понял, но... давай не будем... с пустым классом... Во-первых, она пожалуется, и тогда у нас начнутся неприятности. А во-вторых, будем честно бороться. Будем бить ее тем же, чем она стукнула нас. Стихами!

Я объяснила ему, что Лийку стихами не воспитаешь, а если расцарапать ей нос, она больше не станет писать гадости. Но тут подошла Нина и сказала:

— При чем здесь Лийка? Ребята просто поручили ей выступить со стихами. И только. Все знают, что Лийка пишет стихи и что они получаются у нее неплохо. И, кроме того, ведь это же почти все правда.

— Почти! — задумчиво повторил Пыжик. — Она записала почти правду. Ну вот и мы напишем о ней почти правду. Писать, так уж всем писать. Давайте подумаем, какую же о ней сочинить почти правду?

— А вот какую! — сказала я. — Она финтифлюшка и воображала. Она сказала Лене Бесалаевой, будто в нее влюблены восемь семиклассников и все они так и ходят за ней по пятам.

— А это правда? — спросил Пыжик.

— Смешно! Какая же правда? — возмутилась я. — Ну, кто, подумай сам, может влюбиться в Лийку? Она увидела в кино, как там влюбляются, и завоображала о себе.

— Не говори! — остановила меня Нина. — Это все-таки почти настоящая правда! Семиклассники действительно ходят встречать Лийку. И на катке катаются с ней. Но почему катаются, — вот это уже вопрос!

— Почему?

— Потому что ее мама приглашает Лийкиных друзей каждое лето на дачу. А там у них моторная лодка, разные игры. Ребята говорят, на даче Лийки веселее, чем в пионерском лагере.

— Тогда понятно, — сказала я. — Тогда, конечно, можно и на катке с ней кататься, если летом... моторная лодка и вообще.

— Ладно, — сказал Пыжик, — что-нибудь сочиним! Я берусь написать стихи. Но хорошо сделать еще и карикатуру. Кто из нас рисует?

Лучше всех не только среди пятерых отважных, но и во всем классе рисует, конечно, Марго.

Ее рисунки посылали даже на выставку детских рисунков в Индию, когда она училась еще в третьем классе в сельской школе.

— Марго, нарисуешь? — спросил Пыжик.

— Ой, не знаю... А вдруг не получится? Вдруг не похоже?

— Ну и что? Главное, чтоб посмешнее было! Она смеется, и мы посмеемся... Но что напишем — вот вопрос! О чем?

— Она же хвастунья, — напомнила я. — Хвастается своей «Волгой», хвастает, что ей покупают дорогие платья и чуть ли не котиковое манто, что ее папа самый ответственный папа. Прожужжала всем уши о собственной даче, о курортах, где она бывает с мамой... Мировая хвастунья! Хорошо бы песню сочинить про нее.

— А музыка? — спросил Пыжик.

— Я бы подобрала что-нибудь, — сказала Нина Станцель. — Надо слова сначала написать. А может, сама сочиню музыку! У меня потом и разучить можно. У нас хорошее пианино.

Когда Пыжик узнал, что Нина играет на пианино и сочиняет музыку, он ужасно обрадовался.

— Напишем романс! — подскочил он и взъерошил на голове волосы. — Жестокий романс! Стихи напишу я сам. Мотивчик Нина сделает, а потом все вместе споем в классе.

Жестокий романс мы сочиняли и разучивали больше недели, и, наконец, наступил день мести.

Перед уроком английского языка Пыжик вышел на середину класса, пригладил волосы и, подмигнув нам, сказал:

— Братцы-ленинградцы, у нас плохо развивается художественная самодеятельность. Отстаем мы, короче говоря. А вам известно еще с первого класса, что отсталых бьют. Вот мы и подумали, чем дожидаться, пока нас побьют, будем сами биться за нашу самодеятельность. Еще короче говоря, мы тут кое-что придумали.

— Короче! — закричали ребята.

Пыжик поднял руку:

— Внимание! Сейчас выступит ансамбль песни и пляски. Будет исполнен романс «Горе без ума».

И мы запели, приплясывая и лихо притопывая:

Ах, какое дивное авто
Я имею всем на удивленье.
Мама купит завтра мне манто,
Не манто, а умопомраченье.

Есть у папы должность в Кишкотресте,
А у мамы — личный шифоньер.
Летом я поеду с мамой вместе
На курорт Ривьер де трепарьер.

У меня есть собственная дача,
Три моторки, сорок радиол,
Миллион пластинок «Кукарача»,
Персональный с сеткой волейбол.

Одного лишь только не хватает, —
Говорят мне па и моя ма,
Говорят и горестно вздыхают:
«Не хватает, доченька, ума!»

Ребята так и покатились от смеха.

Лийка вскочила, замахала руками и плачущим голосом закричала:

— Не смеете! Я буду жаловаться! Нечестно! Подло! Я ваших родителей не трогаю, и вы не трогайте.

Пыжик покраснел и стал оправдываться. Он сказал:

— О чем ты? Опомнись, безумная, как говорил д'Артаньян своей лошади. Кто тебе сказал, что романс про тебя и про твоих родителей? Прими таблетку аспирина!

Валя растерянно оглядела всех и сказала неуверенно:

— Ребята, а мы действительно... Ну, как вы думаете: честно или нечестно мы поступили?

Валя растерянно оглядела всех и сказала неуверенно:

— Кажется, не совсем честно! А по-вашему, как?

— А по-моему, — сказала я, — так ей и надо! Пусть не хвастается! И потом, ведь неизвестно же, о ком мы спели романс. Имени нет, фамилии тоже не было... А вообще-то пускай позлится!

Но меня не поддержали. Мы посидели еще несколько минут молча, а потом, не глядя друг на друга, разошлись по домам.

Вся эта история все-таки всплыла, и о нашем романсе, а также о войне с Лийкой узнал директор школы. Кто-то собрал все наше творчество и передал ему. Может, пионер-

вожатый, а может, Лийка! Я думаю, что это работа Лийки, а Пыжик говорит: у Лийки не такой характер, чтобы действовать исподтишка.

— Она бы в открытую напала на нас! — сказал он. — Все-таки, при всех недостатках, от нее не отнимешь честного, открытого характера.

Директор вошел с нашими произведениями в руках и спросил:

— Это один старается или же у вас все принимают посильное участие в творческой работе?

Марго вскочила и, глядя на Пыжика, сказала, заикаясь:

— Это я... Я одна... Рисовала и... вообще!

— Так! — сказал директор. — Значит, ты и есть классная Кукрыникса? Ну, что ж, рисунки неплохие! А кто поэзией занимается? Или поэты более скромны? Не пожелают называть себя?

И вдруг, к моему удивлению, Лийка вскочила и сказала:

— Стихи про Нептуна я писала. А родителей не задевала! При чем тут родители? Это бесчестно! Почему же они не считаются...

— Кто они?

Лийка посмотрела в нашу сторону и вздохнула:

— Они знают, кто писал! Пусть сами скажут!

— Пусть скажут! — кивнул Пафнутий. — Не возражаю!

Мы переглянулись. Говорить или не говорить?

— Они не хотят! — усмехнулся Пафнутий.

Пыжик вскочил и крикнул срывающимся голосом:

— Вот я! Стихи я написал! Но это же шутка была! Вы же, Пафнутий Герасимович, и сами, наверное, любили пошутить, когда были школьником.

— Любил! Не отрицаю! Да и сейчас люблю хорошую шутку! И веселые, жизнерадостные шутники мне по душе. Но шутки бывают разные. Есть в нашей школе один паренек — я не буду называть его, — который считает верхом остроумия дергать девочек за косы.

Ребята захохотали. Ведь таких пареньков и в нашем классе сколько угодно.

— Смешно? — удивился директор. — Девочки, вам смешно, когда вас за косы подергивают?

— Нет! — хором ответили девочки.

— Целый хор голосов! — улыбнулся директор. — Значит, одному солисту смешно, а всему хору огорчительно. Шутки, стало быть, как вы уже понимаете, хороши только тогда, когда от них все смеются или смеется большинство и лишь один, осмеянный за дело, огорчается... Не подумайте, что я пришел сказать вам: не балуйтесь, не шалите, не беснуйтесь. Да если бы и сказал, то вряд ли вы стали бы ходить с опущенными руками, на цыпочках. Я же вас знаю. И поэтому, когда я прочитал ваши стихи, подумал: не предложить ли вам одно веселое занятие?

Мы переглянулись. Что это за веселое занятие?

— Новую игру? — спросила Таня Жигалова.

Ребята насторожились.

Пафнутий никогда не говорит просто так. Уж если он начинает какой-нибудь разговор, — значит, за этим разговором вот-вот, сейчас, сию минуту всплывет что-нибудь или очень приятное или же очень и очень неприятное. Между прочим, он преподносит и хорошее и плохое так спокойно, что по лицу никак не угадаешь, что же приготовлено у него для нас.

А вообще-то ребята стараются подальше держаться от него, пореже встречаться с ним. И не потому, что часто приходится слышать от учителей: «Ты что же? Хочешь пойти к директору? Хочешь с ним поговорить, как надо вести себя на уроках?» — а просто потому, что при нем как-то теряешься.

В школу Пафнутий Герасимович приходит весь сияющий, блестящий. Костюм его отутюжен, на брюках — острые, как ножи, складки, галстук повязан как на картинке, гладко выбритые голова и щеки отливают стальной синевой и блестят, как новые. И весь он такой, что хоть на выставку мод посылай.

Когда я была первоклашкой, я старалась как можно реже встречаться с ним в коридорах. Мне казалось тогда: стоит ему заметить мою особу, он непременно подзовет к себе:

— А ну-ка, ну-ка, подойди ко мне, замарашка! Покажи руки!

И руки мои сами прятались под фартучек при одной только мысли о такой встрече. (Ну кто же не знает, что в первом классе руки пачкаются так часто, что их просто не успеваешь мыть.)

Не знаю, любят ли его ребята, но уверена: относятся они к нему с большим уважением и, кажется, чуть-чуть побаиваются его. А вот почему боятся, — не могу понять. Он никогда не кричит на нас. Не повышает голоса. И все-таки в нем есть что-то такое непонятное мне, как бы устрашающее, что ли! Не знаю! Во всяком случае при нем все как-то подтягиваются, перестают дурачиться, а самые большие безобразники становятся вежливыми.

А вот нашего милого Брамапутру мы все просто любим.

Когда я первый раз увидела Брамапутру, он показался мне неопрятным стариком. Я очень тогда удивилась, услышав от ребят, что его вся школа любит.

Когда он приходит в класс в помятом пиджаке, с каким-то петушиным хвостиком седых волос на голове, мы встречаем его дружескими улыбками, осматриваем с головы до ног. Все ли на месте? Кажется, все! Узел «вечного галстука» свисает ниже воротничка. Из бокового кармана торчит «вечный кончик», — уголок носового платка, которым — по словам ребят — пользовался в свое время прапрадедушка Брамапутры. Порядок! А где две пуговицы, которые висят на ниточке и должны не сегодня завтра отвалиться? О, и пуговицы еще на месте!

И мальчишки и девочки радостно улыбаются. И все дружным хором приветствуют Брамапутру:

— Здрасте! Доброе утро!

Он видит улыбающиеся приветливые лица и сразу как будто молодеет от дружеской встречи.

Наверное, он раньше приходил в школу таким же отутюженным и сияющим, как Пафнутий, но сейчас ему трудно следить за собою. Брамапутра так стар, что ему и пуговицы не пришить самому, и помятого галстука не прогладить. Девочки старших классов заходят по очереди к нему на

квартиру, как будто в гости, но, конечно, для того только, чтобы навести порядок, что-нибудь починить, погладить, пришить пуговицы.

Кто-то из ребят сказал однажды, будто Брамапутру «выживают из школы», будто другие учителя хотят, чтобы он ушел на пенсию. Но куда пойдет он, если, кроме нас и школы, у него нет никого и ничего на свете. Да и жалко было бы нам расстаться с ним, потерять такого учителя, уроки которого для нас настоящий праздник.

Иногда Брамапутра засыпает в классе. Тогда мы встаем у дверей и сторожим его сон. Ведь если учителя узнают, что он спит на уроках, — тогда его непременно переведут на пенсию.

Да, мы все его любим, но вся наша любовь похожа больше на жалость и на благодарность за чудесные уроки.

Я сказала Пыжику, что можно любить не уважая и уважать не любя. Он, не подумав, стал спорить. Тогда я сказала:

— Вот тебе пример: я очень люблю своих подшефных ребят в детском садике. Но как ты думаешь, могу я уважать их?

Пыжик посмотрел на меня с удивлением:

— А знаешь, я думал, что только у меня появляются в голове разные такие же вопросы... Но, кажется, в нашем возрасте все уже начинают думать по-настоящему!

Но вот директора можно лишь уважать. Даже не так я хотела сказать. Его не «можно уважать», а нельзя относиться к нему без уважения. Мы уважаем его за то, что он знает нас не хуже, чем мы сами знаем друг друга. А уж такому никто не скажет: «Простите, я не знала, что этого нельзя делать. Я больше не буду!»

Нет, ничего такого ему не говорят. Да и сам он не говорит разных жалких слов: «Это нехорошо, это неприлично!»

Он просто смотрит, смотрит и смотрит на тебя, потом прищурит глаз и спросит:

— Как же это тебя так угораздило?

И тогда приходится рассказывать все по порядку.

Он молча выслушает и спросит:

— Ну, а ты-то как относишься к своему поступку? Одобряешь? Осуждаешь? Н-да, — побарабанит он пальцами по

столу, — ты, конечно, скажешь сейчас, что осуждаешь свой поступок. Раскаиваешься! И, наверное, думаешь, что взрослые только для того и существуют, чтобы им можно было говорить о раскаянии. Но я хотел бы научить вас всех думать и понимать одну самую простую истину. Какую? А вот какую: когда тебе захочется сделать какую-нибудь гадость другому, подумай: понравилось бы тебе, если бы другой поступил бы так же, как поступаешь ты?

Вот какой у нас директор.

И когда он пришел в класс и сказал, что может предложить классу кое-что веселое, интересное, мы вытянули шеи, как гуси.

Директор сказал:

— Талантов у вас — хоть пруд пруди! И художники! И поэты! И прозаики, конечно, найдутся! А вот классная газета у вас такая беззубая, такая неинтересная, что можно подумать, будто в классе нет зубастых, нет интересных ребят. Что это такое? Лень одолевает вас? Времени не хватает? Нет желания?

Славка сказал:

— Это все от названия! Она от названия скучная... Называется «За учебу», ну... а это... В такой газете чего напишешь? За учебу только и писать надо, не правда разве? А за учебу уже... За учебу нам учителя пишут! В дневниках! Двойки!

Все захохотали. Пафнутий сделал удивленное лицо:

— Двойки за учебу? Ой, за учебу ли двойки пишут?

Птицын вскочил и начал объяснять, за что ставят двойки, но Пафнутий посадил его и сказал:

— Насчет двоек, по-моему, всем и все ясно без объяснений! А вот вопрос с газетой «За учебу» нужно уточнить, обсудить, обдумать. Стало быть, по вашему мнению, название газеты мешает ей быть интересной, боевой газетой... Допустим! Так, так... А что, если переменить название? Пойдет дело на лад?

— Пойдет! — крикнули разом мальчишки.

— Тогда в чем же дело? Привязали вас к этому названию, что ли? Не годится оно? Мешает? Тогда долой его!

— А можно мы сами придумаем? — спросил Пыжик.

— Не только можно, но и должно! Кстати, неудачное название «За учебу» никто за вас и не придумывал. Вспомните получше! Разве не вы сами когда-то решили назвать свою газету именно так, как называется она сейчас? Кто там хотел предложить другое название? Давайте!

— Халла-балла! — крикнул Пыжик.

Ребята захохотали.

— Что это? — спросил директор. — Боевой клич старьевщиков или название газеты?

— Нет, я же серьезно! — сказал Пыжик и, встав, пригладил обеими руками волосы на голове. — Ничего смешного не вижу. Ведь есть же у нас дела разные. Серьезные! А есть просто халла-балла! И люди тоже! Одни — настоящие, а другие халла-балла. Трепачи! Вот я и думаю... и предлагаю... Пусть будет газета «Халла-Балла», и пусть в ней пишут против тех, кто не настоящий, и против того, что настоящая халла-балла... Критику!

Весь класс закричал:

— Правильно!

— Даешь «Халла-Балла!»

— Хороший заголовок!

Директор почесал бровь и, подумав, сказал:

— Дело, конечно, ваше; но вам не кажется, что название это чем-то похоже на рахат-лукум, на хундры-мундры, на шашлык-машлык? Впрочем, вы еще подумаете, надеюсь. Вероятно, будут и другие предложения! Ладно, потом мне скажете.

Когда директор ушел, в классе сразу на всех партах началось оживленное обсуждение названия газеты. Многим ребятам понравилось название «Халла-Балла», но никому не понравились слова Пафнутия о том, что наша газета будет чем-то похожей на какие-то «хундры-мундры».

Нина закричала:

— Не надо халла-балла! Другие классы скажут, что газету выпускают у нас старьевщики. Я против.

— Тогда, — сказала Таня Жигалова, — я тоже присоединяюсь к Нине! Предлагаю назвать газету «Горчичник»!

— «Нокаут»! — крикнул Чи-лень-чи-пень.

— «Товарищ»! — предложила Лена.

И сразу со всех сторон посыпались разные названия:

— «Шило в бок»!

— «Спутник»! — закричала пронзительно Дюймовочка.

— «С легким паром»!

— «Спичка в нос»!

— «Розги»! — взвизгнула Лийка под общий хохот.

— «Папина машина»! — закричал Пыжик, вызвав тоже веселый смех.

— «Четыре бороды»! — всхлипнула радостно Лийка.

— «Школьная гусыня»!

И тут уж начали выкрикивать разные глупости. Ребята так развеселились, что кричали только такие названия, которые могли насмешить всех. В классе поднялся невообразимый шум. Тогда на парту вскочила Дюймовочка и, ужасно волнуясь, запищала:

— Ну, ребята! Ну, что это вы? Мы первоклашки или шестой класс? Давайте же серьезно! Очень же хорошее название «Спутник», а вы дурачитесь. — Она обвела руками вокруг себя. — Это же наш спутник? Так? И спутник Земли? Верно? И спутник школы! Скажете — нет? И спутник дружбы и товарищества... Лучшего названия все равно не придумать. Вот сами увидите!

Чтобы было «все хорошо», Дюймовочка предложила проголосовать и действовала так энергично, что ребята и опомниться не успели, как она уже организовала голосование, и мы, проголосовав быстро, утвердили единогласно название газеты «СПУТНИК», а заодно уж и выбрали редколлегию, в которую вошли Пыжик, Лийка, Марго, Бомба и я. Чудесное название мы придумали для газеты. Редколлегию выбрали тоже неплохую, но «Спутник» наш так и не вышел на орбиту шестого класса.

За окнами уже бродили школьные каникулы. Они как бы вздыхали под окнами, томились в ожидании, спрашивая неслышно: «Ну, скоро ли? Ой, когда же кончатся занятия? Когда же, наконец, можно будет купаться, загорать, собирать грибы и ягоды, не учить уроки?»

Приближалось лето, и все школьные дела вдруг потускнели, стали неинтересными, а мы так надоели друг другу, что только и ждали того часа, когда целое лето уже не будем встречаться ни с двойками, ни с товарищами по классу, когда не нужно будет вставать по утрам и торопиться (ой, как бы не опоздать в школу!) и когда можно просыпаться и, потягиваясь, жмуриться от удовольствия: «Весь день сегодня мой, и я могу делать все, что только захочу сама!»

14 сентября 1959 года

Ура!

Попали!

Вымпел в самую Луну влепили!

По коридорам, по всем классам перекатываются восторженные крики:

— Ур-р-ра! Мы на Луне!

Все сияют, как начищенные. У всех радостно блестят глаза. Даже учителя радуются с нами. У них в учительской тоже кричали «ура». Директор бегает по школе, как именинник. Наскочив на Бомбу, который делал стойку в коридоре, он только и сказал на бегу:

— Вот, вот, именно так и ходят лунатики!

Как празднично сегодня! И как это хорошо, когда все рады и все довольны. Я думаю, при коммунизме вот такой и будет жизнь. Вся из праздников. Из одних только праздников!

Одно меня огорчает — болезнь Марго. Она теперь все чаще и чаще болеет. Но лечиться так и не собирается. Я спросила Марго, что сказала ей Софья Михайловна. Оказывается, мать Марго и не подумала даже пойти к Софье Михайловне.

— Мы с мамой в монастырь поедем, — сказала Марго. — Там есть чудотворная икона, которая уже многим помогла вылечиться.

Когда я услышала такую глупость, я побежала к Софье Михайловне и рассказала ей, как мать Марго собирается лечить ее иконой.

— Знаю, — сказала Софья Михайловна. — Сама ходила к ним. — Махнув рукой, она вздохнула. — Глупая женщина! Погубит она ребенка.

— Но разве нельзя заставить ее лечить Марго?

— В том-то и дело, что такие болезни насильно не лечат! У Маши больное сердце. Ей нужно сделать операцию сердца. Очень серьезную операцию. А без согласия родителей врачи не имеют права оперировать детей.

Что же делать?

Противная Марго! Мне и жалко ее, и в то же время хотелось бы побить за упрямство. Уж, кажется, кто только не старается воспитывать Марго! И я сама! И другие ребята! И учителя! И даже директор. Но она держится за своего бога, как слепой за палку. Никого не хочет слушать. Сколько мы ни бьемся с ней, она по-прежнему верит и в своих чертей и в своего бога!

Да и ребята тоже хороши.

Вот Пыжик, например! Обещал помочь перевоспитать Марго, но, кроме обещания, так и не дождались мы от него ничего больше.

Сегодня сказала ему:

— Ты же самая настоящая халла-балла! Говоришь одно, а делаешь что? Ничего ты не делаешь, чтобы спасти Марго! Нашего товарища! Чтобы помочь ей жить! Чтоб она не лечилась молитвами!

Пыжик вздохнул.

— Ты права! — сказал он. — Я трепач! Самый настоящий трепач! Натрепался, а ничего не сделал. Забыл! Понимаешь? Но я сейчас подумаю, что можно сделать. Не мешай! Чапаев будет думать!

Пыжик долго думал, противно посвистывал, потом потер лоб и сказал в раздумье:

— А что, если мы попробуем... м-м... такой номер?.. Может, получится, а? Попробовать разве?

— Что попробовать?

Не отвечая мне, Пыжик вскочил и принялся бегать по комнате, бормоча под нос:

— Да, да! Это идея! Это здорово может получиться!

Он остановился, скрестил на груди руки и произнес важно:

— Есть идея! После уроков приходи вместе с Марго ко мне домой. Прихвати кого-нибудь еще... Из наших! Но, — погрозил он пальцем, — Марго не должна знать, что я буду ее воспитывать!

Во время уроков я ломала голову, стараясь догадаться, как же он будет воспитывать Марго. Ну, а вот сейчас, когда уже знаю, что за идея появилась в голове Пыжика, мне кажется, у него ничего не получится. А не получится потому, что вместо воспитания Марго мы все увлеклись в этот вечер новой игрой, которую придумали, воспитывая Марго.

Но расскажу по порядку.

Когда мы пришли к Пыжику, он подмигнул мне, Вале, Нине и, улыбаясь, сказал, что совершенно случайно прочитал сегодня одну забавную историю про монахов.

— Ну, — сказал Пыжик, — и посмеемся же мы сейчас вместе! Лопнуть можно от смеха! История про монахов. Знаете, что такое монах?

Марго и я кивнули головами, но Валя спросила:

— Это царь? Да?

— Царь — монарх! А это — монах! Вроде попа! Не совсем как поп, но тоже всех дурачит и тоже ничего не делает. Хотите послушать?

Марго сказала:

— Священники молятся богу. И монахи молятся.

— Ну и что? Это работа, по-твоему? Вот сейчас услышишь, как они работают! — сказал Пыжик, снимая с полки книгу.

Мы уселись поудобнее. Пыжик откашлялся и начал читать про хитрого, жадного монаха. Этот монах был самый отвратительный пьянчужка. Он все время пьянствовал, а чтобы достать деньги на пол-литра, обманывал верующих людей. Монах-пьяница жил в средние века, когда все еще верили в бога, поэтому он свободно торговал разной немыслимой ерундой. Сострижет свои ногти, положит их в коробочку и ходит по базару да кричит: «Покупайте ногти Иисуса Христа! Самые свежие ногти! Получены после воз-

несенья Христа на небо». Потом отрежет у собаки волосы с хвоста и орет на весь базар: «А вот святые локоны ангела Гавриила!» А то нальет в крошечные пузырьки воду из грязной лужи и орет: «Только у меня можно купить слезы святой девы Марии и последние капли с чела господа бога, когда закончил он творить в шесть дней небо и землю». Хитрюга монах продавал не только слезы и пот, но даже звон колоколов храма Соломона. Вынесет на рынок пустые бутылки, запечатанные сургучом, и предлагает темным людям настоящий звон колоколов святого храма, который избавляет от всех болезней.

Тут я не выдержала и спросила:

— Неужели его не могли разоблачить? Просто не верится даже, что люди могли быть такими глупыми.

— Ну, не совсем глупыми они были, а просто темными, — пояснил Пыжик. — Да и кто же мог разоблачить его? Газеты ведь тогда не выходили. Учти!

— Ну, темных и сейчас немало! — сказала Нина. — Верят же некоторые в бога. Марго, например!

Марго вспыхнула.

— Ты всегда стараешься унизить меня! — сказала она со злостью.

— Не обращай внимания, Марго! — заступился Пыжик. — Когда я был маленьким, я сам два раза был в церкви. С бабушкой. Она как-то предложила пойти в церковь. Ну я и пошел. Думал, церковь — это вроде цирка. А там такая скучища. Я даже заплакал.

Потом Пыжик прочитал еще одну историю про монахов. Эти монахи завернули в шелковый платок хвост осла и тем, кто платил деньги, разрешали целовать ослиный хвост. «Это хвост того священного осла, — врали они, — на котором Иисус Христос приехал в Иерусалим».

Вот какие жулики!

Я слушала и незаметно посматривала на Марго. Интересно все-таки, как же действуют на нее такие истории? Но ничего особенного не заметила. Марго хохотала вместе с нами и, может быть, даже громче всех. Пожалуй, ей не мешает слушать такие рассказы почаще. Я уже хотела попросить Пы-

жика почитать еще что-нибудь такое, но Пыжик вдруг подпрыгнул и со всего размаху шлепнул себя ладошкою по лбу.

— Ребята! — закричал он. — Идея! Можно организовать интересную игру. Нет, честное слово, это будет здорово. Значит, так: давайте делать такие же ценности, как у монахов!

Мы сначала не поняли Пыжика. Я подумала, что он собирается продавать на рынке слезы и пот господа бога или что-нибудь вроде звона колоколов.

Пыжик обиделся:

— Да нет! Ты не поняла! Я же не предлагаю обманывать людей. Просто мы организуем новую игру. Будем играть в коллекцию редкостей. Ну вот, например! — Он вытащил из письменного стола крошечную коробочку, кусок ваты, потом сбегал на кухню и принес обглоданную косточку. — Внимание! С помощью рук и собственной фантазии я превращаю на глазах уважаемой публики обыкновенные отбросы в сказочную драгоценность. Алле-гоп!

Он ловко обернул косточку прозрачной папиросной бумагой и бережно положил ее в коробочку, на вату.

— Ну? — показал он коробочку. — Угадайте, что это может быть?

— Кости ангелов! — засмеялась Нина.

— Косточка черта, с которым дружит Марго! — сказала я.

Марго обиделась.

— Уж очень ты о себе воображаешь! — сказала она. — А по-моему, это кости твоего воображения!

Пыжик встал между нами, потому что моя рука потянулась к Марго (чтобы немного одернуть ее), и сказал спокойно:

— Давайте не спорить! Это кости вещего Олега! Остатки, по-научному!

— Настоящие остатки? — спросила Валя.

— Зачем тебе все настоящее? Это же игра! Настоящее, настоящее... Думаете, настоящее интереснее ненастоящего? Названия морей ведь тоже не настоящие. Называются моря Черным, и Белым, и Красным, а во всех морях вода одинаковая. Одного цвета. Ну, а мы можем сделать и красную, и черную воду... Для интереса! Для игры. Понимаете? И они

будут называться «экспонаты». Ого, представляете, какие интересные будут экспонаты! Поинтереснее марок! Клянусь!

— Ой, девочки! — всплеснула Нина руками. — Я тоже придумала! Уже придумала!.. Экспонат... Напиток!.. Вечная молодость!

Пыжик помотал головою:

— Не интересно.

— Почему же не интересно? Мы скажем, что напиток надо принимать по две капли, и тогда каждый может прожить до ста лет.

— Ерунда! — отмахнулся Пыжик. — Человеку полагается, по науке, жить до ста двадцати пяти лет.

— Но не живут же, — защищала свой экспонат Нина. — По науке положено, а люди умирают в семьдесят — восемьдесят лет.

Пыжик пожал плечами:

— Просто... ну... Привычка, что ли, такая, умирать в это время. Человек доживет до семидесяти лет и уже говорит: пора умирать. А почему пора, — и сам не знает. Просто привыкли умирать в это время — и все! Я, например, умру не раньше ста двадцати пяти лет.

В это время вернулась с работы Софья Михайловна.

Очень довольная, что мы пришли к Пыжику, она усадила нас ужинать.

За ужином все весело смеялись, потому что Софья Михайловна очень интересно рассказывала забавные истории о своей собственной школьной жизни. После ужина Софья Михайловна играла на пианино и пела. Голос у нее замечательный. И песни удивительные. Она сама придумывает мотивы на разные стихи. Мне особенно понравилась песенка ее собственного сочинения:

Пора бы растянуться на кровати
И от окна уйти. Но сон некстати!
Зачем мне спать? Какой мне сон приснится,
Который с жизнью наяву сравнится?

Какой чудесный вечер провели мы!

На прощанье Софья Михайловна сказала:

— Заходите почаще! Я очень рада, что вы подружились с Леней! Женское общество облагораживает мужчин.

Пыжик сделал такую уморительную рожицу, что мы расхохотались.

— Это я облагораживаю их! — сказал он важно.

Софья Михайловна засмеялась:

— Хвастун! — и щелкнула его по носу. Потом посмотрела грустно на Марго и поправила на ее голове беретик. — А ты, Машенька, передай маме, что завтра я приду к ней с одним профессором. В семь часов придем.

Пыжик пошел проводить нас. По дороге мы стали хвалить его маму. Она у него такая хорошая и совсем даже не похожа на маму.

— Твоя мама, Пыжик, все равно что хороший товарищ! — сказала Нина. — Но иногда ты все-таки чувствуешь, что она мама? Ссорится она с тобою хоть нередка?

— Ну, — развел руками Пыжик, — от нее, конечно, подзатыльников я никогда не получал. И никогда она не кричит на меня. Но разные... как это сказать... неприятности, что ли, у нас бывают... Мама нервная, горячая очень... Сделаю если что не так, она тогда не замечает меня, не разговаривает... А я подойду к ней, потрусь носом о ее руку, ну, она и засмеется. И все простит... Мы-то что, — чурки березовые? Разве кто-нибудь из нас не понимает, что наши мамы, да и папы тоже, хотят для нас только хорошее?

Ну, не все, подумала я, вспомнив мать Марго. Но сказать ничего не сказала.

30 сентября

Новое дело: весь класс «заболел» коллекциями. Появилось столько коллекционеров, что просто не пройти, не проехать. Весь день то тут, то там собираются владельцы коллекций и устраивают такой базар, что в окнах стекла дребезжат.

Ребята роются в справочниках, перечитывают старые учебники, запоминают разные исторические случаи, и все для того только, чтобы сделать экспонат поинтереснее.

Лийка принесла золотую нитку с новогодней елки, завернутую в целлофан и упакованную в красивый футляр из-под часов. Целый час мы ломали головы, стараясь угадать, что же это такое. А это оказалось самой обыкновенной нитью Ариадны.

Конечно, экспонаты делать не так просто. Надо все-таки знать и кто такая Ариадна и что такое нить Ариадны. И тут уж никак нельзя путать Тезея с троянским конем, кентавров с кенгуру или Нерона с Немвродом. И вообще надо соображать немного, иначе получаются не экспонаты, а чепуха на постном масле. Вот недавно Марго принесла пуговицу с якорями, как самый настоящий экспонат. Пуговицу она завернула в розовую прозрачную бумажку и укрепила на кусочке красного бархата. Все стали догадываться, что бы это могло быть, а когда не могли угадать, начали кричать, дурачась.

— Это, — закричал Славка, — пуговица от штанов господа бога!

— Деньги планеты Марс!

— Глаз Полифема!

Марго сказала, что это самая первая пуговица на земле. Но ее тут же разоблачили.

— Пуговица — с якорями, — сказал Ломайносов, — а люди не могли строить корабли и делать якоря, если у них не было еще одежды. Значит, пуговица с якорями не может быть самой первой пуговицей.

— Ребята, — закричал Пыжик, — да это же пуговица капитана Кука, которого съели дикари! А у тебя, Марго, есть пепел того костра, на котором жарили Кука?

— Конечно, есть! — кивнула Марго, не моргнув даже глазом. — Пеплу сколько угодно. Завтра и пепел принесу! Пожалуйста!

— Не забудь тогда поставить дату на экспонате! Укажи число, месяц и год, когда съели отважного Кука! Вот это уже будет ценный экспонат. Помнишь, когда его съели?

— По-моему, — неуверенно сказала Марго, — его съели в тысяча восемьсот двенадцатом году.

— Вздор! В тысяча восемьсот двенадцатом году били Наполеона в России. И бил его Кутузов. При чем же тут Кук? Кутузов — да! Кук — нет!

— Кука, — сказала Дюймовочка, — съели в тысяча пятьсот каком-то году! Или в тысяча семьсот семьдесят седьмом году.

— Здравствуйте, тетя, я ваш дядя! — насмешливо оскалился Пыжик. — К этому можешь добавить: «А было Куку в то время не то шесть лет, не то шестьдесят, а может, и все шестьсот»! Какой же это экспонат, если все с потолка берется? Липа, а не ценность!

Из-за этих экспонатов теперь каждый день спорят до хрипоты и в классе, и на школьном дворе, и по дороге из школы или в школу.

Как-то Славка принес окурок сигары и сказал, что этот окурок остался от той самой сигары, которую закурил Колумб, увидев берега Америки.

— Не курили тогда! — сказала Лена. — Табак появился позже! Его привезли как раз из Америки.

Коллекции становились с каждым днем все интереснее и интереснее. Появились гвозди из подковы Пегаса, зуб священного быка Аписа, камешки, которые клал себе в рот Демосфен, лавровый листик из венка Нерона, остаток хвоста кометы Галлея, орбита спутника Земли и даже перо из крыла голубя мира.

Но, кроме ценных, настоящих экспонатов, стали распространяться фальшивые ценности, подделки.

Ломайносов притащил какие-то подозрительные цветы и пытался выдать их за цветы красноречия Демосфена. Геня Мозговой перевязал ленточкой пучок конских волос и начал уверять всех, будто это остатки гривы троянского коня. Мы сначала подумали, что Генька жульничает, но потом выяснилось, что он просто позабыл, что троянский конь был деревянным.

Дюймовочка носилась по классу с обыкновенным пшеничным зерном и кричала, что из этого зерна был выпечен самый первый хлеб на земле. Ну и выдумает же! Еще можно бы поверить, если бы она сделала экспонатом

первую корку первого хлеба, но зерно? Надо ж все-таки думать немного.

Ребята стали приносить в класс куски гранита науки, воду из будущего Братского моря, кровь лунного мамонта, желудь того самого дуба, который был посажен Петром Великим, консервы из языка барона Мюнхаузена, зубные щетки Робинзона Крузо и Пятницы. А Вовка Волнухин связал ниткой два спичечных коробка, сломанную пипетку-капельницу, петушиное перо и крышку от банки с гуталином и сказал, что это... английское произношение.

Во время перемены теперь можно было слышать дикие вопли и в коридорах и в школьном дворе:

— Кому магнитофонная запись воя полярного медведя, записанная во время перелета через Северный полюс?

— А вот самый настоящий крик первого больного во время первой в мире операции. Меняю вместе с пузырьком!

— Спешите приобрести шум Полтавской битвы!

— Предлагаю ценную историческую кинопленку, снятую лично Юлием Цезарем!

Я не стала бы записывать все глупости и дурачества, которые охватили класс, если бы они, глупости эти, не натолкнули пятерку отважных на самую несчастную мысль о самом идиотском экспонате и если бы этот экспонат не доставил нам так много неприятностей.

Не знаю уж, кто именно предложил эту глупость, но помню: мы просто взвыли от радости. Такой замечательной показалась нам идея необыкновенного экспоната. Нина взялась достать это, а Пыжик сказал, что он возьмет на себя общее руководство гениальным экспонатом.

И вот что произошло.

На другой день, перед первым уроком, Пыжик появился в классе в черной маске и, размахивая бутылкою темно-зеленого стекла, стал кричать толстым голосом:

— Еще невиданно! Еще неслыханно! Впервые в истории человечества! Необыкновенное научное открытие! Единственный в мире запах мудрости! Только что получен из лаборатории академика Тигель-Мигеля. Желающие

познакомиться с запахом мудрости могут подходить по очереди!

Но ребята у нас не такие глупые, как верующие средних веков. Их-то обмануть не так просто. И хотя все смотрели с большим любопытством на Пыжика, однако никто не торопился становиться в очередь.

А Пыжик кричал, надрываясь:

— Налетай, не зевай! Вот он, вот он самый свежий! Раз нюхнешь — всю мудрость поймешь. Понюхаешь два раза подряд — сам мудрости не будешь рад!

Ребята толпились вокруг Пыжика, подталкивая друг друга, но никто не решался набраться мудрости. Тогда пятерка отважных решила показать пример. Мы стали подходить по очереди к Пыжику, а он подносил нам под нос бутылку, и мы делали вид, будто нюхаем запах мудрости.

— Ах, какая прелесть! — закричала я.

Тотчас же к бутылке подскочила Нина. Она потерлась носом о пробку и, всплеснув руками, закатила глаза:

— Божественный аромат! Ничего подобного никогда не нюхала!

Марго и Валя тоже приложили носы к пробке, и обе изобразили на лицах райское блаженство.

— Как в парикмахерской! — простонала Марго.

— Пахнет весной и счастьем! — замотала головою Валя и вдруг охватила руками голову. — Что это? Какое просветление! О, я уже могу, кажется, преподавать геометрию и алгебру в университете!

Ребята потянулись, хихикая, к бутылке с мудростью, и первым сунулся бесстрашный Ломайносов. Но Пыжик пожалел его. Уж очень он безобидный! Пыжик поспешно ткнул горлышко под нос Ломайносову и спросил:

— Ну, как?

Ломайносов растерянно замигал ресницами. Ведь до него только что четверо похвалили запах мудрости. Ломайносову, конечно, неудобно было признаться, что он ничего не понял. Да и вообще у него никогда не бывает собственного мнения. Он подумал и сказал:

— Ничего! Подходяще!

И тут, к радости пятерки отважных и смелых, выскочила, наконец, Лийка Бегичева, для удовольствия которой мы, честно говоря, и принесли в класс запах мудрости.

— Ах, ах, — запищала, она, — это духи! Но я сразу узнаю! По запаху.

Вот этого-то нам только и нужно было. Выдернув пробку, Пыжик прикрыл горлышко ладонью.

— Тяни носом, Бегичева! Тяни что есть силы! — сказал он. — Но недолго! Надо и другим оставить немного! Не жадничай!

Он поднес бутылку к носу Лийки и быстро снял ладошку с горлышка, а когда Лийкин нос и горлышко бутылки соединились, я прижала Лийку к бутылке, не выпуская ее до тех пор, пока она не впитает в себя весь запах мудрости. И вдруг Лийка захрипела, забилась в моих руках, а потом завизжала так, словно у нее вытаскивали сразу все зубы.

Ребята захохотали.

Лийка упала на пол и, повизгивая, отмахиваясь руками, чихала и фыркала, как тюлень в Зоосаде.

Неожиданно в класс вошел директор.

— Что тут за цирк? — спросил он, обращаясь к Лийке. — Ты кого изображаешь? Рыжего у ковра?

Лийка вскочила, и тут мы увидели в руках у нее бутылку с мудростью. Падая, она вцепилась в нее и облила все форменное платье.

— Никого я не изображаю! — закусила губу Лийка и вдруг, увидев полосу на платье, сказала: — Мне испортили платье.

— Кто это сделал?

Лийка передернула плечами:

— Пусть те, кто сделал, сами и скажут!

— А ты не знаешь?

— Нет... То есть, конечно, знаю!

— А в чем же дело?

— Просто мне совсем не нужно говорить об этом. Они же пионеры! Они сами должны сказать! Пионер обязан быть честным, правдивым!

Директор повернулся лицом к классу.

— Ну, так кто же из вас испортил платье? — Он поднес бутылку с запахом мудрости к носу, понюхал и поставил ее на подоконник. — И кто принес нашатырный спирт в класс? И зачем принес?

Все молчали.

— Ну, что же, — сказал Пафнутий, — видно, мне придется взяться за вас как следует...

Захватив с собой злосчастную бутылку, он вышел из класса.

— Братцы...

— ... и сестрицы! — вздохнула Нина.

Однако шутку ее мы встретили без улыбок. У всех было такое настроение, будто мы сидели у постели больного товарища.

— Ребята, — сказал Пыжик, покосившись недовольно на Нину, — платье мы испортили? Испортили! Отвечать придется? Придется! Кому? Всем. А какой смысл? Ведь за платье придется платить. Кто будет платить? Ясно — тот, у кого есть деньги! У вас деньги есть? Нет! Ручаюсь! А у меня есть небольшой капитальчик. Я уже три года собираю на мотороллер. На платье вполне хватит! Даже на два! А на мотороллер начну копить сначала! Значит, мне идти к Пафнутию и мне отвечать за этот запах мудрости.

Марго покраснела.

— Почему вам? — вспыхнула она. — Мы это все придумали, и всем нам отвечать надо! Я иду тоже!

— А я почему не должна идти? — спросила Нина, разглядывая в ручное зеркальце свои зубы.

— По-моему, тоже всем! — сказала Валя.

Пыжик постучал пальцами по виску, как бы показывая, что такое предложение могут внести только «чокнутые» (так в классе говорят о тех, у кого голова чокнулась с глупостью).

— Надо ж думать все-таки, — сказал он сердито. — Если мы пойдем все вместе, Пафнутий подумает, будто у нас целая банда безобразничает! Ему ж, понимаете, как неприятно будет! Воспитывал нас, воспитывал и довоспитывался. А если я один пойду, — он скажет: «В семье не без урода!»

И — порядок! Снизит за поведение! Ну, маму вызовет. И нам меньше неприятности, и ему тоже!

— Пыжик говорит правильно, — сказала Нина, — но как ты думаешь, Пыжик, что скажут о нас ребята, когда узнают, что ты все взял на себя, выставил себя героем, а нас загородил, словно беспомощных цыпляток? А сами мы? Можем мы сами считать себя честными?

Мы задумались.

Вопрос о том, кому идти и признаваться — всем или одному, — оказался не таким уж простым вопросом. Мы обсуждали его больше часа, но чем больше говорили, тем меньше понимали, как нужно поступить нам. Наконец мы решили посоветоваться с ребятами, потому что тут дело шло о дружбе, товариществе, о долге, чести и честности.

Нам не хотелось поставить себя в такое положение, будто мы пытаемся спрятаться за спину Пыжика, как трусишки, которые боятся отвечать за свои поступки. А про Пыжика могли бы сказать, будто он не хочет считаться с товарищами и поэтому лезет в герои.

— Пусть решает класс, как должно поступить! — предложила Нина, и мы согласились с ней:

— Пусть решает!

1 октября

Совещание о том, как поступить пятерке отважных, класс наметил провести во время большой перемены, но тут произошло событие, которое помешало решить вопрос о нашем поведении.

Когда кончился второй урок, в класс заглянула Нина Сергеевна и сказала торопливо:

— Пыжик, Сологубова, Станцель, Павликова, Киселева и Слюсарева! После уроков зайдете к директору!

Инночка дожала плечами, а когда Нина Сергеевна вышла, оскалила зубы и, захлебываясь от смеха, закричала:

— Ура! Меня выводят в герои! Могу очень даже свободно получить четыре за поведение и хвастаться везде, что я невинная жертва...

— Тебя по ошибке! — сказал Пыжик. — Можешь не ходить!

— Ну, уж нет! — запротестовала Инночка. — Это будет невежливо! Приглашают к директору, обещают приключения, я увижу, как у Пафнутия станут круглыми глаза, а ты говоришь — можешь не идти! Обязательно пойду!

Марго спросила меня шепотом:

— Как ты думаешь, кто мог сообщить директору о нас? Лийка?

— Но она же могла бы сразу сказать! Да и вообще ей неинтересно говорить о нас! Она надеется, наверное, что сами мы не признаемся, и тогда весь класс станет думать о нас как о самых последних людишках.

Кто же все-таки мог сказать?

Мне кажется, в нашем классе нет ни одного мальчишки и ни одной девочки, которые могли бы наушничать.

Так и не зная, кто же сказал Пафнутию о том, что мы испортили платье Лийке, наша пятерка просидела до последнего урока, как на иголках, а когда зазвенел звонок, мы пошли к директору с бьющимися сердцами. С нами пошла, улыбаясь глупо, Инночка Слюсарева. Искать приключения на свою голову.

— Чего тебе надо? — остановился Пыжик. — Нечего тебе делать с нами! Думаешь, расплачемся от страха? Не дождешься!

— Меня же вызывает Пафнутий! Это — одно! А другое — я люблю приключения! А уж с вами обязательно будут какие-нибудь приключения. Нос у тебя, например, самый приключенческий!

— Ладно! — сказал Пыжик. — Иди! Но не влезай со своим длинным носом в разговор! Стой и слушай! И молчи! Мы сами скажем, что ты ни при чем.

Мы подошли к кабинету директора.

— Стучим? — подняла руку Инночка.

Но не успела она опустить сжатый кулак на цветную филенку двери, как она распахнулась и в коридор вышли по двое и по одному человек десять мужчин. Среди них я увидела папу. Ноги мои так и подкосились. Я поняла все сразу.

Директор вызвал уже родителей, поговорил с ними и сейчас объявит нам свое решение.

Ой, что-то будет?

Конечно, теперь и мечтать нечего о замечании в дневники. Даже четверки за поведение не видать нам, как своих ушей. Тут дело пахнет похуже, чем дурацкий запах мудрости.

Увидев папу, я спряталась за спину Нины Станцель, а когда он прошел, юркнула в кабинет директора первой.

— Вот и мы! — просипела я (голос мой перехватило, и я уже не могла говорить как обычно). — Пришли! — постаралась я улыбнуться. И вдруг увидела рядом с директором милиционера.

Вот это здорово!

Неужели за испорченное платье нас посадят в тюрьму? Нет, не может быть! За такие пустяки даже не судят. Но тогда зачем же пришел милиционер? Может, просто так! Зашел к директору познакомиться? Поговорить об экзаменах? Сейчас очень много взрослых готовятся за десятилетку дома, а потом приходят в нашу школу и сдают экзамены.

Но, как я ни успокаивала себя, легче мне от этого не становилось. К горлу подступала противная тошнота. Щеки пылали. А сердце стучало так, что я приложила к нему руку, чтобы оно не выскочило из груди. Пыжик, Валя, Нина и Марго стояли тоже красные и смотрели на милиционера глупыми, растерянными глазами.

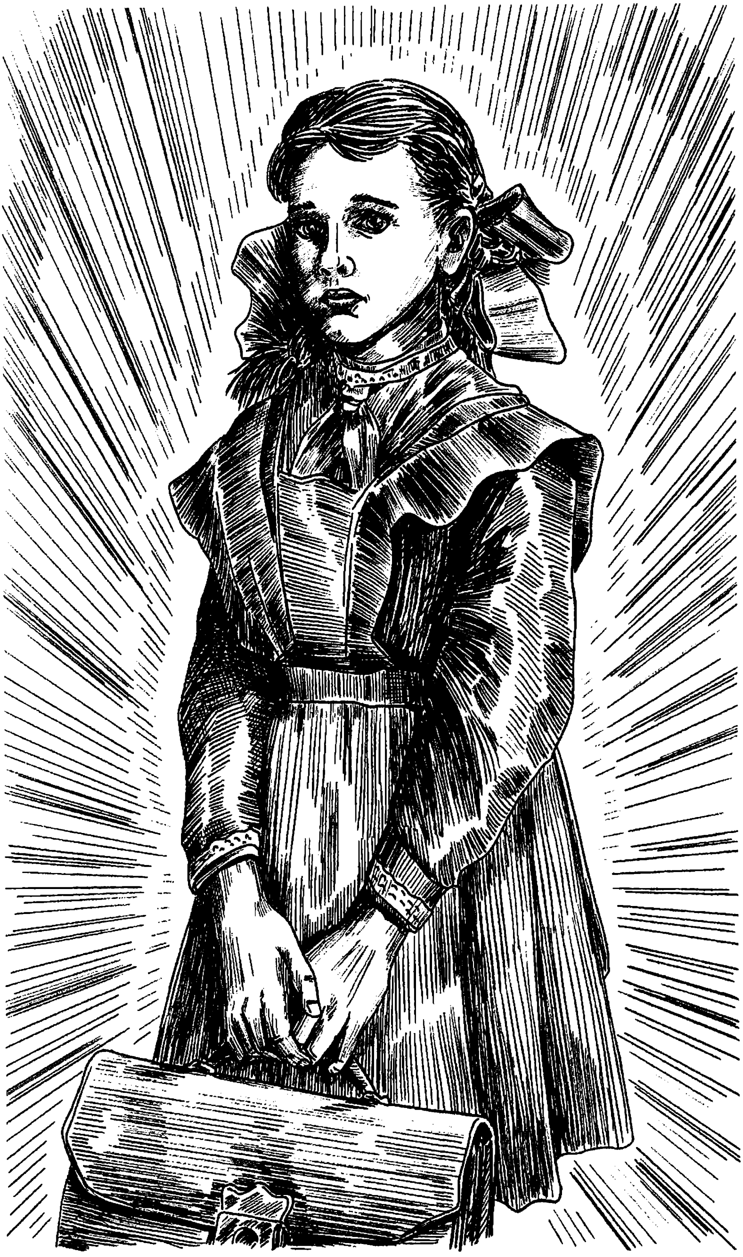
— Эти, значит? — спросил милиционер, раскрывая портфель.

Мы все попятились к дверям. Одна только Инночка подошла к столу и сказала:

— Здравствуйте! Вы помните меня?

Милиционер посмотрел на Инночку:

— Обязательно даже! Мы всех помним! А этого гражданина припоминаете? — и указал кончиком «вечной ручки» на человека с очень жесткими, словно высеченными из гранита, чертами лица. Человек сидел в полуосвещенном углу кабинета, просматривая чьи-то тетрадки.

— Этого? — заглянула Инночка в лицо незнакомца и вдруг протянула ему руку: — Привет! Вы, значит, не умерли?

— Пока еще нет! — улыбнулся незнакомец, и, когда улыбнулся, его каменное лицо стало живым, веселым; и я подумала: «Этот человек должен быть таким же хорошим, как его улыбка».

Страх у меня пропал, да и все остальные отважные тоже повеселели.

Тут встал из-за стола директор, подошел к незнакомцу и, положив ему на плечо руку, сказал:

— Это, ребята, мой школьный товарищ! Когда-то учились вместе, но потом наши дороги разошлись. Он стал конструктором. По его чертежам строят самолеты. Зовут моего друга Владимир Иванович Тупорков! Все остальное скажет он сам!

— Скажу! Почему не сказать! — Тупорков поднялся со стула и подошел к нам. — Очень рад познакомиться, ребята! Вдвойне рад, что вы воспитанники моего школьного друга Пафнутия Герасимовича! Так вот, по закону о находках вам причитается некоторая сумма денег.

При этих словах милиционер вытащил из портфеля бумагу и положил перед собой.

— Вот тут указана сумма! Надо расписаться!

Ничего не понимая, мы смотрели друг на друга. Наконец Инночка сказала, обращаясь к нам:

— Это насчет тех денег... которые тогда в парке Победы... Помните, мы отнесли в милицию.

— Помню! — закричал Пыжик. — Нас еще спросили: не нашли ли мы больше, чем было в бумажнике?

— Правильно! — подтвердил милиционер. — Давай! Ставь подпись! Расписывайся и получай! — И, вытащив из портфеля пачку денег, положил ее перед собою.

Пыжик развел руками:

— А я тут при чем? Да никто ни при чем! Деньги нашла Слюсарева! Пускай она и получает! Мы только проводили ее до милиции и расписались, что не взяли семь рублей на мороженое... то есть, — запнулся и покраснел Пыжик, —

я хотел сказать — просто расписались... Нам можно идти, Пафнутий Герасимович?

Вопрос этот Пыжик задал самым веселым-развеселым голосом, да еще подмигнув нам так, что мы еле удержались, чтобы не расхохотаться. Настроение у всех сразу стало праздничным. И немудрено!

Значит, родителей совсем не для того вызывали к директору, чтобы говорить о нашем поступке. И, значит, милиционер пришел только для того, чтобы передать деньги и получить расписку. Ура!

— Подождите! — сказал директор.

У нас сразу же стали кислыми лица. Для чего мы ему нужны? Неужели он узнал все-таки, кто принес запах мудрости? Если это так, — тогда получится некрасивая история. Пафнутий будет думать, что мы сами ни за что не сказали бы ему правды.

Вздохнув, словно по команде, мы сгрудились у дверей, ожидая, что скажет директор. Но он повернулся к Инночке:

— Придется, стало быть, тебе расписаться и получить вознаграждение за находку.

Инночка пожала плечами.

— Ну, я тоже ни при чем! — сказала она таким голосом, словно ее обвиняли в краже! — Я же случайно увидела бумажник... Ну и... подняла и... потом мы все понесли деньги в милицию... А денег я вообще... не возьму, конечно!

— По закону нашедший может и отказаться! Закон не возражает! — сказал милиционер. — Распишитесь, что не берете.

— Пожалуйста! — обрадовалась Инночка.

Она схватила ручку и наклонилась над бумагой:

— Где? В каком месте писать?

После того как Инночка расписалась и милиционер ушел, Тупорков встал в дверях, как бы загораживая выход, и сказал:

— Деньги вы можете не брать! Это ваше дело! Я бы тоже не взял, между прочим! Но от подарков отказываться неприлично!

— Нам ничего не нужно! — сказал Пыжик, и мы все дружно закричали, что никаких подарков не возьмем. А закричали потому, что мы в эту минуту хотели как можно быстрее покинуть кабинет директора и обсудить наше положение с ребятами, которые ждали нас в классе.

Тупорков посмотрел на нас ястребиными глазами так, словно прощупывал каждого, и, усмехнувшись, сказал:

— У живых людей обязательно бывают и мечты и желания. Вы, как я вижу, люди живые, думающие, мечтающие... Я прав? Конечно, прав! О чем же вы мечтаете? Какие у вас желания?

Мы засмеялись.

— Почему же нам не мечтать, — сказала Нина. — Мечтаем и мы! И желания есть у нас! Исполнимые и такие, которые никогда не исполнятся.

— Вот как? — удивился Тупорков. — Неужели в наше время есть желания, которые невыполнимы? Например?

— Например, волшебные капли и волшебные порошки. Такие, чтобы, приняв, можно было отвечать на пятерки по всем предметам.

— Знаете, — сказал Пыжик, — если говорить честно, для нас все желания вообще пока невыполнимы. Вот вы какие придумываете самолеты? Реактивные? Да? А мы на простых даже не летали. А кто же из ребят отказался бы полететь!

— Хоть бы в Москву! — мечтательно вздохнула Марго.

— Что ж, — сказал Тупорков, — желание как желание! И очень даже выполнимое!

Мы начали толкать друг друга локтями. Вот здорово! А что в самом деле, разве для конструктора трудно попросить знакомых летчиков слетать с нами до Москвы и обратно? Час — туда! Час — назад!

— Это было бы толково! — просиял Пыжик. — Весь класс мечтает и о Москве и о том, чтобы полететь. У нас в классе никто еще не летал, учтите!

— Учитываю! — улыбнулся Тупорков. — Учитываю и... — он повернулся круто к директору, — и что ты скажешь, если весь класс этих ребят слетает в Москву?

Директор повел бровями и, прищурясь, пристально поглядел на нас, а потом на Тупоркова.

— А почему, собственно, именно этот класс полетит в Москву? Как говорится, сто тысяч раз — почему? Но будет ли это справедливо? Обычно награждается трудолюбие, прилежание, активная общественная работа, а этот класс пока что проявляет себя запахами мудрости, да и вообще я бы не сказал о нем, как о классе образцовом.

Мы опустили головы. Начинается.

Тупорков с удивлением посмотрел на нас.

— Странно, — сказал он, — а я думал, — эти молодые люди из самого лучшего класса.

Мы тяжело вздохнули.

— Увы, — развел руками директор, — мягко говоря, они далеко не из лучшего класса.

— Пафнутий Герасимович, — горячо сказал Пыжик, — не весь же класс плохой. У нас такие ребята, — он поглядел строго на нас, — и такие девочки, что стоит нам захотеть...

— Захотите! — стукнул по столу ладонью директор. — Докажите! Но, пока я вижу, ты отвечаешь один за всех, а вот когда вы все и за одного будете отвечать, — тогда, разумеется, ваш класс, возможно, станет самым лучшим.

У всех лица стали скучными. Пыжик пытался улыбнуться, да только никакой улыбки у него не получилось. Нина и Валя рассматривали друг друга, словно в приемной зубного врача и как бы собираясь сказать: «Пожалуйста, идите, я уступаю вам очередь!»

— Так вот что, — встал из-за стола директор, — какой вы класс, — лучший или не лучший, вам легко будет доказать на деле. Мой друг решил сделать подарок, но подарок, по-видимому, он хотел бы сделать лучшим ребятам школы. Это разумно. Это я приветствую. Вот мы и попытаемся узнать, какой же из наших классов самый трудолюбивый, а следовательно, и самый лучший. Сделать же это очень и очень просто. Полетит в Москву тот класс, который к концу года покажет себя самым трудолюбивым классом, у кого будут самые лучшие показатели по ученью, поведенью и общественной работе.

Директор с минуту смотрел на нас выжидающе, потом поднялся из-за стола.

— Все! — сказал он, кивнув головою. — Надеюсь, ваш класс будет драться за поездку, не щадя животов. Уверен, именно вы и полетите! До свиданья! Сообщите ребятам вашего класса!

Выйдя из кабинета директора, мы побрели молча по коридору, но, как только отошли от кабинета подальше, все словно по команде остановились.

— Ничего! — пригладил волосы на голове Пыжик. — Не все еще потеряно! И вообще... ребята у нас мировые... С нашими ребятами можно запросто побывать в Москве.

— А Вовка Волнухин? — спросила Нина. — А Славка? А Королев? Если бы все были, как Дюймовочка, тогда конечно... запросто!

— Надо объяснить! — сказал Пыжик. — По-хорошему поговорить надо! А кто не поймет, тому... — тут Пыжик сунул кулаки вверх-вниз, вперед-назад. — Понятно? Пошли! Сначала будет культурный разговор!

Около дверей нашего класса я столкнулась с папой. У меня так и екнуло сердце. А может, он все-таки вызван директором по делу о запахе мудрости? Может, при Тупоркове Пафнутий не хотел говорить о нас, а теперь, когда конструктор уйдет, директор примется и за нас.

— Папа, ты за мной пришел? — спросила я, чувствуя, как замирает у меня сердце.

— А-а, Галка! — остановился папа. — Что это за вид у тебя? Опять схлопотала двойку?

— Просто устала! Много было уроков. А ты зачем пришел? Тебя вызвали?

— Не вызвали, а пригласили! Мастерские будем делать в школе. Бригаду отцов организуем... Вашу старую учительскую оборудуем под производственную мастерскую. Станки уже отпускают нам. Инструмент отпускают. А руки собственные!

Фу! На душе стало сразу легко и весело!

Но тут я должна сказать несколько слов о производственном обучении в нашей школе.

Дело в том, что с пятого класса нам нужно уже работать в мастерских, чтобы у нас были производственные навыки. А так как своей мастерской у нас не было, мы ходили несколько раз в соседнюю школу, да только там не очень-то радовались, когда мы появлялись. Потом мы стали ходить на заводы, но там тоже не очень восторженно нас встречали. Да и родители были недовольны. Родители стали говорить, что экскурсии на заводы — вещь неплохая, но мы должны иметь производственное обучение, как во всех школах. Наконец, родительское собрание вынесло решение организовать мастерские собственными силами. Это было еще в прошлом году. Но заводы не могли тогда выделить станки, моторы и разный инструмент.

Оказывается, и у нас все будет теперь так, как в других школах.

— Будете, — сказал папа, — обучаться токарному и фрезерному делу.

— Думаешь, мне это пригодится? — спросила я, а спросила потому, что терпеть не могу металлические вещи. Просто боюсь их.

— Лишним не будет! — сказал папа. — Во всяком случае, я не знаю ни одного человека, который жаловался бы на лишние знания, но могу назвать тысячи людей, которые сожалеют о том, что в молодости не учились многому, что пригодилось бы им.

Когда я вернулась в класс, тут шло уже бурное собрание.

Бомба стоял на парте и на полную мощность радиовещал:

— Костьми ляжем, но класса своего не посрамим! Докажем миру, на что способен наш доблестный, несгибаемый, несгораемый, особый, мировой седьмой «б»! Завоюем Москву, братцы! Торжественно обещаю исправить отметки по химии, по геометрии, по алгебре и по возможности занять первое место в классе!

Больше всех волновалась Дюймовочка.

Она бегала по классу с таким видом, словно принимала гостей в пустой квартире, и попискивала, чуть не плача:

— Но вы же понимаете... Вы же понимаете... С десятыми же классами придется соревноваться... Там же почти взрослые... Вы же понимаете? Там же бреются ученики...

— А что десятые? Что десятые? — петушился Славка. — Ого, не знаем мы этих десятых, что ли? Там что, по-твоему, двоечников нет? Сколько угодно! И каких угодно! Даже железобетонные имеются двоечники.

Так одни подбадривали всех, а другие сеяли панику, пугая трудностями соревнования.

Всех больше, конечно, кричал Бомба. Ему бы только пошуметь! Хоть по какому угодно случаю. Он такой шумный, такой взрывчатый. Настоящая Бомба.

— Поднажмем! — кричал он, взгромоздясь на парту и размахивая портфелем. — Вспомним наших славных предков и вместе с ними скажем твердо: «Ребята, не Москва ль за нами?»

Разошлись мы в боевом настроении.

2 октября

В классе творится что-то невероятное. Все так горячо обсуждают поездку в Москву и так кричат о первом месте, что я боюсь, как бы не занять нам последнего места.

Первым уроком была сегодня история.

Чисто выбритый, весь точно отутюженный, в класс вошел Николай Лукич. Солнце сверкнуло на его зеркальных ботинках, вспыхнул белый как снег воротничок. В классе запахло табаком и одеколоном. Николай Лукич очень похож чем-то на директора, но хотя он и похож, а все-таки совсем другой. Директор нравится мне за то, что говорит с нами, как со взрослыми, а Николай Лукич — за то, что понимает нас, как детей.

— Ну, — опустился на стул Николай Лукич, — пошумим немного или совершим небольшую прогулку в средние века?

— Совершим! — засмеялись в классе.

Николай Лукич никогда не начинает урока, как другие учителя, а как-то незаметно от разговора о погоде, о школь-

ных делах, с рассказа о том, что он только что видел на улице, переходит к рассказу о том, что было давным-давно, когда еще и наших бабушек-то не было на свете.

И говорит он так, что его нельзя не слушать. Каждое слово Николай Лукич произносит ясно, будто вбивает в голову. Он никогда не заикается, не подбирает слова. Они сами так и текут, так и текут. А ты сидишь и чувствуешь, будто несет тебя на лодочке из фраз, покачивает на волнах, и вот уже перед тобою поднимаются каменные замки с острыми шпилями, по берегам мчатся всадники, закованные в латы, на городской площади клубится черный дым костров; мы слышим крики людей, которых жгут за то только, что они не верят в разные глупости. На уроках Николая Лукича девочки нередко плачут, а мальчишки кусают губы, но иногда класс дружно хохочет. Это бывает тоже часто. Николай Лукич так забавно рассказывает о средневековых нравах и суевериях, что просто невозможно удержаться от смеха.

Но сегодня не было в классе ни тишины, ни обычного интереса к уроку. Николай Лукич и сам заметил скоро, что слушают его вполуха.

— Что-нибудь случилось? — спросил он. — Почему сегодня так рассеянны благородные рыцари и дамы?

Мы засмеялись. И как-то сразу наладилось все попрежнему в классе. Таня Жигалова сказала:

— Мы так переживаем, Николай Лукич... Поездку в Москву переживаем... То есть не поездку даже, а полет... На ТУ-104! — И рассказала все о подарке Тупоркова.

Николай Лукич сказал, что он сочувствует нам, и обещал помочь отличникам по истории подтянуться по другим предметам.

Все как будто шло хорошо. Но многих ребят смущала история с запахом мудрости. Ведь нашей пятерке могли простить испорченное платье, если мы сами честно признаемся директору и сами же уплатим Лийке стоимость платья, но если директор сам узнает, что это наша работа, — мы получим тогда по четверке за поведение, и, кроме того, Пафнутий будет презирать нас за бесчестность и трусость.

Вот если бы мы знали наверняка, что наше признание не подведет класс, пятерка отважных сегодня же пошла бы и призналась во всем. Ну, а вдруг наше признание повредит классу?

Пыжик предложил сегодня Лийке деньги за испорченное платье, но Бегичева повела гордо носом и сказала, что ее родители могут купить Пыжику несколько костюмов и они не крохоборы, чтобы из-за какого-то платья поднимать историю.

— Меня, — сказала Лийка, — возмущает только ваше поведение. Как блудливые кошки ведете себя! Боитесь признаться! — Она повела носом и, подумав, сказала: — Впрочем, ваше признание сейчас будет слишком дорого стоить классу... Я не о себе говорю... Я-то и сама могу слетать в Москву, но тут же товарищество.

И зачем только мы придумали запах мудрости?

3 октября

Запишу странный сон, который мне снится теперь чуть не каждую ночь.

То я бегу куда-то по зеленому лугу, то взбираюсь на высокую гору, а за мною мчатся папа, мама, директор, Бомба, Таня Жигалова и отважные. И все они кричат, свистят, гукают:

— Куда? Куда?

А я никак не могу убежать, потому что дорогу перегораживают заборы. Хлопая досками, они гремят деревянными голосами:

— Куда? Куда?

Потом меня настигают, валят на землю, Бомба сует в мой рот огромные клещи и вырывает у меня все зубы.

А директор стоит и смеется.

— Так, так ее, — говорит он. — Если не желает ехать в Москву — к чему ей зубы?

И ведь не просто же снится такое. Человек переживает разные неприятности, вот ему и снится неприятное. У нас в классе переживают сейчас приятности и неприятности

и девочки и мальчишки, потому что каждый болеет теперь не только за себя, но и за всех, за весь класс.

Раньше получит человек двойку и мучается самостоятельно. И никто, кроме родителей, учителей и пионерской организации, не подумает вмешаться в личное дело двоечника. Получил и получил. Кому какое дело? А теперь любая двойка весь класс с ума сводит. И все потому только, что ребята хотят лететь в Москву. На ТУ-104.

Раньше как было? Кто учится всех лучше, того и премируют. Если ты отличник — получай грамоту или книжку. А если ты отличник среди отличников, первый среди первых — тогда о тебе напишут в стенгазете, а иногда даже в настоящей газете появится твой портрет. Даже в кино и по телевизору можно было надеяться выступить, если попадешь под руку кинооператору. И ходит, бывало, такой прославленный отличник, как заслуженный генерал учебы, с ним беседуют корреспонденты, снимают фотографы и кинооператоры, а он рассказывает всем, почему считается самым умным.

А теперь такое творится, что не понять даже, где обязанности родителей и где товарищество и дружба. Каждый не только сам стал учиться, но пытается еще и других учить.

Раньше мало кто интересовался «чужими» отметками. Ну, получил пятерку и кушай ее на здоровье. Единица? Не унывай! А теперь пятерку получишь — весь класс аплодирует, чуть ли не кричит «бис», «браво». За двойку же так пилят, что мальчишки даже лезут драться с нами, когда мы их воспитываем.

Весь класс кипит и бурлит, как вода в котле. Учиться стало гораздо интереснее, чем раньше. Ведь сейчас отвечаешь не только за себя и не только перед учителем, не за всех и перед всеми.

Сегодня Славка схватил тройку по географии. Ну, если бы по геометрии или по алгебре — не обидно было. А по такому легкому предмету, как география, получить тройку — настоящее безобразие.

Конечно, весь класс навалился на него, и все начали так прорабатывать Славку, что он покрылся потом.

— Ладно уж, — запыхтел Славка. — Разговору сколько. Нарочно, что ли, я получил тройку? Какое мне от нее удовольствие? Орете, будто сам не знаю, что пятерку получить лучше.

— Понимаешь ты, — закричала Дюймовочка, — мы же на седьмом месте в школе, а получи ты четверку, мы бы вышли на шестое, а потом на пятое, потом на четвертое, а там до первого места рукой подать.

— Просто не рассчитал немного, — оправдывался Славка. — Меня же совсем недавно вызывали, ну, я и подумал: «Теперь, думаю, не скоро вызовут...» Ну, и пошли мы с Димкой...

— Куда пошли? — спросила Валя.

— Куда, куда, ясно куда... На охоту пошли. Куда еще ходят с мелкокалиберкой? Обновить-то надо ее или не надо? Ну вот и пошли. Летают же...

— Кто летает? — строго спросила Нина.

— Зайцы, — огрызнулся Славка. — Вредители летают. Вот кто! Вороны!

— Ну и что? — поинтересовался Бомба. — Убил хоть одну?

Славка вскочил. Глаза его заблестели.

— Понимаешь... Если бы не Димка... Эх, черт! Одна на самой верхушке сосны сидела. Во — воронище! Патриарх всех ворон. Чуть не центнер весом... Понимаешь? В Озерках встретили. Только слезли с трамвая, а она сидит и: «Кар, кар! Вот она я! Стреляйте!»

— В центнер ворон не бывает! — грустно вздохнул Ломайносов.

— А я сказал «центнер»? Слушать надо ухом, а не брюхом. Что, вешал я разве? Я сказал: чуть не центнер! Но вообще-то за два кило ручаюсь.

— Убил? — спросил Пыжик.

— Да, убьешь ее! Как же... С Димкой убьешь, пожалуй! Держи карман шире... Он же такой беспокойный... Я даже на мушку уже взял...

— Димку?

— Ворону! Не остри под руку!.. А Димка — бац, споткнулся и, конечно, растянулся на земле... С шумом! С грохотом! С воем растянулся! А разве она дура, чтобы ждать, когда ее подстрелят? Улетела, конечно! Ясно!

Дюймовочка закричала плачущим голосом:

— Товарищи, чего это он нам рассказывает про каких-то ворон?.. Получил плохую отметку и заговаривает зубы воронами! Ты прямо отвечай: ты когда исправишь на пятерку свою отметку?

— А я как отвечаю? Криво? Хоть завтра, хоть через неделю! Сказал, исправлю — значит, исправлю!

— Да, Славка, — скрестил на груди руки Пыжик, — портишь ты охотничью марку. Как нам известно еще с четвертого класса, многие великие люди были заядлыми охотниками. Толстой, Тургенев, Жюль Верн, Немрод и я, между прочим! Но никто из них так не подводил товарищей, как ты подводишь нас!

Славка покраснел.

— Ладно уж, — забормотал он, — сам знаю... И вообще я ее сдам! Эту географию! На пятерку! Без звука... Если бы не ворона, так я бы... Короче, на этой неделе исправлю отметку. Слово пионера. Договорились?

А вчера после урока алгебры произошло небывалое ЧП — чрезвычайное происшествие. Наш тихоня и растяпа Ломайносов неожиданно для всех получил по алгебре пятерку. Раньше ни по одному предмету у Ломайносова не было пятерок, а тут он по самой алгебре словчился получить пять. Мы от удивления даже рты пораскрывали.

— Историческое событие! — закричал Бомба.

Славка стал расспрашивать, как Ломайносов ухитрился ответить на пятерку: выучил заданное или у него такое уж счастье.

Ломайносов покраснел.

— Ребята, — сказал он, опустив длинные ресницы, — я же понимаю... Я же не для себя... Я для всего класса стараюсь... Чтобы не подводить никого.

— Герой! — закричал Бомба. — Предлагаю чествовать героя науки!

В большую перемену мы открыли торжественное собрание, и Бомба произнес речь на таком высоком уровне голоса, что все боялись, как бы он не охрип от натуги.

— Товарищи! — кричал Бомба, вскарабкавшись на стул, который он поставил на первую парту. — Сегодня мы чествуем великого Ломайносова, невиданного деятеля науки, перед которым дрожат и бледнеют самые свирепые хищники, называемые научно теоремами, уравнениями с пятью неизвестными, задачами и примерами. Ломайносов никогда больше тройки не получал, поэтому его подвиг пойдет по каналам истории в грядущие века, в эпохи и в так называемые эры! Для своего роста и телосложения Ломайносов сделал в миллион раз больше, чем известный общественный деятель, очистивший авгиевы конюшни. Он, Ломайносов наш, в отличие от...

Но тут Бомба сделал неверное движение. Стул выскользнул из-под его ног, и Бомба сверзился на головы ребят. Началось что-то неописуемое. Сначала все принялись тузить Бомбу, потом мальчишки кинулись к Ломайносову, и он взлетел под потолок. Его качали, подбрасывая и вверх головою и вверх ногами, все кричали, визжали, свистели и вообще дурачились на полный ход.

Не отставали от мальчишек и девочки.

— Ура герою науки! — кричали они.

— Лавры лауреату!

— Наградить героя лаврами!

Народ класса вопил мощно «ура», все аплодировали так, что с потолка сыпалась штукатурка, а смущенный, но очень довольный Ломайносов прижимал руки к сердцу, кланялся и потел от удовольствия.

— Спасибо, товарищи, — лепетал Ломайносов. — Я и всегда теперь буду стараться! Мне, товарищи, самому больше тройки не нужно, но ради класса — умру, а на пятерки выучу!

В самый разгар чествования лауреата науки пришла Инночка и сообщила, как председатель комиссии по сравнению успеваемости с другими классами, приятную новость:

— С пятеркой Ломайносова мы выходим сегодня на шестое место! Понимаете? Уже шестое! Здорово? Да? И вообще нам не хватает одной только единицы, чтобы выйти на пятое место! То есть не единицы, а это... одного очка, то есть... В девятом «б» набрали сто тридцать восемь, а у нас — сто тридцать семь... Между прочим, у первого «а» — тоже сто тридцать семь...

Первый «а» передвигается что-то уж очень быстро. Был сначала на самом последнем месте, а теперь шагает, как кот-скороход. Но мы не считаем его серьезным противником, хотя первому классу, конечно, легче догонять всех. Какие у них там предметы? Носы вытирать да по складам читать.

— А как у других?

— На первом месте пока по-прежнему восьмой «а», но говорят, сегодня там будет ледовое побоище. После большой перемены у них какие-то корни по алгебре и, говорят, пару двоек кто-нибудь заработает обязательно. Ребята говорят: корни эти под корень режут успеваемость. Так что надежды есть!

— Исторический момент! — закричал Бомба. — У нас сто тридцать семь — и на носу пятое место! В классе тридцать живых, а не мертвых душ. Живые души, неужели не поднажмете? Ведь если каждый получит ну хотя бы по одной даже пятерке — тогда у нас будет плюс сто пятьдесят. А это что? Это как называется, ребята? Это же называется большой скачок! Это называется? Ну? Ну, ну? Дружно! — взмахнул руками Бомба.

— Мо-сква! — хором гаркнули ребята.

— Правильно! Так и называется: Мо-сква! Научно говоря, — ре-ко-орд! Научно говоря, — полет на ТУ-104!

— Надо еще догнать восьмой «а»! — вздохнула Нина. — У них же, знаете? Силы!

Таня Жигалова сказала, волнуясь:

— Ну и что? Ну и что? Ну и силы! Но у них в классе учатся Кирпичев и Тараскин. А эти, вы сами увидите... эти непременно нахватают двойки. Я все узнала вчера. От подруги моей сестры, от Клавы узнала. Она учится в восьмом «а» и вчера сама говорила: подкосят класс Кирпичев

и Тараскин. Но, ребята, не будем радоваться чужой беде. Нехорошо это!

— Послать им сочувственную телеграмму! — предложил под общий смех Славка.

— Не телеграмму! — нахмурилась Таня. — А надо подумать о своих двоечниках. Ведь у нас уже трое таких. И, кроме того, ребята, как бы нам вообще не выйти на последнее место. Дело-то с запахом мудрости не кончилось. А кончиться оно может четверками по поведению пятерым из класса. Пять четверок по поведению! Представляете?

Конечно, все ребята отлично представляли это. Ведь если в классе будет пять четверок по поведению, нам тогда не видать Москвы, как своего затылка. Мы уже решили пойти к Пафнутию и признаться во всем, но ребята уговаривали нас не ходить пока что, а подождать несколько дней. Может, дело это забудется и класс тогда не пострадает.

Чи-лень-чи-пень так и сказал:

— Подождем, ребята! Да и чего торопиться, если сейчас уже не вопрос, а древняя история? По-моему, портить отметку класса нам нет никакого смысла. И, кроме того, если бы знали они, что будет соревнование, разве принесли бы запах мудрости?

Но теперь уже поздно говорить о том, что могло быть, когда все уже случилось.

4 октября

Ура!

В космосе еще одна наша ракета. Это уже третья, и самая большая. Наверное, потом будут еще больше ракеты. По тысяче тонн! Но сейчас и полторы тонны для всех настоящее чудо! Последняя ее ступень весит 1553 килограмма без топлива. На ракете установлены автоматическая межпланетная станция и разные передатчики.

Пыжик ходит такой счастливый, будто бы он сам запустил ракету. Правда, все ребята и учителя тоже очень радуются, но Пыжик просто сияет весь.

— Ребята, — сказал он сегодня, когда я, Марго, Нина и Валя пришли к нему после уроков, — а все-таки как это здорово, что мы родились теперь. Не знаю, как вам объяснить это... Ну... подумайте сами: ведь мы же могли родиться, предположим, сто лет назад или триста лет! А что тогда видели люди? И хорошо, что мы родились в советской стране! А вдруг родились бы в какой-нибудь Бельгии или в Австралии!

— И все это к чему же предисловие? — спросила Нина, поглядывая на себя в ручное зеркальце.

— Неужели не понимаешь? Да ведь мы доживем до полетов советских людей на Марс, на Венеру! И, может, сами побываем там. Ты разве не хотела бы посмотреть, что там, на других планетах?

— На словах мы все хотим! — усмехнулась Нина. — А предложи тебе лететь... Полетел бы?

— Полетел бы! — сказал Пыжик и, краснея, вздохнул: — Не знаю! Ведь это же так страшно все-таки! Нет! Один бы ни за что не решился. Но если бы еще полетел кто-нибудь, — я тоже не отказался бы!

— Да, — задумчиво сказала Валя, — мы уже космические люди. Мы обязательно увидим полеты на другие планеты. А когда состаримся, к тому времени уж непременно люди станут летать в космосе так же просто, как ездят сейчас на трамваях. Я бы тоже полетела. Но полетела бы только тогда, если бы там можно было увидеть что-нибудь интересное. А вдруг на тех планетах столько же интересного, сколько в самых холодных местах земли, в Антарктиде? Или как в тропиках, где, говорят, люди живут как на верхней полке в бане.

— Ну, а я и не мечтаю о полетах! — засмеялась Нина. — Да и что я буду там делать? Просто ходить и смотреть? Как турист? А ты, Марго? — повернулась она к ней.

— Я? — Марго посмотрела на Пыжика. — Полетела бы! С кем-нибудь вместе... полетела бы!

Нина захохотала:

— Но там же проживает бог! Бог-то ведь на небе проживает? Как же ты можешь лететь к нему в гости? Он что, приглашал тебя?

Марго запыхтела, как рассерженный еж.

— Чего ты все стараешься унизить меня, — процедила она сквозь зубы. — Я, может, по-настоящему и не верила никогда, а ты все время воображаешь о себе.

— Бросьте, — сказал Пыжик. — Марго не такая глупая, как думаете. Она уже давно не верит в такие пустяки, как бог. Верно, Марго?

— Угу! — кивнула Марго, не глядя на меня. Она-то знала, что я не поверю ей. Ведь еще вчера она говорила разные глупости о чудотворных иконах и немыслимых святых старцах.

— Ох, Чижик-Пыжик, — вздохнула Нина, — у нас на земле еще столько дел... Запах мудрости, например! Вчера я слышала, как Лийка Бегичева подговаривала ребят...

— Выдать нас?

— Наоборот! Она предлагала пойти к директору и поручиться за нас.

— Вот вредная! — сказала Валя. — Себя показала как лучший товарищ, а нас преступниками сделала. Никуда не надо ходить. Никому! Пафнутий забыл уже о нашей «мудрости»!

— Кто? Пафнутий? Ну, не ври! Пафнутий ничего не забывает. Он ждет, когда сами придем. Пафнутия не знаешь, что ли?

— А что ребята говорят?

— Чи-лень-чи-пень сказал, что надо всем классом сказать Пафнутию: «Хулиганства не было, а произошел несчастный случай и больше никогда не будет. Класс дает обязательство».

— Ну, и что?

— Кажется, ребята согласились!

6 октября

Теперь каждый вечер бригада отцов приходит в школу прямо с работы и устанавливает станки, верстаки и моторы в старой учительской.

Пионеры тоже помогают работать. Ну, мы-то выполняем не ответственную работу, но и нас хвалят, а бригадир сказал, что без нас они как без рук и что без нашей помощи бригада вряд ли управилась бы в срок.

Отцы появляются в школе за несколько минут до окончания второй смены. Тяжело топая, они проходят по коридорам, заглядывают в классы, и мы слышим, как они посмеиваются:

— Э, Николай Сергеевич, ты уроки-то приготовил?

— Не, — тоненьким голосом отвечает Славкин отец, — у моей мамы болели зубы, а бабушка справляла именины! — И вдруг хохочет и говорит уже басом: — А это что же Петрович комбинирует? Гляньте, гляньте, никак он держит курс на десятый класс. Ну, не иначе как нацеливается преподавать высшую математику. Бедные ребятишки!

Потом до нас доносится грохот и визг пилы, шум передвигаемых станков, громкие крики. В коридорах плавают тучи пыли. Это значит, работа уже началась. И мы, кончив занятия, бежим помогать нашим отцам, а если уж говорить откровенно, так просто для того, чтобы послушать, как они разыгрывают друг друга.

В бригаде отцов, между прочим, работают два чужих деда. Сначала мы все думали, что они чьи-то дедушки и пришли вместо отцов, но потом мы узнали, что у них никого нет в нашей школе, ни внуков, ни внучек, а пришли они помогать только потому, что им скучно сидеть на пенсии и ничего не делать. Вот они и пришли помогать.

Одного дедушку зовут дедушка Степан. Другого — дедушка Семен. Когда-то они учились вместе в школе.

Вместе воевали против белых в армии Буденного. Вообще всю жизнь были вместе.

Дедушка Степан — толстый, седой, а лицо у него красное, как вареная свекла. Ходит он размахивая руками, свистит и хохочет так, что первое время мы вздрагивали от страха.

Дедушка Семен — маленький и еще не совсем седой, а пестрый. Волосы у него наполовину белые, наполовину черные, один глаз постоянно прищурен; передвигается он

бесшумно и как-то очень ловко, а смеется тихо, будто в горле у него что-то булькает.

Мы прозвали дедушку Степана Тарасом Бульбой, а дедушку Семена почему-то назвали Воспитателем. Может быть, потому, что он все время воспитывает дедушку Степана.

Скажет Тарас Бульба, что в школах раньше драли учеников, а Воспитатель сразу же поправит его:

— Когда драли, нас-то с тобою и на свете не было.

Тарас Бульба начнет говорить, будто он ужасно был способный к математике, а Воспитатель смеется:

— Верьте ему! Он и мальчишкой рос сомнительным. Во всем сомневался. Пять лет понадобилось, чтобы убедить его, что дважды два — четыре. Никак не мог поверить. Все сомневался! А во всю таблицу умножения и сейчас не верит. Не может этого быть, говорит, чтобы семью семь было сорок девять. Должно быть тридцать семь.

Да и все другие в бригаде отцов пошутить любят.

Говорят, завтра будет торжественное открытие мастерских.

9 октября

Эти дни были и радостными и огорчительными.

Большой праздник устроили в школе по случаю открытия производственных мастерских.

Сначала все осмотрели: станки, верстаки, моторы, потом Таня Жигалова повязала Тарасу Бульбе и Воспитателю галстуки на шею и мы зачислили дедушек почетными пионерами. На собрание пришел корреспондент «Ленинградской правды». Он сфотографировал Тараса Бульбу и Воспитателя в галстуках.

Таня Жигалова отсалютовала:

— Будьте готовы!

— Всегда готовы! — крикнули Тарас Бульба и Воспитатель.

Воспитатель достал из кармашка бумажку, чтобы произнести речь, но, махнув рукою, спрятал бумажку в карман.

— Я скажу вам так, — начал он. — Рабочий всегда был, есть и будет самым наивысшим классом, без которого ни одна умная голова ничего не сделает, ни одну машину, ни одно изобретение не пустит в дело. Как бы кто ни был умен, что бы кто ни придумал головою, а без золотых рабочих рук и самое великое останется на бумаге. Я говорю к тому, чтобы было у вас понятие, какую ценную работу будете выполнять, но, конечно, поучившись сначала делу. Начнем мы с малого, но на малом и большое держится! Болты, допустим, или, возьмем, к примеру, гайки. Вроде бы и несерьезные предметы, не Братская гидростанция, а без болтов да гаек и такой гигант не обойдется.

Он говорил еще долго, а потом сказал, что благодарит за доверие, за то, что мы приняли его и Тараса Бульбу в пионеры.

— А мы, — сказал он, — зачисляем вас в почетные и действительные кандидаты рабочей армии! Ура!

Потом говорили мы, учителя и родители, а когда кончились речи, мы пели и немножко потанцевали. Тарас Бульба сплясал гопака, но так запыхался, что я думала, ему будет плохо, но все обошлось благополучно. А вот Марго после танцев стало совсем плохо, и нам с Пыжиком пришлось проводить ее до дому под руки.

Я стала ругать ее.

— Неужели тебе хочется умереть? Вот одна девочка не лечилась, не лечилась, и кончилось тем, что умерла.

— И мама моя говорит, что надо лечиться! — поддержал Пыжик.

Но Марго такая упрямая.

— У меня, — простонала она, — такая болезнь, которую врачи не вылечат. Мы с мамой в монастырь поедем. Тогда поправлюсь!

— А какая же у тебя такая болезнь, что врачи не вылечат?

— Внутренняя! — заохала Марго, и я поняла, что она ничего не знает о своей болезни и Софья Михайловна не сказала, как необходимо срочно сделать ей операцию сердца.

Надо что-то предпринимать, чтобы спасти Марго.

10 октября

Повела сегодня Марго к Софье Михайловне, чтобы она объяснила по-научному, почему Марго не обойтись без операции. Но когда мы пришли, застали только Пыжика. Софья Михайловна была еще на работе.

Пыжик начал развлекать нас, показывать книги. Я увидела среди книг толстую тетрадь с надписью «Разные мысли».

— Какие это мысли? — спросила я. — Интересные?

— Просто так... Иногда записываю кое-что. Собственные мысли и разные... Из книг... Ну и стихи... Свои и чужие...

— Ты пишешь стихи? — удивилась я. — Настоящие?

— Когда бывает вдохновенье! — ответил Пыжик. — Очень редко то есть! В этом году, например, у меня было два вдохновенья. Одно коротенькое, другое подлиннее. Стихи на Лийку не считаю.

Мы попросили прочитать настоящие стихи. Пыжик согласился.

— Пожалуйста! Если поймете, конечно. Вот, например... Слушайте:

Вспыхнув ярко, спичка гаснет,
От огня лишь почернев.
В жизни нет судьбы ужасней,
Как потухнуть, не сгорев.

— А дальше? — спросила Марго, когда Пыжик замолчал.

— А что еще дальше? Все! По-моему, ясно. А вот еще одно:

Белый парус! Синь морская!
Солнце, ты, да я!
И как будто голубая
За кормой земля!

Это пока начало. Потом допишу. Когда настроение будет.

— А мысли?

— Мысли разные! Чужие! В общем, моя коллекция мыслей!

Я стала листать книгу мыслей, и мне показались некоторые из них интересными. Я попросила Пыжика дать его книгу на вечер. И вот я сижу и выписываю из этой книги самое интересное. И самые короткие мысли, потому что Пыжик дал книгу мыслей только на один вечер.

Вот что запишу для себя:

Как зайца ни запрягай, лошадью он не станет.

Китайская пословица

Если хорек приходит к курице с новогодними поздравлениями, едва ли у него добрые намерения.

Китайская пословица

...Мне жизнь все как-то коротка,
И все боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! — Жажда бытия
Во мне сильней страданий роковых...

М. Лермонтов

Ученый без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел коран, думая наполниться духа Магометова.

А. Пушкин

Чем глупее человек, тем меньше он видит свои недостатки. Самый глупый, как правило, считает себя самым умным!

Из мыслей дяди Пети

В государственной библиотеке им. Ленина было в 1953 году 16 миллионов книг. Подсчитал сам: если подержать каждую книгу в руках хоть одну минуту, — надо прожить 99 лет. Нужно ли читать все книги? Всех все равно перечитать нельзя, — значит, надо читать только самые нужные для жизни книги.

Тот, кто унижается до червя, не может жаловаться, если его раздавят. Так говорит мама. Советский человек, — говорит она, — отличается от других тем, что он настоящий человек и никогда не забывает о своем высоком звании Человека.

Оптическое стекло изобрел не химик и не специалист стекловар, а простой швейцарский часовщик Пьер Луи Гинан. Голландец Левенгук был сторожем в городской ратуше. Он еле читал, а писал еще хуже и все же изобрел микроскоп. Что же важнее: наука или ум? Когда спросил об этом маму, она сказала: «Держу пари, сегодня ты получил двойку!» Не знаю, как это мама могла угадать?

Тихо де Браге поступил в моем возрасте, то есть тринадцати лет, в университет, где изучал философию. Великий математик Жозеф Луи Лагранж стал в восемнадцать лет профессором артшколы в Турине. Многие ученики Лагранжа были старше его. А я не могу решить простые задачки по арифметике. Галилей был уже в 25-летнем возрасте профессором математики. Когда советскому академику Амбарцумяну было двенадцать лет, его лекции о теории относительности слушали даже профессора. А я и в тринадцать лет не понимаю даже, что такое теория относительности. Сейчас Амбарцумян — астроном, лауреат, президент Армянской академии наук. А я что? Кем же буду я? С сегодняшнего дня твердо решил готовить все уроки только на «отлично».

Нашел я самое длинное слово, длиннее которого, наверное, нет и не может быть, «бисметааминобензоилметааминопараметилбензоиламинонафталинтрисульфокислый натрий». Предложил ребятам миллион, если произнесут без запинки. Никто не смог.

Какое красивое слово гедонизм! Но, оказывается, это слово означает равнодушие ко всему, что не касается тебя. Проще говоря, гедонизм — это подлость! Назвал сегодня гедонистом Гарри Хейфица! А он даже не обиделся! Да еще поправил меня. «Не геодонист, а геофизист!» — сказал он. А вообще он никто! Обыкновенный эгоист!

Когда я читала книгу разных мыслей, записанных Пыжиком в разное время, сбоку примостилась Марго и то и дело шептала:

— Ой, какой он умный!

Я сказала:

— Ну, знаешь, большого ума не требуется, чтобы переписывать в тетрадку чужие мысли. Это же другие так говорили, а не Пыжик. Просто он записывает все, что ему кажется интересным.

— А все-таки, — сказала Марго, — тут сразу можно видеть, чем интересуется Пыжик! Я, например, никогда бы не записывала такие умные мысли.

— Ну, — сказала я, — мне не все мысли нравятся.

И как раз в это время вошла Софья Михайловна.

Она поздоровалась с нами, заглянула в тетрадку с мыслями и засмеялась:

— Уже похвастался мой Леня? А чем? Чужими мыслями?

— А если у человека сходятся его мысли с чужими, разве это плохо? — спросила я. — С мыслями других людей?

— Умных! Знаменитых! Известных! — поддержал меня Пыжик.

— Которые жили сотни и тысячи лет назад? — усмехнулась Софья Михайловна. — Но то, что могло быть верным для своего времени, не всегда верно и не всегда нужно нам. Мысли не сами по себе появляются в голове. Их порождает жизнь, время, эпоха, общество. Конечно, вам не мешает знать, что говорили когда-то люди. Но если у вас появится желание записывать хлесткие и красивые слова, непременно спрашивайте себя: «А у нас как следует смотреть на то же самое?»

— Но, мама, это же вроде коллекции мыслей. А в коллекции могут быть самые разные мысли! — сказал Пыжик.

— А по-моему, коллекции подбираются обычно однородные! Ты же не присоединишь к коллекции бабочек жабу или старинную монету. Если ты решил коллекционировать мысли, — подбирай нужные, ценные, полезные. Иначе твоя коллекция будет похожа на мусорный ящик, в котором окажется больше мусора, чем ценных правил и сведений, руководств к жизни и действию. А это не просто плохо! Это страшно, Галочка! Страшно потому, что многие собирают чужие мысли лишь для того только, чтобы блеснуть чужим умом. Страшно еще и потому, что человек превращается из мыслящего существа в цитирующий автомат. Такой человек будет, как попугай, повторять что угодно, лишь бы это красиво звучало, и сам и себе не объяснит толком, во что он верит и ради чего живет на свете. Но, — засмеялась Софья Михайловна, — пойдемте ужинать. Леня угощает сегодня песочным печеньем. Правда, сработано оно из готового теста, но, думаю, от этого оно не стало хуже.

— Ну, мама, — покраснел Пыжик, — ну, чего ты в самом деле!

— Ничего, ничего, — засмеялась Софья Михайловна. — Настоящий мужчина обязан делать все не хуже женщины. Да и почему же только женщинам положено стряпать?

— Женщины, — сказала Марго, сложив на коленях руки и глядя перед собою, как сфинкс на набережной Невы, — женщины ведут домашнее хозяйство.

— Вели! — кивнула Софья Михайловна. — Когда-то вели! Когда были только женщинами. А сейчас наши женщины управляют государством, учат студентов, оперируют больных, учат ребят, летают, водят корабли, исследуют недра земли... Леня, приглашай девочек к столу! Пошли ужинать!

Когда мы поужинали, я спросила Софью Михайловну, что же мне делать с Марго? Я рассказала все, что тут уже записано про Марго, потому что хотела узнать, можно ли хоть что-нибудь сделать для Марго, чтобы спасти ее.

— Неужели, — спросила я, — нельзя заставить мать Марго согласиться на операцию?

Софья Михайловна помолчала, а потом погладила меня по голове и сказала грустно:

— Кое-что я уже попыталась сделать! Кое-что попробую еще! Но все это не так просто, Галочка! Не так все это просто! Очень и очень не просто! Но я постараюсь сделать все, что в моих силах!

Мы возвращались домой с Марго.

Чтобы подвеселить ее немного, я решила соврать. Я сказала:

— А знаешь, это вкусное печенье Пыжик приготовил для тебя лично! Я сказала ему, что ты очень любишь ванильное печенье. Вот он и постарался!

Я хотела сделать для Марго что-нибудь приятное, потому что я знала — она больная, а больным надо говорить только приятное, и, чтобы она поверила мне, сказала:

— Мне кажется, Пыжик относится к тебе совсем не так, как относится к нам с Валей и с Ниной. Может, он влюбился в тебя?..

Марго вдруг остановилась, оттолкнула меня и закричала со злостью:

— Бессовестная, как тебе не стыдно? Я же маленькая еще! И он... Пыжик... Он же тоже... Смешно даже...

Я взяла ее за руку, но Марго вырвала свою руку из моей и закричала:

— Ты же... Как тебе не стыдно?.. Дура! Три раза дура! И еще пять раз! Я с тобою больше не буду разговаривать!

Странно как-то все получается!

Я хотела только пошутить, а Марго обиделась, будто я нарочно стараюсь унизить ее. Почему она не понимает шуток? Может, потому, что больная? А может быть, я не умею шутить с больными?

12 октября

Соревнование за Москву идет полным ходом.

Мы выпускаем теперь раз в неделю «Спутник», а когда нужно принимать срочные меры, делаем экстренный выпуск.

«Спутник» появляется в классе по субботам, и сразу же вокруг него собирается весь класс.

Ну, конечно, начинают чтение газеты с отдела «Халла-балла». Все-таки Пыжик протащил свою «халла-балла», и теперь он делает этот отдел вместе с Марго (она рисует) и с Лийкой.

Я хотя терпеть ее не могу, но она так много сейчас приносит пользы классу, что я уже разговариваю с ней и даже не обиделась, когда она протащила меня в «Спутнике». Правда, не очень было приятно читать ядовитые стишки про себя, а еще хуже было то, что я же член редколлегии и мне просто неудобно было запретить такие стихи. Тогда ведь скажут, что я поступаю нечестно. Пришлось сделать вид, что стихи мне понравились. А что, подумайте, могло понравиться вот в этих стихах:

Кричит! Рычит! И огрызается!
Кто свяжется — не будет рад!
Вниманье! Галочка кусается,
Отправим Галю в зоосад!

Марго, конечно, постаралась изобразить меня, будто я грызу Лену Бесалаеву. Но на самом деле ничего особенного у меня с Леной не произошло. Просто мы немножко поспорили, и я толкнула ее чуть-чуть. Но теперь весь класс дрожит, как бы кому не снизили отметку за поведение, и поэтому за каждый пустяк накалывают на булавку в отдел «Халла-балла».

У Коли Варгинова ребята увидели измазюканную кляксами тетрадку по алгебре, и хотя учитель не сказал Коле ни слова, в «Халла-балла» тотчас же появилось стихотворение:

Кричат тетрадки: «Тонем! SOS!
Спасите нас от Коли!»
Вывозит Варгинов навоз
В тетрадки, словно в поле!

И все это — стихи Бегичевой. Она пишет так усердно, что теперь ей некогда даже хвастаться. Она и лирические пишет

стихи, и некоторые из них получаются довольно удачными. Мне лично очень понравилось начало ее поэмы «Жанна д'Арк в гостях у нас».

Дождь струится тихо-тихо.
Осень. В окнах — голый парк.
В класс, коня пришпорив лихо,
Вдруг влетает Жанна д'Арк.

Мчится, скачет через парты.
Косы русые до плеч.
Блещут солнечные латы,
И огнем сверкает меч.

Жанну предали англичанам, попы приговорили ее к сожжению на костре. И Бегичева вспоминает об этом стихами:

Дым над крышами Руана
Крылья черные простер.
Входит дева Орлеана
На пылающий костер.

Дальше я не запомнила.

Кажется, у Лийки все-таки есть способность писать стихи. Со временем, возможно, из нее и получится поэт. А может, ей поставят даже памятник и на уроках русского языка будут изучать ее стихи.

Обидно, конечно, если получится действительно так, но я готова простить ей все: и будущую славу, и памятник, лишь бы только она помогала классу выйти на первое место. Все-таки стихи ее хорошо действуют на отстающих. А когда неприятный человек делает что-нибудь полезное, надо быть честной и относиться к нему по-хорошему.

14 октября

Ура!

Набрали! Сто семьдесят шесть очков набрали. А это значит, что класс сделал большой скачок и перепрыгнул с шестого на второе место. Теперь впереди идет только первый

«б». Но можно ли считать первоклашек серьезными противниками? Уж их-то как-нибудь и догоним и перегоним.

Я учусь в этой школе седьмой год, но никогда еще наш класс не учился на такую полную мощность.

Отстающих в классе становится все меньше и меньше. А вообще-то говоря, их почти и нет уже. Один только Вовка Волнухин учится по-прежнему. У него нет ни одной четверки. А про пятерки и говорить нечего.

И о чем он думает — не понимаю. Сам не учится и других держит за руки и за ноги. Ребята говорят: «Если бы не Вовка, мы давно бы уже были на первом месте». Но вместо того чтобы помогать классу слетать в Москву, Вовка все свободное время боксирует на ринге. По словам Чи-лень-чи-пеня, он считается среди ребят-боксеров восходящей звездою ринга. А в нашем классе Вовка — заходящая тупица. Он сейчас один остался с тройками. И даже чуть-чуть не схватил вчера по химии двойку.

Безобразие!

Так подводить класс может только человек, который не понимает, что такое товарищество.

15 октября

Сегодня у меня день необыкновенных приключений и самых удивительных открытий.

Но расскажу по порядку.

В эти осенние дни я очень люблю бродить по парку. Как многие девочки, я увлекаюсь гербарием, и хотя по школьной программе совсем не обязательно заниматься этим делом, я, как и все почти девочки и мальчишки, собираю осенью опадающие листья: коричневые, бурые, желтые, золотистые, багровые, красные, палевые, оранжевые и всех других цветов и оттенков.

Собирая листья, я шла по аллеям парка и не заметила даже, как очутилась перед компанией незнакомых мальчишек. Их было пять человек, но каждый из них задавался за целый класс. Всех же нахальнее держался мальчишка с поцарапан-

ным носом. Когда я поравнялась с ними, поцарапанный перегородил мне дорогу и потянулся к букету собранных мною листьев.

— Ты чего собираешь наши листья? — зашипел он.

— Вытри нос, — сказала я вежливо, — и скажи своей маме, что тетя велела поставить тебя носом в угол!

— Кто тетя? Ты тетя? Да я такой тете зуб на зуб помножу! Сделаю сложение и вычитание, дам тебе высшее образование!

Но такие хвастливые угрозы можно слышать в школе на каждой перемене и почти в каждом классе. От первого до четвертого, конечно. Ребята постарше такие глупости уже не болтают.

— Иди, — сказала я. — Я тебя не трогаю и не трону! Не бойся, мальчик! Вытри носик и иди себе спокойно!

— Ах, так! — завизжал мальчишка. — А по мордасе?

— Не понимаю, — сказала я, — что это за мордаси? Ты на каком языке говоришь?

Мальчишки засмеялись. Поцарапанный размахнулся, но я и не подумала даже, что такой сморкач осмелится ударить меня, и потому стояла спокойно. И вдруг из моих глаз посыпались искры. Особенной боли я, правда, не почувствовала сразу, но когда поняла, что этот шпингалет ударил меня, я тотчас же, еще сама не соображая, что делаю, влепила ему такую звонкую пощечину, что мне показалось, будто над парком Победы лопнуло небо и с деревьев осыпались все листья.

Поцарапанный отшатнулся. В глазах у него блеснули слезы. Значит, я ему крепко влепила. Ну, а если он уже понял, что налетел не на беззащитную овечку, а на львицу, надо бить его, пока он не успел опомниться. Я размахнулась снова, чтобы влепить ему еще одного леща, да такого, от которого он бы слетел с катушек, но поцарапанный бросился бежать, как самый последний трус.

— Ах, так! — закричал другой, толстомордый, мальчишка. — Ребята, наших бьют! Давай, наши!

Ударить он меня побоялся, но, протянув руку, сорвал с моей головы берет, и все мальчишки стали подбрасывать и топтать его ногами.

Я тоже начала срывать с головы у них кепки и заодно влепила каждому по затрещине.

— Ага! — закричали они. — Ты драться? Драться?

Они бросились на меня и начали толкать. Я зажмурила глаза, а зажмурилась потому, что одной драться с пятью все-таки страшно. Во всяком случае, когда не видишь, как их много, есть еще надежда на победу. Я молотила кулаками по головам мальчишек, по спинам и в то же время думала: «А не лечь ли мне на землю? Ребята на Кузнецовской улице, да и на других улицах около парка Победы никогда не бьют лежачих». Вот у меня и мелькнула мысль в голове растянуться на земле и закричать: «Лежачего не бьют!» Но потом я подумала: «Много чести будет! Пока сами не собьют меня с ног, ни за что не лягу!»

И вдруг я услышала голос Вовки Волнухина:

— Эй, вы, шпроты-кильки! Чего на одну девчонку напали?

Я открыла глаза и, отбиваясь уже с открытыми глазами, увидела приближающегося к нам Вовку. Он шел по боковой аллее вразвалку, засучивая на ходу рукава.

— Вовка! — закричала я. — Они пятеро на меня... На одну!

Вовка остановился.

— Ну, чего с девчонкой связались? — закричал он. — По силам нашли?

Все пятеро повернулись к Вовке. Поцарапанный засипел:

— Иди сюда, мальчик! Подойди поближе, я тебе гулли-булли отвешу!

Но тут кто-то крикнул:

— Ребята, это ж Вовка-боксер!

Хулиганы попятились и заорали испуганно:

— Грек! Грек! Эй, Грек! Давай сюда!

Из кустов вышел, отряхиваясь, еще один мальчишка. Наверное, он курил в кустах или спал. На затылке у него еле держалась клетчатая кепка с крошечным козырьком. На плечи было небрежно накинуто длинное пальто.

— Ну, и что? — прищурился мальчишка, по имени Грек. — В чем дело?

— Вот тут один желает, чтоб ему отшлифовали рыло! — хихикнул поцарапанный.

Грек, усмехнувшись нахально, поддернул штаны и сплюнул через плечо:

— Сейчас повеселю его! — Он щелкнул пальцами. — А ну, иди сюда! Учить буду тебя! Наказывать! Чтоб не баловался в моем парке!

Вовка смерил Грека с головы до ног спокойным взглядом, потом протянул не спеша руку к козырьку его кепки и коротким движением надвинул кепку на нос Грека так, что козырек оказался на подбородке.

Мальчишка Грек отскочил от Вовки, сбросил пальто с плеч под ноги.

— Ты что? — зашипел он на Вовку. — Тебя давно не утюжили?

Вовка снова протянул руку и, сорвав с головы Грека кепку, отшвырнул ее далеко в сторону.

— Раздеваться так раздеваться! — усмехнулся Вовка.

Мальчишка был на полголовы выше Вовки, пошире в плечах и, по-видимому, «скорый на руку», но поведение Вовки озадачило его. Он привык, наверное, к тому, что ребята удирали от него без боя, а тут встретил парня, который не только не боится его, но еще и насмехается над ним.

Не решаясь вступить в драку, Грек начал зачем-то шарить по карманам, скрипеть зубами, строить самые зверские рожи, чтобы разозлить самого себя.

Накричавшись, Грек бросился на Вовку и ударил его наотмашь по лицу. Вовка даже пошатнулся. Но на ногах устоял.

— Плохо! — мотнул он головою и, сплюнув кровь из разбитой губы, пригнулся, выставил перед собою сжатые кулаки, как это делают боксеры на ринге. — В удар нужно вкладывать вес всего тела! Вот так!

Я даже не заметила, как это делается, а Грек, вскинув руками, уже лежал на земле. Мальчишки кинулись врассыпную по кустам.

— Наших, наших бьют! — заорали они, удирая. — Стой, стой, наши! Не беги, наши!

Но, останавливая друг друга, «наши» мчались, словно космические ракеты.

Вовка наклонился над Греком, пощупал его пульс, приложил руку к сердцу и усмехнулся:

— Живой? Понял, что такое апперкот и что такое хук? Привык обижать малышей да девчонок! Молодец на овец, да? А встретишь молодца — так и сам овца? Запомни: будешь пиратничать в парке — на дне морском отыщу тебя! Из-под земли достану. С этого часа будешь ходить по парку паймальчиком, нюхать будешь вежливо цветочки и не сердить дядю Вову! Вот так! Лежи и загорай!

Я закричала, хлопая в ладоши:

— Браво! Бис! Следующий раз не будут налетать по двадцать на одного.

Вовка нахмурился.

— А ты иди, явление! — процедил он сквозь зубы, не глядя на меня. — Чего раскудахталась?

Он повернулся и пошел в сторону Московского проспекта.

Но могла ли я уйти просто так, даже не поблагодарив Вовку? Я вспомнила, как дрались когда-то на турнирах рыцари за честь прекрасных дам, а дамы дарили победителям свои платки и перчатки. Но что могла я подарить Вовке? Перчатки? Они у меня рваные. Платок? Он был не особенно чистый. Да и мама рассердится, если я буду раздавать носовые платки.

Я побежала за Вовкой.

— Ты поступил как благородный рыцарь, — сказала я, догнав его. — И хотя я не прекрасная дама, но...

Вовка презрительно выпятил губы.

— Вытри нос! — пробурчал он. — Тоже дама!

Странный какой!

Почти рисковал жизнью, спасая меня, и не желает выслушать слова благодарности.

— И вообще, — сказал он, — если б ты была не из нашего класса, рук не стал бы пачкать. Дама!? Из-за такой дамы теперь отвечать, может, придется!

— За что же отвечать? Ты поступил благородно!

— За что, за что! — передразнил Вовка. — А за то и отвечать, что боксеру не полагается биться с такими, которые не знают бокса.

— Ты думаешь, я проболтаюсь?

— Не ты, другие скажут.

— Кто? Мальчишки? Ну, разве скажут они, что ты их шестерых один разогнал? Мальчишки же такие хвастуны! Ни за что они не признаются!

— Ладно! Теряй адрес! Иди куда идешь! И вообще, что ты ко мне привязалась? Что тебе нужно от меня?

— Ничего мне от тебя не нужно! Просто хочу поблагодарить тебя, и только. Должна же я поблагодарить!

— Ничего ты мне не должна! — сказал Вовка и вдруг потер ладонью лоб. — А если хочешь быть должной, — давай шестьдесят копеек. До завтра! Есть у тебя шестьдесят копеек?

У меня был рубль и тридцать копеек. Я поспешно протянула бумажку Вовке.

— Пожалуйста!

Он покачал головою:

— Мне — шестьдесят! На трамвай! Знаешь, что такое трамвай? Завтра отдам! Понятно?

— Понятно! — кивнула я. — Но рубль можно в трамвае разменять. Кстати, я тоже должна кое-куда съездить. Поедем вместе и разменяем. Хорошо?

Честно говоря, мне никуда не надо было ехать. А сказала так потому, что у меня вдруг появилась в голове интересная идея. Даже две идеи.

Первая идея: поговорить с Вовкой по-товарищески и объяснить ему, как подводит он класс своими отметками. И главное, такой случай был очень удобный для большого разговора. В классе разве поговоришь с Вовкой? А если мы поедем вместе, то в трамвае неудобно же ему будет кричать на человека, который дал взаймы шестьдесят копеек! Волей-неволей ему придется говорить со мною, и тогда уж обязательно я добьюсь своего. Ну, и кроме того, у меня ведь красовался синяк под глазом, и было бы очень обидно, если бы от этого синяка не получилось никакой пользы для класса.

Вторая идея, мне кажется, понравится самому Вовке не меньше, чем мне.

Он, я уже заметила, часто заступается за малышей. Значит, характер у него справедливый. Хотя и очень грубый. Но это не так важно. Главное, что нужно для этой идеи — справедливое отношение к людям. По-моему, Вовка вполне мог бы возглавить Бригаду Добрых Дел, которую я давно хочу организовать и в нашем классе, и среди ребят всех улиц около парка Победы.

Это очень хорошая идея. И даже немножко похожая на бригадмильцев.

Бригада Добрых Дел должна сделать каждый день какое-нибудь хорошее, доброе дело. Помогать малышам, старикам, больным, неуспевающим. Хорошо, конечно, если такой бригаде посчастливится спасти кому-нибудь жизнь, хотя это уже труднее, потому что такие случаи чаще бывают в книгах, чем в жизни. Но вот сегодня Вовка почти что спас мою жизнь, а разве такой поступок не самый замечательный?

Когда мы сели с Вовкой на «тройку», я разменяла рубль, купила ему билет и тридцать копеек сунула в руку. Он взял деньги и отошел от меня, сделав вид, будто не знает меня. Я сначала обиделась, но, вспомнив синяк под глазом, поняла Вовку. Действительно, не так уж приятно ехать с товарищем, у которого подбит глаз. Ведь могут подумать, будто я хулиганка, а между тем я была только жертва хулиганства. Чтобы Вовка не стыдился меня, я надвинула берет на глаз. Но, пока я возилась с беретом, Вовка пересел от меня на свободное место, и мне уже нечего было даже подумать сесть с ним рядом, потому что народу в трамвае было ужасно много. Правда, особенно я не беспокоилась. Вовка, наверное, едет на стадион, и я еще успею поговорить с ним. Ведь до стадиона не меньше часа идет трамвай. Но вдруг на Марсовом поле Вовка, не предупредив меня, выпрыгнул из вагона. Я тоже выскочила и в ту же минуту увидела, как Вовка подбежал к «двадцатке» и сел в первый вагон. Трамвай шел в сторону Озерков. Куда же ехал Вовка? К Финляндскому вокзалу? В Лесной? На велодром? В Озерки? Не раздумывая, я вскочила в прицепной вагон «двадцатки» и, устроившись

на передней площадке, стала следить за пассажирами, которые выходили на остановках.

Мы переехали Неву, в стороне остался Финляндский вокзал; «двадцатка» мчалась по проспекту Энгельса, а Вовка сидел и не выходил из вагона.

Куда же едет он? В Озерки? Но это же такая даль! От нашего парка Победы не меньше двадцати километров. Может быть, даже и дальше.

Все это становилось уже интересным. Нет ли тут какой тайны? По спине у меня словно мухи поползли. Я уже забыла обо всем. В эту минуту я хотела узнать только одно: что нужно Вовке в Озерках?

Когда трамвай остановился в Озерках, Вовка вышел и, не подозревая, что за ним наблюдают, перебежал шоссе и скрылся за углом гастрономического магазина. Вышла из вагона и я.

Глубоко внизу, под горою, раскинулись мои любимые Озерки — самая чудесная окраина Ленинграда. Летом тут можно покататься на лодках, искупаться, полежать на песке, слушая, как шумят над головою сосны. А зимою здесь неплохо кататься с гор на лыжах.

Озера плескались внизу, перекатывая серые с барашками волны. Холодный ветер раскачивал сосны, противно подвывая и забираясь под платье. И только высокие шпили красивых дач стояли, как и летом, охраняя веранды с кружевными балкончиками, застекленные зелеными, синими, красными стеклами. Стекла светились приветливо, по-летнему.

Говорят, когда-то жили здесь самые богатые буржуи старого Петербурга, а также артисты, поэты, художники. А сейчас не знаю, кто живет в Озерках. Но только не буржуи.

Я шла по следам Вовки, пока он не повернул в садик зеленой дачи. Я постояла несколько минут, потом подошла поближе и прочитала на калитке:

«ВО ДВОРЕ ЗЛАЯ СОБАКА.
ОСТОРОЖНЕЕ!!!»

Чуть выше этой надписи висела дощечка, на которой, под уличным номерным знаком, было выведено красными буквами по белому фону: «Мария Владимировна Пуговкина».

Фамилия показалась мне знакомой. Но где же я ее слышала?

Я стала припоминать и вдруг почувствовала, как от страха екнуло мое сердце.

Да ведь это же о ней и говорил Вовка несколько дней назад у ворот нашей школы.

Было это так.

После уроков я шла домой. Впереди меня шагал Вовка.

У ворот школы Вовку окликнул лоточник, весь белый, как глыба снега. Широкая белая куртка свисала с узких плеч, белый передник волочился по земле, так велик он был, но вообще-то паренек выглядел довольно санитарно. Походил на упакованный груз для отправки в гигиеническом вагоне-холодильнике.

Увидев Вовку, он замахал белыми рукавами, задергал головою, словно стоялый конь:

— Эй чемпиен, давай, давай! Пирожки, конфеты, пастила, бутерброды! Ну, как оно? Порядок? Сегодня у тебя мировой вид! Идешь на товарищеский матч?

Подпрыгивая, паренек начал совать кулаки в воздух, боксируя так, что кепка сползла ему на нос.

— Понимаешь, — кричал он, — Смирнов против Лешки Корнилова! Придешь?

Вовка пожал плечами.

— Английский завтра!

— Ага, понятно! — засмеялся парень. — Жмут? Надо зубрить дер штуль унд дер стол! Плюнь! Чесслово, плюнь!

Я сразу поняла, что этот парень отвлекает Вовку от уроков, и остановилась, чтобы послушать, что скажет Вовка.

Но вот к лотку подбежал малыш с удивленными синими глазами. Высоко подняв над лотком крепко сжатый кулак, он высыпал на стекло зазвеневшие медные и серебряные монетки.

— Кис-кис! — сказал малыш. — На все...

Парень стал отпускать покупателя, а Вовка сказал:

— Некогда сегодня... У меня с Пуговкиной история!

— Ага, решил все-таки убить ее? — спросил парень, захохотав.

Вовка передернул плечами:

— Ладно уж тебе... Не твое дело! — и ушел.

Тогда я не обратила внимания на этот разговор. Мало ли что болтают мальчишки. Но сейчас, прочитав на табличке уже знакомую фамилию Пуговкиной, я вздрогнула. Кто она, эта Пуговкина? И зачем Вовка приехал в Озерки? Ну, конечно, убить он ее не убьет, однако не зря же ехал он с одного конца Ленинграда на другой. И не просто, конечно, в гости. Судя по словам того лоточника, у него с Пуговкиной не такие отношения, чтобы к ней он стал в гости ездить. Я решила все это дело выяснить, а если сумею помочь чем-нибудь Вовке, то и помогу. Я же перед ним в долгу теперь за товарищескую выручку.

За калиткой послышалась возня, в подворотне показалась собачья морда.

«Злая собака! — мелькнуло у меня в голове. — И без намордника!»

Не успела я сообразить, что надо делать, как, извиваясь всем телом, из-под калитки выползла собака. Она бросилась ко мне под ноги, виляя хвостом с такой быстротой, будто у нее не хвост был, а вентилятор.

Впрочем, это была не собака даже, а лопоухий щенок с розовым носом и с такими добрыми собачьими глазами, что я спросила невольно:

— Так это ты и есть злая собака?

Щенок лег на спину, помахал приветственно лапами, а потом перевернулся неуклюже через голову, как бы желая сказать: «Вот мы еще какие штуки умеем делать!»

Я погладила его, а он лизнул мои ботинки и сморщился. «Чем это ты мажешь ботинки? Ужасная гадость!» — прочитала я в собачьих глазах.

— Значит, ты и есть самая злая собака? — усмехнулась я.

Щенок тявкнул, и я без труда поняла: «Можешь не сомневаться! Злее меня не то что в Озерках, но во всем Ленинграде не встретишь!»

Погладив щенка, я смело вошла в садик, прошла несколько шагов и очутилась перед высоким деревянным крыльцом. На нижней ступеньке сидел огромный старик с черной бородой, будто посыпанной инеем. Настоящий Илья Муромец. Только вместо копья он держал в руках длинный нож, которым ловко потрошил свежую рыбу. На руках Ильи Муромца, на брюках и в бороде блестели рыбьи чешуйки. У ног его суетились белые куры, хватая рыбьи внутренности прямо из-под ножа.

— Птица, — сказал Илья Муромец, ткнув кончиком ножа в хвост важного петуха, который стоял с таким видом, будто кормил своих кур, — птица, а мясное любит! Зерном не корми! Мясо, рыба, курятина — что угодно! Предпочитает! А почему? То-то и есть! В школе учат этому?

— Нет! — мотнула я головою, а сама подумала: «Как же мне завести разговор о Вовке?» Но Илья Муромец, наверное, давно уже сидел один с рыбою, и ему было, наверное, скучно. Мне кажется, он очень обрадовался, что может поговорить со мною.

На всякий случай я все-таки осмотрелась по сторонам и спросила:

— А тут... не покусает меня... У вас написано: во дворе злая собака!

Илья Муромец захохотал так, что я невольно вздрогнула.

— Бывшая! — хохотнул Илья Муромец. — Бывшая злая... Да где же он? Опять удрал, негодяй! — И, свистнув, закричал: — Булька! Булька! Иси!

Щенок подбежал, усердно махая хвостом, и заюлил у ног Ильи Муромца.

— А вот я тебя на цепь! — пригрозил ножом Илья Муромец. — Совсем испортился псаря! Тебя как зовут-то? — обратился он ко мне.

— Галя!

— Хорошее имя! — одобрил Илья Муромец и кивнул на щенка: — Испортился, негодяй! А ведь каким псом был! Удивление! Дракон! Сухопутный крокодил! Принес его, помню, в меховой рукавице, положил на крыльце, а сам, вот дело-то какое, сам отлучился в ту пору на одну минутку.

И что ты думала, Галина? Пока ходил, он, подлец хвостатый, вылез из рукавицы, придушил двух беззащитных цыплят, покусал мирному поросенку ухо, затеял драку с нашим индюком Барлаем. Понимаешь, какой неуемный агрессор? Гитлер, а не собака! Чистый Гитлер! Мы его в ту пору чуть так и не прозвали. Но, — Илья Муромец покачал головою, — не оправдал! Сорвался с линии! А все почему? Подружился он тут с соседним котенком. И котенок, стало быть, повлиял.

Играли они. Вот куда скатился пес! Ясное дело — характер у собаки уже не тот, когда она играет с котятами. Теперь одно для него средство — цепь. Для собаки цепь — первейшее дело. Собака очень уважает цепь.

Мне стало жалко беленького щенка.

Я сказала:

— Может, он без цепи исправится.

— Естество собаки — злость! — сказал Илья Муромец. — Собака есть собака, и, чтобы из щенка вышел самостоятельный барбос, его непременно надо на цепи держать.

На крыльцо вышел крошечный карапуз с такими чудесными кудряшками и такими славными глазами, что я с удовольствием расцеловала бы его. Наклонив головку, он стоял, заложив руки за спину, внимательно разглядывая меня.

— Здравствуй! — сказала я.

— А ты кто? — спросил малыш.

— Девочка!

— А у тебя есть конфеты?

— Нет!

— И печенья нет?

— Нет!

— А что у тебя есть?

— Ничего нет!

Малыш вздохнул, посмотрел на меня, как на девочку, которая неизвестно для чего существует на свете, и сказал разочарованно:

— А-а... Ничего нет? Тогда... до свиданья! — и ушел.

Илья Муромец захохотал:

— Умора! Уж такой стяжатель — не приведи бог! Одного Вовку только и признает без взятки. Да и то сказать,

как-никак, а Вовка все ж таки его старший братишка! Ну, и Вовке он нравится. Малыш занятный, ласковый... Такого как не полюбить?

Посмеиваясь, Илья Муромец рассказал мне историю двух сводных братьев; и я тогда поняла, почему Вовка такой странный и что мешает ему учиться, но сегодня уже поздно. Напишу о том, что узнала в Озерках, завтра, а сейчас пора уже спать.

16 октября

Когда у Вовки умерла мама, он попал в детский дом, а попал в него потому, что папа Вовки был в то время в Якутии, искал с геологической экспедицией алмазы. Приехать в Ленинград он не мог, и Вовке пришлось примириться с пребыванием в детдоме. Он жил тут несколько месяцев и все время ждал, когда папа вернется и они будут жить вместе. Но вскоре после возвращения в Ленинград папа женился на Пуговкиной, даже не спросив Вовку, согласен он жить с новой мамой или не согласен. Вовка, конечно, обиделся и наотрез отказался переехать из детдома в новую семью. Он сказал отцу: «Или я, или Пуговкина!» Произошла целая история, конечно! В дело вмешалась бабушка. Она подала прошение в суд и хотела взять Вовку к себе. Но Вовка не терял надежды жить с отцом, которого он любил не меньше, чем свою маму, а поэтому к бабушке не пошел, остался в детдоме. Ну, а отец тоже любит Вовку и тоже надеется, что он будет жить вместе, но уже с новой матерью. Отец стал посещать Вовку и приглашать к себе в Озерки. А тут как раз появился чудесный малыш, новый братишка Вовки, и Вовка так привязался к нему, что теперь чуть не каждый день приезжает в Озерки.

Вовке, конечно, больно, что вместо его мамы появилась чужая женщина, и поэтому он не уходит из детдома, хотя и мучается, наверное. В общем, это такая путаная история, какие редко бывают в жизни; и я теперь сама не знаю, что же можно сделать для Вовки? Если бы Пуговкина извинилась

перед Вовкой, он, может быть, и простил ее, переехал бы в Озерки. Но станет ли Пуговкина извиняться? И какая она: хорошая или плохая? Все это надо еще выяснить, поговорить с ребятами и что-нибудь придумать. Если Пуговкина хорошая, то почему бы Вовке не простить ее? Ведь хоть редко, но бывает же иногда в жизни так, что женятся отцы и выходят замуж матери и все получается хорошо. Не знаю, просто не знаю, как помочь Вовке.

26 октября

Сегодня впервые нам разрешили фрезеровать молотки. И, оказывается, фрезерная работа не такая уж плохая. Правда, не всем девочкам нравится она, но это потому, я думаю, что они боятся станков. Я тоже сначала боялась, как бы фреза не откусила мои пальцы, но теперь самой смешны такие опасения. Надо быть только внимательнее и верить в себя, тогда станок подчиняется каждому твоему движению. И вот тогда-то и поднимается в тебе радостное ощущение повелителя станков и металла.

Конечно, с первого дня обучения этого чувства не бывает. Да и потом оно то появляется, то снова пропадает. Но я верю, оно станет со временем моим постоянным приятным ощущением.

Вот я включаю скорость. Фреза идет вдоль линии разметки, а из-под нее вдруг выползают сверкающие сердитые усы. Они шипят на меня, визжат, словно злятся, что ничего не могут сделать со мною, что должны подчиниться мне. Я даже, кажется, слышу злобный голос металла: «Пусти меня, уйди! Не поддамся тебе, не поддамся!» Я увеличиваю подачу: «Ну, и врешь! Никуда не уйдешь! Что захочу, то и сделаю с тобой!» Металл злится еще сильнее. Он воет, плюет в меня стальной стружкой: «Уйди, пусти! Не хочу!» И вдруг я чувствую: смиряется он, затихает. И тогда приходит такое ощущение, какого я никогда еще не испытывала. Я даже не предполагала, что у человека могут быть такие приятные переживания. Торцовая фреза прикасается к детали еле-еле,

и в эту минуту чувствую, как я сама и станок, как мои руки, ноги, глаза — все это вместе с зубами фрезы входит в металл. Линия разметки все ближе и ближе. Вот-вот фреза срежет риску, но одним дыханием я провожу ее впритирку, и это дыхание снимает какую-то сотую часть миллиметра. Даже невидимую глазом!

Ах, какое это интересное ощущение!

Такой твердый металл, а подчиняется мне. В эту минуту я чувствую себя таким сильным, таким могучим человеком, который может сделать все, что только он захочет.

Как жаль, что чаще всего появляется все-таки чувство растерянности и беспомощности, когда работаешь. Но это надо преодолеть, и тогда все будет хорошо.

Тарас Бульба хвалит меня больше, чем других. Он говорит, что у меня есть «чувство металла».

— Из тебя со временем непременно выйдет королева фрезерного дела! Уж я-то вижу людей. Уж я-то сразу замечаю, кто чего стоит.

А сегодня он и Вовку похвалил.

Хуже всех работают на станке Лийка и Пыжик. Она, кажется, боится фрезерного станка, ну а поэтому у нее и не получается ничего. Отстает от других и Пыжик. Я думаю, это потому, что он хочет показать себя опытным мастером, а чтобы удивить всех, фантазирует на станке, вместо того чтобы работать по правилам. И вот странно: и Лийка, и Пыжик сочувствуют друг другу, и на этой почве у них завязалась такая дружба, что теперь он уже приглашает Лийку к себе, и она вошла в нашу пятерку отважных почти как равноправный член товарищества.

Марго сегодня сказала, чуть не плача, что ненавидит Лийку, считает ее подлизой.

— Не знаю, — сказала Марго, — что ей надо от нас. То писала глупые стихи, теперь все время лезет со своей дружбой. Ты скажи Лене, чтобы он не приглашал ее.

Я сказала:

— Пыжик потому, может, приглашает ее, что она не верит ни в чертей, ни в бога. С ней, значит, есть о чем поговорить. А вот с тобой о чем ему говорить? О попах?

Марго посопела-посопела носом и сказала, чуть не плача:

— Думаешь, я верю? И раньше не верила... То есть чертям еще верю, потому что тут есть факты, а в бога... только так. Чтобы мама не ругалась.

— Не веришь? — обрадовалась я.

— А вдруг он есть? — вздохнула Марго. — Мне же совсем не трудно в него верить. Я же не мешаю никому.

— Значит, ты еще веришь?

— На всякий случай никому не мешает верить. А если я скажу, что не верю... — Марго вздохнула. — Ты ведь не знаешь мою маму. Она же изобьет меня, если я не буду верить.

Да, трудно мне с Марго! Пока у нее мама такая верующая, мне нелегко перевоспитать Марго, а заняться ее мамой — не хватает времени. Сейчас у меня столько разной работы, я даже не знаю, за что браться в первую очередь. Тут и Вовка, и соревнование за полет в Москву, и учиться приходится не так, как в пятом и в шестом классах. Да еще имею по пионерской линии нагрузку. В нашем отряде три звена: «Умелые руки», «Любознательные», «Спортсмены». Я в звене «Умелые руки», а наше звено шефствует над детским садом. У меня три подшефных малыша и все (вот смешные!) зовут меня «тетя Галя».

Это я — тетя Галя!?

С ними, между прочим, интересно возиться.

Они такие забавные и так любят меня, что, когда я долго не бываю в детском садике, мне будто не хватает чего-то.

На всякий случай вчера составила небольшой план. На первом месте, конечно, должна стоять учеба, чтобы не подвести класс. На втором — детский садик. В третью очередь займусь Вовкой. И четвертая очередь — Марго и ее мама...

1 ноября

Когда-то мы терпеть не могли английский язык, но с тех пор, как у нас появилась новая учительница Агния Петровна, мы ждем ее уроки с нетерпением. Так же, как уроки Брамапутры и учителя истории.

Она понравилась нам сразу, как только появилась в классе, а вскоре мы полюбили ее по-настоящему.

Агния Петровна уже не молодая. Лицо ее покрыто морщинами, словно паутиной, но глаза такие девчоночьи, такие веселые, что, право же, по глазам ей не больше пятнадцати лет. Просто удивительные глаза! И когда смотришь на нее, кажется, будто Агния Петровна надела на лицо маску старушки, а через прорези маски поглядывают глаза девочки, которая понимает нас, сочувствует нам, готова помочь каждый час, каждую минуту. Но мы не глаза ее полюбили. Нет! И не за то, что она добрая. Мы любим Агнию Петровну за то, что она помогла нам полюбить английский язык.

Когда старую учительницу английского языка перевели после приступа инфаркта на пенсию, в класс пришла Агния Петровна и начала урок с рассказа о смешных приключениях человека, который, плохо зная английский язык, все путал, произносил неправильно слова, и потому с ним происходили разные забавные истории.

Мы стали говорить о том, что в школе все равно не выучишь английский язык по-настоящему, поэтому эти уроки только отнимают время у всех.

Славка сказал:

— Это ж мартышкин труд. Сколько ни учи — все равно никто не научится говорить на нем, как по-русски.

Агния Петровна согласилась сразу.

— Ты прав, — сказала она, — в совершенстве вы не будете владеть английским языком, но, когда понадобится вам изучить его как следует, школьные знания очень и очень пригодятся вам. Но и то, что вы усвоите в школе, будет весьма полезным. В нашу страну приезжает сейчас много иностранцев. Еще больше их будет у нас в ближайшие годы. Да и вам придется побывать за границей. Если не всем, так многим. Мы будем плохими хозяевами, если не сумеем сказать на родном языке нашим гостям хотя бы несколько фраз, объяснить им, как попасть в то или иное место, где пообедать, побриться, купить необходимые вещи, посмотреть наши достопримечательности, побывать на футбольном матче, в театре, в наших музеях.

И мы решили, что немножко разговаривать по-английски не так-то уж и трудно, и если хорошо постараться, что-нибудь да получится.

На втором уроке мы уже бродили по Лондону, спрашивали полисмена, где можно остановиться, где пообедать, заходили в театры и музеи, — словом, держали себя как настоящие англичане.

Агния Петровна изображала полисмена, и мы очень хохотали.

Потом все поехали в Америку и оттуда писали письма Агнии Петровне, а приехав, рассказывали о своей поездке.

С каждым уроком заниматься становилось все интереснее и интереснее. Мы начали выпускать газету на английском языке, сами преподавали английский язык, были гидами, а сейчас разучиваем на английском языке пьеску.

А совсем недавно Агния Петровна запретила разговаривать на ее уроках по-русски, и если у кого не хватает слов, ему приходится «говорить руками». А это так смешно, что хочешь не хочешь, но, чтобы над тобою не смеялись, ты должна учить каждый день все новые и новые слова.

И еще она нравится нам всем, что не мелочная, что у нее можно даже подурачиться на уроках. Но только чуть-чуть. Она ужасно сердится, когда начинается «большой гвалт». Она становится у окна, спиною к классу, и говорит:

— Я жду, когда вы успокоитесь!

Но это давно уже было. Теперь она и не подходит к окну. Мы поняли быстро, что можно и чего нельзя делать на ее уроках.

Раньше мы с ужасом думали: «Ах, сейчас начнется отвратительный английский!» А теперь мы ждем его с нетерпением. Он совсем уж не такой плохой язык, как казался нам прежде. Он даже очень красивый язык. И гораздо легче русского. Грамматика английского языка проще нашей в сто раз. Одно плохо, что англичане придумали слишком много идиом.

Помню, на первых уроках мы откровенно признались Агнии Петровне, что не любим английский, потому что он некрасивый язык.

Она засмеялась и сказала:

— Может быть! Может быть! Но послушайте, как англичане пишут стихи. — И прочла стихотворение такое музыкальное, что оно понравилось всем. — А теперь я переведу каждую фразу! — сказала Агния Петровна и перевела.

Нам так понравились эти стихи, что мы захотели выучить их наизусть, и на другой день уже читали его хором:

...And in the sky the stars are met,
And on the wave is deeper blue,
And on the leaf a browner hue,
And in the heaven that clear obscure,
So softly dark, and darkly pure,
Which follows the decline of day,
As twilight melts beneath the moon away.*

«*Make music to the lonely ear!*» — Действительно, это звучит, как музыка.

И разве не чудесный вот этот переход:

And gentle winds and waters near,
Make music to the lonely ear.

Как хорошо все-таки, что Агния Петровна помогла нам понять красоту этих изумительных строчек.

...that clear obscure...

Возвращаясь домой, я шла, повторяя и повторяя эти замечательные строчки.

И как чудесно сказано: *that clear obscure* — прозрачная темнота!

Ведь в летние вечера темнота действительно прозрачная.

---

* И звезды всходят в небеса,
И глубже моря синева,
И тонет в сизой мгле листва,
И дня утраченного след,
Как светлый мрак, как темный свет,
Струится в бледной вышине,
И тени тают при луне.

«Паризина» Д. Г. Байрона.
Пер. В. Левика.

У Пушкина тоже есть красивое описание ночи: «Прозрачно небо, звезды блещут». Но это уже совсем другая красота. Торжественная! Сияющая! Пышная! А у Байрона она немного грустная, влажная какая-то, тихая и задумчивая, какой только и бывает тишина в ночном парке.

Все девочки безумно влюбились в Агнию Петровну. Мы стали провожать ее после уроков, носить ее портфель, тетради, учебные пособия. Когда кончался урок, все наперегонки бросались к дверям, чтобы открыть их, и все обязательно хотели что-нибудь сказать на прощание.

Но потом уж началось настоящее безобразие. Дюймовочка так влюбилась, что стала надоедать ей своей любовью, да и нам мешала любить Агнию Петровну. А Дюймовочке начали подражать и другие наши девочки — Тамара Иванчук и Рая Богданова. Они поджидали Агнию Петровну на трамвайной остановке, провожали ее до дома и вообще все время вертелись у нее под ногами, надоедая своей любовью.

А это уже не честно. Уж если любить хорошую учительницу, так любить надо всем классом, чтобы никому не было обидно, а не выскакивать со своей любовью. И почему Агния Петровна должна уделять им больше внимания, чем всем другим?

Ну, мы пригласили эту «троицу влюбленных» в парк Победы и тут поговорили с ними так, что они запросили пощады. Дюймовочке, как самой маленькой, просто дали легкий подзатыльник, чтобы привести ее в чувство, и она сразу поняла, что в будущем ей тоже достанется за навязчивость так же крепко, как Тамаре и Рае.

А вот учительницу пения Анну Семеновну никто из ребят не провожал никогда, да и не будет провожать. Пусть не надеется даже.

Честно говоря, она тоже неплохая учительница, но у нас с ней отношения неважные. И все потому, что она не сдержала слова. Когда мы начали заниматься у нее, Анна Семеновна сказала, что уже договорилась с телестудией, и мы будем выступать, петь хором, а те, кто будет лучше всех заниматься, может рассчитывать на сольные номера. Мы обрадовались. Это же все-таки интересно — выступать

по телевидению. Другие школы выступают довольно часто, а наши ребята будто такие безголосые, что их и слушать невозможно.

Однако никаких выступлений по телевидению Анна Семеновна так и не организовала, да и ни с кем, наверное, не договаривалась.

Теперь мы уже не верим ни одному ее слову, хотя, возможно, она и не виновата. Ведь желающих выступить по телевидению так много, что до нас не дойдет очередь и через сто лет. Но все равно она не должна была обещать до тех пор, пока не договорилась по-настоящему.

И вот теперь на ее уроках пения мы нарочно поем так, что она морщится. Одни тянут в лес, другие по дрова; одни орут, как поросята, другие кряхтят по-утиному. А в общем, наше пение напоминает квартет из басни Крылова.

— У нас нет слуха! — говорим мы.

— И пения никто у нас не любит!

— Мы не собираемся выступать в опере и в концертах!

Но все это неправда.

Мы очень любим петь. И песни любим слушать. Особенно всем нравятся советские песни. Те, что передают по радио, и те, что можно провернуть на патефоне.

Эти песни мы часто поем у Пыжика, особенно с тех пор, как в пятерку отважных вошла Лийка. У нее очень приятный и сильный голос, и она знает много разных песен, потому что ее мама покупает новые пластинки чуть не ежедневно.

Вот я пишу сейчас, а в голове шумит вчерашняя песенка.

Мотив ее очень простой, слова тоже не первый сорт, а нам почему-то нравится она:

Ночью за окном метель, метель,
Белый беспокойный снег.
Ты живешь за тридевять земель
И не вспоминаешь обо мне.

И другие такие же песни нам тоже нравятся. Их называют эстрадными. Тетя Шура уверяет меня, что это «пошлые песенки». Софья Михайловна тоже морщится, слушая нас. Мы спросили ее однажды:

— Почему же нам нравятся именно такие песни?

— Вероятно, потому, — сказала Софья Михайловна, — что вы еще не доросли до понимания серьезной музыки. Но это пройдет! Со временем и вы научитесь ценить хорошие произведения.

5 ноября

Сегодня был интересный разговор с Ниной Станцель.

Когда я спросила ее, кем же она решила быть, Нина сказала, что решила после окончания семи классов работать парикмахером.

— Почему? — удивилась я. — Неужели тебе нравится такая профессия?

— А чем же она плохая?

— Ну... какая-то несерьезная... мелкая!

— Мелких профессий нет, — сказала Нина серьезно. — Есть только мелкие люди, а такие любую большую профессию запросто сделают мелкой. Главное, говорит мой отец, найти работу по душе и, работая, жить этой работой, получать от нее удовольствие, не тяготиться ею.

— И все-таки...

— Что все-таки? Что ж, по-твоему, только те люди, которые работают профессорами? Я уважаю ученых! Горжусь ими! Но почему мы не должны уважать дворников, продавцов, кондукторов, парикмахеров, лифтеров, маникюрш, почтальонов, киоскеров и других людей, которые, по-твоему, занимаются слишком мелкими делами?

Вот ты представь себе, что в один несчастный день все пекаря, вагоновожатые, повара, официанты и другие «неуважаемые» работники заболеют вдруг скарлатиной. Ну... и как ты думаешь, что произойдет тогда? Да уже через три часа мы все почувствуем, какие незаменимые и ответственные работники вышли из строя. Чудачка! Мы же идем в коммунизм, а в коммунистическом обществе самой ответственной должностью, как говорит отец, будет должность Человека с большой буквы. А какую работу он будет выполнять для

всех, — это уже не имеет значения. Работал бы только для общества. Да и получать будут все уже по потребностям, а не за должность.

— Неужели тебе нравится работа парикмахера?

— Очень!

— А как же музыка? Ты же мечтала учиться в музыкальном училище.

— Музыка — после работы. И почему бы парикмахеру не учиться играть на пианино? Ведь это же теперь проще простого!

— Все это правильно, но...

— Знаешь что, — засмеялась Нина, — попробуй поговорить с моим отцом.

— Почему? Зачем?

— Ну... может, ты растолкуешь ему, почему я выбрала неважную, очень мелкую профессию. И знаешь что... пойдем, например, ко мне сегодня после уроков. Ты же никогда не была у нас.

Так я попала к Станцель и тут встретила ее отца.

Оказывается, он Герой Советского Союза. Я подумала, что он занимает ответственное место (он похож на министра), но... когда узнала, где он работает, я поняла все. И желание Нины работать в парикмахерской.

Когда мы пришли, Нина засмеялась и сказала:

— Пап, вот Галя не советует работать в парикмахерской... Послушай ее! — и умчалась на кухню.

— Ну, этого я и слушать не хочу! — сказал Карл Янович, отец Нины. — Пусть работает! Ничего плохого в том нет!

— Но, — сказала я, — она могла бы получше выбрать работу!

— А это чем плохая? Тебя Галей звать? Ну, так вот, скажу по секрету, нет выше должности парикмахера. А почему? — хитро прищурился он и взметнул указательный палец в потолок. — Да потому, что каждый парикмахер — заместитель господа бога на земле.

— А бог есть?

— Поверим на пять минут, что есть он или, допустим был когда-то. Так вот, бог сотворил человека, а парикмахер

подправляет каждый день работу бога, редактирует творенье божье, наводит на него глянец. Придет в парикмахерскую человек первозданный, весь заросший, лохматый, небритый, черт знает на кого похожий, сядет в кресло и говорит: «Нельзя ли исправить топорную работу господа?» — «А пожалуйста!» Парикмахер ножницами — щелк-щелк, бритвой — чик-чик, гребеночкой подправит, одеколоном побрызгает, и встает человек с кресла — любо-дорого взглянуть на него. Картинка! Куколка! У бога и квалификации не хватает, чтобы такой глянец навести. И что же получается? Ну? Если по-честному подойти к вопросу? Парикмахер хотя лишь двумя разрядами числится выше господа бога по квалификации, а на деле выходит, что господь и в подметки ему не годится. Так что, Галочка, напрасно, просто не подумав, советуешь Нине отказаться от работы в парикмахерской. Веселый это труд! Творческий в некотором роде! А главное, есть ли что выше служения людям? Оно, конечно, услуги парикмахера небольшие, но почти ежедневные. А по моему разумению, — уж лучше помаленьку, да почаще приносить человекам пользу, чем за всю жизнь никому не доставить удовольствия.

— Все-таки... парикмахер...

— А что парикмахер? Плохой гражданин? Э, напрасно! В случае чего парикмахер не ударит в грязь лицом! Во время Отечественной войны и парикмахеры многие на высоте оказались. Даже кое-кто из них Героями Советского Союза стал!

Мне показалось странным, что отец Нины говорит о парикмахерах так, будто он сам тоже стрижет и бреет. Я спросила:

— Почему же вы не стали парикмахером?

— Кто не стал? Это я-то? Здравствуйте! Да я, можно сказать, потомственный и почетный брадобрей! И дед мой и отец мой занимались этим делом. А вот теперь и Нина... Да! Так-то вот! И тебе посоветовал бы, да только ведь выбирать надо работу по душе, а ты вроде бракуешь нашу профессию! Тебе не посоветую! И потому не посоветую, что человек должен не только работать, не только любить свою работу, но и гордиться ею! Вот такое, значит, дело-то!

А что, ведь и в самом деле все профессии нужны человеку. И кто-то, конечно, должен и стричь и брить. И сейчас, и при коммунизме. Дядя Вася говорит: нет у нас зазорной работы. Все, что необходимо и полезно обществу, нужно считать настоящей работой и выполнять ее так, чтобы у всех веселилось сердце, потому что настоящий советский человек на любой работе — Человек с большой буквы.

И, как бы подслушав мои мысли, отец Нины сказал, поправляя бант на моей голове:

— Мелких дел у нас нет, но вот мелкие людишки еще имеются, к сожалению! Но такому гражданину, по моему разумению, не работа нужна, а зарплата. Не живет такой человек, а существует от получки до получки. И не для того, чтобы чувствовать радость жизни, а чтобы ходить в баню, в кино, «забивать козла», покупать разную дребедень. Вот говорят, надо любить труд! А по-моему, надо более того любить людей, для которых ты трудишься. Ну, и, конечно, нужно очень и очень ценить и уважать труд всех, кто работает для тебя! Мы же не в лесу живем! Тем, Галочка, и держится наша жизнь, что я работаю для всех, а все трудятся для меня.

Я вполне согласна и с дядей Васей, и с отцом Нины. Но у меня есть и свои мысли о мелких профессиях. Мне кажется, при коммунизме все люди, которым придется выполнять самые неприятные работы, должны получать что-нибудь дополнительно. Не обязательно деньги. Их ведь не будет. И не лишние обеды или одежду: такие люди должны пользоваться особым почетом, особым уважением.

Не знаю, правильно я рассуждаю или нет, но, по-моему, чем-то все-таки нужно будет поблагодарить людей, которые станут выполнять не очень приятные работы.

12 ноября

Пафнутий решил построить для сборки автомашины автомастерскую, и такую, чтобы в ней можно было держать потом машину, как в гараже.

Наш класс посоветовался и предложил свою помощь. Ребята выбрали меня единогласно бригадиром, потому что все знают моего папу и все видели, какие построил он дома. Да я и сама не скрывала, что разбираюсь немного в этом деле. Кроме того, я была уверена, что в крайнем случае папа поможет мне и советами, и руками.

Как бригадир, я пошла к Пафнутию, сказала, что мы построим гараж своими силами.

Но Пафнутий такой хитрый, что трудно представить даже. Он сказал, что идея прекрасная и что, пожалуй, это будет самый лучший гараж в Ленинграде, если он будет строиться под моим руководством.

— Не знаю только, — покашлял он, — как мне поступить с одним прорабом? Дело в том, что я уже договорился с ним. А впрочем, он вряд ли будет мешать вам. Я, пожалуй, устрою это дело.

И устроил.

Мы таскали кирпичи, а прораб и еще двое рабочих говорили, куда их складывать, но строили они все сами.

Правда, нам тоже разрешили положить по двадцать кирпичей. И все-таки это уже не честно. Я уверена, что мы и сами сумели бы сделать не хуже. В крайнем случае нам помог бы мой папа.

21 ноября

Паршивое настроение! Хочется сунуть голову в форточку и выть, и выть по-собачьи.

Ну можно ли уважать всех взрослых подряд? И только за то, что они взрослые?

Нет, нет и тысячи раз нет! Никогда не соглашусь с этим. Никогда!

Как я буду уважать мать Марго после того дня?

А этот день мне уже теперь не вычеркнуть из памяти. Ах, лучше бы уж не было того разговора. А он-то ведь был, был!

Как произошло все это?

Мы возвращались из школы. По дороге Марго стало так плохо, что мне пришлось зайти с ней в парадный подъезд одного дома, и мы просидели в подъезде почти два часа. А еще через час я уже была у Софьи Михайловны. Я рассказала ей, что Марго становится все хуже и хуже, и спросила, неужели нельзя заставить мать лечить больную Марго.

Софья Михайловна сказала:

— У нее незарощение Баталова протока... Очень опасная болезнь сердца. Очень! Без операции Маше не обойтись. Только операция и может спасти ее. С такой болезнью люди умирают в юношеском возрасте... Но что же делать, если мать слышать ничего не хочет об этой операции?

Ну, если Софья Михайловна ничего не может сделать, так мы-то что-нибудь непременно сделаем. И у меня тут же, сразу, появился замечательный план.

Я попросила Пыжика пригласить к себе на воскресенье Марго, а сама вместе с Валей и Ниной пошла к ее матери.

Когда мы пришли, она засуетилась, забегала, заохала:

— Ах, ах, Маша моя только-только вышла. Да вы садитесь! Вы присаживайтесь. Чай будем пить. Варенье у меня, спаси Христос, какое... Отличное у меня варенье...

Я сказала:

— Это хорошо, что Маши нет дома. Ей совсем не нужно знать о нашем разговоре... Вам говорила Софья Михайловна, какая опасная болезнь у Марго?

— Ох, говорила, — запричитала она плаксиво. — И за что только господь карает? Кажется, с колен не встаю, молюсь и дни, и ночи. А вот, поди же, не доходят молитвы до бога. Не доходят! Прогневила чем-то создателя.

— Марго нужна операция! — сказала Нина, рассматривая мать Марго злыми глазами.

Она замахала испуганно руками:

— Спаси, Христос! Спаси, Христос! Чтобы я, мать, да согласилась дочь под нож положить? Да упаси бог! Какая ж мать согласится на такое? На опыты? Шутка сказать, им надо опыты делать, а ты отдай единоутробное дите. Мыслимо ли? — Она покачала головой, поджала губы. — Не бывать тому! И говорить не стану! Нет моего согласия!

Мы начали объяснять, как опасна болезнь Марго, но ее мать только покачивала головой, вздыхала, плакала, но на операцию не давала согласия. Когда же я сказала, что Марго может умереть, она бросилась на колени перед своими иконами и запричитала:

— Господи Иисусе, мать святая богородица-троеручица, спаси болящую отроковицу, сподоби, господи, избавиться рабе твоей от злого недуга...

Так она причитала, заливаясь слезами, чуть не полчаса, а потом поднялась и спокойно сказала:

— Все в руках божьих. Без его воли волос не падает с головы. В монастырь повезу. Молебен закажу. Исповедую ее там, к святому причастию приведу... Не оставит господь вдовьи молитвы и слезы без милости.

Так мы ничего и не добились. С чем пришли, с тем и ушли. Вот какая глупая и темная женщина. И после этого я должна относиться с уважением ко всем взрослым?

Какая чепуха!

На другой день мы всем классом ходили к Пафнутию. Он согласился с нами, но ничего сделать не мог.

Не знаю, нужно ли теперь перевоспитывать Марго.

Ведь если она умрет, так не все ли равно, какая она будет мертвая: верующая или неверующая. Главное сейчас — устроить операцию. Вот что главное. Но как это сделать?

Во время работы в мастерской, когда остановился мой «Верный» (так называется фрезерный станок, на котором мы работаем с Вовкой Волнухиным), мы вызвали Тараса Бульбу, чтобы он исправил «Верного», а пока дедушка налаживал станок, я поделилась с Вовкой своим горем.

— Не знаю, — сказала я, — как все-таки спасти Марго? Может, письмо послать правительству? Разве правительству трудно отменить закон, который разрешает родителям запрещать операции?

Рядом с нами в этот день работала на токарном станке «ДИПе» Лийка Бегичева. То есть она и не думала даже работать, а стояла и слушала мой разговор с Вовкой.

— Надо уговорить мать Марго! — изрекла наконец Лийка. — Если объяснить ей хорошенько, — она непременно

согласится. Не может она не согласиться. Она просто не поняла ничего.

Лийку поддержал Тарас Бульба.

— Точно! — загудел он. — Это уж как полагается. Объяснишь правильно — тебя и поймут правильно.

— Я бы обязательно уговорила! — похвасталась Лийка. — Просто вы неправильно уговаривали.

— Попробуй, уговори! На словах каждому кажется все легким.

— А что, — сказал Тарас Бульба, — не попытаться ли мне самому сходить с вами, а? Попробовать разве? К старикам у нас везде почет и уваженье. Меня она должна бы послушать.

— Можно, и я схожу? — напросилась Лийка.

В Индии есть поговорка: «Утопающий и за змею хватается». Почему бы не попробовать Лийке свои таланты? В крайнем случае, если ничего у нее не выйдет, Марго ничего не потеряет.

Ну, а может быть, вместе с Тарасом Бульбой у них и получится что-нибудь.

— Ладно! — сказала я. — Завтра сходим еще раз! Все вместе! Вовка, пойдешь с нами?

— Угу!

Между прочим, я за последнее время работаю с Вовкой «на пару». Он теперь мой напарник, а я его напарница. Недавно я и Вовка сделали для учительской новый внутренний замок. Правда, слесарную отделку замка делал Тарас Бульба, но в общем-то самые главные части замка мы сделали с Вовкой сами.

Когда замок вставили в дверь, я и Вовка несколько раз заходили посмотреть, как он действует, и каждый раз Пафнутий встречал нас, улыбаясь и подмигивая:

— Держится! Держится! Гениальный замок! Если бы не знал, что сработан вами, — сам не поверил бы. Не хуже, чем в магазине купишь.

Теперь и все учителя смотрят с уважением на меня и на Вовку.

А как хорошо все-таки, когда тебя уважают взрослые.

22 ноября

Говорят, полезная ложь иногда бывает лучше бесполезной правды. Но не всегда. Я убедилась в этом, просидев весь вечер у матери Марго вместе с Тарасом Бульбой, Вовкой и Лийкой. Мы пришли уговорить ее согласиться на операцию, но так как она не верит в науку, Тарас Бульба стал рассказывать о том, как сделали ему такую же операцию, а потом Лийка говорила о своих подругах, тоже выдержавших операцию сердца. Мы с Вовкой поддакивали и уверяли мать Марго, что это знают все ребята нашей школы.

Мать Марго слушала нас, соглашалась с нами, кивала головой и приговаривала:

— Это правильно! Наука теперь серьезная! Для науки сейчас ничего невозможного нет... У нас тут одной половину желудка оттяпали, а ничего! Живет! Прыгает!

— Значит, согласны положить Марго на операцию?

— Так тут же сердце! — захныкала она. — Как можно согласиться?

Тарас Бульба, не вытерпев, вскочил и закричал:

— Извиняюсь, но вы же темная бутылка, а не женщина!

Мы думали, она обидится, рассердится. Ведь очень уж грубо обошелся он с ней, но она ничуточки не обиделась.

— Так, так, — заулыбалась она приветливо, — темнота, что слепота! Идешь по жизни с вытянутыми руками и щупаешь, где что, не поскользнуться чтобы, не упасть. Это верно вы заметили. Темные мы. Так и живем на ощупь. Но вы не серчайте. Я ведь не по темноте, а по любви к Машеньке не могу дать согласия. За беседу вам спасибо, а за все остальное не обессудьте! Будет время — заходите! Люди вы хорошие, с вами беседовать очень полезно таким, как я.

Тарас Бульба даже зубами заскрипел:

— Зайду! Непременно зайду! Но если с Машенькой случится что... тогда уж... — И вдруг, сорвавшись с места, выбежал вон.

23 ноября

Странно как-то получается: хочешь человеку помочь, а он же злится на тебя! Ну почему?

Хотела вернуть Вовку из детдома к отцу, но ничего хорошего не получилось.

Сегодня завела с ним разговор про его отца, спросила, есть ли у него семья, а он покосился на меня и заорал:

— А тебе какое дело?

Потом подумал и сказал тише:

— Мать умерла! А с отцом не живу.

— Почему?

— Тебе-то на что знать? — снова разозлился он.

Конечно, я не могла сказать, что следила за ним и была в Озерках. Вовка тогда бы съел меня. Но и оставить его неустроенным я тоже не могла. Ведь пока останется такое неустройство семейное, Вовка не подтянется и подведет весь класс.

Я сказала:

— А знаешь, случайно я узнала про тебя все, все!

— Что узнала?

— Представь, мы знакомы с Пуговкиной!

— Ну и целуйся с ней!

— Слушай, Вовка, хочешь поговорю с ней, как женщина с женщиной?

Вовка презрительно фыркнул:

— Че-го? Какая ж ты женщина? Нос вытри! Женщина!? Тоже мне! И не о чем тебе говорить с ней! Не суйся! Да она и смотреть на тебя не захочет. По лбу получишь, да выругает. Тут весь и разговор.

— Ну и что? Сама знаю, какая она бессердечная, а все-таки...

— Кто бессердечная? — не дал договорить Вовка. — Кто сказал? Не знаешь, не болтай! Она самая сердечная. Ласковая она... И ко мне... Знаешь, как она ко мне относится?

— Тогда зачем же ты переживаешь?

— Слушай, — заорал Вовка, — чего ты пристала, явление природы? Топай, пока не получила! Лезет и лезет!

— Никуда я не пойду! Ты же подводишь класс!

— А я говорю — пойдешь! Ну? — Он так дернул меня за косу, что у меня зубы лязгнули, но я решила добиться своего.

— Сильный стал, да? Может, ты еще побьешь меня? Ну и что? Ударь!

— И стукну!

— Стукни!

Вовка толкнул меня:

— Иди, жалуйся!

— Никуда не пойду. Можешь даже ударить меня. Я же за класс говорю. Не за себя! Ты не меня толкаешь и дергаешь за косу, а класс.

— Вот привязалась. Что тебе нужно?

— Я хочу помирить тебя с Пуговкиной!

— А я не хочу! При чем тут класс и Пуговкина? В огороде бузина, а в Киеве дядя!

— А потому, что ты не можешь спокойно учиться.

— Никто мне не мешает! Просто запустил математику немного.

И тут мне пришла в голову счастливая мысль: а что, если попросить дядю Васю помочь Вовке. Мне дядя Вася всегда помогает. Объясняет он так хорошо, что мертвый и тот поймет. Уверена, дядя Вася не откажется, если хорошо попросить его.

— Хочешь, познакомлю тебя с дядей Васей?

— Какой еще дядя Вася?

— Ну... он помогает мне! Тоже по математике... Ему же все равно, что одной помогать, что двум... Знаешь, он так все разъясняет, как в рот кладет... Он сам на инженера учится. Заочно. Ну, что тебе, трудно, что ли, подтянуться для класса? Тебя же все уважать тогда будут, а твой отец скажет Пуговкиной с гордостью: «Вот...»

— Ну, ты! — толкнул меня снова Вовка. — И чего ты суешь свой нос!.. Тоже мне... Пуговкина? — Он поддернул брюки. — А этот... дядя Вася... Согласится он?

— Согласится! Согласится! — закричала я. — Договорились?

— Ладно! — отвернулся Вовка. — Ребят подводить не собираюсь! Попробую!

Ура! Я своего добилась! Когда человек что-нибудь захочет сделать, он всегда добьется. Не надо только бояться трудностей.

26 ноября

Соревнование за поездку в Москву идет на высоком уровне, как сказал наш пионервожатый. Но на путях к столице вдруг неожиданно появилось самое глупое препятствие.

Новая игра!

И эта игра так увлекает всех, что я уже не уверена, увидим мы Москву или же она достанется другому классу.

Вместо того чтобы тратить силы на ученье, мальчишки сходят с ума и на уроках, и на переменах, мешая друг другу соревноваться.

Начал это безобразие Славка.

Перед первым уроком он вылез на середину класса, встал на четвереньки и, подняв высоко ногу, завопил:

— Я — фар! Я — зар! Я — кар! Я пожираю огонь! Выпиваю цистерну нефти! Когда чихаю — с неба падают звезды. Когда хохочу — трясется космос! Я — фар! Я — зар! Я — кар!

Мы подумали сначала, что Славка сошел с ума, но некоторые ребята заинтересовались дурачеством Славки. Первым присоединился к безобразию Бомба. Подскочив к Славке, он боднул его головою и закричал:

— Я — сур! Я — мур! Я — гур! Когда шевелю пальцами — рушатся города! Когда смотрю на моря — они высыхают!

— Я — кар! — завизжал Славка.

— Я — мар! — завопил Бомба.

А ведь им по четырнадцать лет каждому. В их годы Моцарт был членом Болонской академии, Тихо де Браге учился в университете, Пушкин писал стихи, а советский астроном Амбарцумян читал лекции!

Все это я тут же сказала всем, а Пыжик еще кое-что добавил из своей Книги разных мыслей, но ребятам больше понравилось это безобразие, чем умные объяснения. Почти половина класса в первый же день стала подражать Славке. Даже тихоня Ломайносов и тот начал кричать:

— Я — мор! Я — жор! Я — нор! Когда смотрю на географию — океаны превращаются в пятерки. Когда чихаю — учителя падают на колени, когда...

Но тут я влепила ему затрещину, и он поспешно сел за парту, а после второго подзатыльника — раскрыл учебник географии и, покосившись на меня, стал повторять урок.

Девочки в первый день не принимали участия в этой глупой игре, но вот сегодня зараза охватила всех поголовно.

Когда мы возвращались после уроков домой, Нина Станцель, перегородив дорогу Дюймовочке, захохотала:

— Я — бур! Я — шур! Я — пур! Когда дышу — исчезает Млечный Путь! Когда краснею — сгорает солнце! За обедом съедаю миллион Дюймовочек и выпиваю пять океанов!

К моему удивлению, Дюймовочка подпрыгнула козленком и запищала:

— Я — кыр! Я — мыр! Я — пыр! На обед подают мне Луну! На пальце я ношу экватор! Моя зубочистка — земная ось! Когда я шевелю ресницами — Млечный Путь превращается в кислое молоко, а когда чихаю — начинаются землетрясения!

— Как не стыдно! — закричала я. — Наши бабушки в эти годы работали, помогали семье, а вы, как младенцы, беситесь!

И что же? Усовестила я их? Как бы не так!

Они запрыгали вокруг меня, корча рожи, размахивая руками:

— Я — фер! Я — лер! — кричала Нина.

— Я — тяр! Я — мяр! — попискивала Дюймовочка.

Тут я не выдержала и затопала ногами:

— Я — фур! Я — мур! Я — жур! От моих подзатыльников на голове растут Казбеки и Монбланы! Перестаньте трепаться, или я превращу вас в минеральное удобрение!

Они захохотали и умчались.

Интересно все-таки: почему разные глупости ребята подхватывают быстрее, чем все умное и полезное? И почему мы не можем быть серьезными, как взрослые?

Очень часто ребята обсуждают многие вопросы не хуже взрослых, говорят умные слова, а вот иногда вдруг, ни с того ни с сего, все начинают сходить с ума, бросаются учебниками, бегают, как дикари, визжат, орут, выкрикивают разные глупости и вообще ведут себя, как первоклашки.

Может, это потому, что наши предки были миллион лет назад дикими и мы в детстве поэтому и ведем себя так глупо? А может быть, потому, что глупостью надо непременно переболеть, как корью?

Мне кажется, в новой игре ребятам более всего нравится выдумка. Ведь такую игру надо вести, придумывая все время новые и новые глупости, и чтобы они были самыми неожиданными, самыми смешными.

Я думаю, как только иссякнет фантазия, — прекратится и игра.

1 декабря

Я оказалась права. Глупая эпидемия пронеслась над классом, как ураган, и вот уже не слышно ни «гыра», ни «мыра». Никто даже и не вспоминает о них. После короткого сумасшествия все снова включились в борьбу за Москву.

Перед уроками сегодня стало известно о том, что наш класс перешел со второго места сразу на пятое. Ну, не обидно разве? Еще того обиднее было узнать, что перегнали нас два самых отстающих класса: седьмой «в» и пятый «а».

Первое место по-прежнему все еще держат первоклашки. Но никого из нас эти кролики не пугают своими достижениями. Уж кого-кого, а их-то мы в любой день и догоним и перегоним. Опасным кандидатом на полет сейчас становится седьмой класс «в». Они, как говорят, решили занять первое место во что бы то ни стало.

Инночка Слюсарева узнала от надежных ребят, что семиклассники поклялись презирать всех, кто получит хоть одну

двойку. А вчера все девочки этого класса пришли с черными бантами в косах и сказали, что будут носить их всю жизнь, если не завоюют права на полет.

Это уже что-то вроде психической атаки. Но мы не испугались, хотя, конечно, хорошо понимаем, что нам теперь придется уже серьезно соревноваться. Ребята в этом классе дружные, без боя они не уступят права на полет. Хоть бы до каникул подправить немного наши дела!

Между прочим, Валерий Павлович (инженер; он живет в нашей квартире) сказал сегодня, что слово «каникулы» переводится на русский язык как «собачье время».

Я об этом не знала и спросила, почему так плохо переводятся «каникулы»?

Валерий Павлович сказал:

— Когда-то в Древнем Риме римляне называли самую яркую звезду на небе из созвездия Большого Пса «Песьей звездой». Появлялась она над Римом в конце июля, как раз в то время, когда наступали самые жаркие дни и когда в городе все замирало. Люди в такую пору сидели дома, отдыхали от жары и работы. Вот оттуда, из глубокой древности, и пришло к нам слово «каникулы».

2 декабря

Ура!

Вырвались наконец на первое место. Достигли!

А какой молодец Вовка Волнухин! Он и вчера получил пятерку, и сегодня порадовал класс. Три пятерки внес на текущий счет класса! Да по каким еще предметам пятерки-то! По геометрии и по английскому! Мы устроили такое чествование лауреата учебы, каких ни один римский полководец и во сне не видел. Вовку качали, носили на руках показывать другим классам, а когда провожали его после уроков, ребята несли впереди его учебники, тетрадки и раскрытый дневник на портфеле. Впереди шел весь класс, распевая сочиненную Лийкой «Славу лауреата учебы» на мотив «Картошка»:

Очень быстро, очень ловко
Вовка, Вовка
Три пятерки оторвал!
Бал! Бал! Бал!

Песня была такая длинная, что ее хватило до самого подъезда детского дома. При входе в детдом Вовку снова подняли на руки и передали воспитательнице, как жемчужину детдома. Чи-лень-чи-пень говорит, что Вовку «прищучили» в спортклубе. Будто пригрозили ему исключением, если он не выправит отметок.

— У нас, — похвалился Чи-лень-чи-пень, — свой закон! Хочешь быть боксером — закаляй силу воли, учись только на «хорошо» и «отлично». С двойками у нас не разрешают тренироваться. Короче говоря, взяли Вовку в оборот, прикрепили к нему двух студентов-боксеров, и теперь его уже не нокаутируешь двойками.

А я думаю, Вовка взялся за ум после разговора со мною. Не знаю уж, какие там студенты-спортсмены и по каким предметам занимаются с Вовкой, но к дяде Васе он ходит каждый день и вместе со мною грызет математику, как мышь.

Дяде Васе он понравился.

— Вовка замечательный парень, — говорит он, — только запущенный! Неорганизованный! Но толк из него будет! Определенно!

8 декабря

Марго исчезла. И вчера и позавчера ее не было в классе. Я ходила к ней на квартиру и там узнала от соседей, что мать увезла Марго в какой-то монастырь лечиться. Вернется Марго обратно не раньше как через десять дней.

Какое безобразие!

Пока мы собирались помочь Марго, мать действовала.

Правильно говорит дядя Вася: «Ничего не откладывай на завтра. Завтрашним днем живут только те, кто не знает, что делать с сегодняшним днем!»

14 декабря

Когда в школе узнали о том, что Марго повезли лечиться молитвами, все возмущались, а Дюймовочка даже заплакала. Потом мы узнали, что этот монастырь называется Ипатьевским, а Тарас Бульба рассказал про него такое, что волосы на голове шевелятся.

— Угробит эта темная бутылка Машу, — ворчал Тарас Бульба.

Он сказал, что неподалеку от этого самого монастыря находится незамерзающее озеро, которое невежественные люди считают святым озером.

— И что делают, подумайте, — стучал по верстаку кулаками Тарас Бульба, — уверяют больных, будто стоит проползти им на четвереньках вокруг незамерзающей святости, как сразу станешь здоровым.

Ну как можно верить в такую чепуху? И особенно сейчас, когда в небе проносятся спутники, искусственные планеты?

Но что для матери Марго спутники и планеты? Что ей наука? Ненависть так переполняет меня, что не могу писать.

19 декабря

Марго привезли после «лечения молитвами», и сразу же с вокзала ее забрала «скорая помощь».

Сегодня узнали подробности «лечения».

Бедняжку Марго мать заставила ползти вокруг озера. А Ипатьевское озеро такое огромное, что здоровый человек и тот бы заболел на полдороге. Конечно, для больного сердца Марго такое лечение кончилось ужасно.

В тот день шел дождь со снегом, ветер пронизывал насквозь, но земля еще не замерзла, и Марго ползла по липкой грязи рядом с матерью, которая орала во весь голос молитвы.

Сейчас Марго находится в больнице.

Вся школа узнала об этом диком лечении. Старшеклассники позвонили в редакцию «Ленинградской правды», и вот

сегодня у директора в кабинете произошло настоящее сражение. Представитель газеты, врачи, комсомольцы школы и некоторые родители говорили с матерью Марго часа два. Не знаю, о чем уж там шел разговор (из нашего класса никого не пригласили), но когда мать Марго выскочила из кабинета вся заплаканная, весь наш класс (мы стояли на всякий случай у дверей) тоже стал кричать:

— Надо согласиться на операцию!

— Почему вы не верите науке?

— Пожалейте Марго!

Но мать совсем обезумела. Она смотрела на всех заплаканными глазами и твердила упрямо:

— Не дам ребенка резать... Не допущу... Через мой труп только возьмете...

Тут из кабинета вышел Пафнутий, обнял ее за плечи и сказал спокойно:

— Не надо кричать! Надо спасать ребенка! Пока еще не поздно. И поймите, что вам придется отвечать по суду, если после монастырского лечения умрет ваша дочь.

23 декабря

Все-таки Марго оперировали. Мы узнали об этом во время большой перемены, а уже после уроков я и Лийка побежали прямо из школы в больницу. К Марго нас не пустили, но мы узнали, что лежит она в первом этаже, и, конечно, начали заглядывать во все окна этого этажа. После долгих поисков мы все-таки увидели Марго. Она показалась нам такой бледной, что мы испугались и решили спросить врача, выживет ли она. Сказали ему, что она лежит и смотрит в потолок и все время почему-то шевелит губами.

— Операция прошла отлично! — сказал врач. — А в окна вам заглядывать нечего. Она только расстроится, если увидит вас! И вообще не беспокойтесь! Девочка еще здоровее вас будет!

— А когда к ней можно зайти? — спросила я.

— Не раньше как через три дня!

26 декабря

Вчера были в палате у Марго всем классом. Только всех сразу нас не впустили, а впускали по пять человек. Мы ходили по очереди, но мать Марго сидела у ее кровати два часа и портила всем настроение разными глупостями. Кто ни подходил к Марго из ребят, мать говорила, что Марго только потому осталась жить, что за нее какой-то старец Макарий молился и днем и ночью.

— Вот поднимется Машенька, — говорила мать, — пойдем с ней к Макарию, помолимся за чудесное спасение. Он быстро поставит страдалицу на ноги.

Я не выдержала и сказала:

— Ей же не Макарий делал операцию!

Мать Марго вздохнула:

— Операция тоже от бога. И кто знает, чем бы она кончилась, операция ваша, если бы не старец Макарий?.. Без молитвы и операция не поможет.

Я ушла из больницы расстроенная, злая, такая, что готова была кусаться. Ну, если Марго пойдет молиться Макарию, пусть лучше не подходит ко мне. С ней тогда я уж не стану дружить. Пусть со своим Макарием дружит!

28 декабря

День сегодня тихий, безветренный, но мороз покусывает крепко и щеки и нос. Солнце кажется холодным. Золотистый воздух над улицами висит, как ледяная кисея зимы.

На дворе мороз, а в школе такая Африка, какой никогда еще не было раньше.

Да, за последнее время жарко стало у нас. И все потому, что ребята всех классов мчатся к первому месту со скоростью ракет.

В первые дни борьбы за полет в Москву можно было идти в первых рядах даже с двумя-тремя тройками, если, конечно, у класса было много пятерок и четверок, а вот

сейчас, в конце второй четверти, даже четверки держат за руки и за ноги.

Еще вчера, имея три четверки, мы добрались почти до трапа ТУ-104, а сегодня нас оттеснили обратно. На третье место! Первое место по-прежнему занимают первоклашки-промокашки. За ними построился девятый «б», а мы посматриваем на Москву через спины двух классов.

Все-таки как несправедливо! В первом классе не так-то уж трудно учиться. Неужели придется отдать первоклашкам первое место? Это было бы очень и очень обидно. Да и непедагогично получается. Они же, промокашки эти, могут подумать тогда, будто умнее и старательнее их никого и на свете нет. И не станут ли они смотреть на нас, старшеклассников, как на лодырей?

Обсудив школьное соревнование на сборе, мы вынесли два решения. Одно — по пионерской линии, а другое без всякой линии. Просто мальчишки поклялись «выжать масло» из всех, кто только пойдет против товарищества, кто не будет учиться на полную мощность. Ну, девочки тоже дали слово презирать и не разговаривать с теми из девочек, кто отстанет от класса.

Да, теперь уж надо нажимать по-серьезному.

По совету каких-то «святых старцев» мать взяла Марго из больницы и привезла домой. Врачи не хотели отпускать Марго, просили оставить ее в больнице хотя бы еще на одну неделю, но мать настояла на своем и взяла Марго под расписку.

Весь класс возмутился, когда узнал об этом. Мы послали делегацию к Пафнутию, но и он ничего не может сделать.

Он сказал, что есть такой закон, по которому родители могут взять больных детей под расписку. Так же, оказывается, может выписаться из больницы любой взрослый больной.

По-моему, это очень неправильный закон и его нужно отменить. А вот как это сделать — не знаю. Да и теперь уже поздно что-нибудь делать.

Бедная Марго!

Софья Михайловна, правда, успокоила нас. Она говорит, что Марго больше всего нуждается теперь не в больничном режиме, а в хорошем, усиленном питании, и что сейчас от питания зависит многое. Чем лучше будет у нее пища, тем скорее она поправится. Но мать Марго не много зарабатывает. Где она возьмет деньги на хорошее питание?

Директор сказал:

— Немного собрано денег среди учителей. Кое-что даст родительский комитет. О питании вашей подружки не беспокойтесь.

Но как же не беспокоиться?

— Ребята, — сказал сегодня Пыжик, — все помогли Марго, все собрали деньги на усиленное питание! И учителя и родительский комитет. А мы что? Кошками поцарапанные?

— Произвести сбор, — предложила Дюймовочка. — Пусть все внесут что-нибудь из личных сбережений.

Мы стали выяснять, у кого и какие есть сбережения. И тут выяснили, что никаких сбережений никто не имеет. Правда, у Лийки нашлось шесть рублей и тридцать семь копеек, а вот у других ребят оказалось в карманах только по пятьдесят–шестьдесят копеек.

Дюймовочка сказала:

— Мы можем выделить кое-что из киношных денег. Каждому из нас дают дома деньги на кино. Да? Ну вот, если все по одному разу воздержатся от кино — тогда у нас накопятся порядочные сбережения.

— И на каток дают! — напомнила Валя. — Можно из этих денег тоже внести на дополнительное питание.

Тарас Бульба спросил, сколько нужно денег Марго.

— Хорошо бы собрать рублей сто, а еще лучше — двести или триста! — сказала я.

— А тысячу? — спросил Тарас Бульба. — Хуже будет?

Мы засмеялись.

Таких денег и во всей школе не наберешь. Тарас Бульба рассердился:

— «Ха-ха, хе-хе», — передразнил он нас, — а что «хаха» — и сами не понимаете! Руки есть? Ну? Какой может

быть смех? — Он вытянул вперед руки и сказал сердито: — Вот он — капитал-то! Первейший в мире! Поценнее серебра и золота... Руки есть — и капитал будет! Договориться надо! Вот что! Разрешение надо взять. От директора школы разрешение!

— И что тогда получится? — спросила Дюймовочка.

— А все получится! Заказ возьмем! Вот что получится. С артелью, допустим, заключим договор. И таковая артель имеется на примете. Или с фабрикой игрушек потолкуем. Тоже нуждаются. Это уж я точно знаю.

— А как сделать? — поинтересовалась Дюймовочка.

— Руками! Ручками! Головкой! Вот на этих самых станочках!

Ребята заорали, потому что у всех, конечно, было желание помочь Марго. Да и всем показалось интересным самим заработать деньги. Никто из нас не заработал еще ни одной копейки. Все с радостью проголосовали предложение, и Тарас Бульба ушел договориться. Он сказал, чтобы мы работали, а он все выяснит и через час вернется обратно. Но вернулся он через два часа. И вернулся такой веселый, что все сразу поняли: договорился!

— Тысяча и один заказ! — помахал какой-то бумагой Тарас Бульба. — Работай только! Не ленись! На сто лет хватит работы. Значит, так: директор говорит, заказов брать не будем, а сами закажем изготовить наборы рабочего инструмента. Детского, так сказать. Для младших классов. Ну, там как полагается: молоток, зубило, плоскогубцы, отвертки, дрели и все такое прочее. Ящички изготовим сами же, в столярной мастерской школы. Упакуем, конечно! Фирменный знак: сделано в школе номер такой-то. Ленинград и все такое прочее!

Мы переглянулись.

— А кто же будет покупать наборы? Младшие классы?

— Артель возьмет! — сказал Тарас Бульба. — Директор уже разговаривал с ними. Берут! Главное, чтобы добротное было, красивое. И вообще сомнений не может быть. Инструмент — такая вещь, что в любом домашнем хозяйстве пригодится. Гвоздь надо тебе в стену забить, к примеру, а как

ты его без молотка вобьешь? Да и другие инструменты требуются в домашней обиходности. Но если уж браться, так браться. Тут уж придется договариваться не менее как на тысячу комплектов. Вот теперь и подумайте сами: осилим?

— Осилим! — закричали ребята.

— Тогда все!

— А когда получим деньги? — спросила Нина. — Вперед нам не дадут сто или двести? Марго ведь надо быстрее поставить на ноги.

— Дадут! — сказал Воспитатель. — Обязательно дадут! Я из своих сбережений дам. Потом отдадите! Сегодня же дам! Пятьсот достаточно будет? Думаю, за год вы сумеете заработать эту сумму и вернуть мне.

— Ура!

Ну, конечно, ура, потому что на пятьсот рублей можно купить многое для Марго. И масла, и фруктов, и какао, и разных диетических кушаний. Ей за месяц всего не съесть, а через месяц она вполне поправится на хорошем питании.

В тот же вечер мы отнесли деньги и передали матери Марго, и тут случилось такое безобразие, что я чуть не расплакалась.

Ну, принесли мы деньги и сказали, что наш класс дарит их Марго на хорошее питание, чтобы поскорее она поправилась.

Мать Марго заплакала, стала целовать нас и благодарить, а потом пересчитала деньги и сказала:

— Не знала даже, как мне и быть, как перевернуться. Думала в ломбарде заложить кое-что, а тут, прямо с неба благодать. Вот теперь мы и молебен отслужим, доченька, и старцу Макарию передадим сотню-другую на добрые дела. Доброе дело не хуже молитвы угодно господу. Спасибо, деточки. Ох, спасибо! Господь не оставит вас!

Когда я услышала, что наши деньги мать Марго хочет отдать попам и какому-то старцу Макарию, я даже затряслась от злости.

Ну подумать только, мы будем работать, а наши деньги пойдут на молитвы и на водку старцам! Уж я-то слышала от

папы, как эти старцы пропивают молитвенные деньги, а мне совсем не хотелось, чтобы мои деньги пошли на выпивки.

Злость так душила меня, что если бы я раскрыла рот, так закричала бы, наверное, собачьим голосом.

— Никаких Макариев! — сказала я. — Деньги мы собрали для питания Марго. А Макарии пусть сами питаются!

— Глупые вы! — заулыбалась мать Марго. — Не единым хлебом сыт человек! Крепкая молитва да вера в господа бога питает и душу и сердце человечье. Да и то сказать: мать я или чудище стозевное? Одна у меня Машенька-то. Не обижу. Упаси бог. Последнее продам, а уж поставлю ее на ноги.

Ну, я почувствовала себя так, будто меня смазали горчицей и посыпали перцем. Уж не помню даже, что кричала, а только добилась своего. Мать Марго начала вздыхать, креститься, а потом сказала:

— Бог вас простит, а я прощаю! Не возьму из ваших денег ни копейки. Но возблагодарить господа за исцеление никто мне не запретит!

Возвращаясь от Марго, мы заспорили. Пыжик сказал, что все равно наши деньги пойдут в карман старца, а Нина сказала, что мать Марго дала слово, что она ни копейки не тронет из денег, а когда человек дает слово, он не может нарушать его.

— Это мы не можем, — сказал Пыжик, — а верующие могут. Они говорят одно, а делают другое. Ведь ни один верующий не отдаст последнюю рубашку и ни один не подставит правую щеку, если его ударят по левой. Так и во всем у них! Только обман. Наши деньги попадут теперь к Макарию. Вот увидите!

И я так подумала. Конечно, она просто обманула нас. Сказала, что не отдаст, а сама принесет их Макарию на тарелке.

Когда мы стали обсуждать этот вопрос в классе, Вовка предложил сходить к этому Макарию и заявить ему официально, что мы выбьем у него в доме все стекла, если он отберет у больной Марго деньги.

Предложение было принято единогласно, но, к сожалению, никто из нас не знал, где живет этот жулик, и нам пришлось отказаться от такого хорошего предложения.

Мы стали думать о том, какие меры еще можно принять, чтобы наши деньги не попали в карман попов и макариев, и, наконец, решили пойти в милицию.

— Даже и ходить не надо! — закричал Бомба. — Можно просто позвонить по телефону! Из кабинета Пафнутия!

Мы побежали к директору, но, когда он узнал, чего мы добиваемся, сказал, что сам поговорит с милицией.

И все ребята вздохнули свободно. Уж теперь можно надеяться, что Пафнутий не позволит обворовать Марго.

30 декабря

В эту четверть я начала работать по чертежам. Первая деталь, которую я сделала по чертежу, была одобрена Тарасом Бульбой. Он сказал, что из меня выйдет толковый металлист.

— Хватка есть, — сказал он, — и металл чувствуешь! Предсказываю: выйдет из тебя человек настоящий! А почему? Да потому, Галинка, что металл закаляет характер, как сталь. Мне, гляди, под семьдесят, а похож я на развалину? Да ни-ни! И все потому, что я работаю на металле, а металл меня подрабатывает мало-помалу. Я его, он меня.

Сегодня придется отложить записи: пришла мама; сейчас будем делать уборку к Новому году.

31 декабря

Сегодня у меня самый радостный день! И эту радость принесла «Ленинградская правда».

Утром, когда пришла газета и папа стал просматривать ее, он вдруг закричал:

— Конец Макарию! Крышка! Нагулялся старец! Читай, Галка! Статья про него есть! Всплыла все-таки правда!

Я сказала:

— Наверное, это наш директор написал!

— Навряд ли! — покачал головою папа. — Во всяком случае, о Марго ни слова не сказано. Зато уж освещены другие его делишки во всей красе! Тот гусь лапчатый! Тот! И когда только выжгут эту мразь каленым железом!

Я схватила газету и стала читать с таким удовольствием, словно это был приключенческий рассказ или повесть о путешествиях.

Оказывается, этот жулик Макарий был несколько лет назад предателем Родины, служил у фашистов полицаем, выдавал и сам расстреливал советских партизан. Когда же фашистов разгромили, он притворился святым старцем, жил по чужим документам и за чужой счет. Обманывая верующих, Макарий выманивал у них деньги на божьи дела, но сам тратил их на водку да скупал разные ценности.

Вот какие они, святые старцы!

И к такому человеку чуть не попали наши деньги.

С этой газетой я сразу же побежала к Марго, чтобы прочитать ей и матери о похождениях святого жулика, которого, к счастью, давно уже разыскивали и успели арестовать раньше, чем он забрал деньги Марго.

— Вот кому вы хотели отдать деньги! — сказала я матери Марго, когда прочитала статью до конца.

Я думала, она раскается, перестанет верить, но ничего подобного не случилось. Она поохала, покачала головою и начала креститься, приговаривая:

— Спаси, Христос! Спаси, Христос! И что делается, скажите, на свете! И кому теперь нести пожертвования — ума не приложу.

— Да зачем же пожертвования? — закричала я. От злости я вся тряслась даже. — И кому хотите жертвовать? Врачам? Так они же не возьмут от вас и копейки!

Мать Марго посмотрела на меня с удивлением, словно я сказала немыслимую чепуху.

— Господи Иисусе, так обещала же! Я ж перед святой иконой поклялась! Я ж обет дала: как только выздоровеет Машенька — пожертвую на добрые дела все, что в моих силах, и молебен отслужу... Ну, скажи на милость, невезенье

какое... Вот теперь и подумай, куда нести пожертвование... О, господи, господи, может, свечу сторублевую поставить? Масла купить лампадного на полтыщи?

Я повернулась к Марго:

— Слышала, какой «святой» этот Макарий?

— Угу!

— Ну и что?

— Жулик он, а не святой!

— А ты не осуждай! — строго сказала мать. — Не судите, да не судимы будете! К старице Аглаиде сходим! Завтра же сходим!.. Святой жизни женщина! А прозорлива как, боже ж мой!

Марго взглянула на мать злыми глазами.

— Не пойду! — сказала она и повернулась к стене. — Никуда не пойду!.. Доктора надо благодарить, а твою Аглаиду пускай в газетах благодарят... Как этого... Макария...

Мать поджала губы.

— Правду не в газетах ищут, а в храме божьем. Вот помолимся, потолкуем с Аглаидой, а потом...

Марго закричала:

— Что я сделала тебе? Что ты позоришь меня?

Она упала на подушку, заметалась, заревела во весь голос. Ну, тут я не выдержала. Бросилась к Марго, обнимаю ее и реву тоже, как дурочка. Лежим мы с нею рядом и обе слезами обливаемся, а мать головою качает, плюет то через правое, то через левое плечо:

— Тьфу, тьфу! Бес мутит вас! Бес смущает сердца ваши!

Потом сложила руки лодочкой и запела:

— Да воскреснет бог, да расточатся врази его...

— Не врази, а враги! — поправила я, вытирая слезы.

— А вот и нет! — окрысилась мать. — Враги — это враги, а врази — это сатанинское воинство. Враг — сам диавол, а врази — поменьше которые. Подручные диавола. Ты со мною не спорь лучше... О, господи, смотрю на вас, сердце обливается кровью. Святых молитв не знаете! Тьфу! Тьфу!

Ух, какая противная! Сама чуть до смерти не довела Марго, сама же не хотела, чтобы ее лечили, а когда врачи

вылечили, говорит, что надо бога благодарить да каких-то старцев и стариц. Ненавижу, ненавижу таких!

— Врач запретил ей выходить из дома! — сказала я. — Он сказал: если будет ходить — умрет!

Ничего врач не говорил мне, но ведь надо же как-то спасать Марго.

— Да я и сама не пойду! Хватит! Находилась! — сказала решительно Марго.

1 января 1960 года

Новый год!

Мы встречали его в школе и дома. Два раза. Два Новых года! А у меня сегодня три встречи с Новым годом.

Вот сейчас хочу его встретить сама. Одна. Со своими мыслями, переживаниями. А их так много накопилось перед Новым годом, что нужно разобраться в них как следует.

Новый год! Новая жизнь!

Ведь с каждого года надо жить по-новому! Лучше! Умнее! Не повторяя глупостей старого года.

Между прочим, Вовка сказал мне как-то:

— А метко же прозвали тебя Антилопой! Ты действительно не живешь, а скачешь по жизни. С закрытыми глазами. Как антилопы!

В прошлом году я бы обиделась на Вовку, а вот теперь ничего обидного не нашла в его словах. Я только сказала:

— Антилопы не закрывают глаза, когда бегут.

И больше ничего не сказала. Да и что я могла сказать? Я и сама замечаю за собою, что сначала что-нибудь сделаю, а потом уже начинаю думать.

Недавно Люся-Патефон попала в «Спутник». Ее протащили в стихах за трескотню на уроках.

Ничего особенного в стихах не было, а Люся расплакалась. Но что обидного в этих забавных строчках:

Вот ударил звонок. Торопливо
Вдруг вскочила, куда-то бежит!

В коридоре твой голос визгливый
Расплескался на все этажи.

Перестань! Отдохни хоть немножко!
Дай другим от тебя отдохнуть.
Ты визжишь, словно драная кошка,
Надрывая и нервы и грудь!

Люся прочитала и заревела. Ей показалось очень обидным сравнение с драной кошкой. Но это же ведь стихи. Просто Лийка и Пыжик (это они написали) не могли подобрать другой рифмы, ну и пришлось пустить в стихи кошку. А кроме того, Люся-Патефон действительно визжит, как драная кошка.

Как-то совсем незаметно я крепко подружилась с Вовкой, и теперь мы с ним довольно часто ругаемся. То есть не ругаемся, а критикуем друг друга. Мне, например, совсем не нравится, что он остался в детдоме и не перешел жить к отцу. Я была недавно в Озерках. Разговаривала с отцом Вовки. Сказала ему, что Вовка, наверное, сам не рад, что отказался переехать из детдома домой.

— Ладно, — сказал отец Вовки. — Мы с директором детдома уже договорились. Вовка переедет ко мне после окончания учебного года. Директор не советует переводить его из школы в школу в середине учебного года.

Этот разговор нужно хранить, конечно, в тайне от Вовки.

3 января

Каникулы! Веселые зимние каникулы!

Сколько приятных подарков они принесли мне, и как чудесно проходят в этом году дни и часы зимнего отдыха!

Самый большой подарок — Марго. Она выздоравливает, и все ребята занимаются с ней по очереди. Чтобы не отстала она от класса и с нами вместе могла полететь в Москву.

За время болезни Марго изменилась до неузнаваемости. Она очень удачно похудела, стала тоненькая, стройная, как балерина.

Болезнь, конечно, большое несчастье, но, болея, Марго освободилась, наконец, от многих глупостей. Перестала креститься, сняла крестик, а вчера призналась откровенно, что в бога верит уже чуть-чуть.

— Ну, а как с чертями стоит вопрос? — спросила я.

Марго вздохнула.

— Не знаю, — ответила она, помолчав немного. — Вообще-то, я в них не хотела бы верить, но не так это просто. Черти, по-моему, все-таки есть. Так и смущают, так и соблазняют. Я, например, сколько раз давала слово не спорить с матерью о боге, а черти так и подталкивают мой язык, так и подталкивают. Каждый день теперь спорим и спорим. Ну хорошо еще, что мама понимает, что это черти меня науськивают, а то бы нам нельзя было и жить вместе.

Ну, ничего, как-нибудь отучим Марго и от чертей, и от бога.

Мне очень нравится, что отношения Марго и Лийки тоже изменились, стали хорошими, товарищескими. Пыжик, Марго и Лийка объединились сейчас в Кукрыниксы. Они задумали классический труд о седьмом классе и каждый вечер собираются теперь у Пыжика, придумывают стихи, рисунки. Марго рисует, а Лийка и Пыжик пишут под рисунками стихи.

Что получится из классического труда — еще неизвестно, но я довольна дружбой Кукрыниксов.

10 января

Десять дней собиралась записать, но так и не записала ни слова о неприятном происшествии, которое произошло со мною и Вовкой во время встречи Нового года на квартире у Вали.

И, сказать откровенно, не стала бы писать об этом и сейчас, но... разве я не дала себе слово записывать не только то, что мне нравится, но и то, что не понравится, возможно, никому из девочек.

Вот как это случилось.

Валя пригласила к себе на елку десять мальчиков и девочек из нашего класса. Кроме нас, была на елке ее двоюродная сестра. Ужасная ломака и воображала. Она так была надушена, что Вовка шепнул мне:

— Она кого изображает? Парикмахерскую, что ли?

И вот эта ломака — Зина — все время морщила губы, смотрела на всех свысока, принимала киносветские позы и раз пять ввернула в разговор, что ей уже четырнадцать лет и детские игры ее мало интересуют. Но мы не обращали на нее внимания. Мы весело пели, танцевали, потом стали играть и показывать фокусы. Но, какую бы мы игру ни затеяли, Зина пожимала плечами и говорила, что это «ужасно глупая игра».

— Ну, давайте играть в умные игры! — предложила я.

Зина вскочила, захлопала в ладоши:

— Есть чудесная игра! Я научу вас! Только надо достать пустую бутылку.

— А можно флакон из-под одеколона? — спросила Валя.

— Безразлично! Неси флакон!

Валя принесла флакончик, и мы пошли в кабинет Ивана Герасимовича. Тут Зина велела всем сесть на пол и образовать круг. А когда все уселись, сказала:

— Игра очень простая, но интересная! Вот смотрите! Берете флакончик в руки и запускаете его так, чтобы он вертелся. Он вертится, потом останавливается, и тут начинается самое интересное. На кого покажет горлышко, тот должен встать и поцеловать играющего. Понятно?

Мы переглянулись. Ведь среди нас были и мальчишки. Неужели их тоже придется целовать? Но Зина уже начала вертеть флакончик. Мы невольно попятились назад, отодвинулись от флакончика подальше. Ну вдруг горлышко покажет на кого-нибудь из нас? Я, например, не могла бы ни за что поцеловать эту кривляку.

Горлышко показало на Бомбу. Он покраснел и стал спорить. Он доказывал, что горлышко остановилось между ним и Вовкой, но мальчишки закричали:

— Давай, давай! Нечего! Целуйся!

Как Бомба ни крутился, его заставили встать, и ему пришлось поцеловать Зину в нос.

Она поморщилась и сказала:

— А теперь ты крути!

Бомба крутанул флакончик изо всей силы. Горлышко показало на Вовку. Под общий хохот Вовка встал, сморщил нос, словно нюхал запах мудрости, и ткнулся носом в голову Бомбы.

— Фу, какая гадость! — помотал головою Бомба и начал тереть поцелованное место рукавом.

Флакончик стал вертеть Вовка, и, представляете, горлышко показало на меня.

Мальчишки закричали:

— Ага, ага, целуйся!

— Еще новости! — сказала я, чувствуя, как горят мои щеки.

— Что значит новости? — рассердилась Зина. — Игра есть игра. Ты нарушаешь правила.

— Но мне, — сказала я, — не нравится такая игра!

— Тогда не надо было садиться! Вовка! — закричала Зина. — Видишь, стесняется! Целуй ее сам!

Вовка стоял, растерянно поглядывая на всех, но мальчишки и девочки смеялись и кричали:

— Поцелуй ее!

— Чего она задается! Целуй сам!

Вовка шагнул ко мне. Я закричала:

— Не смей! Я маме скажу!

Но ему было очень стыдно, что над ним смеются, и он, хихикая по-дурацки, схватил меня и поцеловал в щеку.

— Дурак! — сказала я. — Как не стыдно!

Не прощаясь ни с кем, я бросилась в переднюю, чтобы поскорее одеться и уйти домой. Следом за мною примчалась Валя и зашипела:

— Бессовестная какая! Оба бессовестные! — и расплакалась.

Так испортила кривляка Зинка и хороший вечер, и мою хорошую дружбу с Валей и Вовкой.

Я с ними больше не разговариваю.

12 января

Какой нахал!

Он пришел все-таки! Не ко мне, а к дяде Васе, и я слышала, как он хохочет у него в комнате. И это мне показалось особенно обидным. После того, что произошло между нами, он, по-моему, не должен смеяться. А он как ни в чем не бывало хохочет. Вот какой бесчувственный.

Потом я услышала, как Вовка стал собираться домой. Мне захотелось посмотреть, что будет он делать, когда увидит меня. Я побежала в переднюю, где висит телефон, приложила трубку к уху и стала дожидаться. (Ведь он должен пройти мимо меня.) Номера, конечно, я не набрала, а стала кричать в трубку «алло», «алло».

И вдруг вышел Вовка. Увидев меня, он покраснел, а я сказала в трубку:

— Да, это очень интересно! Ну, и что же дальше?

Я делала вид, будто слушаю, а Вовка стоял и краснел, и краснел, а потом сказал:

— Здорово!

Я кивнула головою и сказала в трубку:

— Вечером? Где буду вечером? На катке! С кем? Одна, конечно. У меня теперь нет друзей! Почему? Ну, это длинная история. Потом расскажу! Когда-нибудь. До свиданья!

Я повесила трубку, посмотрела на Вовку самым строгим взглядом.

— Чего тебе? — спросила я.

— Здорово! — пробормотал он. — Я сказал «здорово!»

— Ну и что?

— Ну-у... поздоровался! Просто поздоровался!

Мы замолчали. Я ждала; что скажет он еще, но так как Вовка молчал, я подумала: «А может быть, он уже раскаивается понемножку?»

— Чего же ты не идешь домой? — спросила я.

— Я иду!

— Идешь, а сам стоишь!

— Подумаешь, большое дело! Возьму да и пойду!

— Чего же ты ждешь?

— Ничего не жду!

Не знаю, чем бы кончился этот разговор, но в эту минуту в коридор вошла моя мама. Она посмотрела на меня, на Вовку и засмеялась:

— А, зять пришел! Ну, заходи, заходи! — и открыла дверь в комнату.

Ну и что ж, пусть заходит в гости к маме, а я с ним все равно не стану разговаривать. Ведь если бы он был моим настоящим другом, разве поцеловал бы он меня при всех ребятах? Мог бы сказать, в конце концов, что такая игра ему не нравится.

Мама посадила Вовку за стол, стала угощать чаем, расспрашивать об успехах. И, представьте, он расселся как ни в чем не бывало и даже начал улыбаться. Ну, этого уж я не могла видеть спокойно. Я наклонилась к нему и шепнула:

— Все расскажу сейчас маме!

Ой, как он покраснел!

— Ма-а-ама, — сказала я громко, — знаешь, что Вовка сделал?

Вовка захлебнулся горячим чаем, вытаращил глаза так смешно, что я чуть-чуть не захохотала.

— Что же он сделал? — спросила мама.

Я посмотрела на Вовку. Он крутился на стуле, как червяк на крючке, и что-то бормотал под нос.

— Он, — сказала я, — толкнул меня. Я чуть не упала.

Вовка вздохнул так, что просто не знаю, как не слетело все со стола.

— Извиняюсь! Нечаянно! — пробормотал он, вытирая рукавом на лбу обильный пот.

— Ну, не поделили дороги! — засмеялась мама.

Вовка снова развеселился, и мне снова стало очень обидно, что он такой веселый. Я подождала минуточку и сказала:

— Но это еще ничего, что толкается. Я расскажу тебе еще кое-что!

Вовка поперхнулся чаем, заелозил на стуле, не зная, куда девать руки и глаза.

Я просто наслаждалась, поглядывая, как он потихоньку поджаривается от стыда. Так ему и надо! Пусть, пусть помучается! Я тоже мучилась вчера.

— Сейчас ты все узнаешь! — сказала я. — Вот только выпью стакан чаю и расскажу тебе все, все!

Потихоньку попивая чай, я смотрела на Вовку, а он потел и пыхтел, не смея поднять от стакана глаза. И так мучила бы я его еще долго, но мама пошла на кухню, и он забормотал, краснея:

— Так я же не виноват... Это ж игра! Я, что ли, ее придумал?

— Ты извиняешься? — спросила я.

— Да!

— Что «да»?

— Ну, извиняюсь! А если хочешь опозорить меня — говори! Только я совсем не виноват!

— Значит, извиняешься?

— Значит, извиняюсь!

Я не знала, что же мне делать, но тут вспомнила, как в заграничной кинокартине извинялся перед любимой женщиной один герой с маленькими усиками. Я протянула руку Вовке (герой с усиками, извиняясь, целовал руку женщине). Ну, я подумала, что Вовка тоже должен поцеловать мою руку, а он тряхнул ее и заулыбался во весь рот:

— Ты не сердись, я же не нарочно!

Я сказала:

— Когда извиняются серьезно, а не нарочно — всегда целуют руку!

Вовка покосился на дверь.

— Пожалуйста! Подумаешь, большое дело! — Он наклонился, чтобы поцеловать руку, но в это время вернулась мама, и Вовка, дико мотнув головою, ткнулся губами, вместо моей руки, в стакан с горячим чаем.

Мама села за стол.

— Ну, так в чем же провинился зять? — спросила она, наливая чай в любимую чашку.

— Он курит! — сказала я.

Вовка вспыхнул от негодования:

— Когда? Кто наврал?

Мама сказала:

— Шли бы вы лучше на каток, чем в комнате сидеть.

— В самом деле, — обрадовался Вовка, — пошли, что ли?

Весь вечер мы катались на катке, а когда я сказала, что сама не верю, что Вовка курит, мы совсем забыли про это происшествие. Мы бегали по катку, пока у меня не развязались ремешки на коньках. Чтобы привести их в порядок, я села на скамейку, а Вовка встал на колени и сказал:

— Давай затяну ремни!

Скамейка стояла в самом темном углу катка, и я сидела будто в черной нише из темноты. Мне почему-то вспомнилась картинка из одной книги. Только там был не каток, а весенний сад. Но все остальное было очень похоже. На скамейке сидела красивая женщина с розой в руке. Но вместо розы я держала шерстяную перчатку. Перед женщиной стоял на коленях рыцарь с большим мечом и почему-то целовал этот меч. Вовка тоже стоял на коленях, но ничего не целовал. И я подумала, что не мешает ему все-таки поцеловать мою руку. Пусть по-настоящему извинится. Как полагается! Как показывают в кино.

Я сказала:

— Мерзнут руки! — и протянула правую руку к лицу Вовки.

Он посмотрел на меня. Я посмотрела на него. Мы молча смотрели друг на друга несколько минут. Мимо проносились, вызванивая на льду коньками, катающиеся. Сверху сыпался холодный пух снежинок. Репродукторы пели про вишневый сад, а мы смотрели друг на друга, не зная, почему молчим и не зная, что нам дальше делать. И вдруг Вовка наклонился. Я почувствовала, как теплые губы коснулись моей руки.

Вот это здорово!

Ведь это тот же Вовка, который всем девочкам говорит: «Ну, ты, явление природы!» А я уже не явление, значит? Интересно! Интересно!

Я чуть не захохотала, но, прикусив зубами губу, протянула ему левую руку, чтобы посмотреть, что из этого получится. Вовка прикоснулся губами и к левой руке.

— Ну, порядок! — пробормотал он. — Извинился по всем правилам кино! Квиты? Да?

— Угу! — кивнула я. — А теперь пошли домой!

Дома я легла на кровать и так хохотала, что мама испугалась даже.

— Ты чего? — спросила она.

— Вовка поцеловал мне руку!

Мама рассердилась:

— Ох, шпингалет какой! Скажите, пожалуйста! Ну, погоди! Придет, я поговорю с ним! Никак он и впрямь в зятья лезет.

Я вскочила, обняла маму, прижалась к ней крепко-крепко.

— Ничего не говори! — сказала я. — Это же я сама заставила его извиниться передо мною... Просто захотела проверить, уважает он меня или же я для него явление природы?

— Что это еще за явление? — удивилась мама.

— Ну... это такие слова, когда мальчишки презирают нас!

. . . .

26 июня 1960 года

Большая, длинная зима пролетела, словно один день. И этот долгий день был так плотно наполнен работой, мыслями, переживаниями, что мне уже не хватало и времени вести записки.

Всю зиму мы дрались за поездку в Москву. Каждый за всех и все за каждого. Мы выходили на первое место, уступали его другим классам, а потом с новыми силами принимались догонять передовиков и снова поднимались на первые места.

Мы взлетали, как на качелях, то вверх, то вниз. И в этой увлекательной игре учились крепко держаться друг за друга, товарищески поддерживая отстающих, помогая им, как братьям и сестрам. Общая для класса цель, общие интересы спаяли нас в одну большую, дружную семью. Мне кажется теперь, что всю зиму мы даже дышали одними вздохами

и выдохами. Но как ни грустно признаться, а дыхание нашего класса оказалось слишком коротким. Первое место в соревновании заняли все-таки первоклашки.

Досадно?

Конечно! И не потому нас огорчили результаты соревнования, что не летим в Москву, а лишь потому, что малыши оказались более организованными и проявили такую волю к победе, что им и завидуешь, и восхищаешься ими.

Кое-кто из ребят пытался говорить о том, что в первом классе «учиться не трудно». Но это бесчестная отговорка. Для малышей уроки были, конечно, не менее серьезными, чем для нас.

Когда мы узнали, что они уходят на каникулы, имея по всем предметам сплошные пятерки и только одну четверку на весь класс, мы еще имели какие-то шансы выйти на первое место. Стоило для этого нажать на все педали, получить по всем предметам пятерки, и Москва осталась бы за нами. Ведь в нашем распоряжении было еще время, так как занятия в наших классах кончаются позже, чем у малышей. И нужно сказать, что нажимали мы добросовестно. Но когда стало ясно, что «сплошных пятерок» не предвидится, в классе стали говорить:

— Не будем обижать малышей! Пусть летят! Пусть поверят с первого класса, что они самые дружные ребята и что все вместе могут добиться чего захотят!

Что ж, признаюсь: не легко быть справедливым и великодушным, когда приходится отказываться от личных удовольствий. И все же, честно говоря, победа малышей принесла нам, кроме огорчений, и большие радости.

Мы, конечно, говорили друг другу, что должны оказать почет «лауреатам науки» того ради, чтобы на всю жизнь запомнили они, как чудесно быть награжденными за честное отношение к делу. Но получилось так, что мы и сами испытали столько, радости, сколько не дала бы, наверное, нам собственная победа.

О, мы устроили этим ученым устрицам настоящее триумфальное шествие. Да такое, что умер бы от зависти любой римский полководец-триумфатор.

Победителей провожала на аэродром вся школа.

Шествие открыли старшеклассники с развернутыми знаменами. Барабанщики и горнисты старались так, что их слышали, наверное, все ленинградцы.

Малыши шагали, гордо вздернув носы, взволнованные, задыхающиеся от счастья. Девчушки, подпрыгивая на ходу, поправляли пышные банты на крошечных, трогательных косичках, бросая испуганные взгляды на мальчишек, которые явно осуждали такое легкомыслие. Некоторые из мальчишек грозно вращали глазами, а кое-кто из них пытался образумить легкомысленных особ почти настоящим басом:

— Чего там с бантиками? Эй, вы!

Потоки автомашин мчались навстречу. С грохотом и шипеньем проносились, высекая дугами голубые искры, трамваи, но первоклашки шли, не обращая внимания на машины, автобусы, троллейбусы, трамваи. Ведь победителям никто не имеет права мешать пройти по собственному городу триумфальным маршем.

Дружно шлепая подметками по асфальту (раз-два! В ногу! Раз-два! Раз-два!), триумфаторы помахивали руками, как одной рукой, припечатывали ноги, как одну ногу. На лицах малышей светилось нескрываемое торжество: «Вот они — мы! Но это еще что! Все вместе и не такое мы можем!»

Глядя на сияющие рожицы, я впервые поняла по-настоящему, что счастье других может быть и твоим собственным, личным счастьем.

Я вспомнила слова директора:

— То, что ты даешь другим, — возвращается к тебе неизменно с самыми большими процентами!

Не знаю, много ли получила от меня Марго, но я чувствую себя бесконечно счастливой, оказав ей крошечную помощь. Марго уходит от нас, поступает в техникум связи, и я чувствую, как грустно будет для меня расстаться с ней, не встречать ее теперь ежедневно. Уходит из школы и Нина. Все-таки она решила работать в парикмахерской. Ну, что ж, в нашей стране на любой работе можно быть счастливым. Перебрался к отцу и Вовка Волнухин. Он тоже не станет учиться в нашей школе. Человек пять других ребят из класса

перешли учиться в ремесленные училища и в техникумы. Но все мы еще встретимся на больших наших дорогах. Может быть, в Ленинграде, а может быть, на стройках Сибири, Казахстана, Якутии, Чукотки, Индии, на заводах и фабриках, в конструкторских бюро или в залах филармоний, в театрах, на съездах и конференциях.

...За открытым окном — огни Ленинграда и звезды родного неба. Как бы отражая беспокойные огни города, бледные звезды включаются в живое мигание огней земли, и кажется, всю ночь и звезды и ожерелья городских огней будут перекликаться, обмениваться световыми сигналами. И кажется, земля и звезды плывут в межпланетном пространстве, сигнализируя друг другу:

— Вперед! Не останавливаясь, не задерживаясь! — вспыхивает Земля световыми огнями.

И небо отвечает поспешно:

— Есть вперед! Без остановки! Без задержки!

Как прекрасен в эти часы мой родной, любимый Ленинград!

Приглушенный шум вечерних улиц и проспектов входит в раскрытое окно. Я сижу и радостно смотрю в звездное небо. Нет ему конца и края! Нашему небу! В его темных космических глубинах двигаются бесшумно по загадочным орбитам миры, которые мы увидим, на которых когда-нибудь побываем и, может, оттуда будем смотреть на свою планету, отыскивая в телескопы свои родные города.

Среди далеких миров движутся и посланцы нашего мира: спутники, искусственные планеты. И это не простые куски металла. По орбитам, вычисленным нашими учеными, совершает движение победоносный труд советских людей. Ведь это же работа наших отцов и старших братьев, матерей и сестер. Это труд моей родной страны! И тех, кто добывал руду для планет и спутников. И тех, кто из руды выплавил металл. И тех, кто обрабатывал его. И тех, кто вычислял орбиты движений. И тех, кто вооружил искусственные планеты и спутники умными приборами. В космических пустынях движется и труд моей мамы и тысяч других поваров, готовивших завтраки, обеды и ужины для тех, кто строил и запускал

в загадочное небо древнюю мечту человечества. И труд моего папы, строящего дома для металлургов, доменщиков, слесарей, инженеров, ученых-химиков и физиков. И труд парикмахеров, дворников, артистов, вагоновожатых и многих-многих других, которые внесли в большое дело исследования космоса свой труд, очень нужный всем советским людям.

Множество звездных огней вспыхивают, прочерчивают небо и гаснут. Говорят, это метеориты проносятся по просторам космоса. Но мне хочется думать, что это летят с планеты на планету космические корабли и какие-то еще не известные нам живые существа ищут нас, людей Земли, перелетая с одной планеты на другую. А может быть, только мы одни остались в стороне от больших дорог Вселенной, а все другие разумные существа давно уже установили между собою пассажирское движение космических кораблей и посещают друг друга, разговаривают, может быть, и о нашей Земле. Только что же они могут говорить о нас?

...Над Ленинградом, над лесом антенн и диполей, над ожерельями огней бессонных проспектов, плывет в белесой дымке белой ночи немолчный гул большого города. С музыкой репродукторов, с глухим шумом шаркающих по тротуарам миллионов ног в раскрытое окно входят запахи остывающего асфальта, автомашин и вечерних садов и парков с еле уловимыми запахами влажной листвы деревьев и цветов.

С Балтики дуют ветры. Продувая проспекты Ленинграда, они проносят над городом неясные, но волнующие запахи моря. Ветры с моря пахнут дальними странами, большими путешествиями, тревожными мечтами и ожиданием радостной жизни.

Распахнув окно, я гляжу на вечерние улицы, и мне кажется, в эту минуту открывают вот так же окна тысячи и тысячи ребят, которые начинают жить, как я; и все они стоят и вдыхают такие знакомые и всегда новые запахи родной земли, задумчиво смотрят на вечерние огни, прислушиваются к веселому шуму ночного города и, может быть, улыбаются тихонько и мечтают.

О чем мечтают они?

. . . .

12 апреля 1961 года

Когда я буду бабушкой, мои внуки и внучки обступят меня, начнут теребить и упрашивать:

— Бабушка, милая, расскажи еще раз, как начиналась новая история мира! И что все делали в первый день космической эпохи? Ну, пожалуйста!

А я сделаю вид, будто мне уже надоело рассказывать про этот самый интересный день моей жизни, стану ворчать, охать, потирать поясницу.

— Да я уж тысячу раз рассказывала об этом! Не рассказать ли вам сказку?

Но внукам и внучкам, наверное, уже скучно будет слушать сказки. Ведь сама жизнь тогда будет интереснее любой сказки, а все, что нам кажется сегодня волшебным, сказочным, станет простым, обыкновенным, как электричество, радио, газовые плиты.

— Бабуля, — скажут внуки и внучки, — а сама ты видела Гагарина? Разговаривала с ним?

И я снова и снова буду говорить о том, что пережила сегодня, что так взволновало меня, наполнило такой радостью, что я просто задыхаюсь от счастья.

Давно уже решив, что мои мечты написать значительную, чуть ли не классическую книгу о советских школьниках, — не более как «плод незрелых дум ребячьих», я и записи перестала вести и тетрадки упрятала на дно сундука, где хранятся все поломанные и поношенные вещи. Но в этот особенный, праздничный день я вытащила мой дневник, чтобы сделать в нем вот эту последнюю запись. Мне кажется, что эта запись осветит по-новому и все написанное мною, и дни моего совсем не простого детства.

Но где найти большие слова, и какими должны быть фразы, чтобы передать пережитое сегодня? Даже такой большой писатель, как Михаил Шолохов, и тот сказал, что у него нет настоящих слов, чтобы выразить свою большую радость. Так у меня-то и вовсе не должно ничего получиться. И все же не могу не писать. События этого большого исторического

дня так распирают меня, что, если я не напишу ни строчки, мне не уснуть тогда до утра.

...Мы сидели на уроке английского языка, не подозревая даже, какая Великая Слава уже поднялась над нашей страной. Как раз в ту минуту, когда я встала, чтобы делать перевод с русского на английский, дверь широко распахнулась и мы увидели взволнованного директора. Взволнованного чем-то очень хорошим. Это все поняли сразу, потому что Пафнутий был какой-то праздничный, сияющий, солнечный.

— Советский человек в космосе! — крикнул директор и, взглянув на всех, весь так и расцвел. — В двенадцать часов мы увидим этого человека на экране телевизора!

Ох, что началось в классе! Все повскакали с мест, застучали кулаками по партам, заорали так, что учительница закрыла уши ладошками. Бомба завопил, будто ему ногу придавили дверью:

— А кто-о-о? Кто он? Как фамилия?

— Ура! — грянуло в классе. Все бросились к дверям, толкая друг друга, наступая на ноги, осыпая друг друга тумаками. В эту первую минуту совсем неважно знать фамилию. Самое главное было то, что в космосе наш, советский человек. А как его зовут — узнаем минутой позже, минутой раньше.

Коридор уже кишмя кишел ребятами. Из открытых дверей классов выбегали девочки и мальчишки и мчались в большой зал, обгоняя один другого и выкрикивая что-то, а что, наверно, и сами не понимали толком.

Перед экраном телевизора на минуту все успокоились, но когда появился портрет Юрия Гагарина, поднялась такая буря восторженных криков, что задребезжали стекла в окнах. Кричали не только мы, но и учителя. Даже Брамапутра! И даже Арнольд Арнольдович. Мы, конечно, знали, что нас никто не услышит, ни Москва, ни майор Юрий Гагарин, и все же мы кричали, бесновались, потому что никто не мог оставаться спокойным. Всех нас распирала радость, да так, что мы могли бы, наверное, взорваться, если бы не орали от счастья. Мальчишки изо всех сил тузили друг друга, но ни-

кто не обижался. Некоторые девочки терли кулаками глаза. А некоторые плакали, никого не стесняясь. Да и зачем стесняться, если все знают отлично, как часто плачут от радости не только девочки, но и взрослые, женщины и старики.

Учиться никто уже не мог бы в такой день, и хотя ни ребята, ни учителя не знали, что теперь делать, все вдруг решили идти к другим советским людям и вместе с ними праздновать этот день на улицах и площадях Ленинграда.

Когда мы выбежали из школы, мимо нас уже шли с плакатами и флагами колонны взрослых и школьников. К ним присоединялись на ходу все те, кто хотел шагать в одних рядах со всеми.

Мы шли, кричали «ура», пели песни, бросали вверх шапки. И толпившиеся на тротуарах люди тоже кричали «ура» и махали нам платками, руками, шляпами, как будто это мы и взлетели в космос.

Продвигаясь к Невскому проспекту, наша колонна росла, как снежный ком; в нее вливались все новые и новые толпы народа, и когда мы дошли, наконец, до Невского, — всем пришлось остановиться, потому что проспект и прилегающие к нему улицы были забиты демонстрантами так, что все движение приостановилось. Прямо посреди проспекта танцевали студенты. Многие незнакомые люди обнимали друг друга, целовались. Меня стиснула крепко старушка с заплаканными глазами и, всхлипывая, стала целовать.

— Бабушка, — сказала я, — зачем же плакать в такой радостный день?!

— От радости, милая! От радости плачу! — сказала она и смеясь и плача. — Ведь до какого дня, подумай, дожила!

Над головами демонстрантов покачивались самодельные плакаты и лозунги. На кусках картона, на фанере и даже прямо на белых халатах были написаны наспех, вкривь и вкось слова: «Ура! Гагарину», «Космос ждет, кто следующий?», «Даешь космос!», «Ты первый, мы за тобой!» и много-много еще других плакатов.

На углу Невского и Литейного я заметила очень важного малыша с куском картона. На картонке падающими, неровными буквами было выведено:

ВСЕ В КОСМАС!

Я крикнула, проходя мимо:

— Неправильно написал! Не в «космас», а в «космос»!

— Ерунда! — презрительно посмотрел на меня мальчишка. — Все понимают, ты не понимаешь! — И уж с непонятной для меня последовательностью вдруг показал язык. — Все равно девчонок не пустят в космос!

Уж не принял ли он меня за самого опасного соперника, за человека, который встанет поперек его дороги в космос? Я захохотала. Сегодня невозможно сердиться. Ни на кого! Ни за что!

Праздничный день уступил место еще более праздничному вечеру. В парке Победы появилось много гуляющих. Мальчишки из разных школ нашего района принесли в парк ракеты, приготовленные к празднику Первого мая и начали запускать их в небо.

Все снова кричали «ура», плясали, люди ходили по парку, переговариваясь друг с другом так, словно все были знакомы и всех нас пригласили на большой семейный праздник. До полуночи гремела музыка, и чуть не до утра все бродили по улицам.

Вот уже скоро и рассвет, а я сижу и пишу. И мне кажется, я встречаю за столом рассвет новой эпохи. Я хотела бы рассказать о том, как все переменилось во мне за один этот день, и о том, что теперь я буду уже как-то по-другому, по-новому все видеть и ко всему относиться. Но рассказать об этом, чувствую, не сумею, не подберу для этого больших, настоящих слов. А те, что стекают с пера, уж очень крошечные, очень хилые и серые.

...Светает!

Мне хочется сказать просто всем, кто слышит, как мое сердце бьется с сердцами миллионов счастливых советских людей:

— Доброе утро, люди! С праздником вас всех! С большим первым днем Космической эпохи! Счастья всем и великих свершений!

Как это было

Рапорт начат

Сегодня и завтра
И каждый наш день
Мы старые пни
Выкорчевывать будем!

Выкорчевывается старая дедовская деревня с ее нищенским хозяйством, с ее некультурностью.

В боях с кулачеством растет колхозная деревня.

Ширятся колхозные поля, шумно ползают по ним работяги трактора взрыхляя плугами межу, последнюю свидетельницу разрозненного хозяйства.

В ногу с большевистским походом — **шагают пролетарские ребята**.

Перед тобой книга: **«Как это было»**.

Что было?

Было то, что должно быть!

Наши ребята знают наказ Всесоюзного слета — **быть ударниками на колхозном фронте** — и в повседневной работе этот наказ выполняют.

Если деревня спит, ее надо толкнуть, вывести на колхозную дорогу.

Вот об этом и рассказывает книжка.

Настойчиво, по-пионерски, несмотря ни на какие трудности и препятствия, ребята, показывая выгоду коллективного хозяйства, агитировали за колхозы.

Агитировали показом. Агитировали успехами колхозного труда.

Не одни. Вместе с беднотой, с батрачеством закладывали первые кирпичи колхоза наши энергичные товарищи.

И добились!

Еще один пень — был выкорчеван. Выросло новое — колхоз «Пионер».

Но пней еще много. **Корчевка не окончена**. Борьба продолжается.

В книге часто пионер Андрюша говорит:

«Нет, этого нельзя так оставить!»

О чем говорит Андрюша? Чего нельзя оставить?

Тех недостатков, темноты, некультурности, наших врагов. Нельзя оставить того, что мешает нам, что тормозит «выкорчевывание пней старого».

И голос Андрюши — **это голос миллионной армии** пролетарских ребят — **активных строителей социалистического хозяйства**.

И можно быть уверенным, что ребята не сдадут. Не подкачают.

Не зря мы носим на пионерских знаменах боевой лозунг Всесоюзного слета:

МИЛЛИОНАМИ ДЕТСКИХ РУК ПОМОЖЕМ ПЕРЕСТРОИТЬ НАШУ СТРАНУ.

Не зря!

И то, что ты прочтешь в книжке «Как это было» — есть кусок дела тех рук, которые по советской стране составляют «миллионы рук».

«Как это было» рассказывает **о наших успехах, о нашем упорном желании драться за дело рабочего класса**. Драться и проявлять **Великий почин** в выкорчевывании старой разрозненной деревни, помогая партии и комсомолу **выводить деревню на колхозную дорогу**.

«Как это было» не выдумка автора. Нет. **Это только начало рапорта миллионов детских рук об их помощи в перестройке страны**.

Часть первая

На горизонтах появляется очкастый

Клев еще не начинался.

Поплавки из осокори настороженно стояли в порозовевшей воде, вздрагивая от прикосновения мелкой рыбешки. Длинные удилища задумчиво смотрели на зеркальную гладь озера, подернутую прозрачным утренним туманом.

Вокруг лодки ходили невидимые табуны рыбы, били хвостами, пускали по воде большие круги, которые медленно расходились по озерной глади.

Взбурлив воду, наверх выскакивали, точно серебряные подносы, большие лещи, и, перевертываясь в воздухе, грузно шлепались обратно.

Перед рассветом у самых бортов лодки начали шнырять толстые спины язей. Изредка под лодку с шумом кидались стайки мелкоты, и тотчас же, изогнувшись серпом, почти у самых бортов падал незадачливый щуренок. Хлопнув хвостом по воде, он стрелой летел в темные глубины озера, сконфуженный и разозленный неудачей.

Мелочь кувыркалась всюду, сверкая серебристой чешуей.

— Водяной серебром выхваляется! — прошептал Костя, поеживаясь от утреннего холода.

Мишка открыл рот, собираясь возразить Косте, но в это время большой поплавок заплясал, забился мелкой дрожью, двинулся с места и решительно поплыл в сторону.

Мишка схватил удилище.

И вовремя.

Поплавок подскочил и быстро пошел ко дну.

— Лещ! — затрясся Мишка.

Ловко подсекнув удочкой, он потянул леску к носу лодки. Удилище изогнулось, леска натянулась струной.

— Сачок! Сачок давай! — зашептал торопливо Мишка, вскакивая с места. Костя кинулся за сачком, но в это время два поплавка, точно сговорившись, юркнули под воду,

— Есть! — заорал Костя, хватая удочки.

Два красноперых окуня взлетели вверх, описали в воздухе дугу и шлепнулись на дно лодки. По днищу беспокойно застучали хвосты.

— Сачок давай! — рассердился Мишка, подводя упирающуюся рыбу к лодке.

Костя, оставив окуней плясать в лодке с крючками во рту, поспешил Мишке на помощь.

Лещ уже показался на поверхности. Он кувыркался, кидался в стороны, ложился плашмя, проделывал разные штуки, но как он ни хитрил, ребят ему не удалось обмануть. Выбившись из сил, он покорно лег на бок. Костя осторожно подвел под него сачок, дернул ручку вверх, и золотистый лещ с ярко-розовыми плавниками затрепыхался в сетке, осыпая ребят брызгами теплой воды.

— Здоровый! — щелкнул языком Костя, рассматривая леща.

— А ведь чуть было не ушел! — показал Мишка на крючок с червем, который выскочил изо рта леща и запутался в сетке. Костя запустил в сачок руки, сжал скользкого увесистого леща и несколько раз плюнул ему на голову.

— Тьфу! Тьфу! Тьфу! Почин дороже денег.

Мишка жадными глазами посмотрел по сторонам.

— Ух, клев седни будет!.. И никого нет!

— Спят! — с удовольствием сказал Костя, освобождая окуней от крючков.

Клев начался.

Поплавки ныряли под воду, в воздухе свистели лески; красноперые окуни, щетинистые ерши, золотистые лещики, толстые язи и серебристая плотва шлепались в лодку и, стуча о днище, бились и трепыхались в грязной воде, которая сочилась сквозь щели лодки.

Ребята дрожали от азарта. Охрипшими голосами они то и дело покрикивали:

— Сачок!

— Дай сачок!

— Взял! Взял!

— Подводи его!

— Ай!

— Давай! Давай!

В самый разгар клева где-то в стороне поднялась страшная возня, как будто в озеро свалился с обрыва медведь. Сильные всплески, шум, шлепки по воде каким-то увесистым предметом заставили ребят оглянуться.

Над озером поднималось солнце.

Дымясь прозрачными туманами, оно сверкало в воде радостными огнями рассвета. Тихо качалась розоватая и золотая в лучах солнца водная ширь. Дальний синий лес отряхивал с плеч белый пар, протягивая, точно руки, свои вершины к утреннему солнцу.

Далеко в камышах качались рыбацкие лодки.

Озеро дышало мощной грудью; отраженные в воде деревья шевелили листвой, в воздухе стоял свежий запах воды и аира; кровавые от зари сосны, обступившие озеро, дышали с песчаных круч крепким смолистым духом.

— Смотри-ка, — подтолкнул Костя приятеля локтем.

— Где?

— А вон!

Мишка повернул голову и глянул в ту сторону, куда смотрел Костя.

— Вот те и на! — заинтересовался Мишка. — Чего ж это такое? А?

От берега в сторону ребят медленно двигался кипящий водяной столб с большой черной сердцевиной. Кто-то черный бешено крутился в середине, размахивая руками и каким-то длинным предметом.

— Водяной! — испуганно зашептал Костя.

— Водяных не бывает! — неуверенно сказал Мишка, однако на всякий случай потихоньку от Кости перекрестился.

И вдруг водяной столб с шумом упал на озерную гладь. На одно мгновение ребята увидели большую грибакинскую лодку и в лодке худого человека в полосатой майке. Он неумело держал в руках весло с широкими лопастями на концах, с лопастей стекал в воду обильный дождь капель. Человек провел платком по лбу и принялся работать веслом, поднимая вокруг лодки водяную завесу.

— Всю рыбу испугает! — захрипел Мишка.

— Эй! Эй! Нельзя сюда! — крикнул в отчаянии Костя.

Водяная завеса упала. Человек пошарил руками перед собой, что-то поднял с днища и нацепил на лицо.

Виляя носом, грибакинская лодка шла на ребят. Теперь уже можно было хорошо разглядеть странного человека в круглых черных очках.

Человек, увидев ребят, добродушно улыбнулся, и от улыбки его очки как будто сели на подбородок, закрыв все лицо.

— Ух, очкастый какой! — шмыгнул Костя носом.

Ребята с удивлением рассматривали огромные очки с большими черными ободками. Очки, казалось, закрывали все лицо странного человека, который, вытянув шею, смотрел на ребят.

— Нельзя сюда! — замахал руками Костя.

Но, очевидно, очкастый не понял, чего от него хотят. Он смешно мотнул головой и, что-то весело крикнув, погнал лодку к ребятам, поднимая веслом такой шум, как будто хотел выгнать всю рыбу из озера в лес.

Лодка быстро продвигалась вперед, а когда она остановилась, слегка покачиваясь на воде и хлюпая носом, странный человек положил весло поперек лодки и вытер носовым платком красное потное лицо.

— Рыбу ловите? — улыбнулся очкастый, посматривая на ребят сквозь стекла.

— Леших удим! — со злостью сказал Мишка.

Костя фыркнул.

— Леших? — переспросил очкастый, но тотчас же сконфуженно поправил свои очки.

— Я, кажется, всю рыбу у вас разогнал? Ну, ну, вы уже извините меня, — простодушно сказал очкастый.

Извинения очкастого обезоружили ребят. Мишка поскоблил грязными пальцами грудь и снисходительно сказал:

— Всю ее все равно не выловишь!

— А вы что-нибудь уже поймали? — вежливо спросил очкастый.

— Так... Мелочишку, — небрежно процедил сквозь зубы Мишка.

— Можно посмотреть?

— Смотри! Жалко, что ли?

Очкастый смешно заработал веслом. В сторону ребят полетели теплые брызги. Лодка придвинулась совсем близко. Костя ухватил руками нос лодки и подтянул ее к бортам. Очкастый засунул весло под сиденье. Перегнувшись через борта, он заглянул в лодку ребят, смешно вытягивая шею и мигая глазами.

— Ого-го-го! — удивленно крякнул странный человек. — Ну и молодцы!

Искреннее удивление очкастого окончательно примирило ребят с его поведением.

— Ай, много? — спросил Мишка, плохо скрывая довольную улыбку.

— Конечно много! Да ведь вы все озеро опустошили!

— Это что! — ухмыльнулся Костя. — Вот недавно у камней мы рыбачили, это да...

— Вы на червя ловите?

— На червя!.. На распаренный овес. Смотря какая рыба. Ерш, к примеру, на овес ни за что не берет.

— Еще на горох распаренный ловим, — вставил Костя, — горох тоже знатная наживка.

— Ну, то на язей больше, — сплюнул Мишка.

— А на рачков не ловите?

— На рачков? — переглянулись ребята.

— Ну, да! Рачки такие есть. Очень маленькие. Gammarus называются.

— Мормыш, может?

— Да, да! — обрадовался чему-то очкастый. — Мормыш, так он и называется. Совершенно верно.

Мишка подумал.

— Мормыш? Не! Тут у нас нет...

— А в Займищах-то, — сказал Костя.

— Займищи — это не наше, — разъяснил Мишка, — Займище — толоконских мужиков... Да только там рыбы никакой нет... Один мормыш и живет. Это верно...

— И никогда не было? — заинтересовался очкастый.

— Старики говорят — была! Только давно когда-то. Потом какой-то мор на рыбу напал. Вся как есть пропала.

— А разводить никто не пробовал?

— Чего? — не поняли ребята.

— Ну... Никто не пускал в озеро рыбу?

— Как это?

— Очень просто, — объяснил очкастый, — взять бы из этого озера рыбу и пустить в это... Как вы сказали, Займище?

— Займище! А только кто же будет это делать?

— Да бы хоть вы... Взяли бы да и пересадили... Видите ли, мальчики...

— Мы не мальчики, а ребята! — обиделся Мишка.

— Ну, ребята, — поправился очкастый. — Ну вот, взяли бы наловили окуней да ершей... сеточкой какой-нибудь... и отнесли бы их в Займище. Дело в том, что этот мормыш,

как вы называете Gammarus'а, является для окуня и ерша самой питательной пищей. Расплодились бы ваши окуни и ерши с необычайной быстротой. Понимаете, они будут иметь роскошный стол и ни одной щуки, которая пожирает рыбу.

— Окуни сами друг друга жрут, — сказал Мишка, — а только из этого все равно ничего не выйдет...

— Почему? — удивился очкастый.

— Может, ты врешь. Это одно. А другое такое дело: мы с Коськой будем стараться, а ежели что получится, так все ребята станут наших окуней таскать.

— Может, и нам еще не дадут ловить, — сказал Костя. — Ты наших ребят не знаешь... Кулачонок тут у нас есть один. У-ух бедовый!

— А вы что же, середняки?

— Мы беднота, — с гордостью сказал Мишка, — а ты какой будешь?

— Я? Да, пожалуй, тоже бедняк!

— Ты, что же, безлошадный? — деловито спросил Мишка.

Очкастый засмеялся:

— Еще хуже! Не только лошади не имею, но даже и избы у меня нет!

Мишка с сожалением посмотрел на очкастого, немного подумал и сказал:

— Батрак, значит... А ты не тужи! Батраки тоже люди! Не хуже бедноты даже. А чего у тебя такие очки? Вон у нашего учителя тоненькие, тоненькие, а у тебя вишь какие.

— Очки-то? Да теперь у всех такие. Эти удобнее. Тебя как звать-то?

— Мишка! А его — Коська! А ты чего здесь делаешь?

— Траву буду собирать у вас.

— У тебя, что ж, корова есть?

— Коровы у меня нет. А трава для людей нужна. В город буду посылать!

Мишка недоверчиво взглянул на очкастого.

— Ври?

— Ей-бо! — смеясь, перекрестился очкастый. — В городе людей лечат травой.

— Что же, — подумал Мишка, — коси, пожалуй, только ты у кулаков старайся, а то у нас совсем мало. Корове жрать и то не хватает. А хлеба так совсем мало. Мамка говорит «довели».

— Как довели?

— Не знаю! Городские, говорит, вконец разорили!

— Твоя мамка путаница, — сказал очкастый, — ну, да мы об этом после потолкуем, а теперь вот что, ребята: вы не поможете мне собирать горицвет?

— Чего?

— Вот это, — достал со дна лодки очкастый прямые ветвящиеся стебли, покрытые волосками.

— Это ж заячий мак, — засмеялся Коська, удивляясь глупости очкастого.

— Заячий мак? Ну и хорошо. А где он у вас растет?

— Где хочешь, там и растет. Озеро переехать, так около лесу его сколь хочешь.

— На лугах опять же. А только ты сам собирай. Мы будем ловить.

Очкастый снял с носа очки и протер стекла платком. Подумав немного, он посмотрел по сторонам, потом старательно вытер платком широкий лоб.

— Вот что, ребята, — сказал очкастый, — вы знаете, что такое радио?

— Знаем, — неуверенно ответил Мишка.

— Ну так вот, — надел очки на нос странный человек, — есть у меня, ребята, радиоприемник. Сегодня мы его установим, и я вам дам послушать музыку разную и все такое прочее. А когда уеду в город, радио оставлю вам. Хотите?

— Хотим, — в один голос сказали ребята.

— Вот и хорошо! — обрадовался очкастый. — Да только даром-то вы, наверное, не захотите получить радио? Разве вы нищие, чтобы даром брать?

— Ясно, что не нищие, — важно произнес Мишка, хотя, по совести говоря, не скажи этого странный человек, Мишка не задумался бы взять радиоприемник и даром. Но сравнение ребят с нищими здорово задело и Мишку и Костю.

— Мы тебе накосим любой травы, — пообещал Коська, — даром зачем же...
— Косить ничего не нужно.
— А чего нужно-то?
— Поможете мне собирать травы!
— А ты не обманешь?
— Лопни мои кишки, — засмеялся очкастый, — или как тут у вас божатся?
— Так тоже божатся! Смотри, обманешь ежели, так...
— Что тогда?
— Увидишь что! Мы хоть маленькие, а ребята-ежики!
— Один вот тоже обманул нас, так до смерти, поди, не забудет, — постращал на всякий случай Костя.
Очкастый смешно задрожал.
— К ночи-то хоть не пугайте!
Ребятам не особенно понравилась усмешка очкастого, однако решили они промолчать.
— Ладно, — свернул удочку Мишка, — поедем за травой-то.
Он посмотрел на очкастого и, подумав немного, сказал:
— Только тебе надо пересесть в нашу лодку. Гребец ты, видать, не из важных. Придется еще на буксире тебя тянуть.
— Идет, — согласился очкастый, — а мою лодку на веревке поведем?
— Выдумывай больше!
— Чего же ее тянуть за собой? Ясно, здесь оставим!
— Так она же уплывет, — нерешительно запротестовал очкастый.
— Ничто!
— Перелазь лучше!
Очкастый перелез к ребятам в лодку. Мишка наклонил грибакинскую лодку; зачерпнул бортом воды и быстро начал перекладывать в самодельный садок пойманную рыбу. Потом Костя перевел веревку с якорем и, прикрепив конец веревки к носу грибакинской лодки, с силой оттолкнулся.
Лодка с ребятами и очкастым поплыла в сторону леса. Грибакинская лодка, превращенная Мишкой в плавающий садок для рыбы, осталась, покачиваясь, на месте.

Ребята взялись за весла.

— Ты что, — спросил Мишка, — знакомый Грибакина или как, что он лодку-то тебе дал?

— Нет, — ответил очкастый, — я у него месяц жить буду.

— А-а!

Помолчав немного, Мишка продолжал расспросы:

— Стало быть, ты городской?

— Городской, ребята! А что?

— Так просто!

Ребята замолчали.

Подгоняя веслами лодку, они с любопытством рассматривали очкастого, который покуривал тоненькую папироску и крутил головой по сторонам. Самое интересное, что заметили ребята, — была огромная зеленая банка, болтавшаяся на ремнях за спиной очкастого. Любопытен был и широкий нож в кожаном чехле, который был прикреплен к поясу очкастого. Все остальное не стоило никакого внимания.

Лодка стрелой летела к лесу, оставляя за собой длинный след, блестевший на солнце как серебро.

— Поддай! — приналег Костя на весла.

Впереди стоял темно-зеленый лес, и озеро тихо плескалось у его ног. Под лодкой заскрипел песок. Ребята выпрыгнули из лодки в воду и руками потянули ее к берегу.

— Дальше не пойдет, — заявил Костя, — вылезать нужно!

Очкастый, взглянул на ноги ребят, стоявших по щиколотку в воде, и решительно шагнул через борт.

* * *

Лес стоял тихий, нагретый, пахучий и словно млел в потоке солнечных лучей; лишь порой шевелились зеленые своды и из глубин тянуло запахом смолы, слышались какие-то шорохи и веселое пение птиц.

Огромные сосны, точно выкованные из меди, подымались вокруг. Ноги утопали в мягкой хвое.

Ребята шли впереди. Очкастый, спотыкаясь, брел сзади.

На лесной полянке, покрытой горицветом, очкастый остановился.

— Ну, а теперь рвите заячий мак, да только у самого корня, со стеблем и с цветами вместе. Без цветов увидите — не трогайте!

— А для чего? — поинтересовался Костя.

— Потому что горицвет без цветов — бесполезное растение.

Ребята принялись за работу. Сначала работали молча, но через некоторое время Миша спросил:

— Стало быть, травой лечат?

— Лечат, Мишка, лечат, — ответил очкастый, ползая по поляне.

— А какие болести лечат-то?

— Сердечные, Мишка! Вот у кого сердце шалить начинает, тому и дают его.

— Жевать?

— Нет, брат, не жевать. Из этого горицвета приготовляют такой препарат, который называется адонидин. Адонидином и лечат. Пить дают каплями. Ай-яй-яй! — сорвал очкастый какой-то розовенький цветочек — Althaea officinal.v. Ну и везет же мне, как молодому зеленому богу!

Он вынул из банки широкий нож и, копнув землю, вытащил толстые корни.

Отрезав самый толстый корень, он отбросил его в сторону, а мелкие корешки, бережно отряхнув от земли, положил в банку.

— Тебе что ж, — заинтересовался Мишка, — корешки проскурняка тоже нужны?

— Нужны, брат, и ох как нужны!

— И эти против сердца?

— Нет, брат, из корней алтея приготовляют настой такой. Грудной сироп. А помогает он тем, у кого грудь болит. Идет и для приготовления примочек глазных.

— Если тебе надо, так этого проскурняка мы с Коськой хоть воз наберем. В лугах у нас страсть как много его.

— Ну? Вот, брат, спасибо-то! Значит, завтра в луга и направимся!

После этого разговора работали молча.

Не прошло и часу, как на лесной поляне образовалась огромная желто-зеленая куча горицвета. Очкастый предложил кончать работу:

— Хватит пока! Вот еще только наберем корешков алтея в эту банку и поедем обратно.

Немного времени ушло и на сбор корешков алтея.

Солнце еще не встало над головами, когда ребята и очкастый вернулись обратно.

Ребята вытянули грибакинскую лодку на отлогий берег, опрокинули ее и принялись нанизывать рыбу на кукан. Очкастый тут же начал связывать горицвет в пучки, а пучки в маленькие снопики. Потом скрутил снопики толстой веревкой и перекинул их через плечо.

— Ну, кончайте, ребята, и айда ко мне. Чай будем пить с колбасой.

Мишка замялся.

— Рыбу ж домой снести надо!

— Рыбу? Прекрасно! Так вы вот что, тащите рыбу и шпарьте ко мне, Грибакину избу знаете?

— Найдем, — кивнул головой Мишка.

Очкастый засмеялся.

— Ну и ладно, — и быстрыми шагами направился к деревне.

— А радио-то? — вспомнил Костя, когда очкастый отошел от ребят.

— Радиа будет наша!.. Вишь он до травы какой жадный. За траву все отдаст. А мы ему воз насбираем. И корней проскурняка накопаем.

Искатели корешков

День был будничный, и на дорогах вокруг озера было пусто. Только малые ребята играли на песке да куры рылись в разбросанном навозе.

Было еще рано, но солнце уже припекало изрядно.

Избы были раскрыты настежь, двери всюду отворены, на плетнях проветривались ветошные одеяла и белье. По дороге везли возы с сеном. Запах сена так и ударял в нос, а на свисавших над дорогой ветках, под которыми проезжали возы с копнами, качались спутанные стебли, словно клочья вырванной бороды.

Ребята шли медленно и молча, поправляя изредка связки с рыбой.

Откуда-то, как будто с полей, летела песня и с ветром уносилась к озеру, какая-то баба у мельницы так била вальком, что стук разносился далеко, и шумела вода, падавшая на колеса.

— Ты колбасу-то у него не трожь, — заговорил Мишка, — не то отвертится он. Скажет, дал колбасу и квиты. Радио-то по крайности и продать можно. Поди, тысячи стоит... Тут пять пудов колбасы этой купить можно.

— Учи ученого, — фыркнул Костя, — мне хоть сто пудов давай, ни за что не сменю на радио...

Потом, подумав немного, Костя спросил:

— Мишка, а что это радиа?

— Это?.. Вообще... слушают его!

— Вроде гармошки?

— Не... это... Вообще... такое... по воздуху... За тыщу верст кашлянут, а у нас слышно будет...

— А на что она похожа? — спросил Костя.

— Обыкновенно... Труба такая... без проволоки!

Костя постарался представить перед собой трубу без проволоки, но так ничего и не вышло из этого. Он тяжело вздохнул и задумался.

По дороге тянулись воза. Сверху свешивались кудлатые головы, смотрели на рыбу, шутили:

— Где мальков-то ловили?

Мишка молчал, но Костя не мог оставить без ответа таких обидных вопросов.

Костя вытягивал наверх самых больших лещей и кричал со злостью:

— А это малек тебе?

— Ну-ка, ну-ка, — хохотали на возах, — глянь, Степан, чего это у парнишки в руках: червяк, что ли?

— Сам ты червяк! — огрызался Костя.

По дороге, поднимая желтые облака пыли, проскакал верховой, а когда пыль рассеялась, ребята увидели у плетня бабку.

— Ну, рыбаки-байбаки, — крикнула бабка, — брюхо-то подвело чать?

— Не... Не очень... Видала, сколько наловили?

— Ох, матушки мои! — всплеснула бабка руками. — Ай, молодцы-удальцы!

— А мы сейчас колбасу пойдем есть, — не утерпел Костя.

Бабка мельком глянула на Костю и перевела взгляд на рыбу, любуясь золотистыми лещами.

— Парочку бы и продать можно, — в раздумье сказала бабка, — ежели к попу снести, по четвертаку беспременно даст.

— А нам радиа обещал очкастый... Такая труба без проволоки.

— Чего? — посмотрела бабка на Костю. Но в это время в избе закричал маленький Шурка. Бабка подхватила рыбу и, смешно переваливаясь, побежала в избу.

— Полдновать идите! — крикнула бабка уже из сеней.

Мишка поскоблил пальцами грудь.

— Ну ее... Мурцовки-то не видали! Айда к очкастому!

— А что, — обрадовался Костя, — мурцовки ежели наедимся, много ль колбасы съедим?

— Колбасы, — передразнил Мишка, — ты на колбасу-то не очень зарься, не то без радиа останемся! Ставь удочки и айда!

Поставив под навес удилища и мокрый сачок, ребята огородами побежали к мельнице.

* * *

Дом Грибакина с зеленой крышей приткнулся под горой, у самой мельницы. Около дома на лужайке стоял жеребенок, глуповато посматривая на ребят.

— Тю тебе! — махнул руками Костя.

Жеребенок взбрыкнул и понесся, чавкая по зеленой траве, вдавливая ее в землю копытцами.

Ребята вошли в избу. Грибакин чинил хомут. У печи на привязи лежал рыженький теленок. Темно-синие глаза его казались такими же большими, как и круглые его темно-сизые ноздри. На лбу белела лысинка. В углу возились две овцы с ягнятами, беспокойно шурша соломой.

— Здрасте, дяденька Степан! — остановился на пороге Мишка.

Грибакин поднял голову.

— Здравствуй, тетенька! Ай телку сватать пришел?

— А где... в очках-то? — осмотрелся по сторонам Мишка.

— А тебе зачем?

— Нам-то... Нам это... Притти велел давеча...

— Рад... — открыл было рот Костя, но Мишка быстро дернул его за рукав.

— Велено, значит — велено!

— А!

Грибакин перевернул хомут и взглянул сквозь дыру на окно.

— В чистую ступайте, — сказал после некоторого молчания Грибакин, бросив хомут на пол.

Ребята прошли в чистою половину. Открыв дверь, они увидели очкастого, который стоял спиной к двери, склонившись над какой-то шипящей машиной.

— Дяденька, — кашлянул Мишка, — ты сказал, притти чтобы...

Очкастый оглянулся.

— А, — заулыбался он, — Мишка! Ну, ну, садитесь, ребята, гостями будете!

На столе стоял на длинной ноге и широкой медной подставке ослепительно сверкающий чайник. В ноге шумел синий огонек, венчиком окружая дно чайника.

— Радио! — шепнул Костя.

Но в это время очкастый схватил чайник за ручку, и он, легко отделившись от пылающей ноги, поплыл в воздухе.

— Ой! — отдернул руку очкастый от чайника. — Ишь нагрелся как... Ну, а теперь будем чаевничать... Садись, ребята!

Мишка нерешительно направился к столу, но Костя не расслышал приглашения. Он с удивлением смотрел на шипящую огнем медную штуку, не будучи в силах оторвать от нее взгляда.

— Что, брат? — ткнул Костю пальцем в живот очкастый. — Неужто автомобиля живого не видел?

Костя с удивлением взглянул на очкастого.

— Разве это автомобиль?

— А что ж, по-твоему?

— Автомобиль другой... В избе-читальне нарисованный... С колесами!

— Ну? — удивился очкастый. — А ведь и верно.

— А это что? — ткнул пальцем в медную штуку Костя.

— А это, брат, примус! Карманная печка!.. Ну-ка, покрути эту штучку вот в эту сторону!

Очкастый взял Костину руку и положил ее на медную штучку. Костя повернул ее в сторону и тотчас же с испугом отдернул руку. Примус фыркнул, тяжело вздохнул, пламя, подпрыгнув, исчезло.

— А-а-а, испортил? — захохотал очкастый и, подхватив Костю, посадил его за стол на табуретку. — А теперь за это ты должен выпить десять стаканов чаю.

Костя насупился.

— Брюхо ж лопнет, — тяжело вздохнул он.

— А мы его зашьем! — опять захохотал очкастый и начал ловко развертывать разные свертки, подмигивая при этом ребятам и забавно морща нос. Из свертков посыпались на тарелки тонкие и толстые колбасы, разные коробки, яйца и еще что-то такое, чему даже и название трудно было придумать. Очкастый ловко нарезал колбасу ломтиками, вскрыл блестящей штучкой коробки, кокнул яйца и все это придвинул к ребятам.

— Лущи, молодцы, — сморщил нос очкастый.

Мишка взял самый маленький кусочек колбасы и положил его на огромный кусок хлеба. Костя последовал его примеру, но очкастый с испугом закричал:

— Стой! Стой! Стой! Вы что это? Ну-ка, ну-ка!

Он выхватил из рук смутившихся ребят хлеб и кусочки колбасы, намазал куски хлеба маслом, сверху положил несколько штук тоненьких рыбок, потом ошелушил яйца, разрезал их пополам и половинками яиц покрыл все сверху.

— Начинать надо с бутербродов по-немецки, — сказал очкастый, — масло, кильки и яйца это — самое замечательное средство для аппетита.

С этим словами очкастый сунул бутерброд в открытый рот Кости и крикнул.

— Сжимай зубы!

Костя испуганно чавкнул.

— Хорошо? — захохотал очкастый.

Костя утвердительно мотнул головой.

После бутербродов по-немецки ели толстую и тонкую колбасу, потом разделали под орех две коробки с каким-то вкусным соусом и совершенно серьезно приналегли на полусоленые и жирные куски чего-то белого.

Очкастый поддевал вилкой из коробок и корзиночек маленьких рыбок, облитых жиром, розовые комочки, какую-то толстую траву и крошечные огурчики, широко открывал

рот, в котором почему-то сверкало золото, рычал, чавкал и все время смеялся.

Ребята ели молча, подталкивая друг друга локтями каждый раз, когда в рот попадало что-нибудь вкусное. Потом пили чай с халвой.

Ребята взмокли, затирали рукавами пот и чувствовали себя на седьмом небе.

Особенно понравилась халва.

«Лучше ее ничего на свете нет», — подумал Костя, прихлебывая чай.

Мишка как будто ничего не думал, но это не мешало ему уничтожать халву, не отставая в этом деле от Кости.

А когда было отдано должное колбасе, килькам и халве, очкастый развел примус и взгромоздил на него большую жестяную коробку.

— Смотри сюда, ребята, — сказал очкастый, вываливая на стол корни алтея, — учитесь, пока я жив, обрабатывать лекарственные травы. — Он бросил корни алтея в синий таз и начал лить в него воду из большого кувшина.

— Помоем грязнулей, — приговаривал очкастый, смывая с корней землю и очищая их ножом от коры. — А теперь разрежем на куски. Вот... По четверти, но не больше. А толщину чтобы имели они меньшую, чем два мои пальца. Так. А теперь пожалуйте, дорогие корешки, в сушку.

Он кинул решетку в ящик; на эту решетку положил корешки и сверху опустил градусник.

— Так. Правильно. 35 градусов по Цельсию. Оч-чень хорошо! Теперь слегка убавим огонь и — все в порядке! Ну-ка, Костя, взгляни сюда. А как заметишь, что корешки желтеть начинают, — скажи. А мы с Мишкой горицвет обработаем тем временем. Ну-ка, Миш, складывай головка к головке все это, — показал он на горицвет, — а как сложишь, тащи сюда и раскладывай на солнышке. Пусть травка заморится слегка.

Работа закипела. Очкастый суетился, метался по комнате и все время без умолку говорил:

— Чудодеи вы, право! По золоту ходите и сами того не замечаете. Чудесно даже. Аптекам лекарственные травы до зарезу нужны, за лекарственные травы деньги большие

платят, а вы вот, точно чудаки какие, ходите по этим травам, и нос кверху. Эх, ребята, ребята, золотая у вас земля, да люди-то медные лбы.

— Это самое и Федоров говорит, — вставил словечко Мишка.

— Кто он? Коммунист?

— Не... коммунистов в нашей деревни нету... Демлизованный это!

— А!

— Федоров-то и сбивает всех зажить как-то по-новому.

— Ну, а мужики?

— Мужики? Мужики, они говорят: непривычно.

— Ну и чудаки, — сказал очкастый, — а голодать да картошку одну есть разве привычно? Да разве к хорошей жизни надо привыкать?.. Колбаса-то вам понравилась?

— Понравилась! — в один голос сказали ребята.

— То-то и есть. А какая ж у вас к ней привычка? Чудаки ваши мужики. Вот что.

— Халва мне больно понравилась, — вздохнул Костя.

— Халва? Ну да, и халва конечно, — потер лоб очкастый. — А дома у меня такие же вот капшуки, как вы... Н-да... — задумался очкастый, — только в городе другие ребята. Новые.

Он встряхнул охапку горицвета и бросил ее на подоконник.

— Вот, ребята, дела-то какие... Ишь ты, ведь не хотят! Ну, как можно не хотеть жить по-человечьи? Чудаки, право!

— Ты коммунист, дяденька? — спросил Мишка.

— Нет... А что?

— Мамка грит, коммунисты народ мутят. Грят, по-новому чтобы жить, а сами налоги только новые удумывают.

Очкастый поправил очки и покачал головой.

— Не завидую я тебе, Мишка! Мамаша у тебя... ну, как сказать, не совсем понимает, что вокруг нее делается. Какой налог-то вы платите?

— Мы освобожденные как беднота, — с гордостью сказал Мишка.

— Ну, а батька-то твой что говорит?

— Батька молчит. Утрясется, грит, заживем.

— То-то и есть. Батька твой, видно, мужик подходящий, а мамка, мамка ваша... как бы это вам сказать...

— Ой-ой-ой! Желтеют! Желтеют! — закричал Костя.

— Браво! — захлопал в ладоши очкастый. — Раз желтеют — долой их! Вот так, — подхватил он коробку тряпкой, — а теперь запомните, ребята: если придется когда-нибудь самим этим делом заняться, — старайтесь сохранить высушенные корни алтея в сухом месте. Иначе они отсыревают и портятся. Ну, а теперь складывайте горицвет! Подсушим и его немного.

Жестяную коробку освободили от корешков, положили в нее стебли горицвета и снова поставили на примус.

— Чудесное растение для сбора, — сказал очкастый, — растет повсюду, в изобилии, а только и на три года нельзя заготовить его. Полгода если полежит на складах, значит, выбрасывать надо... Вот уеду — займитесь-ка этим делом. Каждое лето можно отправлять в аптеки. И как еще брать-то будут! С руками оторвут.

Подсушив горицвет, очкастый обвернул его бумагой и сложил в чистый холщовый мешок, который подвесил к потолку. Сушеные корни алтея перевязал шнурком, потом разостлал на печке лист бумаги и положил связки на бумагу.

— А теперь и отправлять можно!.. Конец сегодняшней работе! Шабаш!

Ребята нерешительно потоптались на месте.

— Что еще? — захохотал очкастый.

— Радиа, — продохнул несмело Костя.

— Верно, верно! — вспомнил очкастый. — Раз обещал, значит, надо выполнять обещание.

Он открыл дверь и крикнул громко:

— Хозяин!

— Здесь хозяин! — отозвался Грибакин.

— Шестик-то приготовил?

— Шестик-то? Да, приготовил. Не знаю только, подойдет ли вам. По скусу ли будет?

— Ну, ну, посмотрим!..

Во дворе лежал длинный шест, обтесанный и гладко выструганный. Грибакин поднял его за комель и, кашлянув, сказал:

— Вроде бы и то, что просили! Будто бы и должен подойти!

— Ладно, хозяин, — подмигнул очкастый, — нам все подойдет. Был бы длинный только.

Потом очкастый вынес из дома пучки проволоки, заставил Грибакина притащить лестницу и полез на крышу. Общими усилиями шест втянули на крышу, прикрутили к нему проволоку, подняли, поставили торчком и привязали к коньку избы. Потом один конец проволоки привязали к сухому дереву, которое стояло за амбаром. С другим концом проволоки в руках очкастый спустился вниз, просунул проволоку в окно и, весело потирая руки, сказал:

— Ну, вот и все!

Ребята помогали очкастому, неловко выполняли все, что он просил, не понимая, однако, для чего понадобилось взгромоздить на избу шест, и не совсем уясняя, что будет дальше. Грибакин встал в сторону и, усмехаясь, наблюдал за тем, что делает очкастый, но вскоре, почесав смущенно затылок, пошел в коровник.

— А теперь чего? — не удержался от вопроса Костя.

— А теперь будем слушать, — вытер платком проступивший на лбу пот очкастый. — Ну-с пошли!

С разинутыми ртами ребята вошли в избу. Очкастый вынул из кармана ключ, открыл желтый сундук, вытащил оттуда небольшой сверток. Развязав веревочки и бросив бумагу под стол, он ткнул черным ящичком в живот Кости и крикнул:

— Гым, гым, гым!

— Ай! — отскочил Костя.

— Испугался?

Напевая что-то под нос, очкастый поставил на стол ящичек, прикрутил к нему конец проволоки, потом достал небольшой кусок провода, зацепил один конец его за ящичек, а другой обмотал вокруг железного прута.

— Ну-ка, помогай, ребята, половицу раздвинуть! — скомандовал очкастый.

Косарем развели половицы. Очкастый взял в руки прут и глубоко загнал его в землю, между половиц.

— А зачем? — спросил Костя.

— Ну, об этом мы после побеседуем с вами!.. Все объясню, ребята.

С этими словами очкастый вынул из сундука четыре толстых черных кружка с металлическими частями и длинными витыми шнурками, вставил блестящие кончики в ящик и, нацепив пару кружков на уши, начал крутить пуговки ящичка.

— А где же труба? — шепотом спросил Костя.

— Молчи знай, — дернул Мишка брата за рукав.

Очкастый вертел пуговку, хмурился, нагибался к железному пруту, забивал его глубже в землю, потом протянул руку к чайнику и начал поливать прут водой.

Костя фыркнул:

— Эва, капусту нашел какую... Сичас расти станет!

Очкастый погрозил пальцем:

— Т-с-с! Не мешай.

Через некоторое время лицо его растянулось в улыбку. Он посмотрел на ребят, поманил Костю пальцем, а когда Костя подошел к нему, он взял пару других кружков и нацепил их на Костины уши.

— ...рение аппарата! — сказал кто-то толстым голосом прямо в уши Кости.

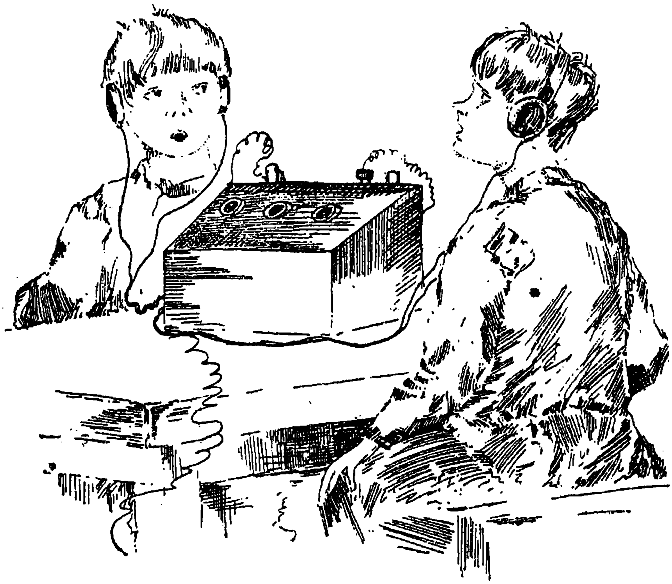
Костя вздрогнул и растерянно оглянулся по сторонам.

— От ударных бригад необходимо обеспечить переход к ударным цехам, — сказал тот же голос, и тут только понял Костя, что говорят не в избе, а в черных кружках. Необычайное волнение охватило Костю. Забыв все на свете, он слушал, не понимая, чью-то речь, а когда поднял глаза, он увидел перед собой Мишку, который, разинув рот, сидел напротив с черными кружками на ушах.

Говорили что-то непонятное. Грубый голос так и бубнил:

— ...действительным переходом на ударные методы работы с конкретными обязательствами со стороны ударников по поднятию дисциплины труда.

Потом другой голос сказал:

— Музыкальный перерыв. Баркарола Чайковского.

Кто-то кашлянул в уши, а затем громыхнула музыка, как будто начали играть сразу сто гармошек.

Очкастый достал тетрадку и стал писать, изредка посматривая на ребят и чему-то улыбаясь. Но ребята даже не смотрели на очкастого. Окаменев от удивления, они сидели, боясь пошевельнуться, слушая музыку, пенье, разговоры о том, что делается в Англии, в Германии и в других странах, что строится в нашей республике и многое еще другое, чего совсем уже и понять нельзя было.

Ушли от очкастого поздно вечером.

* * *

Дома, перебивая друг друга, они рассказали о колбасе, о халве, о радио и не забыли показать, какие большие и смешные очки носит их новый знакомый.

— Во, — развел Костя руками, — как маленькие колеса!

На ребят, однако, никто даже внимания не обратил.

— Цыть вы, пострелята! — нахмурился батька.

Ребята обиженно замолчали.

В избе было душно и жарко, от гусят, ночевавших под печкой, слышался дурной запах. Мать месила тесто. Батька о чем-то разговаривал с Федоровым, здоровым и широкоплечим парнем, недавно вернувшимся из Красной армии. В углу под иконами и портретом Буденного сидел дядя Прокофий, молодой парень, который вернулся из Красной армии года два назад и успел за эти годы так поднять свое хозяйство, что все соседи завидовали Прокофию.

Федоров в чем-то убеждал батьку, размахивал руками и то и дело вставлял в разговор непонятные словечки.

— Ты, Митрий Михалыч, сам посуди, — перегибался через стол Федоров, — волка возьми, к примеру... Индивидуально он живет? Индивидуально! В одиночку то есть... А почему? Да потому, что он зверь. Неужто и мы от зверей не ушли? Ведь это беспременно должны жрать друг друга, ежели индивидуально будем... Что Прокофий? Прокофий хоть и демобилизованный, а первый есть кулак на деревне.

— Да что ж, — дымил цыгаркой батька, — я с полным удовольствием, да только толк-то будет ли?

— Беспременно! — стучал ладошкой о стол Федоров.

Дядя Прокофий, усмехаясь, качал головой.

— Замотал, замотал! — злился Федоров. — Да ты говори, а башкой тут нечего крутить.

Дядя Прокофий щурился и вздыхал:

— Непутевый ты, Сережка, — и укоризненно смотрел на Федорова, — сыплешь словами, что горохом, а что болтаешь, поди, и самому невдомек. Прокофий, говоришь, кулак. Дурья ты голова! Вот что... Тогда ты еще сопли вытирал, Прокофий-то уже мировую контру шашкой рубал...

— Рубал? — кричал Сережка Федоров. — А сейчас — кулак ты. Вот кто ты есть! Батрака взял уже?

— Ты не ори, — хмурился Прокофий, — какой я кулак, когда есть я культурный хозяин. Вы вот на бога все надеетесь, а у меня агрономические книжки заместо бога. Бедняком был, а теперь — вона добра-то всякого имею. Ты вот Митрия подбиваешь в колхоз. Ладно. Колхоз так колхоз. Валите. Не возражаю. А только кто ж пойдет-то с вами,

с гольтепой? Свое хозяйство поставьте спервоначалу. Свое хозяйство плохое, а других учить хотите... А кулаком меня не смей называть. Я, брат, сам против кулаков пойду в любое время.

— Пойдешь ты! Так я и поверил! Батрака-то взял уже?

— Батраком не кори. Справлюсь немного и батрака отпущу.

— Одного отпустишь, а пятерых возьмешь?

— Ругаться зачем же, — примиряюще сказал батька. — Прокофий, конечно, по книжкам ведет хозяйство... Это безусловно. Однако ты, Прокофий, напрасно коришь нас. Гольтепа мы безусловно. Что правда, то правда. А что с ней, с проклятой землей этой сделаешь. Слезами поливаем, а не родит. Потом удобряем, а она хоть бы что... Ты вон порошки сыплешь в землю, а на порошки-то тоже деньги нужны. За порошки ребятами не заплатишь, а их у меня трое. И сами знаем, машиной обрабатывать беспременно лучше. Порошки — совсем хорошая штука. Да ведь деньги большие нужны.

— Я с небольшими деньгами начал, — щурился Прокофий.

— Ты — другое дело... Ты один, Прокофий!

— Он без денег начал? — кричал Федоров. — Батька твой всю революцию спекуляцией занимался, а ты говоришь, без денег.

— А ты считал наши деньги?

— Не считал, да знаю... Культурный хозяин какой выискался! А я тебе так скажу, сейчас ты одного батрака взял, а через год на пятерых станешь ездить.

— Забрехал, залаял!

— Не брешу, а правду-матку режу... Хозяйство-то, чать, расширять будешь? А станешь расширять, — рабочие руки беспременно понадобятся. И вырастешь ты, красный боец, в кулака-мироеда. Ей-бо, право!

— Ври больше! Будто я не с беднотой теперь?

— Теперь да! А погоди немного — и отойдешь... Комиссар был у нас в полку, так он завсегда говорил бывало: волки травой не питаются. А ты, брат, батраками стал питаться. Кровь сосешь батрачью.

Дядя Прокофий злился и грозил оторвать Сережке голову, если он назовет его еще раз кулаком.

— Ага, не нравится? — не унимался Федоров. — Красный боец протестует? Не желает кулакам называться, а сам мордой, что лиса в кувшин, в кулацкое хозяйство залез. Не выдернуть морды-то. А разбить кувшин, поди, жалко?

Что еще говорили мужики, ребята не слышали. Густой и липкий сон обволок братьев, и они крепко уснули, сложив головы на подоконник.

А когда батька перетаскивал их, сонных, на полати, Мишка видел во сне трубу и в трубе веселого парня с гармошкою в руках, а Костя плавал в огромном стакане чая и ел большими ломтями халву.

* * *

На дворе стояла жара. Днем почти невозможно было показаться в поле, а ночи тоже не приносили прохлады. Они были душные и такие нагретые, что даже в садах нельзя было спать от жары.

Словно бедствие обрушилось на деревню.

Траву так выжгло, что скот возвращался голодным с пастбищ и ревел в хлевах, картошка вяла, выросла в орех величиной и такой осталась. Подгорелый овес еле отрос от земли. Ячмень пожелтел, а рожь высыхала до времени, белея пустыми колосьями.

Крестьяне с печальной безнадежностью поглядывали на закат, не изменится ли погода, но небо было без туч и словно залито стеклянным, белесоватым заревом, а солнце заходило чистое, не омраченное ни одним облачком.

Поля замирали и увядали все больше, недозрелый плод падал с деревьев, колодцы высыхали, и даже в озере вода отступила от камышей и кое-где торчали из-под воды черные коряги.

— Плохо дело, ребята, — говорил очкастый.

В эти дни Мишка и Костя не отходили от очкастого ни на шаг. Они бродили по полям и лесам, увязали в болотах, шныряли вокруг озера, собирая разные лекарственные травы.

Многое узнали за эти дни ребята.

Иными глазами начали смотреть они на травы, на все растения.

Узнали они, что явер, или, как его называл очкастый, аир болотный, имеет ценные корни, кожица которых идет для приготовления духов и ликеров, а самый корень употребляется при болезнях желудка и зубной боли.

Простая полынь, на которую в деревне и внимания-то никто не обращает, по словам очкастого, шла в сушеном виде на приготовление разных примочек, а также употреблялась для изгнания глистов.

Прошло не более месяца, а ребята уже знали, что листья и корни сонной одури, или белладонны, помогают при грыже и падучей болезни, корни папоротника идут на приготовление филиксовой кислоты, бледно-лиловый безвременник помогает при подагре и ревматизма, цветы ландыша хороши при болезни сердца.

Ромашка, донник, ятрыжник, подорожник и даже кора крушины и бузины, цветы липы, корни одуванчика — все это оказалось очень нужным и ценным.

Если раньше ребята равнодушно проходили мимо матьмачехи, то теперь или Мишка или Костя говорили:

— Надо бы бабке нарвать против кашля.

Однажды Мишка, насушив листьев матьмачехи в коробке очкастого, завернул их в бумагу и сунул в карман.

— Зачем тебе это? — поинтересовался очкастый.

— Бабку буду лечить. Кашляет она у нас.

Очкастый схватился руками за голову:

— Караул!

Притянув Мишку к себе, он пытливо заглянул ему в глаза и с тревогой в голосе спросил:

— Ты, Мишка, как? Первый раз это... Лечить-то собрался? Или лечил уже кого?

— Сичас не лечил, — сказал Мишка.

— Ну, и хорошо, — обрадовался очкастый, — и не лечи никого, голубчик. Среди этих трав, ну вот хоть бы этот горицвет, сонная одурь, ландыш и многие другие — очень ядовиты. Их сначала нужно особо приготовить в аптеке, потом смешать с другими травами, и тогда только и то в разных для каждого человека порциях можно давать их... Ишь ты какой профессор нашелся? А вдруг бабка от твоего лекарства умрет, что тогда будет? Ведь жалко бабку-то?

— Ясно — жалко! Она с Шуркой няньчится, а умрет, так нас заставят.

— Ну, вот, видишь!

Вечерами Мишка и Костя слушали радио, очкастый писал что-то, потом все вместе пили чай. Иногда в чистую половину заходил Грибакин. Усмехаясь и конфузясь, он брал наушники и так вот, с наушниками на лохматой голове, простаивал долгое время. А потом передавал наушники кому-нибудь из ребят и качал головой.

— И до чего это доходит техника?! Хлеще, ить, поповского граммофона шпарит!

Иногда очкастый разбирал приемник, рассказывал, как все это устроено, почему слышно, для чего привинчены разные части, а потом заставлял и Мишку и Костю по очереди собирать приемник.

* * *

А в полях шаталась засуха.

Однажды, когда было так жарко, душно и парно, что птицы даже падали без чувств и коровы жалобно мычали на сожженных пастбищах, когда все, казалось, дышало из последних сил, — в белом зное солнца вдруг потемнело и помутнело, словно кто-то кинул в него горстью золы, а вскоре где-то в вышине загремело, словно стая птиц захлопала железными крыльями.

Стало жутко и тихо.

Вдалеке за озером загрохотал гром. Ветер пролетел по дорогам, поднимая желтые столбы пыли. Над полями сверкнули зигзагами молнии и вдруг посыпались на землю одна за другой. Казалось, небо хлестало землю огненным бичом.

И снова зарокотал гром.

Все закружилось, заклубилось, солнце погасло, какая-то муть разлилась над землей, и разбушевалась такая гроза, что в клубившемся мраке лились лишь струи ослепительного света, гремели раскаты грома, шумел ливень и глухо стонали деревья и ветер.

Гроза продолжалась часа два. Колосья полегли. По дорогам потекли целые реки вспененной воды, и чуть только переставало на минуту и начинало проясняться, как тотчас снова раздавался гром, словно тысячи телег мчались по мерзлой земле, и снова лил дождь как из ведра.

Мамка зажгла перед иконами лампаду. Растрепанная и плачущая, она упала на колени, истово крестила себя широким крестом, беспрестанно шевеля бледными губами.

Встала на колени и бабка.

— Мать пресвятая богородица, пронеси напасть мимо нас грешных.

На бабку и мамку смотрел из угла бравый Буденный и как будто потихоньку молодецки закручивал ус.

Батька строгал что-то у печки, не поднимая головы от планки. Ребята, прижавшись друг к другу на полатях, смеялись над маленьким Шуркой, который раскидался от жары и громко сопел во сне носом.

— Во спит!

— А я тоже могу, — похвастался Костя, — я когда сплю, хоть по голове доской трескай, — се равно не проснусь!

— А ну, дай тресну, — лез Мишка.

Костя защищался:

— Пусти! Я ж, когда сплю, сказал!

— Я потихоньку тресну, — приставал Мишка.

— Уйди! Ой!

Бабка бросила молиться, схватила веник и шлепнула со всей силой веником Мишку по голове, а Костю по спине:

— Я вас чертяк... богу даже не дадут помолиться...

И, встав рядом с мамкой на колени, начала снова бить поклоны.

— Бабка-то, — подмигнул Мишка, — думает, бог грозой распоряжается...

И торопливо зашептал Косте на ухо:

— От электричества все это. Учитель нам рассказывал. А бабка — старая дуреха. Ишь веником-то хлещет. Нашла себе по силе. Я вот ей, подожди, отмочу за это штуку.

И Мишка зашептал что-то совсем тихо.

Костя фыркнул от смеха.

— Эй, вы! — прикрикнул отец. — Чего радуетесь? С голоду ж подохнете скоро!

Наконец гроза утихла.

На улице показались люди, некоторые бежали за огороды, сбивались в кучки.

— Конец нам! — вздыхали крестьяне.

— Все посекло!

— Ну, теперь ложись и помирай!

— Сначала подсушило, а теперь и обмолотило, — пытались шутить некоторые. Но было не до шуток. Понурые и унылые крестьяне брели с полей. Силантий Воробьев шел по дороге, посеревший и сгорбившийся, кашлял и бормотал:

— Крышка! Конец теперь!

А на другой день уехал очкастый. Он был печальный и то и дело вздыхал:

— Ах, ребята, ребята! Вот ведь беда какая!

Но ребята не особенно унывали. Они хлопотали вокруг радио. Ползали по крыше, снимая антенну, завертывали приемник и наушник в газету и даже были немножко довольны тем, что очкастый уезжает, а радио переходит в их собственность.

Прощаясь, очкастый расцеловал ребят и записал в маленькую книжку их фамилии.

Мишка превращается в громкоговоритель

После отъезда очкастого Мишка и Костя перетащили радиоприемник в свою избу.

Над крышей, точно огромный и пустой колос, выросла радиомачта; к застрехе протянулись провода; на полатях притулился небольшой черный ящик, и под стол ушла тонкая проволока, которая соединила радиоприемник с железным прутом, застрявшим в половицах.

— Радио! — объявил Мишка, закончив установку, но его слова прошли мимо ушей батьки и мамки.

В последнее время они ходили нахмуренные, часто ругались и спорили о чем-то, чего ни Мишка, ни Костя понять не могли.

— Иди, — часто кричала мамка, — поклонись Степану Федоровичу! Ребята ж у нас...

Батька молчал, строгал планки и только изредка бурчал под нос:

— Ну, ну!

Мишка и Костя надевали наушники, слушали с замиранием сердца, как кто-то толстым голосом рассказывал о новой жизни, а иногда протягивали наушники батьке.

— На-кась, послушай, говорят чего!

— А ну вас! — отмахивался батька.

Старый дед однажды залез на полати, нацепил наушники, слушал долго, а потом потихоньку положил уши на овчину, слез на пол и крадучись выбежал вон из избы.

— Тс-с! — закричал дед, размахивая руками. Шаркая валенками, он выскочил в сени. Ребята кинулись за ним. Дед перемахнул через кадки с квашеной капустой и по лестнице взбежал на чердак.

— Эй, кто там? — крикнул дед. — Выходи живо, не то плохо будет!

Ребята захохотали.

— Тс-с, — погрозил дед пальцем. Схватив в руки сук от яблони, он воинственно взмахнул им над головой.

— Эй! Эй! Расшибу! — Это ж по воздуху! — не утерпел Костя. — Не достанешь ведь суком-то!

Дед подозрительно и хмуро поглядел на ребят.

— Кого здесь спрятали? — сказал он недовольным голосом.

— Никого не прятали, — ответил с достоинством Мишка, — потому это есть радио, которое на тыщи верст подает голос.

Дед вернулся в избу, ворча что-то под нос, и молча забрался на печь.

Кроме деда, так никто и не заинтересовался радиоприемником. Батька теперь чаще уходил из дома и возвращался только к вечеру.

Мамка ходила с красными от слез глазами, а бабка то и дело молилась перед иконами.

— Мам! — кричали иногда ребята. — Слушай-ка, поют как!

— А ну вас! — хмурилась мамка.

Вечером приходили Федоров, кривой Лузгин, кузнец Николай и дядя Павел. Они засиживались подолгу, курили и вечно спорили. Все чаще и чаще разговоры шли о какой-то ссуде, но что это за ссуда, ни Мишка, ни Костя долгое время понять не могли.

— Дадут ссуду! Это ж беспременно, — уверял Федоров.

— Так вам и дали! — почему-то злилась мамка. — Брать они мастера, это верно, а уж насчет давать, — пождете еще!

— У кого брать-то? — кричал Федоров. — У тебя, что ли? Много у тебя взяли?.. Эх, темнота!

— Должны дать, — гудел кузнец, — потому есть это своя власть... Не допустят, чтобы с голоду мерли!

— Тебе много дали? — сердилась мамка.

— Не надо было, так и не давали, — гудел кузнец, — а теперь беспременно дадут. В которых местах недород — беспременно дают ссуду.

— Да и куда ж податься? — моргал единственным глазом Лузгин. — Або к кулаку, або до своей же власти. Это ж понимать надо!

— Понимаете вы! — кричала мамка. — Ребята с голоду пухнуть начали, а вы тары-бары растабарываете. Силантью поклониться надоть. К Силантию с нуждой итти надоть!

— Врешь, тетка! — стучал Федоров кулаком по столу. — Не резон это, чтобы беднота перед кулаком поклоны била.

— Время еще терпит, — примиряюще говорил батька, — ты это не бреши, что с голоду пухнем. Хватает пока. А там поглядим.

— Эх, жисть! — вздыхал Лузгин.

— Спохватился! — орал Федоров. — А что с весны говорил тебе?

— Что ж ты говорил? — моргал Лузгин.

— А то и говорил, что организоваться надо... За ум браться пора.

Лузгин отмахивался рукой, точно от назойливой мухи.

— Э, брат, неурожай и колхоз до корней прохватить может. Божья сила!

— Божья! — передразнивал Федоров. — А я скажу так: богу этому мы сообща-то нос порошком бы забили. И не чихнул бы.

— Пустое говоришь.

— Нет, брат, не пустое, — горячился Федоров, — видал, как Прокофий порошками бога обманул?

— Се равно хлеба-то повалило! И он не ушел.

— А вот и ушел! Что у вас? Шаром покати в полях, а у него хоть и не ахти сколько, а все ж плохо бедно, до весны хватит хлеба, а там корову продаст или овец, вот, глядишь, и вывернется!

— Прокофий сила!

— Сила? А мы кто? Один Прокофий так это сила, а нас столько народу и на те — не сила мы! Дубье!

— Ссуду дали бы, — вздыхал дядя Павел.

А хлеба становилось с каждым днем все меньше и меньше. Мамка выдавала теперь ребятам по маленькому куску, да и то ворчала при этом:

— Картошку есть надоть. Не напасешься хлеба-то для вас.

Иногда в избу забегали соседки, просили одолжить немного мучицы.

— Завтра отдам, Сергеевна, — кланялась соседка.

— Где же ты отдашь, бедолога? — хмурилась мамка. — Ай с неба в огород упадет?

— Ей-бо, отдам! — божилась соседка. — Мужик мой рыбу понесет к попу! Обменяет рыбу-то!

Мамка отвертывалась от соседки.

— Носили уж которые, да не берет поп... Говорит, вся деревня на год натащила рыбы. Не сердись ты на меня, а хлеба не дам! Вон ртов-то у меня сколько... — И мамка показывала рукой на ребят.

— С чего давать-то? — вмешивалась бабка. — У самих не боле пуда осталось! Седни вам дадим, а завтра сами должны под окна итти.

— Ссуду бы, — вздыхали в деревне.

Кое-кто толкнулся к кулакам, у которых оставались запасы хлеба еще от прошлого урожая. Но кулачье не торопилось ссужать хлеб.

— Подождать надо, — говорили кулаки.

— Да чего ж тут ждать? С голоду ж мрем!

— Ничто! Месяц, другой потерпите! А с голоду не помрете! Рыбы в озере вон сколько.

Тем временем цены на зерно в деревне поднимались и дошли до 10 рублей за пуд. В это время кулачье «расщедрилось». Силантий и Пров поглаживали бороды, усмехались:

— Что ж, православные, берите кому сколько надо.

Беднота обрадовалась.

— Благодетели наши! Дай вам боже всякого здоровья.

Народ повалил с мешками к амбарам богатеев.

— Выручайте! Будет хлеб, — сполна отдадим! С процентом получите!

Кулаки гремели ключами.

— Выручить не хитро, да только и самим не расчет в убытке оставаться.

— Процент назначайте.

— Процента вашего не надо! А только наше слово такое: отдавать будете деньгами, а не хлебом. По десять, кажись, пудик-то идет? Ну вот по десять опосля и рассчитаетесь!

Беднота взвыла:

— Да ведь разор это! Кабы цена такая года три держалась — не жалко, а только где ж это видано такие цены?

— Чтоб вы подохли, мироеды! — ругались самые горячие.

— Ишь какая политика?! — возмущались бедняки. — Он тебе пуд, а ты опосля десять продать должен, чтобы рассчитаться.

И снова покатилось по деревне:

— Эх, ссуду бы!

Из города приехали какие-то люди, ходили в полях, потом писали в сельсовете бумаги, а уезжая, обещали поторопить выдачу ссуды. Но шли дни, а город молчал. В деревне

во всех домах ели рыбу да картошку. И только в кулацких домах по-прежнему вкусно пахло печеным хлебом.

Мамка ходила злая. Ребятам попадало по затылку за каждый пустяк. Попросил Костя как-то хлеба, мамка промолчала. Костя захныкал.

— Да-а-й!

Мамка подскочила к Косте и влепила ему здоровую затрещину.

— На!

Совсем маленькие кусочки хлеба получал только Шурка, а Мишка и Костя ели одну рыбу с картошкой.

— Дай хоть кусочек хлебца! — просили иногда у мамки ребята, но мамка и слышать не хотела таких разговоров.

— Будете приставать, — шкуру спущу и радий ваш выброшу!

Ребята притихали. Радиоприемник, установленный на полатях, был теперь ребятам всего дороже. По вечерам, когда все укладывались спать, Мишка и Костя надевали наушники и уносились в иной мир.

Далекий город ощупывал в темных полях высокие антенны и обрушивался в приемники грохотом музыки и пеньем. По вечерам так хорошо было лежать на полатях, на крепко пахнущих овчинах, и слушать городское штукарство. Вперемежку с музыкой громкий голос какого-то — видать, серьезного — мужика рассказывал, что делается в этом большом мире. Случалось так, что ребята засыпали с наушниками, и утром их будил громкий бодрый голос:

— Руки на бедра! Ну, ну, бодрей! Стряхните с себя сон! Так, так! Начи-най!

Это передавалось по радио какая-то гимнастика, но для чего она передавалась, ни Мишка, ни Костя так и не могли понять.

* * *

Однажды под вечер ребята услышали:

— Пострадавшим от неурожая районам направлена безвозвратная ссуда. Семенной материал будет отгружен в этих районах через два месяца.

— Ссуда! — вытаращил глаза Мишка и, бросив наушники, кубарем скатился с полатей.

— Батька! — закричал Мишка, выскочив во двор. — Ссуду дают!

Батька поправлял плетень у сарая. Сильными ударами обуха он вгонял в землю тычки и при этом крякал:

— Ак-ха, ак-ха!

— Батька, — подбежал Мишка, — ссуду дают по радио.

— Чего? — бросил топор батька и тяжело перевел дух.

— Ссуду, говорили сейчас! Иди-ка послушай.

Мишка кричал так громко, что его услыхали соседи. К плетню подошел дядя Павел.

— Привезли, что ли?

— По радио, дядя Павел! Ей-бо, передавали сичас!

— Ну? — обрадовался дядя Павел.

— А не врешь? — спросил батька.

— Ей-бо! — перекрестился Мишка.

Услышав слово «ссуда», подбежали еще двое, вынырнул откуда-то и Федоров.

— Дают? А? Что? Не говорил разве я?

— Ну, ну, послушаем!

Народ повалил следом за Мишкой в избу.

Это был самый лучший час Мишкиной жизни. Еще совсем недавно никто даже внимания не обращал на радиоприемник. Федоров говорил, что громкоговорители ему еще в Красной армии надоели, батька и мамка считали радио баловством. Бабка хотя и пыталась слушать, но была она глуховата на одно ухо и ничего поэтому не услышала. А дед плевался, если ему предлагали послушать. Один дядя Степан побывал раза два на полатях, но всякий раз, когда надевал он наушники, радио как назло молчало. Дядя Степан рассердился и пустил по деревне плохую славу про радио.

— Трещит чего-то там, вот и пойми!.. Пустая затея!

Иногда забегали к Мишке и Косте другие ребята, но днем радио почему-то больше молчало, а вечером кто же слушать будет?

Рано ложатся спать в деревне.

Влетев в избу, Мишка крикнул:

— Говорят еще?

Костя спустил с полатей голову с наушниками, сдвинул микрофон с одного уха и спросил:

— Чего?

— Про ссуду говорят еще?

— Не! — мотнул головой Костя. — Какую-то атому разъясняют.

— Какую атому?

— В клетках, говорят, живет. Вроде птицы, что ли... Не понять!

— Путаешь чего-нибудь, — сказал батька и сам полез на полати. — Ну-ка, дай-кась мне!

С батькой на полати полез и Федоров.

— Ребята чего понимают? А я привычный к этому делу. В Красной армии, бывало, надоест даже...

Батька и Федоров нацепили наушники и притихли.

— Атомное ядро, — шепотом повторял батька, посматривая с полатей серьезными глазами, — долгое время считалось конечным элементом материи, но в последнее время...

Батька замолчал, прислушиваясь к голосу радио, и так сидел некоторое время, шевеля потрескавшимися губами, потом нахмурился и сбросил наушники на овчину.

— Пойми тут: ликтороны, атомы, клетки да... Тьфу, дьявол!

Снял наушники и Федоров.

— Научное разъясняют, — сконфуженно произнес он.

— А про ссуду-то? — спросил дядя Павел.

Батька посмотрел на Мишку.

— Где же ссуда-то твоя?

— Дык... Сам слышал...

— Что же, — вступился Федоров, — не год же про ссуду передавать. Кому ссуда интересна, а кому иликроны с атомами... Тут на всякий вкус, вить... Кому что надо... А ты, Мишка, того... не ослышался?

— Вот, ей-бо! — перекрестился Мишка.

— А ну-ка, повторить можешь, чего передавали?

— Могу... Слушаем мы давеча, а оно и говорит: пострадавшим от неурожая выдаем без возврата...

— Чего выдают-то?

— Ссуду! А семена...

— Так и сказали ссуду?

— Ей-бо, сам слыхал!..

— А про семена-то как, как?

— А семена, грит, через два месяца...

Батька посмотрел в сторону радиоприемника и нерешительно сказал:

— Да оно, пожалуй, на правду похоже... Вроде бы и время выдавать...

— А по скольку дают-то? — спросил дядя Павел.

— Не говорили об этом!

Пойманная антенной новость мигом облетела деревню. В избу, набитую народом, пришел председатель сельского совета, старый солдат Кандыбин, расспросил ребят и покрутил желтые от махорки усы:

— Ну, вот... А чего орали? Пришло время и дают...

— А может, брехня это... С радия чего возьмешь, коли взбрешет? И говорит-то откуда, неизвестно.

— Брехни тут никакой не может! — строго сказал председатель. — Раз властью разрешено передавать по воздуху, стало быть, все на совесть.

— Ну и слава богу! — вздохнула вдова Устинья. — А я было к Силантию уж хотела... Чуть было, ить, хомут не надела на шею...

Через три дня в сельсовет пришла бумага. А через неделю деревенская беднота получила из города хлеб, который советское правительство отпустило бесплатно.

— Вот оно! И отдавать не надо! — кричал Федоров. — Своя власть, потому и бесплатно... Не то что кулачье...

— Ты к чему это?

— А все к тому же: власть нас научает колхозами жить, а вы все думаете, худа она желает нам. Адьеты!.. Верно, громкоговоритель? — обращался Федоров к Мишке.

— Я ничего не знаю, — пыхтел Мишка.

Он был немного сердит на Федорова. Да и то сказать, как же тут не сердиться, если Федоров прозвал Мишку громкоговорителем. А деревенские ребята и рады.

— Эй, громкоговоритель! — дразнили Мишку в деревне ребята.

Мишка сначала гонялся за обидчиками, норовя загнуть им салазки, но потом привык к новой кличке и уже не обижался. С той поры, как он обрадовал деревню новостью, на полатях перебывало изрядно народу. Даже сам председатель совета Кандыбин лежал здесь целый вечер с наушниками. Он отчаянно дымил махрой, жестоко крутил усы и пристукивал по доскам пятками. А потом снял наушники и сказал:

— Чистая химия. И даже того хлеще... Надо будет в сельсовет провести!

После этого Кандыбин дня три говорил о том, что надо поставить радио в сельсовете, но вскоре успокоился.

Радио в сельсовете так и не появилось.

Социалистические гуси

Однажды Мишка и Костя услышали по радио совсем необычайную историю. Знакомый голос, который они узнали бы теперь из тысячи голосов, рассказывал о том, как в одной деревне пионеры и школьники устроили птичник и развели таких кур, за которых им был выдан похвальный лист на выставке и целых сто рублей.

Радио говорило о том, как вся деревня ходила к ребятам учиться ухаживать за птицей и каким почетом были окружены затейники пионеры и школьники.

Прослушав эту историю, Мишка снял наушники и сказал:

— Ловко небось? На сто рублей, поди, сто возов хлеба купили!

С этого дня Мишка начал задумываться. Он бродил в раздумье по двору, заглядывал к гусям, долгое время глядел на них, не замечая яростного шипенья, которым гуси встречали Мишку.

Он рассказал отцу все, что слышал, и осторожно намекнул:

— Мы бы с ребятами еще чище могли обделать такое дело.

Отец зевнул, потрогал вихры Мишки и молча принялся подшивать валенок.

— Ей-бо, устроили бы...

— Ну, ну! — сказал отец. — Не вертись тут... Ступай-ка на улицу!

Встретив как-то Федорова, Мишка снова рассказал о пионерах и школьниках, которые получили сто рублей за своих кур.

— Ну и мастаки! — удивился Федоров. — А ты, громкоговоритель, пустяками занимаешься. Собрал бы вот ребят да и отчебучил бы такую же штуку...

— Мы бы еще чище устроили, — сказал Мишка.

— А ты не хвались. Сначала сделай, а там и говори!

— Сделаешь тут. Я батьке давеча говорил, а он молчит...

— То-то, что батьке говорил... А те ребята, поди, без батьки дело начали!

После этого разговора Мишка сходил к учителю и снова рассказал о том, что слышал по радио.

Учитель заинтересовался этой историей. Он немного подумал и сказал:

— Ты вот что, собери-ка подходящих ребят да заходи с ними. Мы потолкуем об этом.

Мишка обошел своих приятелей и каждому рассказал о пионерах и школьниках, устроивших птичник, а также о том, что учитель обещал помочь устроить это дело.

— Учитель говорил, — тыщу можно получить! — отчаянно врал Мишка, соблазняя приятелей.

— Здорово! — удивлялись Мишкины друзья.

Затея Мишки особенно понравилась Володьке, поповскому сыну, и Фильке, сыну кулака Силантия.

— Всех принимать не будем, — говорил Филька, — много народу будет, по скольку рублей достанется?

— Пять и то много, — поддержал Володька, — если тысячу на пять разделить — выходит по 200 рублей всего. А больше принимать — совсем мало будет.

— Где же ты пять считаешь? — спросил Филька. — Я — раз, Володька — два, а Мишка с Костькой из одного дома, выходит, за одного должны, считаться. Значит три. Кому ты еще сказал?

— Пашке Устиньеву!

— Считай четыре! И хватит. Молчи теперь, а то налетят разные, чего тогда будет.

— По двести пятьдесят на четырех выйдет, — сосчитал поповский сын.

— Так ты, смотри, молчок! — сказал Филька.

На другой день вся компания направилась к учителю. Дорогой Филька делил будущие барыши и упрашивал ребят никому не говорить о птичнике.

— Учитель-то тоже, поди, в долю захочет? — горевал Филька.

— А ты как думаешь? Даром, что ли, будет возиться?

— То-то и есть.

Но Филька напрасно горевал. Когда ребята пришли к учителю, они застали его за упаковкой вещей. Он сидел на корзине, увязывая ее веревками.

В комнате на полу лежали узлы и два рыжих старых чемодана.

— Пришли? — вытер пот со лба учитель. — Ну вот и хорошо, что не опоздали.

Он затянул узел на корзине и выпрямился.

— Все тут?

— Все, — сказал Мишка.

— Маловато, — оглядел учитель ребят, — хотя... Оно даже и лучше, пожалуй!

— Ясно — лучше, — поддакнул Филька.

— Так вот, ребята... Вы это... начинайте. Места здешние замечательные. Выпас хороший. Вода под боком. Для гусей — самое отличное место. Озолотить можно округ.

— А Мишка говорил — курей разводить, — заметил Пашка.

— Каких кур? Гуси — будущее нашего края, а не куры. Для курицы нет здесь почвы. Да и где достать сейчас породистых кур?.. А гуси у вас хорошие. Если правильно поставить дело, так гусей прямиком можно за границу гнать. А ведь это золотая валюта... Эх, черт возьми, не вовремя переводят меня, а то бы мы тут такое дело развернули, что вся губерния ахнула бы.

Он посмотрел на растерянные лица ребят и сказал:

— Другую школу дают мне.

— А птичник-то? — ахнул Мишка.

— Птичник, видать, самим вам придется устраивать... Да вы того... Спец я небольшой в этом деле. Сам учиться хотел с вами... Ну, а этого... того самого... пока вы тут начнете налаживать дело, я тем временем достану какую-нибудь книжку о правильном уходе за гусями и перешлю ее вам... А может, еще обратно переведут меня в вашу деревню.

Учитель вытер носовым платком лицо.

— Эх, черт возьми, — сказал учитель с огорчением, — ну, почему бы нам не взяться было за такое дело пораньше?

— Раньше не передавали, — угрюмо буркнул Мишка.

— Вот, вот! — заволновался учитель. — И все мы так: раньше не передавали! А у самих ума не хватило! Эх, деревня-матушка! Да и я тоже хороший гусь!

Ребята посидели некоторое время, поговорили о птичнике, но беседа как-то не клеилась. Неловко попрощавшись с учителем за руку, ребята уныло побрели по домам.

— Ничего не выйдет, — сказал Володька.

— Выйдет, — неуверенно пробормотал Мишка, — учитель вон что говорит...

Пашка ширнул ногой камень с дороги и с сожалением сказал:

— С учителем бы вышло, а так — пустое дело.

Филька потихоньку потянул Мишку за рукав и, подмигнув глазом, сказал:

— Ясно, ничего не выйдет!

У церкви ребята расстались. Володька и Пашка свернули в кривую уличку, Мишка и Филька пошли к мельнице. Пройдя несколько шагов, Филька оглянулся и сказал шепотом:

— Пускай идут! Мы сами обделаем все! Для чего нам народу много?

— Верно, — обрадовался Мишка, — не хотят и пускай себе. И без них обойдемся!

На задворках Филькиного двора ребята уселись и начали обсуждать, как им начать это дело. Филька подобрал под себя ноги и с важностью сказал:

— Ну, рассказывай все.

— Чего это?

— А все, что это за дело такое, платят когда, рассказывай, что знаешь.

— Что ж, — подумав немного, сказал Мишка, — дело обыкновенное. По радио говорил один. В какой-то деревне собрались пионеры и школьники. И вот надумали они устроить птичник. Набрали яйца от кур, потом взяли восемь квочек в долг и посадили.

— Куда посадили?

— На яйца. Ясно.

— Да где посадили-то? Курятню, что ли, сделали?

— Не... Старая изба там была... Сторож церковный раньше был...

— Ну?

— Вырастили они, значит, семьдесят курей... Потом послали одного парнишку в ближнее село к одному деду...

— К деду?

— Ну да! А у деда того — самые распрекрасные курицы. Ну, значится, за трех куриц своих взяли у деда по одной на племя.

И этих посадили. Вывелось у них сто восемьдесят... вот названья-то не припомню никак... Но хороших, здоровых. Ну, а потом по всей деревне куру за куру обменяли. И вся деревня поразвела таких. Ну, а потом выставка такая была, и ребятам дали похвальный лист и денег.

— Сколько денег-то дали?

— Ст... Тыщу! — снова соврал Мишка, боясь как бы Филька не раздумал войти в компанию.

— Так, — почесал переносицу Филька.

— И почет был от всей деревне. По радио передавали фамилии.

— Это пустое, — приподнялся Филька с земли. Он посмотрел поверх головы Мишки, подумал немного, потом, не говоря ни слова, размахнулся и ударил Мишку по зубам.

— За что? — закричал Мишка, закрывая лицо руками.

— А не трепал чтобы всем! Будешь еще кому говорить об этом, — всю рожу растворожу, зуб на зуб помножу. Нишкни, об этом никому. Слышь?

Мишка от обиды разревелся. Соленые слезы катились по его лицу и застилали сеткой глаза. Словно в тумане он увидел спину Фильки, который шел через огород во двор.

Мишка приподнялся с земли и медленно пошел домой, вытирая грязным рукавом глаза.

* * *

С заплаканными глазами пришел Мишка к Федорову и, глотая слезы, рассказал ему всю эту историю.

— Ну и дурак! — проворчал Федоров. — Вздумал тоже компанию с кулаком вести.

— Дык... он же не кулак, — захныкал Мишка, — это ж батька его.

— Все равно. Яблочко от яблони недалеко катится... А ко мне-то ты чего пришел?

Но Мишка и сам не знал, почему он пришел жаловаться Федорову, а не батьке. Просто тянуло Мишку к этому

здоровенному парню, который подбивал мужиков зажить какой-то новой жизнью.

По совести сказать, Мишка совсем не понимал, какой может быть эта новая жизнь, но по твердому его мнению, должна бы она быть лучше, чем теперь. И очкастый вот тоже рассказывал про новую жизнь. Говорил, что город по-новому давно живет. Как живет, очкастый не объяснил, но эта жизнь была, наверное, хорошей и с халвой и с колбасой. Вот радио тоже. И оно из этой новой жизни.

Должно быть, неплохая в общем жизнь. И поют там, и музыка играет, и все-то на свете знают. Очень интересная жизнь. Обдумав все это, Мишка сказал:

— Хочу с тобой... Хочу по-новому чтобы... В колхоз хочу... И Костька еще...

— Помощник? — захохотал Федоров. — Н-да, Мишка... Оно, конечно, в принципе на все сто процентов, однако даже пахать тебя не заставишь... Гайка слаба.

— Я боронить могу, ей-бо!

— Боронить-то паханое надо... То-то и есть...

Федоров внимательно посмотрел на Мишку, который стоял перед ним с запухшими от слез глазами, и задумался.

— Один ты, Мишка, вот беда, — заговорил после продолжительного раздумья Федоров, — а только одному теперь ни скакнуть, ни прыгнуть. Жестокие теперь времена. Человек к человеку подбирается. Сила к силе... Классы, так сказать... Вот таким бы, как ты, в пионеры надо. Филек-то скрутили бы тогда.

— А как это? В пионеры-то?

— Леший его знает!.. В городе там всякий парнишка про то знает, а только невдомек мне было разузнать, как следует.

— Я бы лучше в колхоз с тобой поехал!

— Как это поехал?

— Ну да... Ты же подбиваешь мужиков в колхоз ехать!

— Вот здорово! — удивился Федоров. — По-твоему, колхоз в тридесятом царстве, что ли?

— Дык... сам же говорил, жить по-новому, на новой земле...

— Эка хватил! — засмеялся Федоров. — А ты не ставь всякое лыко в строку... Эх, голова твоя ежовая... Да куда же нам ехать, когда и тут чудесно. Вона дышит-то как!

Федоров повел рукой, и Мишка невольно проследил глазами за движением этой крепкой, мускулистой руки.

Вокруг простирались поля, смыкаясь вдали с небосклоном. К заходу солнца тянулись подернутые голубой дымкой леса. Вправо сквозь сосны блестело, словно огромный оловянный глаз, спокойное озеро.

Земля, казалось, дышала и беспокойно вздымала грудь.

— Силища-то какая, — забормотал Федоров, поводя глазами, в которых светилась мужицкая жадность к земле.

— Ишь как распласталась, матушка, — с любовью произнес Федоров. — И ее-то, богатыршу эту, сохой ковыряют! Адьеты! Трактором ее, плугами пороть надо. Силой бы на нее навалиться... Эх, и потеха была бы. Загудела бы, родная, затряслась, да как посыпала бы свое добро, аж закрома полопались бы. Затопило бы зерном. По крыши навалила бы.

Словно проснувшись, Федоров посмотрел на Мишку и спросил:

— Вам в школе объясняли про социализм?

— Не... Не проходили еще!

— Дура! Не проходили! Социализм не проходят, а делают. Социализм — это когда дураков нет... Видал землю-то? То-то и есть! А ты через десять лет погляди, что будет. Деревню всю фьють! К черту! Домишки эти — под откос. А на месте деревни дворец выбухаем. Окна будут, что твой дом. По крыше тучи станут царапаться. По всему дворцу иликтричество. Всюду пальмы в бочках. Чистота. Ванная. Души... Сохи — в печи. А вместо сох — каменные сараи для тракторов. Работать станем всем миром. Гром пойдет в полях от машин. А вообще-то наши мужики адьеты. И батька твой адьет. А башка у твоего батьки хуже ослиной. Думает все, а чего тут думать?

Федоров задумался. Он стоял посреди двора, загаженного навозом, обнесенного развалившимся плетнем, и, широко открыв глаза, смотрел в поля.

— Н-да, — наконец сказал Федоров и тяжело вздохнул, — работать надо, Мишка! С неба все это не посыплется... О птичнике ты что-то болтал. Что ж, это, пожалуй, не плохое дело... Ну-да, — загорелся внезапно Федоров, — может, с птичника и начинать надо... Может, с малыми ребятами и скорее кадило раздуем...

* * *

В тот же вечер Федоров завел разговор с батькой о затее Мишки.

— А ведь ребята твои умнее тебя оказались.

Батька обиженно промолчал.

— Право слово, умнее. Ты пока собираешься, а Мишка вон и синяков нахватал... Мишка-то действовать начал...

И Федоров рассказал про Мишкины похождения. Батька только носом шмыгнул, а мамка сказала со злостью:

— Так ему и надо. Не лезь, куда не просят. Гусак какой завелся. Удумал тоже. По дому лучше помогал бы, чем штукарствовать-то... Молодец Филька! Так и надо.

Федоров покосился на мамку и в сердцах плюнул на пол.

— Чего ему помогать-то тут. Козла, что ли, доить? Хозяева! Нет, ты подумай-ка, — обратился снова Федоров к батьке, — гусь наш ведь действительно первосортный. Место для гуся подходящее. Вон и учитель то же говорил им. Взяться, как следует, черт знает чего натворим. Всю деревню на голову поставим. Мне вон Мишка сказал вчера, так я мимо ушей пропустил, а сейчас сам вижу, какое может быть огромное дело.

— Гусиный колхоз? — усмехнулся батька.

— Ты не смейся, — мотнул вихрами Федоров, — и Москва не сразу строилась. Начнем с гуся, а там как двинем... И эх, держись деревня. Во как поскачем.

— Это глупости! — сказал батька. — Про такое дело и думать не хочу...

И рассердился даже.

— То он одно придумает, то другое. А ну тебя к богу... Точно сума переметная. Право слово.

Так же бесполезно старался втянуть в гусиное дело Федоров и других мужиков из бедноты. Над Федоровым только смеялись.

Федоров ругался, стучал во всех избах кулаками по столам и в горячке посулил каждому заехать оглоблей по шее, когда он с малыми ребятами построит социализм в деревне на все сто процентов.

Разозленный неудачей, Федоров пришел как-то к Мишке и сказал:

— Ладно, без них возьмемся... Пусть черти со стыда подохнут, когда ребята социализм построят... Собирай ребят. Всех собирай, кто захочет. Побольше набрать старайся.

— Фильку не буду собирать!

— Точка. Филек к черту.

Не чуя ног под собой, Мишка обежал всю деревню. Захлебываясь от радости, он рассказывал ребятам и о премии и о дворцах, путался, сбивался, а заручившись согласием прийти к Федорову, бежал дальше.

Всю деревню обежал Мишка, но пришло только девять парней да три девчонки, хотя Мишка из девчонок никого не приглашал. А почему они пришли, Мишка и сам не знал.

В тесной избе Федорова ребята разместились по скамьям, девчонки прижались к печке. Петька Муравьев корчил рожи и всех смешил. Сенька, сын вдовы Устиньи, надел на голову горшок и, высунув язык, покачивал головой. Дурачество ребят рассердило Мишку.

— Махонькие, что ли? — прикрикнул он на Петьку и Сеньку. — Тут всерьез собрались, а они дурака валяют.

— Пускай их подурачатся, — вступился Федоров, выдвигая стол на середину.

Однако ребята притихли и стали серьезными.

— Что ж, — осмотрелся Федоров, — видать, никого не придет больше?

Ребята помолчали. Мишка подпрыгнул на месте, вытянул голову и потихоньку опустился на кончик скамьи.

— Так вот, ребята, — кашлянул Федоров и повел речь о птичнике. Говорил он о том, какое это огромное дело, как надо начинать его и что будет, если хорошо наладить работу. Он, как и в тот раз, на дворе, широко открыл глаза и, не видя ни ребят, ни прокопченных, изъеденных стен, заговорил о социализме, о дворцах, о новой жизни. Рассекая руками воздух, он словно плыл к этому чудесному миру, далекие берега которого тянули его с непреодолимой силой. И за ним, за его горячей, сбивчивой речью, уплывали завороженные ребята.

Все это было похоже на чудесную сказку, чудеснее всего потому, что могла она стать былью здесь, в этой деревне.

Слушая с жадностью Федорова, никто и не заметил, как быстро пролетело время.

— Будто сказка, — несмело заметил Колька Гарфенихин, когда Федоров кончил говорить, — вроде на ковре-самолете летали.

— Сказка? — удивился Федоров. — Пусть будет по-твоему. А только ковер-самолет — это гуси. На крыльях гусей мы и помчимся.

Батька привозит маленьких великанов

Прошло несколько дней.

Затея Федорова обсуждалась в деревне на все лады.

— Придурковатый парень, вот и мудрует, — говорили некоторые.

Другие ехидничали:

— Где бы самому в батраки итти, так вона он сколько себе батраков набрал. Полный двор наймитов! А вы говорите, дурак!

— Отцам головы крутить надо за это, — ругались некоторые, — дурачье ить какое! Будто ребятам в своем хозяйстве неча делать!

— Я своему показал, — хвастал хромой Митрофан, — тоже ить в канпанию было сманили. Приходит, дай, грит, батька, десять свежих яиц да гусыню на месяц. Ну, наломал хвост-то...

Находились и такие крестьяне, которые хотя и не одобряли затеи, однако и ребят своих не удерживали и яиц пообещали дать и гусынь.

— А чего не дать? Федоров говорил, что яйца вернут взад, да еще по гусю дадут в придачу. А гусыня не убудет. С корму опять же долой.

— А может, что и выйдет у них. Пущай раздувают кадило!

Мишке теперь проходу не давали в школе:

— Эй, громкоговоритель, скоро на яйца сядешь?

— Глянь, ребята, главный гусак идет!

Доставалось и другим «канпаньонам».

Мишка хотя и слышал эти обидные слова, однако и виду не подавал. Старался пропускать обиды мимо ушей. Впрочем, не все легко переносили насмешки, случалось и поплакать кое-кому; были и такие дни, когда «канпаньоны» жаловались Федорову, но этот парень советовал им плюнуть на всех с самого высокого места.

— Залезьте на колокольню и плюньте! — шутил Федоров.

Он теперь ходил веселый, напевал под нос разные песни, которые, впрочем, походили одна на другую, точно зерна жита, стучал во дворе топором, беседовал подолгу с ребятами.

— Мы им утрем нос-то, — подмигивал Федоров, — стой, дай только срок.

Даже о колхозах перестал говорить с крестьянами Федоров.

— Фактом по лбу, — часто бормотал он теперь, — фактом по лбу! — и с ожесточением принимался рубить, строгать и пилить.

Федоровский двор стал неузнаваем. Старый повалившийся сарай выпрямился и покрылся заплатами из свежевыструганных досок. По крыше ползали ребята, штопая дыры тючками соломы. Во дворе кипела работа, словно в муравейнике.

На самодельных носилках выносили из сарая щебень, кирпич и навоз — все, что лежало там еще при жизни матери Федорова. Под навесом ребята рыли яму для будущего стока. Несколько человек мешали ногами рубленую солому и глину, а другие ляпали этой замазкой низ сарая.

— Тепло гусакам тут будет, — смеялся Костя, размазывая глину по щелям.

Сам Федоров с Пашкой и Мишкой устраивали в сарае окна.

— Застеклить нечем, — вот беда, — говорил Федоров.

— А может, и не надо окон-то? — спрашивали ребята.

— Как так не надо? У Прокофия, вон, и скот и птица в светлых хоромах живет. А Прокофий все-таки по книжкам орудует. Ну, да не беда! Лето и так проживут, а к зиме, надо думать, разживемся монетой.

* * *

Работа по устройству птичника подвигалась к концу.

— Эй, громкоговоритель, — посмеивались ребята в школе над Мишкой, — на яйца скоро сядешь?

Но Мишка теперь и внимания не обращал на эти вопросы. Ходил Мишка радостный и какой-то растрепанный. После занятий в школе он мчался к Федорову, хлопотливо

суетился, помогая устраивать птичник, а вечером залезал на полати и слушал радио.

Наступила зима. Большинство мужиков ушло из деревни в город на заработки. Распростился с ребятами и Федоров. Заколотив дом, он с батькой Мишки и Кости отправился на лесопилку в Тиуши, где говорили, нужны были пильщики.

— Месяца три подработаю. Хлеб целее будет, — говорил Федоров ребятам на прощанье. — А Тиуши все-таки город. Может, что разузнаю и насчет нашего дела. А вы тут присматривайте, ребята. Вернусь, закрутим дело, аж пыль столбом пойдет.

Федоров уехал. После его отъезда Мишка заскучал. И однажды даже всплакнул. Было это в тот день, когда встретил Мишка кулачонка Фильку и имел с ним неприятный разговор.

Как-то вечером Мишка возвращался из школы, где задержался он в школьной библиотеке. Около избы-читальни его настиг Филька.

— Ты чего растрепал? — угрожающе засипел Филька, поравнявшись с Мишкой.

— Где растрепал?

— Я те гдекну!

Филька помахал перед Мишкиным носом грязным кулаком и сказал:

— Мало я тебя лупцевал? — и ткнул Мишку кулаком в бок. — Муку сделаю!

Мишка втянул голову, ожидая удара, но в это время из читальни вышли Пашка и Сенька «канпанионы». Заметив «канпаньонов», Мишка расхрабрился:

— Не очень-то!.. А то смотри!

— Чего будет?

— Ничего! Эй, ребята, иди-ка сюда!

Филька перемахнул через плетень.

— Пожди, черт! Я те еще поймаю!

Чувствуя себя за плетнем в безопасности, Филька показал ребятам обидный кукиш и похвастал:

— Пока ваша улита едет, — наши гусаки тыщу наклюют!

Мишка пришел домой расстроенный. Забравшись на полати, он с тревогой сообщил Косте:

— Филька гусаков на выставку послал!

Мишкины губы задрожали от обиды. На глазах показались слезы.

— А все мамка с батькой! Когда еще говорил им! Теперь уж послать бы можно.

Причитанья Мишки дошли до мамкиных ушей. Ворочая ухватами горшки в печке, она подняла раскрасневшееся лицо и недовольным голосом спросила:

— Чего еще выдумал, бездомный?

— Ничего, — насупился Мишка.

— Заворчал, словно старуха столетняя... Кого не поделили?

Мишка решил помолчать, так как разговоры о гусаках могли кончиться для него печально. Это он уже знал по опыту. Взъерошенный, словно сердитый воробей, Мишка сидел на полатях, горестно размышлял о Фильке, который опередил ребят. И наверное, от огорчения не смог бы даже спать, но в это время Костя потихоньку начал смеяться.

— Филька-то врет, — хихикнул в кулак Костя.

Мишка с недоумением взглянул на брата и с надеждой в голосе спросил:

— Ты-то что знаешь?

— А вот и знаю, — щелкнул языком Костя, — гусаки-то весной родятся!

И ведь надо же, так опростоволоситься! Ну как Мишка сразу не мог вспомнить такой простой вещи! Филька просто-напросто прихвастнул, а Мишка уж и нюни развесил.

— А я-то, дурень! — покачал головой Мишка и, уже не думая больше ни о чем, заснул крепким сном.

А на другой день ожидала его другая приятная новость.

Еще на рассвете сквозь сон Мишка слышал, как возились в доме, хлопали дверью, как весело трещала печь и чей-то голос, похожий на батькин, говорил:

— Пусть поспят еще. Успеют нарадоваться!

Мишка открыл глаза и прислушался. Ну да, сомнений быть не могло. Приехал батька и, очевидно, привез что-то

очень интересное. По разговору было видно, что даже мамка заинтересовалась тем, что привез отец.

— Польза-то от них какая? — спрашивала мамка.

— Федоров болтает, будто есть их можно и еще на продажу идут.

— Тьфу! — плюнула мамка. — Вот бы уж ни за что не стала есть их.

Тут уж Мишка не утерпел. Спустив ноги с полатей, он крикнул:

— Ты, батька, чего привез?

Отец засмеялся:

— Эва, какой слуховитый! На один глаз спит, а другим ухом слышит. Ну, ну, слезай, коли проснулся. Великанов привез вам.

Разговор разбудил и Костю. Спросонья расслышал он только последние слова отца: «привез вам».

Что привез батька, этого Костя не расслышал, однако он покатился кубарем с полатей и, опередив Мишку, взобрался к отцу на колени.

— Дай кусочек!

— Чего тебе? — засмеялся отец.

— А привез-то чего... Я ж слышал! Да-а-ай!

Отец, улыбаясь, вытащил из-под лавки корзину, закрытую сверху полотном, открыл уголок, и тотчас же в этом уголке выросло что-то длинное и мохнатое.

— Кусай! — засмеялся батька.

Ребята в недоумении застыли над корзиной, не зная, что даже и сказать.

— Чего это?

Батька сдернул полотно. Перед глазами ребят запрыгали рыжевато-серые комки.

— Зайцы! — радостно закричал Костя, заметив у прыгающих комков длинные уши.

— Кролики это, — улыбнулся отец, — а по прозвищу бельгийские великаны.

— Это ж детеныши великанов! — сказал Мишка. — Великаны бывают больше дома.

Отец покачал головой:

— От-то-то! Какой ты умный!

— Я ж читал про великанов!

— Мало, что читал, а Федоров-то, поди, лучше тебя знает. Он там целыми днями торчит в этом... как он? Вот память-то! В музее, что ли?! Работу кончит — и туда. В каком-то кружке он там состоит. Не-то зологический, не-то затехнический...

Батька достал из кармана полушубка толстую тетрадку и протянул ее Мишке.

— А тут, значится, им все прописано, как обходиться с великанами и разная другая запись.

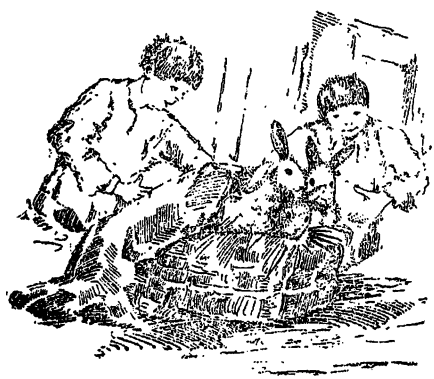
Был это воскресный день. И весь день ребята провозились с кроликами. Костя совал кроликам морковь и заливался радостным смехом, когда они, поводя мордочкой, доверчиво брали морковь у него из рук и смачно грызли ее. Мишка попробовал покормить кроликов хлебом.

— Едят хлеб-то или нет? — заинтересовался Мишка, подсовывая корки.

Кролики, оказывается, и хлеб ели. Мишка пришел в неописуемый восторг. Однако мамка не так восторженно отнеслась к таким наклонностям кроликов. Она треснула Мишку по затылку и закричала:

— Сдурел, што ли? Ай хлеб у тебя лишний? Увижу еще раз, так вместе с зайцами вон выброшу!

Ребята предусмотрительно отодвинули корзину с кроликами подальше от мамки, а потом перетащили кроликов на полати.

— А интересно, — сказал Костя, — чего они будут делать, если радио дать им послушать.

С этими словами Костя попытался нацепить наушники на голову самого большого

кролика, но кролик упорно отказывался от такого удовольствия. Опечаленный Костя вздохнул:

— Не привыкшие еще! Боятся!

Кроликов было пять. Они смотрели на ребят коричневыми глазами и не переставая шевелили ушами.

— Хорошие! — трогал кроликов Мишка руками.

Потом, насмотревшись вдоволь, он достал тетрадку и начал читать.

Вот что было написано широким почерком на первой странице:

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

«Когда батька привезет кроликов, дайте им немного сена. Хорошо бы капусты, или морковки, или картошки. Только не гнилой. Пусть едят. А тем часом устройте им ночлег. Который кролик с толстой, круглой головой — это самец, а которые кролики с подгрудником — самки. Самца посадите отдельно. Так надо. И чтобы он даже не видел самок. Только чтобы не померзли. Холоду они боятся. Подстелите им соломы. А что после делать, читайте по тетради. Запись тут на каждый день, пока не приеду. Берегите их пуще глазу».

Кроликов устроили в старой бане, которую еще осенью хотели ломать. А не сломали только потому, что осенью по случаю недорода было не до бани. Большеголового самца поместили в парильне, самок в предбаннике. Ребята натащили в баню ворох соломы, сена, моркови, капусты и картофеля. В тот же день в баню пришли оповещенные Мишкой «канпаньоны» и притащили печеный хлеб, соленые огурцы, меду и свеклу. Мед и соленые огурцы кролики вежливо понюхали, но решительно отказались от этих лакомств. Зато с превеликим удовольствием начали уничтожать свеклу и печеный хлеб. Сенька предложил кроликам принесенную кочерыжку. Кочерыжка была уничтожена с необычайной быстротой.

По всей вероятности, первая встреча «канпаньонов» с кроликами окончилась бы для кроликов очень печально. Во всяком случае, кроликам грозила преждевременная смерть от изобилия всяческих угощений, но, к счастью, наступили сумерки. В бане стало темно. Уже нельзя было отличить кочна капусты от кролика. Ребята с сожалением и большой неохотой оставили кроликов в бане, а сами не спеша разошлись по домам.

Утром отец уехал обратно.

* * *

Тетрадь, исписанная Федоровым, пригодилась ребятам. Записки Федорова спасли кроликов от тысячи неприятностей и прежде всего от голодной смерти.

В первые дни кролики получали всякую пищу в изобилии, но через несколько дней мамка решительно запротестовала против кормления «зайцев».

— Сами с голоду дохнем! — ругалась мамка. — А будете зайцев кормить, выброшу к черту и вас и зайцев.

И эту угрозу чуть было не привела в исполнение, когда поймала Костю с краюхой хлеба, которой Костя намеревался любезно угостить кроликов...

Ребята попытались перевести кроликов на харчи «канпаньонов», но и тут дело окончилось печально. Матери «канпаньонов» со всей решительностью восстали против

зловредной привычки кроликов питаться хлебом, сеном и капустой.

Вот тут-то и пригодились записки Федорова. В конце тетради Мишка нашел такую запись:

«По случаю недорода в нашей деревне кормите кроликов обмялками*. Только надо обварить обмялки кипятком и немного присыпать отрубями. Хорошо давать немного жмыха кусочками. Изредка подкармливайте кочерыжками капусты. Понемногу давайте сена. Давайте всего понемногу, но почаще. Кролики разбрасывают корм и уже не едят его, если он побывал у них под ногами. Давайте им пить чистую воду. Смотрите, чтобы посудина была чистой. Иначе пить не будут. Они привередливые очень. Но пуще всего смотрите за чистотой. Грязь и навоз от них выбрасывайте каждый день. Не то могут заболеть они и подохнуть».

Наступил февраль. Подули мокрые ветры. На буграх оголились черные борозды пашни. А как-то утром прошел теплый обильный дождь. Снег смыло с пашни, и только под буграми еще лежали бурые наносы. Без толку суетясь и крича, над полями летали мокрые галки. На дороге сквозь снег проступил навоз, и в навозе копошились вороны. Всюду бежали звонкие ручьи. Сугробы с шумом обваливались под ногами. По склонам, приминая бурую прошлогоднюю траву, лилась с журчаньем снеговая вода. Весеннее солнце расплескалось на улицах, засверкало весело в стеклах и подняло с земли дымящиеся, золотистые туманы.

Во дворах с шумом возились куры, обалдело гоготали гуси, торопливо гундосили утки.

На бревнах, щурясь от солнца, сидели крестьяне, покуривая цигарки с запашистой махоркой и мирно беседуя о севе.

В один из таких веселых солнечных дней вернулись в деревню батька и Федоров.

Ребята были в бане. Засучив рукава, они наводили чистоту. Метлами сгоняли солому в угол. Скребками скоблили пол. Девчонки мокрыми тряпками вытирали покрытые

---

* Отбросы, которые получаются при обмолоте хлебных злаков.

темными пятнами половицы. Кролики, испуганно хлопая ушами, скакали в предбаннике, вызывая своими уморительными прыжками веселый смех.

— Будто блохи скачут, — хохотал Сенька.

— Куда? Куда? Я тебе задам!

— Кыш, ты, рыжая!

В это время дверь приотворилась, и в баню вошел Федоров. Был одет он в городское пальто. На шее висел красный с зелеными разводами шарф. Голову прикрывала полосатая кепка.

— Тю! — заорали ребята, бросая работу.

— О!

— Вон кто!

— Ребя...

Федоров, глядя на ребят, рассмеялся:

— Ну, здорово, здорово! Эка, повыросли все как!

Потом он оглядел кроликов и, довольный осмотром, снова улыбнулся:

— Молодцы, ребята. Молодцы! А пятый-то где же? Подох, что ли?

— Вон он, пятый-то, — сказал Мишка, приоткрывая дверь в парильню, где в одиночестве прыгал самец.

— Скучает? — поинтересовался Федоров.

— Не... Жрет, как боров!.. А ты как? Совсем уже?

— Совсем! — улыбнулся Федоров. — А вы тут как, не раздумали еще насчет гусей?

— Ясно — нет! — закричали ребята.

— Чего раздумывать-то?

— Не... Никто не раздумал!

— Это дело, — потер руки Федоров, — а я тут из города еще прихватил кроликов. Белых ангоров.

— Много?

— Семь штук!

Ребята всполошились. Побросав работу, они кинулись было к выходу:

— Где?

— Покажи!

Федоров схватился за скобу двери:

— Стой, стой! Кончим сначала с этими. Что тут еще осталось? Ну-ка, давайте помогу вам.

Работа закипела. Сменив подстилку и засыпав кроликам корму, ребята двинулись к Федорову. По дороге зашли к Тарасову, с которым Федоров приехал со станции. Во дворе стояла подвода, на которой лежали мешки и большая, закрытая сверху полотном корзина.

— Эй! — постучал в окно Федоров. — Сергей Николаевич! Барахлишко свое беру!

Во двор вышел бородатый, добродушного вида великан, прищурился на солнце и почесал пятерней живот:

— Эва, армия-то какая. Словно фельмаршал ходишь. Дела!

— Армия? — в раздумье сказал Федоров. — Что ж, пожалуй, правду говоришь, армия это и есть.

— Каждому теперь по пушке и пали-вали! Воюй! — мигнул глазом Тарасов.

— Ничего! Мы и без пушек раздуем такую войну, аж небу жарко станет.

С этими словами Федоров взвалил мешки на плечи. Ребята подхватили корзину, и вся «канпания» выкатилась за ворота.

Ребята учатся летать

После приезда Федорова ребята появлялись дома только к обеду да к ужину. Остальное время проводили они во дворе Федорова.

Здесь с утра до ночи весело пели пилы, звенели топоры и торопливо шаркали рубанки. Под навесом, вдоль стены, встали ровным рядом большие клетки. Сквозь решетку можно было видеть большеголовых бельгийских великанов и белоснежных ангоров.

Особенно интересны были эти маленькие белые комочки. Ребята первое время с удивлением рассматривали необычайные глаза ангорских кроликов, круглые, бледно-розового цвета.

— Будто не выспались, — шутили ребята, — ишь, глаза-то какие красные.

Интересны были и маленькие ушки с красивыми кисточками на концах. Всем хороши были ангорские кролики, да только смущала ребят незначительная их величина.

— Уж больно маленькие они. Вона бельгийцы-то какие... Бельгийцев бы надо купить еще!

Неодобрительно посматривали на ангорских кроликов и соседи.

— Крохотны больно...

А Федоров только посмеивался:

— Мал золотник, да дорог... Тут главное пух кроличий. Первосортный пух, можно сказать.

— А на кой ляд пух-то этот?

— От-на! — разводил руками Федоров. — Ну, а к примеру сказать, надо тебе фетровую шляпу сделать или боты дамские. Вот тут-то и подавай только этот пух. Или фуфайку добротную захочешь вязать. Опять-таки без кроличьего пуха, как говорят, ни взад ни вперед... Русский фетр почему не в цене? А потому, что заячий пух употребляют. А заячий он жесткий да грубый. Одним словом, плохой дает фетр. Опять же взять заграничный фетр: он весь на кроличьем пухе заквашен... Так-то вот...

Деревня посмеивалась над затеей Федорова:

— Заячий дядя!

— Надумал тоже, зайцев разводить!

Эти разговоры доходили и до «канпаньонов», но «канпаньонам» некогда было слушать деревенские пересуды.

К концу февраля началась во дворе у Федорова самая интересная работа. Ребята тащили из дома гусиные яйца. Федоров смотрел каждое яйцо через трубку, свернутую из листа бумаги, отбирая яйца с зародышами.

— Пустое, — говорил он, откладывая в сторону некоторые яйца, — тащи назад.

«Канпаньон» возмущался:

— Как это пустое?

— А так, — объяснял Федоров, — если ты смотришь яйцо на свет и не видишь в нем махонького пятнышка, — никудышное это яйцо. Пустое! Зародыша нет в нем.

Ребята спорили, однако пустые яйца тащили домой. После тщательного отбора наконец набрали 160 штук гусиных яиц. Для высиживания Федоров купил семь гусынь. Десять штук пришлось взять взаймы у отцов и матерей «канпаньонов».

Гусынь посадили на яйца.

— А теперь примемся за кроликов, — заявил Федоров.

И снова закипела работа. К самцам начали подсаживать самок, но самцов было немного, и эта работа затянулась до начала марта.

В деревне снова начались пересуды.

— Зайцев на гусиные яйца посадили!

— Умора!

— Мудрят ноне больно молодые ребята!

— И чего только мудришь? — посмеивались старики над Федоровым. — Спокон веков отцы наши от земли кормились, а ты от зайца пропитанье желаешь получить? Мудреный что-то больно!

— То-то, что земля! — передразнивал стариков Федоров. — А только смотрю я на вас и не вижу, чтобы от земли вы сыты были... Земля, безусловно, кормить может, однако земля землей, а культура культурой.

Как-то завернул в деревню уездный агроном. Наслушавшись рассказов и сплетен о «канпаньонах», он зашел к Федорову во двор посмотреть на птичник и на кроликов. Встречен был агроном с распростертыми объятиями. Федоров и ребята водили гостя по двору, показывали гнезда и крольчатник.

— Принялись вот, — говорил Федоров, — да только и сами многого не знаем. Посоветуйте, товарищ агроном. Если что не так делаем, скажите.

— Что ж, — сказал агроном, осмотрев хозяйство «канпаньонов», — дело у вас на правильной дороге. Порода кроликов выбрана удачно. Гуси тоже породистые. Правда, разнобой большой по породе, ну да там подберете.

— А может, что неправильно делаем?

— Гнезда для птицы неважные у вас! Надо бы прикрыть их так, чтобы свет не проникал. Потом уж очень сухо в вашем птичнике. Для водяной птицы это не годится. Ну, а с гнезда снимаете гусынь?

— Нет... Мы корм под самый нос им подсовываем!

— Это плохо. Яйца должны изредка подвергаться охлаждению. Будете когда корм давать — так гусыню долой. Хорошо было бы давать гусыням купаться изредка.

— Да у нас в деревне тронуть гусыню боятся, когда сидит.

— То-то и плохо, — сказал агроном, — оттого гусыни и высиживают по 7 да по 8 штук... Дело в том, что в яйцах имеются незаметные для простого глаза дырочки, поры поученому. Через эти-то поры и дышит воздухом зародыш. Вот поэтому-то гусыню и нужно снимать время от времени с гнезда. А купаться гусыня должна для того, чтобы на яйца попадала влага.

Много еще полезных советов дал агроном, а когда уехал он, работы у «канпаньонов» прибавилось. От гусынь нередко приходилось ребятам реветь. Были гусыни злющие и щипались до синяков. У Мишки и Сеньки весь месяц с рук синяки не сходили. Нелегкой была работа и в крольчатнике.

Но крепче всего доставалось Федорову.

Вскакивал он чуть свет. Работал неутомимо, как лошадь в вороте, не глядя на усталость. Рано утром, до восхода солнца, Федоров взрывал лопатой огород. Потом, бросив лопату, бежал на птичник и в крольчатник. В это время прибегали и ребята. Во дворе поднимался шум. Гусыни шипели, ребята покрикивали от щипков. Кролики бились в клетках. В корытах плескалась вода. С ведрами и соломой, с лопатами и метлами ребята бегали по двору, работая не покладая рук. А когда солнце выплывало над деревней, вся «канпания» усаживалась на завалинке и принималась завтракать. Ели принесенный из дома хлеб и холодную картошку. Изредка закусывали все это солеными огурцами или кислой капустой.

— Эх, — вздыхал Федоров, сбрасывая крошки хлеба с колен, — как только разбогатеем, беспременно коров заведем. По утрам молоко будет. Сыр можно опять же делать.

— А нас очкастый колбасой угощал, — хвастался Костя, — вот скусно-то. Все отдать за колбасу можно.

— Ничего, ребята. Не все сразу. Машинку закрутили — все будет. Свиней разведем, так своя колбаса будет. Эх, из мужиков пристал бы кто! Скорее развернулись бы.

На 30-й день гусята начали вылупляться. Ребята притащили во двор заготовленные ивовые корзинки. Устелили корзины тряпьем и с этими корзинами подсели к гусыням.

— Как запищит — хватай, — распоряжался Федоров, красный от волнения.

Не прошло и часу, как в корзинах уже попискивали золотистые живые комочки.

Не обращая внимания на щипки, ребята осторожно приподнимали гусынь, вытаскивали вылупившихся гусят и заботливо прикрывали их тряпьем.

Только к полночи кончилась работа. Вывод оказался удачным.

Из 160 яиц болтунов было лишь 18 штук, да трех гусят «угробил» Сенька, попробовавший выколупнуть самых последних пальцем.

— 139 штук! — засмеялся Федоров, разгибая спину.

Такого вывода даже кулаки деревенские не имели. Даже у богатея Ульянова никогда больше 60 штук молодняка не было в гусином стаде. А уж Ульянов-то считался первейшим гусеводом на селе.

Ребята просто ошалели от радости. И дома только и говорили о своей победе на гусином фронте. Но не так отнеслись к этому событию крестьяне.

— Чьи гуси-то будут теперь? — спрашивали отцы да мамки.

— Чьи? Ясно — наши!

— Вот — на! Федоров кормил, а вам отдаст? Дурак, что ли?

— Он кормил, а работали?

— Велика работа ваша? Ну, а в крайности — по гусаку даст и квиты!

Смущенные этими разговорами, ребята на другой день рассказали обо всем этом Федорову.

— Слушайте вы их, — с досадой нахмурился Федоров, — они, пожалуй, и не то набрешут. Кто гусей-то развел? Не я и не вы, а все вместе. Стало быть, и гуси у нас общие. И заботы о гусях общие. И барыш от этого дела общий.

И снова завертелись «канпаньоны» в работе. Не успели насмотреться на гусят, как новую работу задали кролики.

С кроликами работа оказалась посложнее. Во время окота надо было потчевать крольчих солью, следить за чистотой воды, смотреть за тем, чтобы крольчихи не разбрасывали детенышей по клетке, а складывали их в гнезда.

В этот день Федоров носился точно сумасшедший.

— Главное, ребята, соль старайтесь придвигать, как начнут котиться! Не то пожрут крольчихи детенышей. Вода чтобы была чистой!

Он летал по двору словно ветер. Надо было присмотреть и за кормлением гусят, и тут боялся опоздать Федоров. Сеньку отрядили следить за кроликами. Все остальные принялись рубить круто сваренные яйца и молодую крапиву, приготовляя для гусят завтрак.

Гусиный завтрак скоро был готов. «Канпаньоны» притащили корзины с гусятами, но не успели приступить к угощению, как под навес прибежал взволнованный Сенька.

— Родят!

Федоров даже подпрыгнул на месте. Схватив Мишку за рукав, он бросился в крольчатник.

— Без меня кормите! От гусят не отходить никому!

Вбежав в крольчатник, Федоров заметался около клеток, покрикивая:

— Мишка, Сенька, глядите в оба! Соль подставляйте! Воды не забудьте!

Мишка дрожал как в лихорадке. Присев на корточки перед клетками и стараясь держаться так, чтобы крольчихи не видели его, он наблюдал за рождением молодых крольчат.

Они появлялись по одному. Это были крохотные комочки, обернутые в пленку. Крольчиха старательно облизывала новорожденных, снимая языком пленки. Потом мордочкой толкала крольчонка в гнездо, и тот сейчас же начинал ее сосать. В это время крольчихе подсовывали под нос соль и воду. Кончив помет, крольчихи разрывали пуховую поверхность гнезда и осторожно прикрывали крольчат брюшком.

Помет кончился удачно. Мишка выскочил во двор и ошалело заорал:

— Готово!

— Сколько штук? — повскакали ребята.

— Не орите! — вышел из крольчатника Федоров. — Дайте передохнуть крольчихам.

— А сколько штук? — шепотом спросил Костя.

— Завтра узнаем!

На другой день выяснилось, что четыре бельгийских «великанши» дали приплод 46 крольчат. Особенно постаралась одна крольчиха, которая окотилась 14 крольчатами. Две самки принесли по 12 штук, и одна — 8 штук.

Приплод белых ангорских был значительно больше. Семь крольчих принесли 75 крольчат.

— Уй-юй-юй! — заюйкал Лешка. — Цельное стадо! Сколько ж это 75 да 46? Стало быть, 70 да 40...

— Сто десять! — подсказал Сенька.

— И пять да шесть — одиннадцать.

— Сто двадцать один, — опять подсказал Сенька.

— Да старых 14.

— Сто тридцать пять! — хором грянули «канпаньоны».

Теперь ребята уже дневали и ночевали у Федорова. На их глазах через пять дней крольчата начали покрываться легким пушком, а на десятый день они уже начали смотреть. Одновременно подрастали и гусята.

И вот появилась тяжелая забота. Надо было серьезно подумать о корме для всей этой ватаги малышей. Крольчихи, обремененные большим потомством, начали удирать от своих прожорливых потомков. В крольчатнике началась борьба за жизнь. Более сильные оттесняли от сосцов слабых, и в гнездах стали появляться маленькие трупы. За первые пять дней пришлось выбросить 8 безвременно скончавшихся крольчат. А еще через день было подобрано сразу 35 трупиков.

— Чего ж они, — чуть не плакали ребята, — дохнут и дохнут...

— Молоко нужно! — вздыхал Федоров. — Хлеб нужен!

В тот же день Федоров обегал полдеревни. Но всюду встретил отказ.

— Выдумщик какой! Придумает тоже: зайцев молоком кормить. Да мы, брат, не хуже зайцев молоко-то умеем пить.

— Маленькие ж они, — убеждал Федоров, — передохнуть могут.

— Ну и пущай себе дохнут на здоровье!

Утром пришлось выбросить еще 19 трупиков.

Катя со слезами на глазах смотрела на мертвых малышей и, не выдержав картины похорон, разревелась и убежала. А через час она вернулась обратно, притащив прикрытую передником крынку молока.

— Стащила, — шмыгнула носом Катя.

Федоров почесал затылок и неопределенно крякнул:

— Вообще-то воровать не годится... Однако и крольчат жалко... М-да!

С этого дня крольчата начали получать ежедневно разбавленное водой молоко и черствый хлеб. Федоров кряхтел, делал вид, что он не замечает ничего, но, однажды не выдержав, сказал:

— Вы того... считайте, ребята, сколько крынок берете... Все-таки отдать надо после.

Смертность среди крольчат прекратилась. Ребята не могли нарадоваться на молодых и юрких кроликов, которые выскакивали теперь из клеток и забавно прыгали в крольчатнике.

— Ишь, скачут! — радовались ребята.

Казалось, тучи миновали, но радость ребят была непродолжительной. Подрастающие гусята требовали по 5–6 раз в день пшенной и овсяной каши, а мешки у Фе-

дорова быстро худели. И скоро пришел день, когда корму осталось на несколько кормежек. Снова пошел Федоров по деревне. Но все его просьбы отлетали, точно горох от стенки.

— Отдам же, — уверял Федоров, — к осени обратно получите! Честное слово, отдам!

— Адам, брат, сто лет жил! Знаем мы это.

Толкнулся Федоров к председателю.

— Выручай, брат! Видишь, дело какое завертываем с ребятами! Дай на ноги встать!

Кардыбин теребил ус и соглашался:

— Дело у вас подходячее... Это безусловно, однако ничем не помогу... Землю твою как безлошадному могу помочь сработать, а с кормом и не проси лучше.

— За землю благодарствую, — вздыхал Федоров.

— Ну, вот! Это я сделаю. А насчет корму — взял бы да объединил свое дело в артель. И денег бы получил авансом, и корму, может, дали бы.

— Думал уж. Да только какие ж артельщики у нас. С сосками еще ходят. А в городе, сам знаешь, на лета обращают внимание. Не посмотрят, что ребята сознательнее взрослых. Напиши-ка, что одному члену артели 8 лет, а другому 11. На смех поднимут. А разве наша вина, что бородачи наши дурни.

— Ну, хоть не дурни, — вступился Кандыбин, — а темный народ. А то еще так скажу: и не темный даже, а тугодумный. Раскачиваются долго.

— А ты бы взял, да и показал пример, — усмехнулся Федоров.

— Я? — опешил Кандыбин и, подумав немного, ответил не спеша: — Раздувай кадило! За мной дело не встанет!

— То-то что раздувай! — осерчал Федоров. — А ты вот помоги раздуть-то! Погреться у огня не хитрая штука, а ты разожги его! Дал бы хоть пуда три пшена, чем тары-бары разводить.

Кандыбин потеребил обкуренный ус и посмотрел по сторонам.

— Вот что, Федоров... Дам я тебе на мешок пшена денег, но с условием: никому чтобы об этом ни слова и чтобы к маю отдать... Сможешь отдать — бери. На слово поверю. Не сможешь — воздержись лучше...

— Что ж, — сказал Федоров, — видно, придется побатрачить в посев... Из казенных даешь?

— Не твое дело!.. Если отдашь, — бери! А спрашивать не спрашивай.

— Беру, — сказал Федоров, — не знаю еще как, но отдам. Себя продам, а деньги верну. Не подведу.

Гусята получили отпуск у смерти.

— Может, и дотянем до выпасу, — неуверенно говорил Федоров.

Но «канпаньоны» не хуже его понимали, что до выпасу корма не хватит. А что всего обиднее, так это была полная беспомощность всех помочь делу.

Загрустили ребята. Ходили по птичнику с опущенными носами, напрасно ломая голову над задачей с кормом. А тут еще новость прокатилась по деревне. Филька, сын кулака Силантия, начал разводить тулузских гусей. Говорили, что сам Силантий привез сыну из города два десятка гусынь и полтыщи яиц от самых чистокровных тулузок.

— Вона, как умные-то делают! — пилила мамка Мишку и Костю. — Умные-то к себе в дом стараются. А вы из дома тащите.

Терпел, терпел Мишка и разозлился:

— Ты больно умная... А чем кормить-то стала бы? Понимаешь ты много!

За эти слова Мишке здорово влетело. Мамка постаралась шлепками по Мишкиному затылку доказать, что она все-таки разбирается в этом деле, но как ни лупила она Мишку, тот остался при своем мнении.

Всхлипывая от обиды, он заснул, твердо убежденный в своей правоте.

А во сне видел возы с кормом и таскал на своих плечах огромные мешки. Из одного мешка вдруг вытянулась рука и ткнула Мишку в бок. Мишка проснулся.

— Проснись-ка, — шептал Костя, толкая Мишку в бок.

— Чего тебе?

— Тише! Спят все!

— Чего тебе?

— Я про гусят хочу сказать... Помнишь, очкастый говорил про корни явера. Вот надумал я набрать его и послать в город. А на деньги корму можно купить.

— Верно, — приподнялся на локтях Мишка, — и время как раз подходящее, чтобы собирать.

До полночи шептались ребята и затихли только после того, как проснувшаяся мамка пообещала «накрутить хвосты полуночникам».

* * *

Федоров встретил предложение ребят выкрутиться из положения с помощью корней явера недоверчиво.

— Выйдет ли толк из этого? Время потеряем, а вдруг зря?

— Дык... Ей-бо, не зря! — убеждал Мишка. — Любая аптека возьмет.

— Не в том дело, что не нужен явер в городе. Приготовить сумеем ли, — вот вопрос.

— Никакой тут хитрости нет! — поддержал брата Костя. — Мы еще не то с очкастым делали.

После недолгих, но горячих споров большинством голосов решено было попытать счастья с явером.

И в тот же день начался сбор и сушка корней.

«Канпаньоны» работали не покладая рук. Взвалив все гусиное и кроличье хозяйство на плечи Федорова и девчонок, остальные «канпаньоны», не жалея своих сил, собирали корни явера, а вечером все вместе резали и сушили корни в ведрах.

— Все ведра испортили! — покачивал головой Федоров.

— Не беда. Другие купим!

В несколько дней было набито корнями аира четыре больших мешка. А дня через два аир отправили в город с Кандыбиным, который отправился по делам в земотдел.

Возвращения Кандыбина ожидали с нетерпением, но скоро другие события заслонили собою все. Однажды к Федорову зашел Прокофий. Встречен он был неприязненно, но это не помешало ему обстоятельно осмотреть все хозяйство «канпаньонов». Он щурил глаза, заглядывал во все уголки, расспрашивал обо всем и не переставая похваливал:

— Толково... Толково устроено... По-хозяйски работаете...

Федоров сначала молчал, но потом не выдержал и завел беседу:

— Поддержки ни от кого нет. Вот беда.

— Это верно, — соглашался Прокофий, — без поддержки действительно трудно.

— Народу бы нам побольше в это дело...

— Правильно, — поддерживал Прокофий.

— То-то, что правильно. А возьми хоть тебя...

— Ну, ну, пошел! — поспешил перевести разговор на другую тему Прокофий. — Ты мне лучше вот что скажи, не уступишь ли кроликов... штук пяток... Больно уж занятная тварь... За плату, конечно... Бесплатно мне не надо... Я, брат, уплачу...

— Нет, — наотрез отказал Федоров, — осыпешь золотом — и тогда не получишь!

— От-на! Чего ж так?

— А так вот... Никакого нам расчета нет кулацкие хозяйства крепить...

Прокофий пожал плечами:

— Чудак человек... Да стоит мне поехать в город — сотню их привезу...

— Ну и привози. А у нас не получишь!

Прокофий ушел усмехаясь, а на прощание даже руку протянул и добродушно сказал:

— Экая ты горячка!

И хотя не подал Прокофий виду, что обидел его отказ Федорова, но по глазам было видно: рассчитается Прокофий, когда придет время.

А время это пришло скоро.

Дня через три после отъезда Кандыбина на деревенском сходе обсуждался вопрос о помощи безлошадным. Секретарь сельсовета Пронин выступил в текущих делах и сказал:

— Есть у нас, товарищи, пять безлошадных. Кто — сами знаете. Так вот... каждый год мы помогаем безлошадным вспахивать землю. Надо будет помочь и теперь...

— Кого пятого-то считаешь? — спросил кто-то.

— Пятый — демобилизованный красноармеец Федоров!

— Ладно! Вспашем!

— Поможем, конечно! Какие могут быть разговоры!

Секретарь наклонился над бумагой:

— Стало быть, единогласно?

— Извиняюсь, — вышел к столу Прокофий, — я тут хотел бы только одно слово... Дело такое, товарищи... Я про Федорова хочу сказать... Конешно, он демобилизованный. Помочь надо. Однако я вот тоже демобилизованный, а миру на шею не сел. Сам управился... Мне, товарищи, лошади не жалко, но только и Федорову совесть надо знать... Хочет запахать, пущай платит. Вона у него какое теперь хозяйство.

Сход загудел. Кулачье начало подзуживать за спинами:

— Орет, что всех умнее, так чего ж дураки на него будут работать?

— Пусть гусей продает и платит. На даровщинку-то каждый бы с удовольствием.

— Нанять может. Чего там!

Федоров растолкал плечами сход и красный от гнева выскочил вперед:

— Мое, что ли, это? Не я хозяин гусям. Ребячье хозяйство. Общее.

— Мое — твое, и твое — твое. Чистая коммуния! — зашипели кулаки.

— Товарищи, — закричал Федоров, — можете не пахать мне! Но только обидно, почему от кулачья это идет. На каком основании кулаки здесь? Кто дал им право командовать?

— Прокофий не кулак! Права голоса не лишен.

— А почему не лишен, ежели у него батрак?

— Не твое дело!

— Убрать его!

— Нет, вре-е-ешь! — закипел Федоров. — Требую, чтобы кулаков убрали сначала. Вона их в угол-то сколь набилось.

— Да мы ж не голосуем! — закричал кулак Силантьев из угла. — Ай, слушать даже нельзя?

— Не голосуешь, так подвываешь там!

Кулаки, пошептавшись, двинулись к выходу, но дело было ими сделано. Сход решительно отказался помочь Федорову запахать землю.

— Это ж верно! Может и уплатить. Очки-то чего тут втирать!

Домой Федоров вернулся взбешенным. Он кричал, топал ногами, разорвал на себе рубашку.

— Ну, подождите... Ну ж я вам... Война? Война? Ну ж я вам! Федорова земля в бурьянах зачичиреет? Ладно! Мы еще посмотрим! Мишка, Сенька! Ребята! Ну, что присмирели?

«Канпаньоны» никогда еще не видели Федорова таким сердитым. Они испуганно жались друг к другу, боясь пошевельнуться, боясь даже дышать, Федоров неожиданно подскочил к ним и охватил их руками:

— Ну, други? Поборемся? Повоюем?

— Ясно! — пробормотал перепуганный Сенька.

Федоров внимательно поглядел на ребят и вытер рукавом пот на лбу:

— Напугал я вас? Ну и дурень! А вы того... Вы, ребята, не бойтесь! Карахтер у меня такой уж гибельный...

Он подошел к кадке и, зачерпнув воды, залпом выпил целый ковш. Потом, подсев к ребятам, повел серьезный разговор. Весь вечер толковали «канпаньоны», а когда беседа была окончена, Федоров сказал:

— Значится, план подходящий?

— Ясно!

— Плант хороший!

— Живет, значит?.. Только, ребята, уговор: до поры до времени ни гугу. Никому чтобы ни полслова... А завтра побываете где надо и шепнете насчет собранья. Зачем собранье — не говорите. Не знаем, мол. Федоров, мол, скажет.

Ребята разошлись по домам. Но в эту ночь все они спали плохо. План Федорова вертелся в голове, разгоняя сон, заставляя ворочаться с боку на бок.

— Что-то будет? Что-то будет?

День начался невесело. Утром ребят ожидала во дворе Федорова крупная неприятность, Федоров ходил по двору мрачный и даже не поздоровался с ребятами. Он молча мотнул головой в сторону завалинки. Ребята глянули туда и ахнули. У завалинки окровавленной кучей лежали гусята и крольчата.

— Чего это? — остолбенели «канпаньоны».

— Собаку кто-то впустил, — мрачно сказал Федоров.

— Кто впустил?

— Кто впустил, — того уже нет! Не поймал!

— Ну, это уже беспременно Филька сделал, — захныкал Мишка.

— Может, и он.

— Он это, я знаю!

У многих «канпаньонов» на глазах навернулись слезы. Как ведь хлопотали, как старались, — и вот все летит кувырком!

— Всех крольчат передушила! — заревел Костя.

Федоров нахмурился:

— Ладно уж. Реветь нечего. Все равно слезами горю не поможешь... Ну, чего нюни распустили?

— Пе-ре-ду-шено-то сколько... Все-е-ех передушила!

— Всех — не всех, а 27 гусят да 16 крольчат и крольчиху одну... А только хлюпать нечего... Птица, когда летать учится, так и то раз двадцать упадет, а нам и вовсе не грешно. Потому крылья наши расти только начали... Ладно, хлопцы, вытирай носы, да примемся-ка за уборку... А потом шпарьте, как вчера договаривались: сход собирать будете.

В тот же день ребята побывали в поле, где пахали батраки кулаков, побывали на мельнице, где работали два батрака, заглянули в кулацкие дворы, переговорили с пастухами на выгоне, а кое-кого из батраков перехватывали на дорогах.

— Федоров зовет... Зайди, дяинька, вечерком!

— Чего ему?

— Не знаю, дяинька. Важное дело какое-то!

— Гм...

— Так зайдешь, дяинька?

— Ладно, там увидим!

Определенного ответа никто из батраков не дал, однако вечером к Федорову на огонек сошлись все деревенские батраки. Они расселись по лавкам и молча сидели, худые и жилистые, с обветренными лицами, одетые в заплатанные зипуны. Никто из батраков даже не поинтересовался узнать, зачем их пригласили. Они сидели, хмурые и неразговорчивые, покуривая цигарки и трубки-носогрейки, равнодушно глядя перед собой.

В избе стало сине от табачного дыма. Много цигарок было спалено, но никто еще не сказал ни слова, не задал ни одного вопроса, а когда Федоров отодвинул стол и кашлянул в кулак, батраки, точно сговорившись, затушили трубки, придавили пальцами цигарки и сняли шапки.

— Братцы, — сказал Федоров, — собрались мы тут вся голь-шмоль канпанья. Ни кола ни двора ни у кого. Где приткнулся — там и дом, что ни камень — то подушка. Про себя скажу, у меня хоть и крыша над головой и земли надел, а только и я недалеко ушел от вас. Лежит моя земля, а ты ее хоть кусай, хоть катайся по ней. Без лошади не много наработаешь. Однако вы слышали, поди, закрутил я тут с ребятами дельце одно, вроде бы подходящее?

Слушатели одобрительно покачали головой.

— Дело подходящее, однако артель наша, — один другого меньше. И организоваться нельзя. Думали мы тут, думали и пришли к одному: порешили перетянуть к себе таких же

бедолаг, как вот я, например. Дело, говорю, наше верное, стоит оно на правильном пути. Дело это раздувай только. А там — в два года перевернем все вверх дном.

Федоров с увлечением начал говорить о том, что можно сделать на этой земле, если дружно приняться за работу, говорил о выгодах коллективного труда, о раскрепощении от кулаков, о будущих дворцах и машинах, которые помогут людям в их тяжелой работе.

— Все это будет, — кричал Федоров, — но только надо сейчас потуже подтянуть животы. Хорошего первое время не ждите. Обманывать не хочу. Может, и похуже придется, чем у кулака, но даром-то ничего не дается. Пока избу строишь — в лесу потеть приходится, да зато уж к зиме в тепле сидеть будешь.

Собравшиеся помолчали. Потом Юся Каменный, батрак Прокофия, прозванный так за свою несокрушимую силу, кашлянул и сказал:

— А жрать-то чего будем?

— Жрать, — задумался Федоров, — насчет жратвы, конечно, туговато будет. Однако при расчете ваши хозяева обязаны вроде бы уплатить хлебом. Такой ведь в деревне уговор.

— Такой-то такой, — сказал старый пастух Кузя, — а только на много ли хватит нашего хлеба? До новины не протянешь! На месяц самое большое, и то, поди, не хватит. И опять же никакого приварка нет.

— Рыбу будем есть! — крикнул из угла Сенька.

Кузя строго посмотрел на Сеньку, однако ничего не сказал.

— Кабы хлеба хватило перебиться — оно конечно, — вставил свое словцо Купцов — батрак с мельницы.

— Хватит, — уверенно сказал Федоров и стукнул для убедительности ладонью по столу, — первое время перебьемся как-нибудь, а там, глядишь, помощь от государства получим... Как только начнем дело делать — тут же примем устав колхозный, а колхозу беспременно в кредит монету дают и даже трактор можно получить... Трактор, конечно, нам ни к чему, потому — земли кот наплакал, однако это я говорю к примеру...

— А жить где? В твоей избе, чать, не поместимся всем кагалом!

— Это пустое, — махнул рукой старый солдат Никешка Кривой, — летом самое разлюбезное дело хуть в землянке, хуть в шалаше. А к зиме, может, дворец построим.

«Дворец» здорово рассмешил всех.

— Вона хватил куда!

— Забавник этот Никешка!

— А что, — развеселился старый солдат, — дворец, конешно, небольшой: в землю — дыра, а из земли — труба, на манер блиндажа, а в дыре сиди вроде бы как хозяин путный.

Собравшиеся захохотали:

— Ну, уж этот Никешка скажет.

— Вострый солдат. За словом в карман не полезет.

— А говорит верно, — почесал голову Кузя, — оно хуть и землянка, а только в этой землянке-то ты сам себе хозяин. По мне так: уж лучше в землянке жить хозяином, чем во дворце на кухне из милости спать.

— Что ж, — сказал Юся Каменный, — терять нам, кроме лаптей, нечего. Попытка — не пытка, а попробовать горького до слез не мешает. Не знаю, кто што надумал, а я сыграю.

— И-эх, пики-козыри, — мотнул головой старый солдат, — сдавай, Федоров...

— Утро вечера мудренее, — надел шапку Кузя, — спать надоть, а там поглядим!

Батраки поднялись с лавок, домовито застегнули зипуны:

— Досвиданьичка пока...

— Так как же? — спросил Федоров.

— А так же. Кто захочет — найдет тебя.

И ушли.

* * *

В Егорьев день, когда по деревне гуляли пьяные и надрывалась ливенка, приехал Кандыбин. Он успел по дороге к Федорову пропустить несколько чарок «горькой» и от того был красный и веселый.

— Беда, — закричал Кандыбин, увидев у федоровского дома столпившихся «канпаньонов», и захохотал. — Обратно корешки-то прислали. Пусть, грят, зайцев кормят.

— А ты толком говори, — потемнел лицом Федоров, протягивая Кандыбину руку.

— Толком?.. Можно и толком, — стал серьезным председатель. Он присел на завалинку и вытянул из кармана толстую пачку денег.

— Вот он, толк-то! — помахал деньгами перед носом «канпаньонов» Кандыбин.

— Наши?

— Ух, деньжищ-то.

— Сколько их тут?

— Сколько? — переспросил Кандыбин и, подмигнув лукаво, произнес с расстановкой: — Семь-де-сят во-семь рубликов. Да письмо еще.

Федоров на радостях схватил Катьку и подбросил ее вверх:

— Ур-р-ра! Ну, Кандыбин, спасибо тебе... Заходи. Приказывай, чем угощать тебя!

Кандыбин усмехнулся:

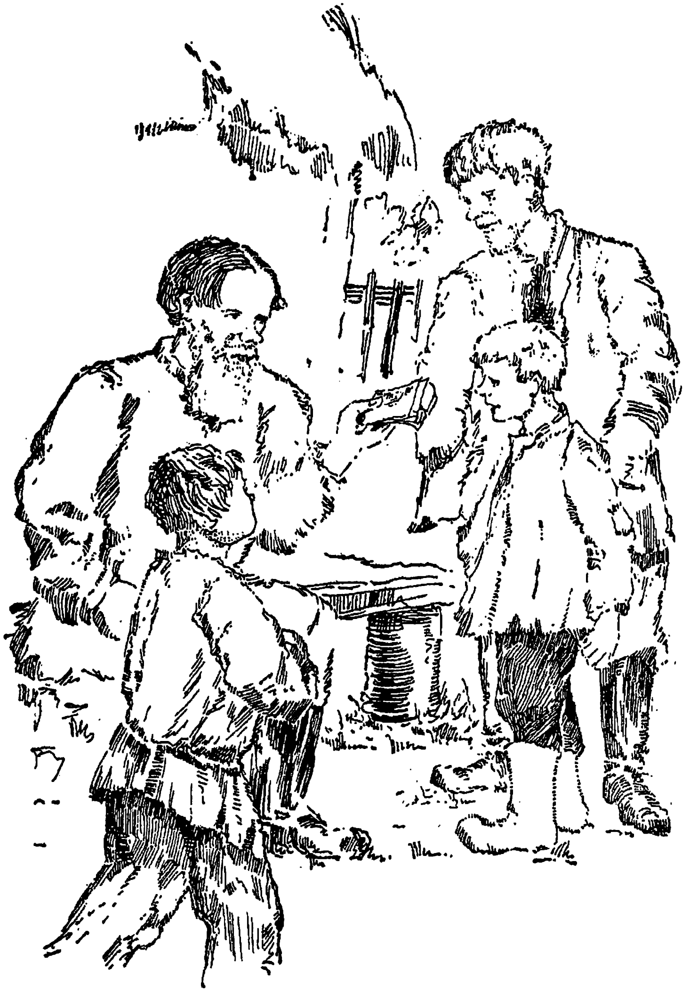
— Должок пока что отдай! А там сосчитаемся!

Деньги, полученные за корни аира, здорово подняли настроение «канпаньонов», но более всего обрадовало их письмо. В этом письме заведующий аптечным складом писал:

«Аир нами получен в удовлетворительном состоянии. Желательно получить корни сонной одури майского сбора, цветы ландыша, можжевельника (верхушки веток). В июне просим заготовить для нашего склада листья дурмана, полынь, листья сонной одури, листья белены, цветы бузины и цветы липы. Мы хотели бы знать, в каком количестве можете вы поставлять на склад перечисленные лекарственные травы. Высылайте своего представителя для заключения с нами договора».

Федоров несколько раз перечитывал это письмо и наконец сказал:

— Здорово!

После этого он достал листок бумаги и карандаш и некоторое время занимался какими-то вычислениями, а когда сунул карандаш и бумагу в сундук, лицо Федорова выражало полное удовлетворение.

— Вот, значится, дело какое! — весело сказал он, рассматривая Кандыбина так, как будто увидел его впервые. — Деньги, что ты нам дал, — возвращаем с поклоном, а только

и двух лет не пройдет, как будет здесь, в этом месте, то исть в деревне нашей... Будет, говорю, социализм... Насчет запашки ты говорил — так ни черта не вышло... Ну, и черт с ней, с запашкой, а только этим дела не остановишь. Никто теперь не остановит нас...

Утром к Федорову пришли девять батраков. А к вечеру вся деревня узнала, что Федоров с гольтепой и неразумными ребятами, которых отцы плохо лупцевали за пустомыслие, организуют не то артель, не то чертову коммунию.

Кулачье, от которых в самую горячую пору ушли батраки к Федорову, рвали и метали:

— Народ мутит! Мальцов, вишь, не хватает ему, так батраков прихватил!

— Морду ему надо бить за такие штуки!

— Скулы свернуть подлецу мало!

Но больше всего интересовались тем, где и как будут жить коммунщики. Любопытство это удовлетворял словоохотливый, веселый Никешка Кривой:

— Под землей станем жить. На манер кротов подземных!

Сказанные Никешкой в шутку слова покатились по деревне, словно горох по току:

— Под землю уходят!

— Подземная коммуния, чтоб им ни дна ни покрышки!

— Вроде бы подземные коммунисты.

И многие при этом ухмылялись:

— Пущай, пущай! Посмотрим только, што из этого выйдет.

— Черт в ступе выйдет! — орали кулаки.

— А может, и толк будет! — задумчиво роняла беднота.

Но то, что вышло из федоровской затеи, вскоре удивило всю деревню.

Часть вторая

Таинственный портрет

Над полями качался жаркий майский день. Глазам было больно от света и зноя. Все живое притаилось в тени от жары, одни только ласточки мелькали неустанно.

В этот знойный час по дороге, залитой солнцем, медленно двигалась группа крестьян, волоча за собой тележку, нагруженную домашним скарбом. Впереди выступал Федоров. Он нес на плечах огромную корзину с кроликами, цепко охватив ее большими, потными руками. За ним шагали ребята с клетками в руках. В клетках беспокойно возились молодые кролики. По бокам телеги выступали шесть батраков с корзинами кроликов на плечах. Никешка Кривой, Кузя и Юся Каменный волокли тележку с мешками зерна, картофеля и круп. От жары у всех взмокли рубахи.

— Стой! — захрипел Кузя. — Куда гоните? На пожар, что ли? Рубахи аж к спинам пристают.

Но Кузю никто не поддержал.

— Ничто! Валяй дальше, — хрипели Никешка и Каменный.

Федоров мотнул головой и прибавил шагу.

Кузя выругался, но так как никто не обратил на него внимания, он сконфуженно забормотал:

— Ну, и черти. С вами, видать, не отдохнешь лишнего часу!

За поворотом дороги, сквозь просветы деревьев, блеснуло синью и солнцем далекое озеро. Федоров зашагал быстрее.

Юся Каменный заржал по-лошадиному и повлек за собой тележку и «пристяжных». Кузя побежал вприпрыжку.

— Эх, ведь разобрало его, дубину! — ругался Кузя, прыгая через камни. Передок телеги подталкивал Кузю в спину, заставляя его бежать, не замедляя хода. Обильный пот лился со лба на глаза и стекал по мокрому носу на усы и бороду.

С озера потянуло прохладой.

— А ну, пошел быстрее. Хозяин овсом накормит!

С этими словами Никешка подхватил постромки и рванулся вперед. Тележка, поднимая пыль, быстро покатилась под гору.

— Озеро! — закричали ребята.

Перед глазами раскинулась водная ширь, ослепительно сверкая синью под солнцем. Зеленый луг, покрытый густым ковром трав и цветов, дышал полынью и медуницей. Никешка снял картуз с головы, подставляя голову под палящие лучи солнца, и зажмурился, словно кот:

— Благодать!

Через луг прошли к перелеску, на незапаханную полосу Федорова. На берегу залива выбрали удобное место, свалили на землю мешки, поставили корзины и клетки с кроликами в тень.

Несколько человек с топорами направились в перелесок, и скоро стук топоров полетел над озером.

Работа спорилась. Юся Каменный, багровый и мокрый, взмахивал топором и одним ударом отсекал молодые ели от корней. Ребята чистили деревья от веток. Федоров и Никешка рубили жерди пополам, затесывали концы и с силой вгоняли шесты в землю. Остальные заполняли пространство между шестами плетнем.

Не прошло и двух часов, как на берегу озера вырос обширный загон. Тогда открыли корзины и клетки, и по загону весело запрыгали кролики.

— Эва, радуются как! — усмехнулся Кузя, вытирая рукавом пот со лба.

Устроив кроликов, Федоров отрядил ребят и Сережку за гусями. Остальные начали устраивать навес для мешков с зерном. А когда пригнали гусей, все бросили работу и смотрели на гусят, которые впервые за свою жизнь должны были плавать. Гусыни с гоготом кинулись в воду. Гусята, смешно переваливаясь, побежали за матками, на минуту остановились перед водой, заметались по берегу и, попискивая от страха, вошли в воду.

— Эк, заработали! — закричал Сережка. — Держи, держи их! — и затопал ногами.

Гусята шныряли из стороны в сторону, отчаянно загребали лапками, но, увидев, что вода не так уж страшна, как им показалось с первого раза, они подняли головы и уже уверенно поплыли за матками, ныряя, отряхиваясь и разбрызгивая воду по сторонам.

— Эти не утонут, — усмехнулся Рябцов.

К вечеру на полосу Федорова перетащили все имущество, все зерно, лопаты, борону и плуг. Никешка развел костер и начал варить кулеш. Вокруг костра растянулись на траве ребята — Кузя, Миша Бондарь, Сережка и Пронин. Федоров с Каменным бродили по берегу.

— К ночи, пожалуй, надо загнать гусей, — беспокоился Федоров. Но Каменный решил, что на одну ночь гусей можно оставить на озере.

— Одичать могут! — хмурился Федоров.

— Ничто! За одну ночь ничего им не сделается!

А когда кулеш был готов, все уселись вокруг котла. Никешка вытащил деревянную ложку и стукнул по краю котла.

— Тащи с мясом! — захохотал старый солдат.

Все засмеялись. И только Федоров нахмурился.

— Зубоскал, — покачал он головой, — все сразу хочешь! А сразу-то и Москва не строилась...

— Это безусловно, — сказал Сережка, черпая ложкой пустой кулеш.

После ужина начали укладываться спать.

Заснули поздно. Многие ворочались с боку на бок, раздумывая о том, какая будет жизньь и заживут ли они лучше, чем жили у кулаков. Вместе со всеми остались и ребята, но с непривычки ночевать на свежем воздухе они спали плохо.

* * *

Мишка вскочил ни свет ни заря. Было еще темно. Вокруг стрекотали кузнечики. Над лесом, за озером, поднималась багряная заря. Мишка разыскал среди спящих Костю и Пашку и, разбудив их, предложил им поудить рыбу.

— Пока все спят — на уху в два счета натаскаем!

Костю послали за удочками. Мишка и Пашка начали искать червей. А когда над озером просветлел край неба и по воде потянулись туманы, ребята сидели в камышах, выдергивая свистящие лески из воды, выкидывая на мокрую от росы траву краснoперых окуней, золотистых лещиков, язей и плотву.

Перед рассветом началось движение.

Первым проснулся Никешка. Вскочив с земли, он побрел к озеру умываться. Увидев ребят и трепыхающуюся по берегу рыбу, Никешка остановился и лениво почесал живот.

— Вот тебе и на, — сказал Никешка, направляясь к ребятам, — а я-то думаю, к чему бы мне попа во сне видеть?! Оказывается, — к ухе!

Никешка подошел к озеру, нагнулся, плеснул пригоршней воды в лицо, вытерся подолом рубахи и, вытянув из кармана складной нож, принялся чистить рыбу.

На рассвете ели уху. Юся Каменный обсасывал косточки и покрякивал:

— Важно... Ей-богу, важно!

Похвалили уху и все остальные.

После завтрака Федоров закурил и сказал:

— Теперь, значится, должен я сказать вот что. Гусей в нашем хозяйстве имеется сто двадцать. Старых, конечно, не считаем. Старых вернуть придется; да за каждого старого по два гусенка придется отдать. Стало быть, остается нам чистых 89 штук. Кроликов у нас 56 штук. Хлеба хватит на два месяца. Разной крупы — месяца на три... Деньгами мы имеем... всех капиталов... сто четырнадцать рублей и 36 копеек. Это, так сказать, хорошо. Однако земля не запахана и вообще... Конечно, плуг у нас имеется, борона, к примеру сказать, тоже есть, а лошади, безусловно, нет и не предвидится... Вот значится...

Федоров бросил папиросу на траву и, притоптав окурок сапогом, поднялся с земли:

— Работать надо... Здорово надо будет работать... Может, с кровью все достанется, однако без работы ни черта не выйдет... Вот уха, к примеру. А ухой — во как можно кормиться... Стало быть, ребята пущай возьмут на себя рыбу, а мы, безусловно, все остальное... Теперь дело такое значится: есть у нас, конечно, деньги. Для общего хозяйства деньги не малые... Однако надо рассудить, на какую надобность затратим мы капитал?

— Что ж, — сказал Кузя, — деньги твои, ты и рассуждай.

Федоров покачал головой:

— То-то, что не мои... Наших денег, то исть ребячьих и моих, семьдесят один целковый, да другие внесли сорок три рубля тридцать шесть копеек... Ну, а как решили мы жить сообща, стало быть, выходят деньги общие и расходы по ним должны сообща обсуждаться.

— Корову надо бы, — сказал Кузя.

— Лучше лошадь! — крякнул Сережка-гармонист.

— Овец бы, — робко вставил Рябцов, который ни копейки не внес в общий котел и потому не считал себя вправе давать советы.

Федоров повернулся к Кузе.

— Корову, говоришь? А на кой ляд она?

— Вот на! Какие ж мы хозяева, когда без коровы будем?

— Пустое говоришь! Одна корова на всех — все равно без пользы. А насчет лошади, так скажу прямо: прокорм дороже станет, потому земли у меня кот наплакал. Овец, конечно, не вредно было бы развести, однако дело наше такое, надо закупать то, что сразу пользу может дать. Мое мнение такое: закупить на все деньги гусей, породистых кроликов и корму... От гусей, к примеру, можно осенних цыплят получить, а кролики до зимы успеют еще два помета дать.

— Будет ли толк-то?

— Будет, — уверенно сказал Федоров, — жил когда я в городе, так там в больницу заходить случалось... Доктор в больнице этой разговорился как-то со мной... Ну конечно, раз больница — стало быть, и больные, а если больной человек, так давай ему нежную пищу. Ну, вот и говорит мне доктор: для больного, грит, кроличье мясо — самое разлюбезное дело... И деньги большие дают за мясо кроликов... Доктор, конечно, седой, однако польза от него может быть большая. А с гусями до столовых податься можно. Там их с руками оторвут... В кооператив опять же... И еще взять, к примеру, пух от кроликов — раз, от гусей — два, мясо — три и тому подобное. Пока что кроликов да гусей надо разводить, а там посмотрим, как быть...

После недолгих разговоров было постановлено купить на все деньги гусей, кроликов и корму. В город решили послать Федорова. Ему же поручили узнать насчет объединения в артель, а Мишка попросил его поговорить подробнее с заведующим аптечным складом.

* * *

В полдень Федоров ушел.

Весь этот день работали, устраивая удобное жилье. Сначала думали строить настоящий дом, но постройка дома потребовала бы много денег, времени и леса.

— С лесом заест. Вот главное! — озабоченно вздыхал Рябцов.

С лесом было действительно скверно.

После того как устроили загон для кроликов, на делянке Федорова осталось всего лишь пять больших сосен.

— Из этого леса дома не выстроишь! — чесал в затылке Сережка-гармонист.

— А землянки ежели наладить? — предложил Никешка.

Миша Бондарь махнул рукой.

— Землянки-то, чать, тоже дерева требуют.

— Это безусловно! — поспешил согласиться Никешка.

— Может, надел имеется у Федорова?

— Надел-то есть, да только двенадцать верстов до наделу! На чем бревна возить будешь?

— А на кроликах! — захохотал Никешка.

— То-то что на кроликах!

Миша Бондарь в раздумье посмотрел на сосны и сказал:

— А что ежели эти сосны спилить на сажень от комеля, а сверху положить досок?

— Ну?

— А бока-то, как? Продувать ить будет!

— Бока плетнем да глиной уделать можно!

— Что ж, предложение дельное! — обрадовались коммунщики.

Работа закипела. Не прошло и часу, как от сосен остались одни стволы немногим выше человеческого роста.

Ребята работали вместе со всеми не покладая рук, в то же время беседуя между собой.

— Меня, — говорил Пашка, — отец драть будет вечером. Бабка говорила.

— За что?

— А с коммунщиками чтобы не путался.

— Ого! — воскликнул Сема. — А у меня наоборот: мене батька слова против не говорит. Ты, грит, ешь там, а домой только спать приходи, а работать заставят, не работай.

Постройка жилья подходила к концу.

Пространство между стволами заделали ветвями и размоченной глиной. Сверху положили горбуши, оставив только проход для будущей трубы. Жилище вышло неказистое, однако в нем было сухо, оно могло предохранить от непогоды

и жары. Единственным недостатком был низкий потолок. Но на это никто даже внимания не обратил.

Никешка из сучьев и жердей сколотил топчаны и поставил их к стенам. Ребята притащили хвою, которую положили на топчаны вместо матрацев. Эти постели покрыли армяками. Рябцов усыпал пол чистым озерным песком, а Миша Бондарь приколотил к стенке портрет какого-то человека в очках и с бородкой.

— Кто это, Маркс, что ли? — поинтересовался Кузя.

— Ну, Маркс! Сказал тоже. У Маркса борода будет погуще, и сам он костью пошире опять же...

— Кто ж это такой будет? — задумчиво протянул Никешка, рассматривая портрет.

— Да я и сам не знаю, — сознался Бондарь. — Тут это у кулака одного случилось служить. Ну, проработал, стало быть, у него два месяца и того... начал просить, чтобы договор заключить. Просил я его честью, а он шум-скандал устроил. Короче говоря, выгнал меня взашей, а заместо платы вот этот портрет кинул в лицо. Плюю, грит, на все законы ваши и ногой на портрет наступил. Вот, грит, жалуйся ступай! Ну конечно, подобрал я этот патретик и ушел.

— В суд бы надо подать!

— Это безусловно. Председатель того совета тоже советовал мне судиться, да только до городу надо ехать 70 верстов. Подумал я, подумал, да и плюнул.

— Дела-а-а! — покачал головой Юся. — И однако, может быть, с какой-нибудь гидры снято?

— Раз кулак ногами топтал патрет, должно быть, с хорошего человека сделан рисунок, — рассудил резонно Никешка.

Так появился на стене первого жилища коммунщиков портрет, который впоследствии чуть было не устроил им крупную неприятность. Если бы знали батраки, чей портрет глядит на них со стены, они, конечно, выбросили бы его вон, втоптали бы в грязь ногами. Однако никто из них не знал других портретов, кроме Маркса и Ленина, поэтому на стене остался висеть портрет незнакомца, который посматривал на батраков колючими, змеиными глазами.

Интересное письмо

На другой день Юся Каменный стоял на берегу озера, внимательно его осматривая и наблюдая за его ровной поверхностью. Внимание Юси привлекал небольшой зеленый островок с двумя чахлыми березами посередине. Островок был отделен от берега проливчиком, шириною в пять-шесть метров. У берега было неглубоко. С берега можно было видеть дно, покрытое мелкой галькой.

— О чем задумался, детина? — хлопнул Юсю по плечу Рябцев.

— Насчет островка, — сказал Юся, — думаю, хорошо бы кроликов определить туда. Сегодня утром засыпали мы корм кроликам, так ходы заприметили под плетнем, а кое-где и плетень прогрызен слегка... Думаю, улепетнут наши кролики, ежели мы их в загоне держать будем.

— Стало быть, на остров хочешь переправить их?

— А плохо разве?

Предложение Юси сообщили всем. Против этого предложения не раздалось ни одного голоса. Особенно горячо поддержали Юсю ребята, которые уже два дня с беспокойством наблюдали за кроликами, пытающимися удрать из загона.

До полдня приготовляли кроликам новое жилье. На самом высоком месте островка поставили клетки, вокруг клеток понатыкали веток с таким расчетом, чтобы они давали тень. Потом в корзинах перетащили кроликов на островок и выпустили их на волю.

Перед обедом купались. Никешка на потеху ребят делал в воде «свечки», плыл «пароходом», изображал лешего и, весело отряхиваясь, хохотал:

— Жрать нечего, да жить весело! Эх, ходи-крути!

Ели уху и кулеш, после чего курильщики забрались на топчаны и, покуривая цигарки и трубки, смотрели вверх, на просвечивающееся сквозь решетчатый потолок голубое небо.

— От того казак и гладок, что поел да на бок, — шутил Никешка, потягивая трубочку.

— Пожди, — засмеялся Миша Бондарь, — это завсегда так на новоселье-то. Федоров приедет, посмотрим, чего запоешь.

— А что — Федоров? Земли ить не привезет в кармане.

— А кролики? Гуси?

— Э, за ними небольшой уход потребуется... Землицы бы! Землица она бы задала работы...

* * *

Однажды вечером, когда все сидели у костра, переворачивая в горячей золе картошку, на озере уныло запели уключины и под веслами заплескалась вода.

— Кто бы это мог в такой час?

Ребята вскочили с мест.

— Наша лодка, — сказал Мишка, всматриваясь в темноту, — вроде бы батька едет.

— Ну, гляди теперь, ребята, в оба! — постращал Никешка. — Отец-то, чать, драть вас едет...

Все с любопытством глядели на батьку Мишки и Кости, который, стоя в лодке, быстро гнал ее одним веслом к берегу.

— Здравствуйте, — сказал батька, выскакивая из лодки.

— Здравствуй, коли не шутишь!

— Присаживайся, гостем будешь!

— Шинпанским угостили бы, да ключ от погреба за рояль упал.

Все захохотали.

— Ох, вострый этот Никешка! Мертвого рассмешит!

Батька смеялся до слез. А потом вытер корявым пальцем слезинки с глаз и сказал:

— Кулачье-то наше с ума спятило.

— А что?

— Да разошлись-то вы все... Время — самый посев, а тут такое дело... Беда! Федорову грозятся ребра поломать... Силантий седни жену в соседнюю деревню послал, чтоб, значит, батрака нанять, а сам в поле поехал.

— Силантий?

— Ну ж, занятная штука...

— А вы что ж, — осмотрелся по сторонам батька, — и шалаши здесь построили? Не у Федорова разве будете жить?

— Ни... Негде там всем... Это одно, а другое то, что здесь будет все наше обзаведение, да и земля — вот она... Под боком лежит...

— Федоров свою избу под чего-то такое нужное хочет приспособить...

— Сушильню там сделаем...

— Однако, — неодобрительно покачал головой батька, — а вы что ж: лежите да покуриваете?

— А ты присоединяйся к нам, ложись рядышком, — засмеялся Никешка.

— Шуткует он, — сказал Кузя, — с кроликами возились да обедали сейчас. Вот и отдыхаем!

— Ну, ну!

Батька поглядел на ребят:

— Ева, какие енералы!..

— А тебе что, жалко? — вступился Никешка за ребят. — Пущай себе живут на свежем воздухе... Буржуи деньги за это платят, а мы их бесплатно пользуем воздухом.

Все засмеялись.

— Ну, вострый черт!

— Ох, уж этот Никешка. Язык у него, будто шило, так и колет, так и колет.

Батька ухмыльнулся:

— Весело живете!

— Капиталов нет, сторожить нечего, оттого и веселы! — сказал Юся.

— Ну-ну!

— Это верно! — подхватил Никешка. — У нашего брата такая уже планида. Веселись себе да поменьше думай.

— Ой ли? — снова усмехнулся батька. — Стало быть, и за дело взялись ради смеха?

— Слушай ты его! — рассердился Кузя. — Он тебе наговорит.

Батька сидел посмеиваясь, а потом приподнялся с земли, вынул из кармана примятое письмо и подал его Мишке.

— Из городу привезли!

Письмо было вскрыто.

— Думали с матерью, деньги в нем, а тут каракули-маракули. Соседу хотели дать прочесть, да ить ты сам грамотный. Читай-ка.

Мишка развернул письмо и, спотыкаясь на каждом слове, прочитал:

> **Дорогие товарищи, Миша и Костя!**
>
> **Наш папа жил в вашей деревне летом и рассказывал, как вы живете и как нет у вас даже пионерского отряда. Об этом мы узнали недавно, потому что лето мы провели в лагерях, а всю осень и зиму наш папа был в командировке. Очень жалеем, что не могли узнать об этом раньше. Но лучше поздно, чем никогда. Напишите нам, как вы живете и какие есть у вас книжки и есть ли пионерский отряд и комсомольцы. Как работает ваш радиоприемник...**

— О! — вспомнил Мишка. — Радио-то сюда перетащить надо...

— Да ты читай, — сказал батька, — посмотри, нет ли чего насчет денег. Может, деньги обещают прислать...

— За что? — удивился Мишка.

— А так просто! Теперь, говорят, в городе страсть сколько этих чудаков.

Мишка посмотрел на письмо и сказал:

— Нет. Про деньги ничего тут не написано.

— А-а! — разочарованно протянул батька. — Ну, тогда я пошел... А вы домой не очень торопитесь... На картошке сидим.

Батька ушел. Мишка собрал ребят и прочитал им письмо. Подумав немного, ребята сообща написали такой ответ:

> **Дорогие товарищи, Кир и Владик!**
>
> **Письмо мы ваше получили и все находимся в добром здоровии, чего и вам желаем. А еще кланяются вам Катька, еще кланяется Пашка, Семка, Коська и я, и еще кланяется Васька и Петька.**

Пионеров у нас тут нет и комсомольцев нет. Один мордобой по праздникам бывает. И еще сообщаем, что мы очень здорово голодали в эту зиму. Власть нам помогла хлебом, но сейчас уже съели. А мы теперь сделали артель. К Федорову, который с нами разводит кроликов и гусей, собрались батраки, и он всем объяснил, как через артель можно дойти до такой жизни, где люди живут в дворцах и все чистые и на обед завсегда щи с мясом, а каша обязательно с маслом, и у всех есть сапоги и штаны. Многие не верили, что может быть такая прекрасная жизнь, и остались у своих кулаков, но шестеро живут теперь артельно. Сейчас мы разводим кроликов и гусей, и ничего у нас еще нет, кроме шалаша, а на обед кулеш и рыба. Но вы не думайте худого про нас. Если нет у нас сейчас ничего, так это с того, что мы еще и работать не начали. Насчет книжек хорошо бы такую, где большими буквами

описано, как ходить за кроликами и за гусями, чтобы давали они больше пользы.

Письмо было прочитано всем и заслужило всеобщее одобрение. Никешка поинтересовался узнать, кто такой папаша этих ребят, а когда Миша сказал, что отец этих ребят — очкастый, Никешка подмигнул смешливо глазом и с дымом выпустил:

— Ну, и выходит, что над вами очкастики шефство теперь взяли. Мармеладу теперь пришлют. Это уж беспременно... Был я еще когда в царской армии при Керенском, так помню — барыни брали шефство. Письма слали. Дескать, дорогой солдатик, посылаем тебе карамельку и желаем успеха... Баловство все это.

— Ребячье шефство это пустое, конешно, — сказал Рябцев, — однако работал я в прошлом году верст за двести отсюда, так там мужики устроили машинное товарищество. Устроить-то устроили, да только того нет, сего нет, да и деньжат не хватает. Вот тут-то и пригодилось шефство. Завод один за деревню взялся. И деньгами помощь оказывали, и ремонтировать машины приезжали... Ух, пошла деревня вверх.

— Чего ж ты ушел оттуда?

— Местность не понравилась мне. Болото кругом. Тоска смертная. Ну, и ушел. А так ничего было. С комсомольцем одним, который приезжал — шеф тоже, значит, подружился я в ту пору крепко. А он по механике был спецом. Ты, грит, Рябцов, оставайся. Трактористом будешь. Однако очень места там гиблые. Сердце гниет, как смотришь. Ну, и ушел оттуда.

Чудесное превращение людей в лошадей

Надел Федорова был равен двум с половиной десятинам. Земли как будто и не много, однако запахать такую площадь без лошади было довольно трудно.

Кузя долгое время бродил по наделу, ковырял землю палкой, а когда вернулся в шалаш, сказал:

— Да он не трогал ее два года! Попробуй-ка разодрать землицу.

— Зато урожай даст хороший после такого отдыха, — утешал Пронин.

Никешка засмеялся:

— Ты сначала запаши, а там и урожай снимай. Урожай-то должон быть хорошим, да вить...

— А ну тебя! — рассердился Юся Каменный. — Толком надо говорить!

— А толк один — пахать надо?

— Пахать не штука, было бы чем!

— А черт! — выругался Юся. — Да что это в самом деле? Будто адиеты стоим, да рассусоливаемся. Чем, чем!? Лопатами перетряхнем — вот чем!

— Напашешь, пожалуй!

— Сколь-нибудь да сделаем!

— Говори, не говори, а от лопаты не уйдешь!

После горячих, но бесплодных споров решено было поднимать землю вручную.

— Ни черта больше не придумаешь! — сказал Юся.

С лопатами в руках двинулись к федоровскому наделу и молча приступили к работе, взрывая землю и разбивая черенками комья. Проработав час, Юся Каменный бросил лопату в сторону и крепко выругался:

— Чепуха, а не работа!

Тогда все выпрямили спины и оглянулись назад. За час работы было перепахано вручную несколько метров, а все упарились уже изрядно.

— Братцы, — сказал Юся, — к черту лопаты. Даешь плуг сюда.

— И трахтор, — засмеялся Никешка.

— Без трактора никак не обойдемся.

Юся Каменный расстегнул ворот рубашки и сказал серьезно:

— Шутить после станем, а сейчас тащите плуг. Я за жеребца. Алешка Рябцов и Мишка Бондарь в пристяжные, Никешка и Кузя на вылете, а Сережка за плугом пойдет.

— Ты что ж, всерьез?

— Какие тут могут быть шутки? Давай, хлопцы, плуг! Нечего стоять!

— Много ли напашем так?

— Попробуем — увидим!

Сережка гармонист засмеялся:

— Ну, которые назначены в жеребцы, айда за плугом!

С шутками и смехом притащили плуг. Шестеро впряглись, седьмой, Сережка-гармонист, пошел за плугом. Веревки врезались в плечи. Лемехи, скользнув по дерновине, вошли в землю, отвернув жирные пласты. Пройдя десяток метров, «лошади» заворчали.

— Вот дак пахарь! — сказал Кузя. — Да рази так пашут?

И тут же Сережку превратили в лошадь, а Кузя встал за пахаря. Но, протащив плуг метров сто, Никешка остановился:

— Эх, Кузя, Кузя... Хорошо, брат, что лошади говорить не умеют. А уж когда б они хоть слово могли сказать, ни один хозяин не взял бы тебя пахать... Ну кто же так пашет? Дай-ка сюда!..

И Никешка встал на место Кузи.

Так, сменяя один другого, они работали до полден. За это время вспахали хотя и немного, но все же больше, чем можно было бы взрыть лопатами.

Тем временем ребята ловили рыбу, кормили гусей и кроликов, Катя варила уху и кулеш.

После обеда работа пошла быстрее, да и работать стало легче. Почти все теперь приноровились к своим лошадиным обязанностям и тащили плуг, как сказал Никешка, не хуже силантьевского жеребца. Глядя на больших, ребята вытащили борону и с хохотом и шутками потащили ее по пахоте, посадив самого легкого изо всех, Костю, на борону вместо груза.

В поле оставались до темноты. Темная нива, окутанная янтарно-желтым светом заходящего солнца, дышала крепким земляным духом, от которого кружилась голова. С озера поднимался туман и были слышны всплески крупной рыбы. Далеко где-то кричали дергачи. Юся, кинув постромки наземь, гаркнул:

— Кончай... Айда в стойло!

Шутка Юси успеха не имела. Все устали до такой степени, что у многих дрожали ноги, и каждый стремился скорее добраться до места и растянуться на топчане.

— А полдесятины, пожалуй, вспахали, — подумал вслух Никешка, шагая по вспаханному полю.

— Ну да! — фыркнул Сережка. — Уж больно ты размашисто пашешь, брат.

Но этот спор никого не интересовал.

— Завтра увидим, — сказал Юся.

Спускаясь с холма, коммунщики увидели костер около шалаша и в багровых отсветах огня лошадь, впряженную в повозку. У костра сидело двое.

— Похоже, будто Федоров приехал...

— А лошадь чья?

Тут Рябцов не выдержал и гаркнул во всю мощь легких:

— Эй, у костра!

— Эге-ей! — прокатился в ответ голос Федорова. — Торопись к ужину, пока мы сами не съели.

У костра сидели Федоров и Тарасов, покуривая городские тоненькие папироски. В стороне стояла лошадь Тарасова с возом разных корзин и мешков.

— Ну, здорово! — вскочил Федоров и начал пожимать всем руки. — Как тут? Ничего? Событий никаких? Ну, ну, садитесь. Ужинать будем. А шалаш тут у вас что надо...

В костер полетели смолистые лапы. Фонтан золотых искр метнулся вверх. На траву бросили два мешка, а на мешки Федоров начал кидать разные свертки и пакеты,

— Мамка с городу вернулась, гостинцев привезла! — захохотал Никешка.

Коммунщики рассмеялись:

— Ну ж, вострый какой, черт! Ничего-то уж он не пропустит!

Посмеиваясь и подшучивая, приступили к ужину. Ели колбасу, консервы, холодец с хреном и пили настоящий чай с крепкими, словно камень, баранками. Пригласили к ужину и Тарасова, но он отказался:

— Благодарствую... Недавно закусывал по дороге.

После ужина коммунщики, несмотря на усталость, не пошли спать, а, усевшись в кружок, повели беседу.

— Выкладывай, Федоров!

— А может, Тарасова отпустим спервоначалу, — предложил Федоров. — Второй раз подвозит меня! И все за спасибо! Неудобно держать-то...

— Сочтемся, — махнул рукой Тарасов, — а торопиться мне некуда. Совещайтесь, я покурю пока.

— Ну, что ж, — сказал Федоров, — коли так — сиди... Я тут коротко... В двух словах... Начну, значится, с мелочей,

а там перейду на главное. Прежде всего приятная для ребят новость. Заходил я к заведующему аптечным складом. Толковал, конечно. Хороший такой человек. Сам хотя и в очках, но, оказывается, коммунист. Как узнал я про это, так все ему и рассказал по порядку. Короче говоря, прислал он книжку, как собирать лекарственные травы и какие и вместо аванса сушилку такую со всеми приборами. Хотел было я сказать, нельзя ли, дескать, деньгами, да уж больно человек хороший. Сует мне сушильню, а сам говорит не уставая. Бумажка, которую получили на той неделе, — правильная бумажка, и можно по ней начать заготовку. Ну, был я, безусловно, в земотделе. Про артель никакого разговора. Когда захочешь, тогда и приезжай оформляться. А вот насчет аванса — потруднее дело будет. Там надо заявленье писать, то да се. Глядишь, пока получишь — дня три потеряешь. А дни-то сейчас вона какие горячие. Спервоначально хотел было я остаться. Думаю, говорят три дня, а может, и в два управлюсь получить, но тут меня надоумил один человек плюнуть на кредиты.

— Богатый, что ли?

— Да не богатый, а такой, вроде бы и не дурак... С деньгами, говорит, хорошо, когда берешь, а отдавать их — ох, как не хочется. В долг, грит, пара пустяков забраться, а вылезать почнешь, калоши теряются. Сам он из коммуны одной. Ну, вот, и говорит мне: ты, грит, на контракцию поднажми. Договора, грит, заключай. В контракции, грит, больше силы, чем в авансах. А главное — процентов выплачивать не надо.

— Это безусловно! Процент хотя и небольшой, однако рублями в крестьянстве не очень то можно кидаться.

— Это хорошо, что от аванса отказался.

— Я так и сам подумал, — кивнул головой Федоров. — Ну, а с контракцией интересное дело получается... Как пошел я по этим самым ходить, аж голова закружилась... Все-то городу нужно, все-то ему давай, сколько дать можешь. Все забрать обещают. Да еще один к другому посылают: иди, грят, вот такому-то, может, тоже полезен будешь... Ну, и дела! Один грит, нельзя ли пудов сто сушеных белых грибов? Другой спрашивает для дубления кожи ивовой коры. Третий

чуть ли не сует деньги в руку: дай, грит, этих кож в каком угодном количестве... Прямо голова кружится... Гляжу — не город это, а пасть такая, открыта широко и зубами щелкает: дай, дай да подай... Рисково живет теперь народ. Все, что ни есть на рынке — под метелку очищает.

— С чего бы это?

— С чего? А с того самого, чего у нас не хватает.

— Н-да! — вставил в разговор свое словечко Тарасов. — Зарабатывать стали в городе оглушительно. По 200 да по 300 целковых некоторые выгоняют.

Федоров подбросил в огонь сухие сучья и сказал:

— Одна беда, контрактовать нам нечего. Требуют вагонами, а то, что мы имеем, — в мешках унести можно... Эх, черт побери, всей бы деревней начать делами ворочать...

— А ты так ничего и не сделал?

— Ну, вот, сушилку дали на аптечном складе. «Плодовощсоюз» дал семян кормовой свеклы, моркови да турнепса... В больнице договор подписал, чтобы кроликов поставлять. Как первую партию в 50 штук привезем — получаем за 50 и за 200 штук вперед... Ну, а теперь скажу, чего я закупил. Привез я еще 20 штук кроликов да 26 породистых гусей, два мешка овса и вот закуску на ужин. Тут и все деньги.

— Овец бы парочку следовало закупить, — вздохнул Рябцов.

— Парочка — пустое дело... Уж ежели разводить, так большими партиями закупать надо, — запыхтел Тарасов.

Юся Каменный рассказал Федорову о переезде кроликов на островок, а потом, перебивая друг друга, все начали рассказывать о том, как весь день они пахали.

— А как выходит? — заинтересовался Федоров. — Ничего? Похоже?

— Запашка глубокая, только тяжело больно.

— Ладно, завтра одним больше будет. Я-то ведь не хуже жеребца. Я ведь сильный. На плечах когда-то бычков таскал...

Кончив затянувшуюся беседу, коммунщики начали разгружать воз. Клетки с гусями и кроликами вычистили тут же,

положили свежую подстилку, рассыпали корму и налили чистой воды.

— Ладно, живет до завтра.

Тарасов, наблюдая с любопытством за работой, чесал затылок, а вскочив на подводу, крикнул:

— По-хозяйски относитесь к добру... Однако завтра приду смотреть, как пахать будете...

И уехал.

Ничего в волнах не видно

Утром Федоров переписал всех на бумагу: больших — на одном листе, малых — на другом.

Получился такой список:

1. Федоров Иван	1. Санька
2. Мих. Бондарь	2. Мишка
3. Кузя Игнатьев	3. Катя
4. Ник. Бубнов	4. Костя
5. Сережа-гармонист Лепкин	5. Семка
6. Юся Каменный	6. Васька
7. Алексей Рябцов	7. Пашка
	8. Петька

— Всего у нас, стало быть, пятнадцать душ, — сказал Федор.

— Хватит!

— Не в том дело, что мало. Надо, чтобы толк был от этого. А не то суетня одна получится... Порядок давайте установим... Я думаю, мы сделаем так: Ваську, Семку и Петьку нарядим удить рыбу. Остальные ребята пускай собирают травы. Катя будет у нас за хозяйку.

Катя покраснела и закрыла лицо руками.

— Дык...

— Чего еще?

— Я ж не умею...

— Врет, врет! — закричали ребята. — Вчера и кулеш и уху варила!

— Ну, коли так, назначаем Катю временной поварихой, а там посмотрим... Остальные пахать.

— Это — да! — сказал Никешка. — Дело теперь колесом пойдет.

— А корм-то кто задаст зверью?

— Эка — голова! — ударил себя по лбу Федоров. — Про главное-то и позабыл. Пожалуй, Кате придется взять на себя и это дело... Или вот что: удить рыбу хватит и двоих, а третий поможет Кате покормить птицу и кроликов. Гусей привезенных пока не выпускайте. Дайте им побольше корму на

сегодня. Кроликов перетащите на островок. Ну, кажется, все... Пошли!

Солнце выкатилось из-за леса, словно пылающее тележное колесо. По озеру заклубились редеющие туманы. Над полями медленно потянулись черные стаи воронья.

На пашне слышалось только кряхтенье. Кузя тащил постромки, открыв широко рот и тяжело дыша, Юся Каменный шел, опустив голову вниз, и волосы свешивались ему на глаза, Федоров шагал, задрав голову вверх. Крупные капли пота стекали со лба на нос.

Пахать было трудно. Земля уже два года лежала необработанной: была она ссохшаяся и твердая; комья ломались, как камни; лемехи при толчках вылетали из земли. Никешка, словно приросший к плугу, пахал усердно, забыв про все на свете. Работа была тяжелой особенно потому, что плуг тащило шесть человек, которые тянули его неравномерно, то ослабляя постромки, то дергая так, что Никешка чуть было с ног не валился. Но твердой и опытной рукой он вел плуг и резал землю, откладывая широкие, прямые полосы.

В полдень на пашню прибежала Катя. Она принесла кулеш и уху и, поставив все это в тень, сказала несмело:

— Идите полдновать, дяиньки!

— Конча-й-а-ай! — закричал Федоров.

Никешка выдернул плуг и, повалив его на бок, расстегнул мокрый ворот рубахи:

— Вот дочку нажить довелось... Ну, спасибо тебе, красавица, спасибо...

Подсаживаясь к котелкам, Кузя посмотрел на девочку и спросил:

— Чья ж это будет?

— А бабки Степаниды! — ответил за Катю Федоров.

— Богомолки, что ли?

— Во-во! Сама-то старая сумашедчая... Крестик себе сделала из прутиков... Целыми днями в бане торчит. На манер святой отшельницы. А девчонку посылала «в кусочки».

Федоров посмотрел на Катю и засмеялся:

— Бабка-то твоя, поди, уже окочурилась без тебя?.. Кто теперь кусочки собирает ей?

Катя отвернулась:

— Ну ее...

— У нас, стало быть, лучше?

Отдохнув немного после обеда, коммунщики снова впряглись в плуг и снова, хрипя и обливаясь потом, потянулись с постромками на шее по пахоте.

После полден приехал Тарасов. На телеге у него лежал плуг, но лемехи были чисты. Видать, Тарасов только-только собрался на пашню.

Увидев Тарасова, Никешка закричал дурашливо:

— Тпру... Стой, вороны удалые!.. Закуривай!..

Глубокая тишина висела над землей. Раскаленный воздух слепил глаза и дышал таким зноем, что все вокруг казалось белым, дрожащим пламенем. Где-то в вышине, недоступной глазу, звенели жаворонки. Небо висело раскаленное и чистое, лишь кое-где в ослепительно-синих просторах плыли редкие облака, словно клочья белого пара.

А на земле пошаливал сухой и горячий ветер, катился по пашне, поднимая сухую пыль, взвивался вверх и поверху летел к лесу, ероша зеленые кроны деревьев.

— Ух, сушит как! — сказал Тарасов, слезая с телеги.

Федоров вытер рукавом проступивший на лбу пот и спросил:

— А ты что же? Не запахал еще разве?

— Свое запахал, — почесал переносицу Тарасов, — ну, и это...

Коммунщики насторожились.

— Однисловом, вам приехал помочь, — выпалил Иван Андреевич, — да только вы не говорите в деревне...

— Дорогуша! — полез Никешка с распростертыми объятиями. — Дозволь к бороде твоей приложиться.

Коммунщики весело переглянулись, а Федоров, улыбаясь во весь рот, подошел к Тарасову и положил ему руку на плечо.

— А что, Иван Андреич, — сказал Федоров, — человек ты одинокий вроде бы, как и мы... Чего бы тебе не присоединиться к нам? Тоже ведь живешь не ахти как. День голодный — два дня так. Ну, вот и давай бедовать вместе.

— Это верно, — сказал Тарасов, — на миру и смерть красна. Только...

— Ну?

— Я уж лучше так подмогу вам, — а там в случае чего, мало ли что может бывать, вы мне подможете...

Уговаривать Тарасова не стали. Время не такое было, чтобы тратить его на разговоры. Нужно было торопиться перепахать землю и начать строить жилье на зиму.

— Ну, спасибо и на этом, — сказал Федоров.

Помощь Тарасова подоспела вовремя. На другой день крольчихи метали второй помет, и для крольчат пришлось устраивать новые вольеры с гнездами.

На пашню уехали Юся, Бондарь, Рябцов и Сережка. К рассвету прибыл и Тарасов. Он начал пахать целину, а коммунщики приступили к перепашке всего запаханного за эти дни.

Федоров и Никешка в это время возились с крольчихами. Кузя мастерил клетки.

А когда крольчихи закончили помет, Никешка и Федоров отгородили кусок островка плетнем и за плетень пересадили всех самцов.

— Вчерашних-то привез которых — тоже будто вот, вот!..

Никешка поймал одну крольчиху за уши и погладил корявыми пальцами ее вздутый животик.

— Чую, шевелятся под пальцем!

— Да они теперь — смотри только, — озабоченно произнес Федоров, — сегодня и то уж одна шерсть начала выдирать из шкуры...

— А это что же, окот? — поинтересовался Никешка.

— Первый признак... Как начала шерсть дергать из себя, смотришь, и гнездо появляется, тут уж наблюдай только... не зевай...

— И плодовитые ж они, дьяволы!

— Коровы бы так несли, — усмехнулся Федоров. — Шути не шути, а четыре помета в год дает крольчиха... Это с толком пометы, а некоторые по 8 да по 10 пометов берут. Только мелчают кролики от этого... Гнаться нам за таким приплодом — не расчет.

— Это верно, — сказал Никешка, — и четырех за глаза... Вона их какая гибель... Промежду прочим, антересно знать, сколько может принести крольчиха самое большее?

— Некоторые семнадцать штук приносят... Да сейчас вот эта, — показал Федоров пальцем на крольчиху с опущенным ухом, — пятнадцать штук подарила. Вона она какая... Еще бы два и полный рекорд!.. То-то ребята обрадуются.

В то время как происходил этот разговор, ребята обливались потом в избе Федорова. Сухой жар смешивался с крепким полынным запахом и душистым сладковатым дыханием цветов. Ребята дышали этим густым, целительным воздухом и, несмотря на утомительную работу, чувствовали себя прекрасно. Легкий аромат ландыша и терпкий дух сонной одури слегка кружили голову, но на такие пустяки никто даже внимания не обращал.

Сняв рубахи, ребята суетились по избе Федорова, перевертывая в сушильне листья и корни, посматривая за термометром, увязывая в пучки подсушенную траву и цветы.

Под потолком, на протянутых во всех направлениях веревках, висели пучки лекарственных трав. Полати, столы, печки и лавки были завалены лекарственными корнями. За эти дни ребята выполнили почти весь заказ склада. Оставалось собрать липовый цвет, который еще не появился на липах, а там уж можно было отправлять заказ в город.

К вечеру, замкнув избу, ребята побежали к озеру, сообщить о конце работы. А тут их ждала другая приятная новость.

— Пока вы с корнями возились, кролики приплодом вас пожаловали.

— Молодые?

— Молодым рано еще! Старые постарались!

— Так они ж недавно котились!

— Эва, — засмеялся Федоров, — да ить четыре помета дают кролики.

— В год? — разинули рты ребята.

— Ясно, в год!.. Однисловом, поздравляю с прибавлением семейства... Ну-ка, угадайте сколько?

— Сто! — закричал Пашка.

— Сто двадцать!

— Двести!

— Ну, ну, уж и двести...

— А сколько?

— Сто шесть штук... Однако все такие крепкие, любо-дорого смотреть.

Другую приятную новость принес с пашни Каменный.

— Кончена запашка! Завтра сеять можно.

— Уже?

— Здорово!

— А ведь завтра и вправду сеять можно! — посмотрел Никешка на бледно-желтый закат. — Утречком засеем, к вечеру, глядишь, смочит... В самый раз сеять!

Решено было засеять гектар картофеля, гектар кормовой свеклы и гектар моркови.

— А хлеб?

— Хлеб?.. Хлеб, братцы, тю-тю... И зерна нет, да и расчета мало хлебом сейчас заниматься... Хлеб покупать придется... А главное, время упустили.

Федоров загнул палец и с расстановкой сказал:

— И было бы зерно, так смыслу нет засевать его. В большом хозяйстве, безусловно, есть расчет. А с нас что? Какая это земля? Огород, а не надел... А тут прямой смысл: картофеля соберем с десятины по меньшей мере полтысячи пудов, да моркови тысячу пудов с гаком, а кормовой свеклы тысячи три-четыре пудов непременно уродится. С таким кормом впору и скот разводить, и птицу откармливать.

В это время вернулся из деревни Сережка-гармонист, который ходил в деревню менять муку на печеный хлеб. Он положил каравай хлеба на траву и сказал:

— Загодя считать нечего... Ты в своем огороде что садил?

— Капусту... А что?

— Да ничего... Свиней кто-то пустил в огород... Все как есть сожрали... Так что, брат, ничего в волнах не видно... Осенью барыши подсчитаем.

Теперь было ясно, что хозяйничать придется нелегко.

— Это еще цветочки, — сказал Никешка, — а чем дальше, тем хуже будет. Кулачье — оно постарается. Увидит, на ноги начнем становиться, — тогда держись только.

Никешка набил трубку махоркой и, закурив, сплюнул в костер.

— Помню, началась это Октябрьская революция. Батрачил я в ту пору в селе Суходолы. Богатое было село. Кулаков что собак нерезаных. Ну, конечно, началась революция. А тут именье под боком... Сам граф как понюхал, чем пахнет, — так в тот же вечер в одном бельишке смылся из именья. А его имущество, безусловно, делить начали. Все поделили. Остался бык племенной. Никак поделить невозможно. Что делать? А про артели или колхозы в те поры еще и слуху не было. Так что б вы думали? Настояло кулачье, чтобы утопить быка. Пущай, грят, никому не достанется... Вот ведь какое отродье жадное!.. Ну, а тут вскоре из города комиссия приехала колхоз открывать. Скот племенной у кулаков поотбирали да передали бедноте да батракам.

— Стало быть, ты уже был в колхозе?

— То-то, что дурак был. Хотел, значится, вступить, а хозяин мой пугать начал. То да се. Однисловом — отговорил меня. Ничего, грит, все равно не выйдет. Лодыри, грит, собрались.

— А вышло?

— Спервоначалу будто и пошло у них все как по маслу. А после началось. То хлеб вытопчет скот, то пожар случится. А то еще скот весь подох от какой-то причины. Кто проделывал — неизвестно, а только вскоре колхоз распался. Самые лучшие наделы и выпас к кулакам перешли. А тут и постройки заодно растащили. Вот какие дела были.

— Что ж, — сказал Федоров, — с кулаками не миновать и нам воевать. Сейчас как на пустую затею смотрят, а расправим крылья — повоевать придется.

— Беспременно схлестнемся с этими гадами! — произнес Юся Каменный. — А федоровскому дому в первую очередь гореть... Послушал бы, как они тебя костят...

* * *

Столкнуться с кулаками пришлось вскоре.

Закончив посев, коммунщики начали хлопотать в сельсовете о передаче им под выпас большого луга, который каждый год за три ведра водки выкашивали кулаки.

В тот день, когда обсуждали это дело, на сход пришли подвыпившие мужики и подняли такой крик, что на всю деревню их было слышно.

— Мирской выпас, — орали подпоенные кулаками, — как хотим, так и воротим!

— Нет нашего согласия!

— К чертовой матери! Пускай болото осушат и пользуются!

— Коли так — поделить лучше!

Особенно старались те, кто привык из года в год устраивать «вспрыскивание» выпаса.

— Ишь, ловкачи какие! Им только дай!

— А они что дали?

— Нажить надо!

— Не давать и только!

— Нет нашего согласия!

Федоров побагровел, жилы на его шее набрякли и посинели, рот нехорошо скривился в сторону.

— Дай слово! — прохрипел Федоров, обращаясь к Кандыбину.

Председатель молча кивнул головой. Федоров встал и подошел к столу. Увидев его, крикуны подняли невообразимый шум:

— К черту!

— Долой!

— Помещи-и-к!

— Фью-ю-ю!

Федоров перегнулся через стол, губы его дрожали от гнева.

Со всего размаха он саданул кулаком по столу и, покрывая шум голосов, заорал:

— Гарлопа-а-а-ны!

Сход опешил.

Передние ряды откатились назад.

— Ну? Наорались? А теперь я скажу.

Сдерживая себя, Федоров сказал, стараясь говорить спокойнее:

— Меня перекричать трудно... У меня глотка пошире вашей будет. Кого хошь переору. Да только дело тут не такое, чтобы орать. Мирской, говорите, выпас? Ладно! Поделить хотите? Ладно! А только какая вам польза от раздела? По аршину на хозяйство урвете?.. Сам знаю, что расчета нет дележку устраивать. Стало быть, что же? Стало быть, выходит, не землю хлопочете?.. Выпасом ведь все равно кулаки пользуются... Ну, а я так скажу: считаете вы себя людьми, а за рюмку водки готовы всякую пакость устроить. Вам что — выпить и только, а нам с этим выпасом — целая жизнь... Подумайте-ка над этим.

Тут встал председатель совета Кандыбин и сказал:

— Дело такое, товарищи. Федоров и батраки с нашей деревни организовали артель птицеводную. По закону какой-нибудь выпас представить мы им обязаны. А тем паче, что других артелей нет и выпасом этим никто не пользуется, а у них под рукою он.

До вечера шумел сход, однако большинством голосов выпас был передан коммунщикам.

По этому случаю разговоров в деревне было немало. А тут еще новость прокатилась по деревне: Филька привез из города бумагу, по которой силантьевские гуси были объявлены племенными.

— Еще артель сбивают, — передавали бабы у колодца, — Филька-то Силантьев с бумагой приехал. А вчера Прокофий да другие богатеи собранье проводили, чтобы свою артель устроить.

Начатое Филькой дело с гусями пошло получше, чем у коммунщиков. Кулаки быстро сообразили, какую выгоду

можно получить из этого дела, а передача выпаса коммунщикам заставила их торопиться. Шесть кулаков, во главе с Прокофьем и Силантьевым, в несколько дней сколотили свою артель и сумели привлечь в это дело не только середняков, но и часть бедноты.

— Пустая была бы затея, не взялись бы — рассыпались кулаки, а зевать нечего. Не такое время, чтобы зевать. Сегодня эти лодыри выпас забрали, завтра, того гляди, — штаны снимут...

На кулацкую удочку клюнуло несколько хозяйств.

— Что ж, — рассуждали многие, — хозяева они крепкие, не то что Федоров. У того, кроме блох, никакой скотины... Не выйдет у него, так хвостом вильнет да и был таков. Побирайся тут после. А это уж серьезные хозяева. Зря деньги не выкинут.

Однако большинство крестьян осталось в стороне, выжидая дальнейших событий. За последние дни, когда посев был закончен на огородах, коммунщиков стали посещать любопытные; заглядывали в шалаш и, усмехаясь, молча покачивали головами.

Некоторые, посмеиваясь в бороды, пытались шутить:

— Зима придет, — прохладно будет у вас.

А в деревне говорили одно:

— Ни черта не выйдет.

Слухи эти докатывались и до коммунщиков, но у них в эти дни шла горячая работа, и на все слухи, как сказал однажды Никешка, плевали они с самого мая и до конца года.

Коммунщики начали строить зимнее жилье. Но в первый же день перед ними встали десятки затруднений. Лес для постройки отвели в 10 верстах от «летней дачи», как в шутку называли свой шалаш коммунщики. А таскать на себе бревна было делом невозможным.

— Придется лошадей нанять, — сказал Кузя.

— На какие шиши наймешь-то?

Ребята предложили отвезти в город высушенные травы и коренья, тем более что заготовка цвета липы уже подошла

к концу. За эту мысль ухватились горячо, но тут попросил слова Миша Бондарь.

Улыбаясь словно человек, который выиграл тысячу рублей по займу, Миша сказал:

— Траву отвезти надо. А только на эти деньги предлагаю купить чего-нибудь для хозяйства...

— Удумал ведь что-то! — догадался Никешка.

Бондарь улыбнулся:

— Выдумка нехитрая.

— Ну, ну, выкладывай!

— И выкладывать нечего. Мое мнение такое: сплавить лес по воде до озера, а с озера на буксир, да лодками подтянуть к берегу. Деньги-то, как видите, сами в карман просятся!

— Вот химик-механик! — хлопнул Бондаря по колену Никешка. — И дело, кажись, проще пареной репы, а мы тут головы ломаем.

На другой день началась работа в лесу. Коммунщики с топорами и пилами отправились в лес, а к вечеру на озере появились ребята верхом на бревнах. По зеркальной глади засновали лодки, и к берегу на отмель потянулись покрытые корою стволы.

Два дня гнали лес по речке. У шалаша выросли козлы. Запели пилы, застучали топоры, весело зашуршали рубанки, выбрасывая свежую остропахнущую стружку.

Федоров уехал в город с лекарственными травами. А когда через два дня он вернулся обратно с Тарасовым, около шалаша уже лежали первые венцы нового сруба. На этот раз Федоров привез двадцать штук гусей и десяток кроликов.

— Разных пород набрал, — как бы оправдывался Федоров, — теперь у нас какие угодно и гуси и кролики. Смотреть надо будет, чтобы не перемешивались, а уж как пойдут, — держись район!

— Между прочим, — сказал Федоров, обращаясь к ребятам, — просили прислать сушеной земляники. Хо-ро-шая цена на эту штуку. Пуда два если отправим, так, глядишь, самых породистых свиней завести можно...

— Хлеба надо было бы купить хоть мешок, — пробурчал Кузя.

— А что?

— Ничего! Жрать скоро нечего. Полмешка муки-то осталось. А крупы и того меньше.

Федоров смутился:

— Может, перебьемся как? Может, на картошке? А? Уж больно порода хорошая попалась!

— Порода — породой, а жрать тоже ить надо. И то сказать: работаем, как волы, а кроме кулеша да ухи ничего не видим.

— Это безусловно, — подтвердил Никешка, — пища воздушная у нас, однако хозяйство растет, можно бы и гуськом кое-когда побаловаться.

— Породистыми-то? — ужаснулся Федоров. — Да мы их, дядя, яйцо к яйцу подбирали. Что ни птица, то — порода.

— На то она и порода, чтобы есть ее, а не в зубы смотреть.

— Я не согласен, — нахмурился Федоров, — пища наша, конечно, ни к черту, однако и это не резон, чтобы корни под колосом грызть... Забирайте уже лучше сапоги мои новые

да пиджак с брюками. Уж лучше их проедим. А хозяйство разорять не годится...

Тарасов при этих словах крякнул и, положив руку на плечо Федорова, сказал спокойно:

— Хороший хозяин... Сам такой и люблю таких.

— Что твоя любовь! — отмахнулся с досадой Федоров.

— А ты выслушай сначала, чего сказать я надумал!

Тарасов оглядел всех, снял шапку с головы и положил ее на траву.

— Значит, такое дело, — погладил он бороду, — присматриваюсь я к вам полтора месяца. И вижу: взялись вы всерьез. Голые, конечно, однако зубастые. По работе вижу. Пахали на себе, а у меня сердце радовалось. Это, думаю, хозяева.

— К чему ты, дядя? — прищурился Рубцов.

— К тому, что вступить к вам желаю!

Коммунщики переглянулись.

— Не врешь? — вскочил на ноги Федоров.

— Коли вру, пущай умру! — усмехнулся Тарасов. — Принимаете, что ли?

Никешка широко растопырил руки и от избытка чувств полез к Тарасову целоваться.

— Дорогуша! Вот удружил-то! Я себе думаю, наставленье он собирается читать насчет жратвы, а он с помощью пришел.

Крепкие рукопожатия растрогали Тарасова. Он моргал добрыми глазами и горячо пожимал всем руки. Ребята сидели в стороне и улыбались. Но никто из них не рискнул протянуть Тарасову руку.

«Руки еще поломает медведь этот!» — думали про себя ребята.

— А с хлебом проживем! — надел шапку Тарасов и, поднимаясь на ноги, добавил:

— Три мешка муки и два мешка крупы разной — все, что имею, — считайте своим... Сколько надо, столько завтра и забирайте. Ну, а устроим избу, переберусь со всеми потрохами и сам... Завтра к утру помогать приеду.

Когда Тарасов ушел, взволнованный Федоров сказал:

— Вот оно! Трогается деревня... Первая ласточка прилетела!

— Медведь это первый, а не ласточка! — засмеялся Никешка. — Вона руку-то мне как пожал. И сейчас не могу очухаться!

Привезенные первыми 20 крольчих дали приплод в 218 крольчат. Теперь в вольерах резвилось четыре сотни молодых и старых кроликов. Уход за кроликами взяли на себя ребята, однако с работой справлялись они с большим трудом, тем более что много времени уходило у них на сбор ягод.

Взрослые почти совсем не помогали ребятам. Строились новое жилье, новые птичники и крольчатник. Неподалеку от озера было отведено место в триста–четыреста квадратных метров. Его обнесли изгородью и устроили в нем небольшие сарайчики, которые образовали, как любил говорить Никешка, гусиную улицу. Сарайчики старательно обмазали глиной, а внутри устроили выдвижные днища и подвесные кормушки.

На островке вырос небольшой крольчатник для самцов и молодняка. Всех же остальных пришлось перевести в другое место, так как островок к этому времени кишмя кишел кроликами. Под новый крольчатник было отведено место около выпаса на холмах. Это был луг, покрытый диким укропом и одуванчиками, самой любимой пищей кроликов. Небольшой ручей протекал вдоль луга, впадая в озеро. Свежая сочная трава обещала обильный подножный корм, несколько молодых березок бросали на землю тень. Это место обнесли изгородью, которую хорошо промазали глиной. Через несколько дней, когда глина затвердела, изгородь стала такой твердой, что кролики скорее поломали бы зубы, чем могли бы прогрызть ее.

В новом загоне появились солидные навесы, из досок-горбушей, а под навесами в несколько рядов встали клетки для разных пород кроликов.

Подвигалась к концу и постройка жилого дома. Но этот дом совсем не походил на обычные дома. Федоров настоял на том, чтобы вместо дома строить теплый сарай, куда на следующий год можно было бы поставить скот.

— Для жилья — другой поставим. Да такой, что весь район ахнет.

Федорова поддержали Тарасов и Юся Каменный.

По плану, составленному Федоровым, все помещения разделили на шесть комнат. Кроме одной большой комнаты, в которой сложили печь, все остальные соединились длинным коридором и были расположены в одном ряду. В этих комнатах решено было хранить хлеб, корм, сено и разные припасы на зиму. Здесь же должна была помещаться лошадь Тарасова.

После постройки жилья и пристроек начались полевые работы. Нужно было окучивать картофель, пропалывать кормовую свеклу и морковь. А тут еще предсельсовета Кандыбин прибавил работы.

Заглянув как-то к коммунщикам, он предложил им взять под землю расположенные неподалеку от выпаса тальники, от которых упорно отказывались крестьяне, так как тальники были густо усеяны кряжистыми пнями.

Коммунщики сначала отказались:

— Какая ж это земля, когда на ней пней, что зубов во рту.

Но Бондарь уговорил всех согласиться.

Кандыбин ушел. Миша Бондарь прищелкнул языком и сказал:

— Дурни! Да рази от этого можно отказываться?

— В пнях же она вся! Чего ж тут хорошего?

— То и хорошо!.. Я вот работал в позапрошлый год неподалеку от одного совхоза, так там тоже была вся земля в пнях. А совхоз взял ее и такой урожай снял в первый год, что не поверите, ежели скажу... По сто восемьдесят пудов пшеницы собрали...

— На пнях-то? — усумнился Кузя.

— Зачем на пнях? Пни повыдергали как миленьких... Пригнали два трактора, и пошла работа! Цепью пень обмотают, потом подведут трактор, зацепят и айда вперед. Трактор рванет, и пень будто зуб гнилой вылетает.

— Ну, то трактором...

— Можно и без трактора, — сказал Бондарь, — жарища сейчас стоит немоверная. Все будто порох. Приложи спичку, и запылает. При такой погоде ежели окопать пни да подпалить их, — в два дня выгорят.

Предложение Бондаря приняли. А через несколько дней над тальниками выросли черные столбы дыма, которые встали над землей, точно дымящийся чудесный лес.

* * *

Пять гектаров земли дымились целую неделю с утра и до утра.

Однажды во время этой работы над полями пронеслась неслыханная еще в деревне песня. Молодые голоса пели:

> Взвейтесь кострами, синие ночи!
> Мы, пионеры, дети рабочих,
> Близится эра светлых годов,
> Клич пионера: всегда будь готов!

К озеру шла группа ребят.

> Будем расти мы дружной семьею,
> Всегда готовы к труду и бою.
> Близится эра светлых годов
> Клич пионера: всегда будь готов!

— Какие ж это будут? — полюбопытствовал Кузя и, выпрямив спину, повернулся в сторону незнакомых ребят.

— Может, шефы ваши? — догадался Никешка.

Мишка и Пашка не вытерпели. Сорвавшись с мест, они кинулись на дорогу.

Издали можно было видеть, как они, прыгая через пни, пробежали поляну и, выскочив на дорогу, остановились перед группой ребят. Мишка и Пашка смешались с толпой. Размахивая руками, они начали о чем-то разговаривать, показывая в сторону тальников.

— Дружки, видать, — сказал Никешка, почесывая пятерней живот.

— Сюда идут! — закричал Васька.

Вскоре можно было различить красные галстуки и веселые лица молодых парнишек, одетых по-городскому. Федоров сдернул с головы шапку и, помахивая ею в воздухе, гаркнул:

— Будь готов! — и тотчас же нестройный крик голосов полетел над тальниками:

— Всегда готов!

— Пионеры, — сказал Федоров и, повернув голову в сторону Васьки и Кости, добавил:

— Ну, эти научат вас уму-разуму. Зубастые, разбойники, растут.

Тем временем пионеры подошли к коммунщикам. Вперед вышел молодой парнишка лет 14 и заговорил, точно книжку читал:

— Товарищи! Мы, пионеры горбазы, узнав через нашу газету «Ленинские искры» о строительстве социализма в вашей деревне, приехали сюда с целью... то есть... приехали сюда...

Парнишка спутался и заговорил другим тоном:

— Одним словом, мы узнали, что ребята организовали здесь птичник. Вот. А поддержки, как нам известно, ни с какой стороны. Вот и приехали. Помочь кое-чем, если сможем.

— А вам привезли инкубатор! — не вытерпел кто-то из пионеров.

Первый пионер оглянулся назад, сдвинул строго брови, но, увидев растерянные глаза товарища, рассмеялся:

— Этот Андрюшка вечно выскакивает, где его не просят.

Торжественная встреча была сорвана. Тогда в дружественной и приятельской беседе, смеясь и перебивая друг друга, гости сообщили о том, как узнали они о птичнике, как собрали деньги и как решили взять шефство над ребятами.

Федоров подтолкнул Мишку вперед и шепнул ему на ухо:

— Ну, рассказывай им. Да не будь таким деревенским. Ну!

Однако Мишка, как и другие маленькие коммунщики, конфузился и поминутно краснел.

— Да вы их к себе пригласите, — сказал Федоров, — хозяйство покажите, ухой угостите. Что вы как деревенские стоите? — И обращаясь к пионерам засмеялся: — Сыпьте, хлопцы, на нашу дачу. Отдохнете там и заодно потолкуете. Пашка, показывай дорогу...

Когда пионеры и маленькие коммунщики ушли, Юся Каменный сказал с озабоченным видом:

— Слыхали про инкубатор-то?

— Про инкубатор как будто явственно было сказано, — кивнул головой Кузя.

Никешка бросил мотыгу и присел на пенек.

— В карманах, что ли, у них инкубатор? Ребята для вежливости сказали или, может, сами не понимают, к чему такое слово. А вы и развесили уши. Чать, инкубатор-то рублей триста стоит... Откуда у малых детей такие капиталы могут быть!

Но Федоров был другого мнения о пионерах.

— Что за слово инкубатор, эти ребята знают. Будь покоен. А насчет средств — тоже помолчать надо. Ты не смотри, что ростом они малы. Муравьи еще меньше, а гляди, какие дворцы себе строят. Дело не в росте, а в том, что кучей они действуют. Их ведь что песку на озере. По копейке сложатся, — хозяйство наше купят... А про инкубатор ежели сказали, — стало быть, надо завтра сарай строить под эту машину.

— Да где ж он у них? В кармане? — не унимался Никешка.

— Может, и в кармане. Может, складной такой. Ты что, знаешь? Я вот в городе насмотрелся на них... Серьезные ребята. На ветер слова не выбросят.

Тем временем на берегу озера началась оживленная беседа городской пионерии с деревенскими ребятами. Вначале маленькие коммунщики конфузились своих бойких гостей, но вскоре освоились и рассказали им всю историю птичника и крольчатника. Рассказ Мишки то и дело прерывался возгласами пионеров.

— А кто этот Филька?

— Кулацкий сын!

— Ну, ну, дальше!

— Зазвал он меня, — повествовал Мишка, — за сарай и дал по зубам. Чтобы, значит, я не говорил никому о деле.

— Вот негодяй! — воскликнул Андрюша Уткин, краснощекий пионер с удивительными голубыми глазами. Эти глаза блуждали где-то, словно Андрюша потерял что-то или о чем-то позабыл и никак не может вспомнить.

— А недавно Филька гусей возил в город и бумагу получил: дескать, племенные у него гуси. Артель сейчас они организуют. Отец его и другие еще...

— Из кулаков?

— Больше из кулаков!

Андрюша Уткин покраснел и, заикаясь, сказал:

— Ну, ребята, этого так нельзя оставить.

— Да не мешай ты! Сиди!

Андрюша притих, но во время рассказа Мишки несколько раз открывал рот, пытаясь вмешаться в повествование. Андрюшу поминутно одергивали, и наконец он притих и сидел, не шевелясь, слушая нехитрый рассказ Мишки.

— Ну, а все-таки вы победили! — не вытерпел Андрюша, когда Мишка закончил рассказ. — Ведь это теперь все ваше? — спросил он, показывая на новые постройки и вольеры, в которых прыгали кролики.

— Наше, — твердо сказал Мишка, — а только до победы еще на жеребце скакать надо. Федоров говорит, — слезы это, а не хозяйство.

Так в разговорах с гостями прошло около часу. Потом все направились осматривать новое жилье, крольчатник и птичник. Сходили в избу к Федорову, где помещалась сушильня.

Больше всего понравились гостям кролики, тем более что гуси очень грубо обошлись с голыми ногами трех гостей, оставив на намять о себе здоровые синяки.

Осмотрев хозяйство, закусили печенной в золе горячей картошкой, после чего Мишка предложил гостям поудить рыбу.

— Вот хорошо-то! — обрадовался Андрюша.

С такой же радостью было встречено это предложение и всеми остальными ребятами.

— Сетями ловить? — осведомился Андрюша.

Мишка мотнул головой:

— Не... сетями тут нельзя. Все озеро в корягах.

Пионеры оказались заядлыми удильщиками. Во время ужения рыбы Мишка вспомнил очкастого и его совет о разведении окуней в Займищенском озере. Он рассказал об этом пионерам и добавил:

— Если бы и вправду можно было пустить в то озеро рыбу, так там сетями за милую душу ловить можно.

Сообщение Мишки заинтересовало пионеров.

Андрюша Уткин попросил слова и взволнованно сказал:

— Ну, ребята, этого дела нельзя так оставить!

И тут же предложил переправить часть рыбы в Займищенское озеро.

— Да посиди ты на месте! — сказал рябой пионер Кротов, подсекая подлещика, и, выбросив его на берег, передразнил Андрюшу: — Ну, ребята, этого дела так нельзя оставить! Что ж, ты сагитировать думаешь окуней: так и так, мол, товарищи окуни. Поскольку вас неудобно ловить здесь сетями, перейдите, пожалуйста, в соседнее озеро.

— Ребята, — закричал возмущенный Андрюша, — Кротов опять глупости говорит!

За Андрюшу вступился Мишка:

— Рыбу не хитро перетащить... Утром мелкоту можно корзинками наловить в камышах, а перенести в ведрах — пустое дело.

— Ну, вот видишь! — торжествующе посмотрел на Кротова Андрюша.

Кротов хотел что-то ответить, но в это время на берегу появился Федоров.

— Будь готов! — закричал он весело.

— Всегда готов! — со смехом гаркнули пионеры.

— Ну, а ежели готовы, — раздевайтесь и айда купаться!

С шутками и смехом все разделись и один за другим полетели в нагретую воду озера. Визг, уханье и крики понеслись над озером и раскатились эхом по всей водяной шири. Федоров уплыл на середину и оттуда пускал могучее:

— Го-го-го-го!

Тем временем подошли и остальные коммунщики. Сбросив одежду, они кинулись, поднимая фонтаны брызг, в воду и подняли веселую возню с ребятами. Один Никешка стоял в стороне, поджимая ногу, как гусь, и, плеская воду на волосатую грудь, поеживался да покрякивал:

— Ух, хорошо! Ну, и вода! Прямо молоко парное.

Потом развели костер и начали варить уху. Пионер Маслов, которого в школе за красный нос дразнили Сургучом, отобрал штук шесть подъязков и попросил соли.

— Я вас угощу сейчас копченой рыбой! — сказал Маслов, потроша рыбу.

Коммунщики переглянулись.

— Ну, ну! Попробуем, угости!

Маслов засучил рукава, ловко втер соль в подъязков, вытащил из кармана кусок бечевки, нанизал рыбу на бечевку и, взяв из костра несколько пылающих сучьев, развел в стороне другой костер. Над костром поставил треногу и к треноге прицепил связку рыбы.

— А сейчас, — сказал Маслов, — давайте чего-нибудь сырого, чтобы дыму было побольше.

Мишка схватил охапку сучьев, подбежал к озеру и, сунув сучья в воду, кинул охапку на костер. Густой дым столбом поднялся к небу.

Пока варилась уха и коптилась рыба, гости и хозяева разговаривали обо всем, о чем только можно говорить после купанья, в ожидании хорошего ужина.

Федоров обратился к пионерам и сказал:

— Вы бы того... этого... Ребят наших сорганизовали в пионеров... Мы хоть сами и неорганизованные, а вот ребятам это надо. Пусть уж они будут по-настоящему советские.

Андрюша взволнованно попросил слова и, не ожидая разрешения, сказал заикаясь:

— Ну, ребята, этого дела нельзя так оставить! Я предлагаю организовать всех без исключения.

Никешка захохотал:

— Верна! Принимайте и меня в пионеры. Ножницы только подарите. Бороду состричь.

Коммунщики захохотали:

— Ну, вострый же этот Никешка. И где он язык, дьявол, точит?

Андрюша покраснел:

— Вас я не говорю в пионеры... Вас в партию надо...

— Эва! — усмехнулся Рябцов. — Тут до партийной ячейки три дня скакать — не доскачешь. Может, кто и рад бы записаться, а куда подашься?

— Но... Это очень странно! — удивился Андрюша. — Раз вы не кулаки, значит, надо в партии состоять. Как же без организации? Ведь это же очень трудно!

— Безусловно, трудно, — кивнул головой Федоров, — но только такое дело еще не ушло от нас... А ребят вы устройте. Ребят непременно надо в пионеры.

— Ни к чему нашим ребятам пионерство, — рассердился Никешка. — Работают они с прилежаньем, работы невпроворот, а касательно того, чтобы под барабан ходить, — пустяковина это.

— Вот неправда-то! — всплеснул руками Андрюша, но Кротов перебил его.

— Вы, дядя, ошибаетесь! — сказал он и, посматривая исподлобья на Никешку, повел речь о пионерах.

Был Кротов красой и гордостью пионеров горбазы. Говорил он хотя и не очень красноречиво, но так увлекательно, что можно было его слушать не уставая.

И Кротов не ударил в грязь лицом. Спокойно и не торопясь он разъяснил задачи пионеров, рассказал про обычаи и кончил свою речь так:

— Мы помогаем друг другу. И это не слова. Мы услыхали вот, что где-то в глухой деревне ребята устроили птичник. Никто из нас этих ребят и в глаза не видел, а как только узнали мы, что помощь им нужна, — сразу же и собрали эту помощь. Правда, ребята эти не пионеры, но по всему видно, что они пионерами будут.

— Да хоть завтра! — сказал Мишка.

— А по мне, хоть и сейчас! — тряхнул головой Пашка.

— Ну, вот, — просиял Кротов, — завтра же и устроим все это дело.

Андрюша, воспользовавшись перерывом, поднял руки вверх и торопливо сказал:

— Относительно помощи. Ну, вот... Привезли инкубатор. В сельсовете оставили. Тащить тяжело. Лошади не было. Очень хороший инкубатор. Керосиновый нагрев. Можно лампами.

Пока к Андрюше тянулась рука, чтобы одернуть его, все это он выпалил не переводя духа. И откровенно говоря, сорвал всю торжественную передачу инкубатора, о чем так долго и горячо говорили пионеры перед поездкой. Но Андрюшин залп доставил большую радость всем коммунщикам.

Никешка подмигнул глазом и, крякнув от удовольствия, протянул Андрюше руку:

— Это да! Это шефы!

Андрюша растерянно оглянулся по сторонам, как бы спрашивая: можно ли пионеру при таких обстоятельствах подавать руку, но так как все смеялись, он решительно пожал негнущуюся ладонь Никешки и сказал:

— Сейчас можно, по-моему!

Тем временем закипела уха. В край котла застучали ложки, а когда в котле показалось дно, Маслов снял с треноги копченую рыбу и предложил угощаться. Сам он не стал есть копченку. Может быть, потому, что боялся собственной стряпни, а может быть, не хотел лишать удовольствия других. Но как бы то ни было, копченая рыба понравилась всем. Кузя, старательно обглодав голову, бросил ее в костер и, вытерев рот рукавом, сказал:

— Скусная, дьявол. Надо будет такую практику почаще иметь!

Над озером сгустилась мгла. Большие майские жуки с гуденьем носились в воздухе.

В деревне кто-то пьяным голосом тянул «мы беззаветные герои»...

Высоко над головами загорались пушистые звезды. И ночной ветер тихо шевелил камыши.

Дымя туманами, дышала мощная грудь земли, и к этой земле припали ребята, засыпая крепким сном.

Керосиновые лампы становятся гусиной мамой

Утром, когда все встали и работали в крольчатнике и на птичнике, Маслов собрал пионеров и с таинственным видом сообщил:

— Товарищи... дело тут нечистое. К гапоновцам попали!

— Ты что, сдурел?..

— Он еще не выспался!

— А ну-ка, дай я щипну тебя?

Маслов, не говоря ни слова, схватил Кротова и Андрюшу за рукав и потянул их в сторону шалаша. Остальные пионеры двинулись за ними следом.

— Это что? — ткнул Маслов в темный угол шалаша.

Ребята просунули головы в дверь. Острый запах прелых листьев и сена ударил крепко в нос. По стенам стояли топчаны.

В углу валялась охапка сгнившего сена. Ребята вошли в полутемный шалаш и в недоумении остановились перед портретом, который глядел на пионеров колючими, змеиными глазами.

— Гапон! — продохнул Кротов.

Андрюша заволновался:

— Ну, ребята, этого дела нельзя так оставить!

— А ты с инкубатором вчера сунулся!

— Прошу слова! — поднял руку краснощекий пионер Бобров.

— Я вношу такое предложение, — сказал Бобров, — потихоньку удрать отсюда, а после разоблачить их в газете.

— А инкубатор куда денем?

— Инкубатор?.. Очень даже просто: организуем в деревне ребят и передадим им.

Кротов подошел к портрету, снял его со стены и, повертев в рукав, бросил на топчан.

— Н-да! — процедил сквозь зубы Кротов. — Гапон и есть.

— Надо удирать! — предложил Бобров.

Кротов посмотрел на него и усмехнулся:

— Эх, ты, пионер?! Куда же удирать, когда тут ребята есть. Наоборот, остаться надо и разъяснить ребятам их заблужденья.

В это время в шалаш влетел Мишка.

— Завтракать идемте!

Пионеры хмуро поглядели на Мишку, рассматривая его точно теленка с тремя головами. Кротов взял портрет Гапона и поднес его к Мишкиному носу.

— А это что у вас за портрет? — спросил Кротов.

— Это?.. Революционный какой-то!.. А кто — и сами не знаем...

— Та-ак, — протянул Кротов, — значит, вождь ваш?

— Ясно — вождь! — твердо произнес Мишка.

Пионеры переглянулись. Андрюша взволнованно крикнул:

— Ну, ребята, этого дела нельзя оставить!

Кротов бросил портрет Гапона на топчан.

— А кто у вас разъясняет про этого вождя? — На слове «вождя» Кротов сделал многозначительное ударение.

— Никто не разъясняет! — беззаботно ответил Мишка. — Портрет этот Рябцову один кулак заместо жалованья дал.

И Мишка рассказал всю историю портрета, удивляясь в душе тому, как можно так долго разговаривать о каком-то портрете, когда стынет уха.

— Н-да! — протянул смущенно Кротов, выслушав историю портрета. — Интересная историйка! — и поглядел неодобрительно на Маслова, который в это время с любопытством начал рассматривать клочок гнилого сена. Остальные пионеры сконфуженно покашливали. Кто-то в задних рядах прошипел явственно:

— Сургуч!

И только Андрюша не растерялся.

— Ребята, этого дела нельзя так оставить!

— Да какого дела-то? — посмотрел Кротов на Андрюшу.

— А чтобы кулаки вместо жалованья портреты разной гидры давали! Я предлагав разоблачать в газете.

Мишка, не понимая, в чем дело, смотрел с удивлением то на одного то на другого и наконец спросил:

— Уху-то будете есть?

— Будем, Миша! — ответил за всех Кротов. — А портрет вы этот выкиньте вон. Это же портрет врага народа.

Хлебая уху, Кротов рассказал коммунщикам все, что он знал о Гапоне, и предложил уничтожить портрет, но коммунщики только посмеялись над этой историей.

— Не гож оказался? Ну так в костер его!

* * *

Пионеры пробыли четыре дня. За это время они успели побывать в деревне, поговорить с ребятами насчет организации пионерского отряда, но тут им определенно не повезло. Ребята хотя и слушали пионеров, но сами не выступали, а когда Кротов предложил записываться, Филька закричал:

— Эва хитрые какие! Не поддавайся, ребята! Утекай, пока не поздно!

Собранье разлетелось, словно мякина под ветром.

Пионеры пытались еще раз созвать собранье, но ребята каждый раз улепетывали так, что только пятки сверкали.

Тогда Кротов и Маслов попытались связаться с ребятами через учительницу. Но и тут не повезло. Учительница — старая грымза — жевала губами и сердито посматривая на пионеров поверх очков, пришепетывала:

— Ничего не знаю... В мою программу не входит...

Посмотрели пионеры на иконы, перед которыми горели затепленные заботливой учительницей лампадки, и, решив, что здесь они поддержки не встретят, ушли, как говорят, несолоно хлебавши.

Обозленные неудачей, пионеры целые дни проводили среди коммунщиков. За время своего пребывания на берегу озера они успели сбить крепкое звено пионеров из маленьких коммунщиков, ловили в камышах корзинами мелкую рыбешку и перетаскивали ее в ведрах в Займищенское озеро. Маслов и Бубнов, главные техники и механики шефского отряда, возились с инкубатором, разъясняя Мише Бондарю и Федорову, которые особенно заинтересовались «машинкой», совсем нехитрое устройство аппарата для искусственного высиживания цыплят.

Бубнов так и сыпал учеными словами:

— Телетермометр... Регулятор теплоты... Магнитное реле... Угольник-кронштейн... Термостат. Регулировочный винт... Вакуум...

Несложный механизм инкубатора был усвоен вполне и Бондарем и Федоровым. Бондарь даже удивился, когда пионеры закончили свое объяснение.

— Слова тут только мудреные, а так, ежели по совести, проще пареной репы аппаратик. Однако до чего же человеческий ум доходит!

— Верно ведь простой? — обрадовался Маслов и тут же откровенно сознался: — Мы перед отъездом хотели специальные курсы пройти, как обращаться с инкубатором. А как начали его изучать, так уже через три часа могли его собрать и разобрать с завязанными глазами.

В день отъезда пионеров кролики увеличили население вольеров на 193 кроличьих головы. Андрюша волновался и уговаривал всех не говорить слишком громко, потом попытался успокоить одну крольчиху прикосновением руки, но

разъяренная крольчиха так мотнула головой, что Андрюша поспешно отдернул руку и начал торопить всех с отъездом.

Провожали пионеров до деревни, а когда подвода тронулась и красные галстуки поплыли обратно в далекий и невиданный ребятами город, даже молчаливый Кузя забормотал что-то вроде приглашения приезжать почаще.

— До свидания! До свидания!

— Пишите! Приезжайте!

— До следующего года!

— Миша! — кричал Андрюша, стоя на коленях в телеге. — Пиши, как рыба будет жить в новом озере.

Густые облака пыли скрыли пионеров.

Тогда по деревне пронеслась неслыханная песня и покатилась в дремные поля:

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы, пионеры, дети рабочих.
Близится эра светлых годов;
Клич пионера: всегда будь готов!

Оставшиеся ребята подхватили:

Будем расти мы дружной семьею,
Всегда готовы к труду и бою.
Близится эра светлых годов;
Клич пионера: всегда будь готов!

Пионеры уехали, оставив как след своего пребывания: звено пионеров, инкубатор и книги. Для хозяйства особенно ценным оказались книги по кролиководству. Пригодилась и небольшая брошюрка об устройстве и работе инкубатора.

Обычные работы, которыми занимались коммунщики, ежедневно шли своим чередом и подвигались вперед. К концу июня перепахали тальники, но так как зерна для посева не было, да и сеять яровые было уже поздно, решено было пустить все пять гектаров под турнепс. Одновременно началась усиленная заготовка и сушка ягоды. Работой были заполнены все дни с утра до наступления сумерек.

Вечерами по окончании работ, когда жаркий день сменялся приятной прохладой и с озера начинал дуть легкий

ветерок, коммунщики проводили время около костра. Тут они толковали о работах на завтрашний день, рассказывали о своей трудовой жизни, строили планы на будущее, а порою пели песни. Вечно веселое настроение Никешки постоянно оживляло эту семью еще недавно совсем чужих людей, которая была теперь спаяна самой тесной дружбой и согласием.

* * *

В начале июля решили «пустить в ход инкубатор». Для пробы заложили 50 яиц, которые тщательно очистили от всякой грязи. Даже самые маленькие пятна смывали чистой тряпкой, смоченной в теплой воде. Долгое время пришлось выбирать место для инкубатора, так как во время инкубации аппарат не должен подвергаться даже самым незначительным сотрясениям. Все это заставило построить на высоком месте, вдали от жилья и дороги, особый сарайчик, инкубаторий.

О затее коммунщиков вскоре узнала деревня. Многие сначала не верили, что есть такой аппарат на свете, и считали разговоры про инкубатор пустой болтовней. Но когда несколько человек побывало у коммунщиков и потрогали инкубатор руками, деревня поверила, и тогда потянулись любопытные посмотреть своими глазами диковинную машинку.

Некоторые выражали твердое намерение присутствовать при закладке в инкубатор яиц, а старый дед Онуфрий решил проследить высиживание от самого начала до конца.

— Три недели ить придется ждать! — предупреждали Онуфрия коммунщики.

Но дед только моргал красными веками да приговаривал:

— А зато без мошенства! Зато своим зраком увижу посрамленье божье!

Коммунщики махнули на деда рукой.

— Ладно, коли так. Сиди. Может, помощь от тебя увидим.

А чтобы дед не сидел без дела, поручили ему промывать каждую неделю фланель, вынимать ежедневно на 10 минут яйца и через день перевертывать их на другую сторону. Дед сопел носом, хмуро посматривал на коммунщиков и на все охотно соглашался.

— Ладно, ладно! Все исполню в точности, однако нет моей веры, чтобы без бога живая тварь появлялась на свет. Не должно быть такого.

Скажем прямо, выполнял Онуфрий порученное ему дело добросовестно. Не досыпая по ночам, дед подкручивал керосиновые лампы, поддерживая температуру, перевертывал яйца, мыл фланель и за три недели как будто и глаз не сомкнул.

— Не испортил бы он почина-то нашего? — беспокоился Рябцов.

Но Федоров держался другого мнения:

— Этот не попортит. Этот в точности все исполнит, что нужно, потому бога испытывает он. Так сказать, на опыте проверяет: есть бог ай нет.

Ровно через три недели началось проклевывание. Дед Онуфрий, словно очумелый, примчался в барак в три часа ночи и всех поднял на ноги истошным криком.

— Стучат! — орал Онуфрий. — Стучат ить!

— Кто стучит?

— Дьяволы ваши стучатся!

Смекнув, в чем дело, коммунщики быстро натянули на себя одежду и сломя голову кинулись в инкубаторий.

К утру проклюнулось 43 гусенка. Онуфрий растерянно смотрел на гусят, мигал в недоумении красноватыми веками, а потом осторожно посадил на негнущуюся ладонь крохотный желтый комочек, который беспокойно крутил головой и попискивал, и хрипло просипел:

— Та-а-ак!.. Керосин, стало быть, заместо бога...

Качая головой, Онуфрий смотрел на цыплят, не веря своим глазам:

— Ну, и дела-а-а... Ну, и работа-а-а!

И, обращаясь ко всем, спрашивал:

— Неужто жить будут?

— Будут, дед!

— Вот те и бог! — развел руками дед и неожиданно для всех захлюпал носом. По сморщенному лицу его на сивую бороду закапали частые слезы.

Птичий дед приехал

После первого выводка гусят коммунщики решили «зарядить» аппарат сотней яиц.

— Управимся ли? — беспокоились Юся Каменный и Сережка-гармонист.

— Ничто. Справимся! — уверенно отвечал Федоров.

А тут и помощник неожиданный появился.

Однажды вечером, когда в бараках начали уже укладываться спать, кто-то загремел в сенях, и хриплый голос крикнул:

— Кто тут люди живые?

Послышался сильный стук в стену.

— Откройте, господа-товарищи!

Чьи-то руки шарили по стенам, нащупывая дверь.

Никешка соскочил с койки и открыл дверь.

Через порог шагнул дед Онуфрий и, сняв шапку, поклонился в пояс.

— Почтенье честной компании, — сказал Онуфрий, разглаживая бороду.

— Садись, коли пришел. Гостем будешь.

Появление Онуфрия в такой поздний час заинтересовало всех.

Было ясно одно, что пришел Онуфрий в такое время неспроста, а случилось, очевидно, что-то очень важное, что пригнало его сюда из деревни.

— В деревне все на месте? — не утерпел, чтобы не задать вопроса, Никешка. — Дома по-старому стоят ай крышами вниз повернулись?

Онуфрий снял с головы шапку, положил ее на колени, потом достал из кармана гребешок и, не спеша расчесав бороду, ответил:

— К вам, стало быть, пришел. Проситься, стало быть...

Сунув гребешок в карман посконных штанов, дед приподнялся со скамьи и неожиданно отвесил всем низкий поклон:

— Примите, люди добрые, за хлеб на работу.

— Что это ты говоришь несуразное? — удивился Тарасов. — От такого хозяйства, как твое, и в батраки вдруг? Шутить надумал?

Дед почесал в смущеньи затылок.

— Выперли меня из своего хозяйства-то...

— Как так?

— Очень даже просто. Из-за бога и выперли...

— ?

— Вся семья супротив меня встала... Где, грят, потерял бога, — туда и ступай. А бога-то у вас я оборонил.

Онуфрий весело посмотрел на коммунщиков и спокойно сказал:

— Шестьдесят пять годов молился я богу. Бывало, лбом бьюсь об пол. Все, думал, от бога. Всякая живая тварь, думал, по божьему слову появляется. А тут машина. И таково это мне стало обидно. Не поверите даже. Пришел это я домой, снял иконы да топором раз, раз. Ой-юй-юй, что тут случилось. Старуха моя хлобысь меня ухватом. Сыновья — цоп по горбу. Ах, грю, дубины вы стоеросовые! Ну, однисловом, три дня повоевал будто на войне настоящей. А седни попа привели. Ходит патлатый и дымом меня кадит. Заблудшая, грит, овца. Опомнись, грит. Сам, грю баран ты, а я тебе не овца. Ну, а к вечеру выперли меня.

— Т-ца, — прищелкнул языком Никешка, — вот тебе и дед, а говорят, — старые за веру крепче молодых держатся. Вона какие у нас старички-то...

— Что ж, — сказал Федоров, — я думаю, никто против тебя не пойдет... Принимаем, что ли, деда в свою артель?

— А чего же его не принять?

— Места всем хватит.

— Принять, конечно!

— Какой разговор может быть?

Дед Онуфрий повеселел:

— Ну, и спасибочко. А уж я, будьте в покое, во как стану стараться... Только я хотел попросить вас всех пристроить меня к аппарату этому. Заместо химика буду у вас...

— Ай понравилось?..

— Занятно больно. Машина — и вдруг такое дело... А промежду прочим, антиресно бы знать: есть ай нет такой аппарат, чтобы телят, к примеру, выводить или другую какую живность?

Все рассмеялись. Онуфрий смутился и зачесал затылок.

— А по-моему, какой же тут смех? Раз до птицы дошли, должны и другое достигнуть...

— Достигнут, — засмеялся Федоров, — а ты, дед, вот что; принять мы тебя принимаем, но не за хлеб, а как равного. Однако какое имущество имеешь, должон передать в артель. Завтра же проси выделить тебя.

— Да раз на то пошло, — ясно, выделяться надо, — кивнул головой дед, — горшка своего разбитого не оставлю этим дубинам.

* * *

Через несколько дней сытая коняга бойко подкатила к баракам. Дед Онуфрий слез с возка и, кряхтя да охая, начал сгружать свое добро и переносить его в бараки. К вечеру Онуфрий привел корову.

— Ох, и лаялись же они! — сообщил дед, покачивая головой. — В старое, грят, время в сумашедчий дом бы тебя отправили. А я, грю, на старое время плевать хочу, а только в новое время из сумашедчих домов здоровые сами выезжают.

И очень довольный своим ответом, Онуфрий смеялся до слез.

Так появился в артели птичий дед, который целыми днями возился около инкубатора и даже, как передавали ребята, разговаривал с инкубатором, словно с живым существом.

Федоров отвез в город сушеную землянику, а на вырученные от продажи деньги купил пару племенных подсвинок. За разведение свиней особенно стоял Тарасов. Да и остальные голосовали дружно за свинью.

— Без свиней какое же это хозяйство?

— Никак невозможно без свиней.

Теперь артель уже имела пару лошадей, одну корову, пару свинок, свыше 600 кроликов и около 200 штук гусей. Но это богатство не улучшило жизнь коммунщиков. Они попрежнему питались ухой и кулешом да копченой рыбой, которая появилась на столе после отъезда пионеров.

В июле кончились запасы хлеба. Была на исходе и крупа. Кое-кто стал ворчать. А вскоре начались споры, нередко переходившие в брань. Никешка и Кузя, при молчаливой поддержке большинства, требовали продать хотя бы три сотни кроликов и сотню гусей, а на вырученные деньги купить хлеба. Федоров и Тарасов противились этому всячески.

— Ставь на большинство! — шумел Кузя.

— Зорить хочешь? — бесился Федоров. — Очумел, знать, дядя? Бились, бились, да снова начинать? Ты подумай-ка, голова, ежели мы продержимся еще немного, — золотом покроемся. Не продавать гусей надо, а стараться получить осенний вывод.

— Я про старых не говорю. Старые пущай остаются. А молодняк к чему беречь?

— Вот на, — злился Федоров, — так к чему же было волынку всю эту затирать? Неужто собрались мы крохоборством заниматься? Стало быть, режь, жги, пали, — потому головы у нас дурные. А я так скажу. Молодняк держать надо. Ежели выдержит у нас кишка, так посадим сразу не двадцать — тридцать гусынь, а полторы сотни. Ну-ка, сосчитай вот. Ежели каждая даст выводок в среднем по 10 штук, то гусиное стадо какое будет? Ведь полторы тысячи штук!?

— А инкубатор без толку будет стоять?

— Хватит работы и для инкубатора... А ждать, пока вырастут инкубаторные, да пока то да се, — нет никакого расчета.

— Ладно! А кроликов чего жалеть? Вона их какая уйма. Сотни три не грешно и продать было бы! Считай по два целковых, и то шесть сотен огребли бы. Тут не то что хлеб, а и одеться могли бы. Вона как потрепались все.

— Кроликов продадим, но не раньше осени! Кончим уборку — и за кроликов примемся. Подкормим их, да и в путь-дорогу!

— Верно говорит Федоров! — поддержал Иван Андреевич. — Сейчас какая кролику цена? Пустяки! А подкорми его, — по три целковых, не меньше, можно будет взять. Потому — порода у нас действительно редкостная. На убой и продавать грешно такую породу.

Споры переходили в брань.

Особенно горячие схватки начались, когда мешки с хлебом стали тощие, а крупа покрывала днища кадок на один палец.

— Ну? Что теперь скажешь? — напирали на Федорова Никешка и Кузя.

Федоров спокойно смотрел на них и так же спокойно отвечал:

— Ничего не скажу! Турнепс надо собрать. Посидим на турнепсе до нового урожая.

— Скот корми турнепсом.

— Люди мы или свиньи?

— Мало что, — хмурился Федоров, — всего бывает на свете.

— Так, значит, голодом нас морить хочешь?

— Сам с вами одно ем! Не разносолами питаюсь! Вы турнепс, и я турнепс.

Кузя с кулаками полез на Федорова.

— К черту такую лавочку! У кулаков работал, и то меня турнепсом не кормили!

— Не нравится — уходи!

— И уйду.

Дело дошло до того, что однажды Кузя собрал свои вещи и попросил расчета.

— Какого тебе расчета? — удивился Федоров.

— За проработанное!

Федоров улыбнулся:

— На кого ж ты работал?

— На черта! Вот на кого! Давай расчет!

— Ты не ори, — спокойно ответил Федоров, — тут хозяев нет, чтобы расчет тебе давать. А если хочешь уходить, — забирай все, что принес, и сматывайся.

— Ладно! Давай тогда долю мою. Дели все.

— И делить не будем. Пока живешь, — все твое, а уходить вздумал, — уходи! Только из хозяйства хвоста кроличьего не получишь! Не для того заводили все, чтобы делить через год.

Кузя остался. Но настроение у всех было неважное. Работали теперь уже не так усердно, а за обедом проклинали турнепс как только могли.

Штаны и коровы

После уборки хлеба с тарасовского надела и с полосы деда Онуфрия в артели снова появи́лся хлеб.

Работа пошла веселее. Коммунщики как будто позабыли о раздорах и схватках. Возвращаясь с полей, иногда затягивали песни, а Никешка выскакивал вперед и шел вприсядку, приговаривая скороговоркой:

> Дома нечево кусать,
> Сухари да корки,
> По-ошла плясать,
> Скидавай опорки.

Федоров и Тарасов возили в город кормовую свеклу и турнепс. Ребята направили как-то насушенных белых грибов.

— Помнишь, говорил про грибы-то? — спросил Мишка. — Может и дадут какие-нибудь деньги.

На грибы никто даже внимания не обратил, но когда Федоров вернулся обратно и сообщил, что грибы купили по 5 рублей за кило, — коммунщики ахнули от изумления.

— Пять рублей?

— Ври больше!

— Не может этого быть!

— За такую дрянь и по 5 целковых?!

— Во те и дрянь! А эту дрянь подавай только!

Коммунщики попали в полосу грибной лихорадки. Теперь уже не только ребята, но и взрослые попеременно уходили с рассветом в лес и возвращались оттуда, сгибаясь под тяжестью огромных корзин. Для резки и сушки грибов пришлось выделить двух человек, которые потели в федоровской избе до поздней ночи.

Тем временем приступили к откорму кроликов. Юся Каменный, Миша Бондарь и Сережка целые дни строгали и пилили, приготовляя особые клетки. Решено было откармливать три сотни кроликов. А для этой оравы нужно было заготовить три сотни клеток. Каждая клетка делалась

с таким расчетом, чтобы кролик не имел лишней жилплощади, а сидел бы спокойно на своем месте, обрастая жиром. Смастерив клетки, их убрали под особый навес, который предохранял кроликов от яркого солнечного света, и поставили так, чтобы кролики не видели друг друга.

* * *

Дед Онуфрий, «высидев» третью сотню гусят, с большим огорчением должен был прекратить свою полезную работу на инкубаторе, так как гусыни к тому времени прекратили носку яиц. Даже пегие поммернские гуси и даже белые романские, стяжавшие себе славу своими способностями нести самое большое количество яиц, даже эти гуси перестали нестись. Дед Онуфрий поделился своим горем со всеми.

— Вот ить беда! — сокрушался Онуфрий. — В самый только скус вошел, а тут такое дело. И чего бы этому химику не выдумать заодно искусственных яиц?

Выход из положения нашел Тарасов:

— А курей ежели попробовать?

Онуфрий заморгал красными веками:

— Что ж, и курей, пожалуй, можно бы. Яиц в деревне — сколь хошь. Только... не пробовал еще курей-то высиживать, — простодушно сказал он.

Все расхохотались:

— Ну и дед-забавник! Он, стало быть, за наседку себя считает?

Но, посмеявшись вдоволь, решили попытать счастья с курами, а через пару дней Онуфрий уже возился около инкубатора с керосиновыми лампами.

К концу августа в артели снова начались раздоры. А однажды дело чуть было не кончилось дракой.

В этот день Федоров и Тарасов вернулись из города, куда была отвезена последняя партия кроликов. Веселые и сияющие, они собрали всех в бараке и начали отчитываться:

— Стало быть, товарищи, по случаю окончания торговых дел хочу я перед вами отчитаться. Ну, вот, значится, за кормовую свеклу и за турнепс выручено нами 200 рублей, за откормленных 300 кроликов по 2 р. 10 к. штука — 630

целковых, да за восемьдесят кроликов, проданных на племя, по 4 р. 50 к. штука, — 360 рублей, а всего одна тысяча и сто девяносто целковых.

— Это — да! — с удовольствием сказал Рябцов. — Не зря попотели.

— По скольку ж это на брата? — поднял глаза в потолок Кузя и быстро зашевелил губами.

— Как это на брата? — удивился Федоров.

— Очень даже просто! Зима придет, — одеться не во что никому!

— Это верно, — сказал Юся Каменный, — насчет одежды позаботиться не мешает.

Федоров улыбнулся:

— Что вы точно дети на самом деле? О штанах горюете, а про хозяйство не думаете даже. Керосин нам для инкубатора надо? Надо! Засеять землю надо? Надо! А где зерно? Стало быть, и тут монета нужна! Но это пустое дело. А главное — расширяться нам нужно.

— Верно! — поддержал Тарасов. — Мы вот с Федоровым присмотрели коров... Ах, братцы, коровы чудесные! Слоны, а не коровы! Вымя по полу стелется. Красота! В племенном рассаднике высмотрели таких... Были мы с Федоровым у заведующего. Толковали. И знаете: такое дело. Ежели внесем сейчас тысячу, а другие две тысячи в рассрочку на два года, так целых двадцать голов получим, стадо.

Заметив движение среди собравшихся, Иван Андреевич поспешно добавил:

— Вы не думайте, что цена им такая. По 150. Нет, шалишь! Потому только нам и отпускают за такую дешевку, что артель мы, а так единоличнику — будьте добры — 200 целковых коровка. Вот случай какой редкостный.

— Так что ж? Коров будем куплять, а сами без штанов бегать?

— Не дело это! — сказал Сережка. — Коровы будут стоять, а мы болезни наживать станем из-за того, что раздетые... Обождут коровы...

— Ну, одну-две чего не купить! — засопел Юся Каменный. — А чтобы все деньги вбухать, так это смехота одна.

— Ребята, не дурите! — побледнел Федоров. — Не будьте детьми!

— Это ты оставь, — закричал Миша Бондарь, — мы для того живем коммуной, чтобы голыми не ходить. А так на кой мне черт спину ломать, ежели я хуже стану жить, чем у кулака? Ты, Федоров, брось свои штуки.

Пререкания перешли в ругань, а кое-кто уже и рукава начал засучивать.

— С кровью выдерем свои деньги!

Федоров кричал, ругался, грозил, но это только подливало масло в огонь.

Вот, вот, того гляди, одна минута — и затрещат ребра.

— Ну, ладно! — сказал Федоров, стиснув зубы. — Ладно, дьяволы! Делить так делить! Сколько нас человек?

Начали считать. Насчитали девять человек.

— Вот и вся недолга, — цвиркнул слюной Никешка, — стало быть, по сотне с гаком на брата... Одеться можно с фасоном.

— Так девять насчитали? — усмехнулся Федоров. — А восемь ребят не посчитали?

Кузя выскочил вперед.

— Что ребята? Какие такие это работники? Хлеб только ели!

— Хлеб ели? — скривил Федоров рот. — А я скажу так: раз все вместе работали, — всем поровну и давать. Ребята своими травами да корнями, может, на ноги помогли нам встать. Без ребят половины не было бы, что сейчас имеем.

— Ну, — смирился Кузя, — ребятам по целковому на гостинцы. За глаза будет.

— Дудки, брат! — скрипнул зубами Федоров. — Покулацки поешь, дядя. А уж ежели на то пошло, так за ребят я горло порву любому. Ай забыли, с чего мы начали? Семь кроликов да четыре гуся, — вот все и хозяйство наше было. Денег гроша ломаного не имели. А сейчас что? Двор скотиной забит. Корму на два года имеем да денег более тысячи. А кто создавал все?.. Ребята свой капитал гусями внесли да кроликами, а вы что дали? Я не к тому говорю, чтобы укорить, а напоминаю просто!

— Ребята — дольщики! — сказал Юся Каменный. — Их обходить не годится.

Остальные промолчали.

— То-то и оно! — продохнул Федоров. — Ну, стало быть, делим тысячу на 17... Выходит это... По пятьдесят, что ли? Ну, вроде пятидесяти рублей с чем-то... Ладно. Теперь считайте. Керосин нужен? Нужен! А вот хлеб мы будем есть Иван Андреевича и деда. Так им, что ж, по-вашему: тоже пятьдесят? Хлеб ихний, значит, бесплатно будем есть?

— Мне за хлеб ничего не надо! — сказал Тарасов. — А деньги сейчас трогать не гоже. На ноги спервоначалу надо встать покрепче.

Дед Онуфрий присоединил свой голос к Тарасову.

— Эх, милые, по крохам собирали богатство, а ворохами выкидать хотите. Ай не знаете, што на большой капитал и доходу больше получается?

Все молчали. Федоров, увидев, что победа остается на его стороне, сказал спокойно:

— Зиму пробедуем как-нибудь, а потом как махнем да как двинем. Держись, район... Не то что одежду, а при калошах в сухую погоду ходить станем. А кому надо, и зонтик купим... Давайте-ка ложиться спать.

Шесть пятниц на одной неделе

О раздоре среди коммунщиков узнали в деревне. Но к этому раздору деревня отнеслась по-своему. Правда, кулаки хихикали и руки потирали довольно:

— Вон оно! Дело только начали, а уже вон как пошло... Головы чуть не поотрывали друг другу. Коммуния?!

Но большинство крестьян иначе заглянуло на это дело.

— Тысячами ворочают! — передавали один другому. — Вот те и гольтепа.

— Сказывают, Федоров пять тысяч в банк хотел положить, однако остальные не дали. Коров будут куплять цельную сотню и трактор.

— Неужто тысячами ворочают?

— А ты думал как?

— Вот тебе и зайцы!

— Зайцы! Да за этих самых зайцев, говорят, хлеще чем за овец город платит.

На другой день к Федорову прибежала мать Пашки и подняла такой тарарам, что и не передать даже.

— Куда деньги девал? — кричала Пашкина мать, наступая на Федорова. — Думаешь, несмышленый парнишка, так его обмануть можно? Думаешь, вступиться за него некому?

— Да в чем дело? Что орешь-то? — удивился Федоров.

— Ты не крути! Я тебе не Пашка! Меня не обманешь! Не таковская!

— Ну, что тебе надо?

— Деньги давай! Долю Пашкину отдай! Пятьсот целковых!

Федоров положил свою ладонь на лоб Пашкиной матери.

— Здорова? Голова не болит?

— Уйди! Не трожь, дьявол!

Она отскочила в сторону.

— Давай деньги, Федоров! Честью тебя прошу!

Пришлось вызвать Пашку.

— Какие деньги? — спросил его Федоров.

— Не знаю!

— Пашка! — закричала мать. — Обманывают они тебя. Дитятко ты мое бедное! Работал, работал цельное лето, а этот жулик себе в карман все сунул!

Она схватила Пашку за руку и потащила за собой.

— Не дам я издевки творить над сыном! Собирайся, сынок! Идем! А ты, — погрозила она пальцем Федорову, — ты еще попляшешь. Тебе это не старый режим. Славу богу, и суд у нас имеется на таких сплотаторов.

Пашка вырвался из рук матери и хмуро сказал:

— Никуда я не пойду. Мне и здесь хорошо!

— Верно, Пашка! — кивнул головой Федоров. — Куда ты пойдешь от своего хозяйства?..

Пашкина мать подняла крик, погрозила Федорову судом и умчалась к председателю просить защиты.

В тот же день ребята получили от своих шефов письмо и книги.

Вот что писали пионеры:

> **Дорогие товарищи!**
>
> **Как вы поживаете? Как идут ваши дела? Напишите, как работает инкубатор и что вы сейчас делаете? Мы собрали для вас книги и посылаем их вам. Прочтите всем вслух книжку с красной обложкой «Робинзон Крузо». Очень интересная книга. Обязательно отвечайте. На следующее лето мы приедем к вам помогать работать.**
>
> **С пионерским приветом.**

Далее следовали подписи.

Так появилась в артели увлекательная книга о жизни Робинзона Крузо, которую по очереди ребята читали вечерами в бараке.

Керосиновая лампа бросала желтый свет на стены, и по стенам ползли тени сидящих вокруг лампы. Во время чтения коммунщики сидели тихо, стараясь не шевелиться. А если кто-нибудь откашливался, в его сторону повертывались головы, и в бараке катились предостерегающее шипенье:

— Ш-ш-ш!

Особенно внимательно слушал Никешка. Охватив кудлатую голову руками и положив локти на стол, он смотрел горящими глазами в рот читающего и, быстро шевеля губами, беззвучно повторял каждое слово. Федоров задумчиво смотрел на потолок. Кузя, склонив голову набок, уминал пальцами табак в трубке, не решаясь закурить, чтобы не пропустить ни одного слова.

Сережка, поджав под себя ноги, сидел на топчане, вытянув голову и блаженно улыбаясь.

Юся Каменный молча лежал на топчане, сложив руки на животе, слегка шевеля носками.

В напряженной тишине звенел голос читающего, унося слушателей в диковинную страну, на пустынный, необитаемый остров.

> «Всякая работа шла у меня очень медленно и тяжело. Чуть не целый год понадобился мне, чтоб довести до конца ограду, которой я вздумал обнести свое жилье. Нарубить в лесу толстых жердей, вытесать из них колья, перетащить эти колья к моей палатке — на все это нужно было много времени. Иногда у меня уходило два дня только на то, чтобы обтесать кол и принести его домой, а третий день на то, чтобы вбить его в землю. Я этим не смущался и продолжал свою работу».

Керосиновая лампа коптила, но увлеченные чтеньем коммунщики сидели не шевелясь.

Укладываясь спать, они обсуждали прочитанное, спорили и досконально разбирали поступки Робинзона.

— Не потерялся парень, — говорил Никешка, стаскивая сапоги, — за это люблю... Хоть один остался, а рук на опустил. Молодец!

— Товарища бы ему, — вот завернули бы дело!

— Н-да... Одному не ахти как ловко!

Появление Пятницы было встречено с восторгом.

— Теперь вдвоем они наворотят делов!

Не нравилось только то, что Робинзон превратил Пятницу в слугу. Этого уж никто не одобрил.

— Ишь ты, сам в беде, а другого слугой делает.

— Дурак этот Пятница. Послал бы его к черту — и крышка.

После этого к Робинзону охладели, однако книгу дослушали до конца. Никешка несколько дней пребывал в раздумье, а как-то раз во время обеда поделился своими мыслями со всеми:

— Ежели смотреть в корень, так выходит, мы тоже вроде Робинзона будем. Из ничего ить кадило раздули!

— Зато — вона сколько нас, Агафонов! На что ни навалимся гуртом, под руками горит. Нам бы такой остров, мы бы его за год в рай превратили.

— А много ли нас? — откашливался Тарасов. — Хозяйство растет, а руки не больно растут. По две было у каждого, по две и осталось. Эх, братцы, нам бы теперь десяток Пятниц, — горы свернули бы...

С появлением в артели коров появились новые заботы. Коммунщики, разрываясь на части, работали с утра и до поздней ночи, не зная отдыха даже в праздничные дни.

— С ног валимся! — жаловались некоторые.

— Сдохнем на такой работе! — угрюмо ворчал Кузя.

Федоров видел, что так долго не протянуть. Он подолгу совещался с Тарасовым, ходил в деревню, беседовал с мужиками о колхозе и возвращался обратно хмурый и озабоченный. Вернувшись однажды из деревни, Федоров собрал ребят и заявил:

— Беда, хлопцы... На полгоры взобрались, а дальше хозяйство не пущает. Тяжело стало карабкаться. Без подмоги ежели, так улитками придется ползти...

Ребята молчали.

— Надо что-то делать, — сказал Федоров, — дальше так нельзя. Ерунда получается.

— Ясно — ерунда! — кивнул головой Мишка.

— Ну вот... Думал я тут, думал и надумал такую штуку: отцов вам надо тянуть в дело... Матерей тащить надо...

— Я батьке говорил... Не идет! — сказал Васька.

— Мой ни в какую! — сказал Петька.

— И мой!

— И мой!

— Знаю! — нахмурился Федоров. — А только надо нам попробовать с другого конца подойти... Вы вот что, ребята... хозяйство наше сами видите какое... На тысячи рублей теперь потянет...

— Ясно! — подтвердил Мишка.

— А хозяева этому хозяйству вы сами... Вот вы и потолкуйте об этом дома. Скажите батькам, что имеете. Ежели, мол, поделить теперь все, так рублей по триста на каждого достанется... Про долг помолчите... Про долг говорить не следует... А ежели, мол, батька, ты не хочешь к нам итти, так и я выхожу вон... И доля моя пропадет, мол.

После этого собранья Федоров устроил второе совещание. Собрав всех остальных, он без лишних предисловий заявил:

— Надо, товарищи, что-то делать. Сами видите, с ног сбиваемся. Надо действовать. Я вот предлагаю устроить день колхоза. То есть не день, вечер... Сегодня, как кончим работу — пойдем в деревню. Кто к одному, кто к другому. Кто кого знает, пусть тот того и обработает. В деревне имеется еще семь батраков. Этих надо непременно затащить. Будете говорить что, — напирайте на хозяйство. Сюда тащите, — смотрят пусть все. Насчет турнепса, который лопали недавно, — помолчите. Зря трепать языком нечего. Что было, то было. На коров больше упирайте. Десять, мол, племенных. Насчет всего остального — после объясним. Но напирайте. Нажимайте по совести, потому без людей — зарез нам. Не размахнешься без людей никак.

В тот же вечер коммунщики расползлись по деревне. Дома остались дед Онуфрий, Миша Бондарь, который вот уже третий день страдал зубной болью, и Катя. Все остальные двинулись собирать друзей и товарищей.

— Кто больше приведет, — смеялся Никешка дорогой, — тому премия. Два вареных турнепса.

Дружный хохот подхватил слова Никешки, а Кузя хлопнул его по плечу и, кашляя, сказал:

— Ну, вострый, черт! На всякий-то случай у него смешинка запасена.

— Этот уж приведет! — уверенно произнес Сережка.

— Да уж будьте в спокое!

* * *

Однако не повезло Никешке. Ему не только не удалось никого перетянуть в артель, но даже поговорить с батраками не сумел Никешка. Когда поймал он у ворот силантьевского дома батрака Кучеренко и начал угощать его табаком, на двор вышел сам Силантий. Увидев Никешку, он подошел к нему и ухватил цепкими руками за плечи:

— Ты чего... Что надо? Куда прилез?

Силантий стучал зубами, брызгался слюной и от гнева задыхался, будто в гору бежал:

— Уйди! Уйди от греха!

— Но, но, потише! — сказал Никешка, снимая со своих плеч руки Силантия. — Не воровать пришел к тебе... А постоять у ворот с товарищем не запретишь.

Силантий затрясся от злости.

— Волк тамбовский тебе товарищ! Почем я знаю, зачем ты пришел. Может, поджечь меня по злости хочешь?.. Коммунщик чертов! — И, повернувшись к Кучеренку, сказал: — Иди-ка, милый... Поужинаем да спать. Вставать завтра рано.

Когда они уходили, Никешка крикнул вдогонку:

— Заходи, Кучеренок, поболтать... Дело к тебе есть...

Но вряд ли услыхал Кучеренок приглашение Никешки.

Такая же неудача постигла и других коммунщиков. И только одному Кузе повезло. Возвращаясь обратно, он встретил на дороге человека, который, поравнявшись с Кузей, остановил его и, сняв шапку, спросил вежливо:

— А будьте добры, товарищек...

— Ну? — остановился Кузя.

— Будьте добры сказать, как тут пройти до Прокофия Микулина.

— До кулака Прокофия? — переспросил Кузя и, оглядев с ног до головы незнакомца, кашлянул: — А ты кто ж такой будешь? Родственник или как?

Незнакомец кивнул головой:

— Вроде бедного родственника. В батраки приглашен...

— А-а! — протянул Кузя и, подумав немного, сказал: — С чего ж ты это вдруг надумал?

— В батраки-то? Да как сказать?.. Спортом решил заниматься. Очень уж меня тянет к физкультуре, когда в брюхе кишка за кишкой гоняется.

Кузя добродушно рассмеялся:

— Вострун, оказывается. Вот бы вам с Никешкой вместе...

Кузя почесал затылок и сказал:

— Не знаю, как тебя звать-то...

— Семеном Петровичем...

— Ишь ты, — удивился Кузя, — Семеном, да еще Петровичем. Длинный какой. Так вот, Семен, парень ты, видать, оборотистый, а нам таких подавай только... Ну, так... Как бы тебе это сказать... Однисловом, шагай за мной. Там тебе расскажут, что надо... я и сам бы рассказал, да язык-то у меня не тово... Не приспособлен к разговору... Больше насчет еды он у меня действует...

— С тобой итти? — нерешительно произнес Семен. — А кто тебя знает, какой ты есть человек. Может, ограбить думаешь дорогой. Может, последнюю блоху у меня сопрешь?

— Шутник, — засмеялся Кузя, — так пошли, что ли?

— Что ж с тобой делать? Итти так итти, как говорил один помещик, удирая в октябре из России.

* * *

Коммунщики сидели в бараке, хмуро переговариваясь о неудаче.

— Поймал я одного, — рассказывал Юся Каменный, — поговорил, конечно. Так и так, дескать, не хочешь ли с нами работать...

— Ну?

— Э, — махнул Юся рукой, — рази мало дураков среди нашего брата? Я ему одно — он мне другое. Сколь, грит, платите. Я ему: дескать, весь мир можешь забирать. А он грит: три рубля положите в месяц, — пойду, а так не согласен.

— Вот дубина!

— А я тут одного улещал, так тот еще дурнее оказался, — сказал Сережка, — у вас, грит, пока-то что будет, а тут два целковых в месяц будто из банка получаю.

— Глупый у нас еще народ!

— Верно! — усмехнулся Федоров. — А только за примером ходить недалеко.

Коммунщики вспомнили недавнюю ссору и замолчали. Никешка полез в карман за табаком и, виновато улыбаясь, сказал:

— На свете всего бывает... Конь о четырех ногах, да и то спотыкается, а несознательному на двух и оченно даже трудно.

— Кузя, главное, шумел... А мы что?

В это время распахнулась дверь и через порог шагнул Кузя, а следом за ним вошел Семен.

— Вот он! Легок на помине!

— Смотри, никак привел кого-то!

Кузя бросил шапку на топчан:

— Пятницу притащил!.. Знакомьтесь!

Семен снял с плеч мешок, положил его у порога и сдернул с головы приплюснутый картуз. Черные вьющиеся волоса упали на широкий лоб, под которым светились внимательные, немного насмешливые глаза.

— Добренького здоровья, товарищи!

— Здравствуй!

— Поставь мешок-то к столу. У порога мокро. Вымочишь еще что!

— Это верно! — подхватил мешок Семен. — Золото мокроты не любит. Плесневеет очень.

— Ишь ты, богатый, стало быть?

— Отцовское добро таскаю. Тысяча и сто тридцать семь блох, пуговица да вязальный крючок, полтора гвоздя да щетина порося.

— Разговорчивый какой!

— Не бойся, дядя, это не заразная болезнь!.. А между прочим, кто же вы будете? Народу много, а на столе ничего не вижу. Цыгана, что ли, похоронили?

Сережка подтолкнул Никешку в бок:

— Ну-ка, тяпни поострее! Пусть наших знает!

Никешка подумал и сказал:

— На крестины собрались, да вишь ты, младенца дождаться не можем. Загулял где-то с получки.

Все захохотали.

— Вот ишь вострый какой! — вскричал Миша Бондарь.

Но Семен только головой покачал:

— Эх, брат, у нас под Оренбургом от таких шуток верблюды горбатыми стали.

И все рассмеялись снова.

Так состоялось знакомство. А когда в бараке начали укладываться спать, Семен, стаскивая с ног сапоги, спросил деловито:

— Так я, значит, с Никешкой завтра за дровами еду?

— Эге! — сонно протянул Федоров и, закутавшись с головой в шинель, захрапел на весь барак.

* * *

Утром прибежала Пашкина мать. Увидев Федорова в крольчатнике, она подошла к нему и, поправляя на голове платок, сказала:

— Ты что? Сердишься на меня?

— Что ты, что ты, тетя? — замахал руками Федоров. — Да рази можно на тебя сердиться? Первая женщина, можно сказать, на деревне, а я стану сердиться. Наоборот. Мы тут все время к себе хотим пригласить тебя.

— Взяли бы да пригласили! — усмехнулась Пашкина мать. — Может, и пойду!

— Пойдешь? — удивился Федоров, делая вид, что ему неизвестно, зачем пришла Пашкина мать. — Хотя почему бы тебе и не пойти?.. Мы тут всегда говорили: Федосья Григорьевна, мол, умная баба. Не хуже любого мужика понимает, что мед слаще редьки. Уж ежели, мол, первой и войдет к нам в артель, — так непременно Федосья Григорьевна.

Польщенная этими словами, Пашкина мать так хорошо улыбнулась, будто расцвела вся. Резкие черты ее лица смягчились. По губам поплыла ласковая улыбка. Федосья Григорьевна вздохнула и сказала:

— Давно вижу, что дело вы тут делаете, и завсегда всем говорила: будет толк. Это хоть у кого спроси.

Федоров промолчал. Он знал, как костила коммунщиков Феодосья Григорьевна в деревне, как всем перемывала она косточки, но об этом решил забыть и не вспоминать никогда.

— Ну, а коли так, — весело сказал Федоров, — милости прошу к нашему шалашу.

Через несколько дней в артель влилось еще четыре семьи: родители Мишки и Кости, мать и тетка Семки, отец и дядя Петьки, отец и бабка Васьки.

— Вот оно когда пошло! — ликовал Федоров.

— Шесть пятниц на одной неделе! — подхватил Никешка, который с приходом Семена острил теперь чаще, чтобы удержать за собой славу как о самом остром на язык человеке.

Тараканы начинают платить налоги

Наступила осень.

В воздухе чувствовалась свежесть сентябрьских дней. По утрам купол неба был ослепительно-синий. В мягкий и нежный полдень горизонт затягивался туманной ласковой дымкой. Звездные ночи казались часто жуткими из-за далеких призрачных огней, пламя которых плясало там, где стога соломы горели на фоне горизонта желтым светом заката.

В эти дни на берегу озера с утра сновали взад и вперед люди, со скрипом подъезжали груженные лесом подводы. Крик, шум, гусиное гоготанье, отчаянный визг свиней, удары топоров, грохот бревен, ржание коней и мычанье коров сливалось в нестройный многоголосный гул и гудом каталось над берегом.

— Эй! Гей! Куда бревна?

— У-у-ух!

— Ми-ишка-а-а-а!

— Кадки да-вай-те-е-е!

— У-у-ух!

Под навесом стучали сечки. В больших корытах никла под сечками белокочанная капуста. И сечки, захлебываясь, приговаривали:

— Хуть, хуть, хуть, хуть! Так, так! Хуть, хуть, хуть, так, так!

В коровнике звенели ведра. Перед бараком возвышались стога сена, над которыми висели дощатые навесы:

— Па-ашка-а-а-а!

— Хуть, хуть, хуть, так, так!

— У-у-у-ух!

Около вольеров стояли корзины, полные моркови, можжевеловых ягод, молодой хвои и сена. Кролики беспокойно сновали вдоль изгороди, прыгая один через другого, образуя сплошной меховой поток, в котором словно волны подскакивали белые ангоры, коричневые гаванны, пятнистые

горностаи, черно-огненные англичане, серебристые сиамы, светлые шампани, голубые венские и рыжевато-серые фландры.

Работу кончали при свете фонарей. Но, несмотря на горячку, ребята все же выбрали время, чтобы написать своим шефам письмо, в котором они рассказывали о последних переменах.

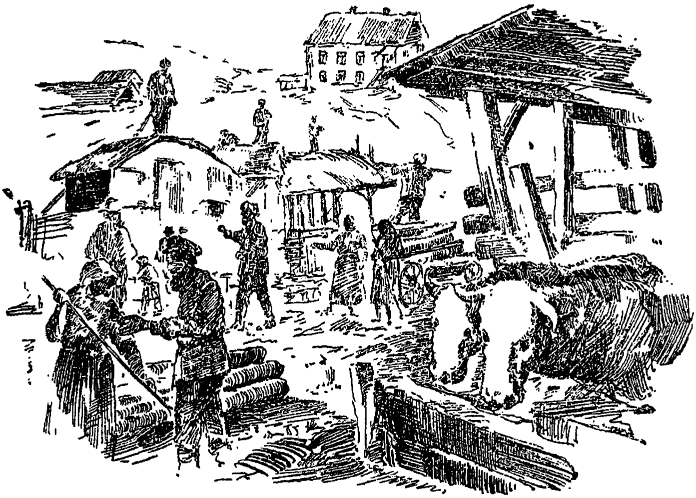
Вот что писали на этот раз ребята:

> **Дорогие товарищи!**
>
> **У нас произошли большие перемены. Сейчас у нас уже 28 человек. Коров купили 10 штук, да одна корова деда Онуфрия и две еще привели, которые вновь вступили. А еще привели они три лошади, семьдесят гусей и сорок одну курицу с четырьмя петухами.**
>
> **Инкубатор работает хорошо. Цыплят вывел он уже шесть сотен. Только мы сейчас прекращаем его. Потому что нет теплых сараев и птица может померзнуть. Сейчас у нас рубят капусту. Уже пять больших кадок наквасили. Насолили мы грибов груздей на зиму бочку и белых насушили четыре короба. А еще мы накоптили рыбы. Весь чердак завесили. Сейчас у нас есть коптильня. Вчера мы солили рыбу на зиму. Целых две бочки вышло. Очень плохо с тем, где бы нам жить. Все, что построили, пошло под скот. Сейчас уже возят лес. Будем строиться. Но Федоров говорит — придется померзнуть. Скоро мы начнем ходить в школу и собьем в школе пионерский отряд. Сейчас у нас делают масло, потому что молока много и некуда везти. Очень далеко от нас город. Приезжайте к нам летом. Будем очень ждать.**

Под этим письмом расписались все ребята.

* * *

Вскоре артель увеличилась еще на несколько семей, а в октябре вступил сам председатель сельского совета Кан-

дыбин. С этого времени начались разные события, которые привели в движение всю деревню.

Кандыбин с первых же дней, как только вступил в артель, поднял разговор о земле. Он предложил вызвать землемера и произвести передел с таким расчетом, чтобы собрать разбросанную в разных местах землю коммунщиков в один кусок.

— Землю надо под бок подтащить! Иначе — мученье одно. Мой надел на том конце, Федосьи на другом, тальники тут, федоровская земля здесь. На что это похоже?

Но собрать все куски воедино не так-то уж и легко было. С тальниками и федоровским наделом соприкасались наделы кулака Силантьева и двух середняков: Астафьева и Курмышева. Надо было уговорить их произвести обмен, но с первых же слов по этому поводу коммунщики натолкнулись на сопротивление. Особенно протестовал Силантьев:

— Нет моего согласия! Не допущу этого!

И, размахивая нелепо руками, брызгал слюной:

— Какая ваша земля?! Тоска одна, а тут навозу одного сколько ввалено. Десять годов ухаживаю за землицей. Как за оком своим слежу. Потом удобрил землицу!

— Чужим-то потом нехитро удобрять! — усмехнулся Тарасов.

Силантий топал ногами и визжал, точно свинья на бойне:

— Глотку порву за свою землю... Убейте сначала... Се равно не отдам подобру.

Отказались произвести обмен и Курмашев с Астафьевым.

— Ежели такой закон есть — делайте, а так несогласны.

— Да ведь вам же ближе будет к земле!

— Это нам безразлично. Привезете бумагу — валяйте. И опять же надо принять во внимание: засеяна земля.

— А наша что ж? Под паром, что ли, ходит? Обсемененную предлагаем.

— Может, на вашей ничего не взойдет.

— И на вашей может не взойти... А может и так случиться, что наша земля еще больший даст урожай.

Федоров вертел у мужиков на армяках пуговицы и говорил:

— Слова-то какие?! Мое — твое — наше! А к чему все это? Вона сколь у нас добра всякого! И коровы, и птицы, и другая животность. А мы, пожалуйста, пусть все это ваше будет. Переходили бы заодно работать.

— Поживем — увидим! — уклончиво ответил Курмашев. — А только без бумаги нет нашего согласия.

После бесплодных переговоров Кандыбин уехал в город за землемером.

Тем временем коммунщики убирали поля и перепахивали их вновь. После уборки хлеба начали строить жилое помещение. Пользуясь теплыми днями, коммунщики возили лес и клали венцы небольшого амбара, в котором должны были зимовать человек десять мужиков. Остальные решили провести эту зиму в старых избах. Одновременно с постройкой амбара начали расширять птичник и крольчатник. Много времени было затрачено на отепление сарая, в котором временно помещался скот.

Большие заботы были теперь у коммунщиков, — как заготовить удобрения.

За бараками вырыли огромную яму для компоста. Сюда сваливались сгнившая ботва, рыбья кость, чешуя и вну-

тренности, сюда же сваливали навоз, птичий помет, остатки обеда, человеческие испражнения, подохшую птицу, прихлопнутых капканами крыс, а также весь мусор, который накапливался в бараке. Сюда же валили гнилое сено и солому, а все это каждый день поливали мочой животных.

Затея с компостом принадлежала Семену. Он каждый день приходил смотреть, как наполняется яма, и непременно тащил сюда какую-нибудь пакость. Он следил за тем, чтобы помои выливались в компостную яму, и искренне огорчался, когда видел Мишкину мать, выливающую помои куда попало.

— Ах, тетка! — с сокрушеньем качал головой Семен. — Золото выбрасываешь.

— Тьфу тебе! — отплевывалась Мишкина мать. — К твоей яме подойти нельзя — такая зараза. Надо тебе — так сам выноси помои.

— И вынесу! Ты только покличь меня, когда ведро будет полным!

Тем, кто интересовался вонючей ямой, Семен с охотой разъяснял:

— Золото — такие ямы! Весной поболтаем, помешаем, да и на огороды. А за урожай ручаюсь. В наших местах, поди, в жизнь таких урожаев не снимали, какие мы соберем.

Тем временем в школе начались занятия. Ребята прибегали теперь на озеро реже, но они по-прежнему живо интересовались хозяйством. Со временем они мечтали втянуть в артель всех школьников. Поэтому они теперь часто рассказывали ученикам про артельные дела, стараясь заинтересовать всех. О своих делах ребята аккуратно писали шефам и советовались с ними.

Вот одно из последних писем.

Дорогие товарищи!

Мы теперь учимся в школе. Наше звено уже не звено, а целый отряд. Уже восемнадцать пионеров имеется в нашей деревне. Мы недавно начали санитарную работу, как вы писали. У нас есть теперь постановление, чтобы каждый ученик приносил

каждый день по 10 тараканов и по 5 клопов. Мы их относим в компостную яму. А у нас есть новый, Семеном звать, он просит, чтобы приносили мышей. Федоров смеется и говорит — налог мы с тараканов собираем. А тараканы разводят грязь. Семенов нам говорит, что мыши и крысы приносят большой вред. Говорит, целый город можно на эти деньги построить, сколько они съедают и портят в год. Мы теперь заготовляем капканы и будем их ловить. Завтра мы соберем отряд и постановим, по сколько крыс и мышей должен приносить каждый. Плохо — нет вожатого. Федоров выписал нам журнал «Вожатый». Мы хотим получать еще газету, но какой адрес, не знаем. Очень хорошо бы получать от вас. За деньги не сомневайтесь. Вышлем сколько надо. Только чтобы не больше рубля.

И подписи.
А внизу приписка:

Семен говорит, надо ловить кротов. Они вредят огородам, и у них есть шкурки, за которые можно получить большие деньги. А летом обязательно приезжайте.

Мишка Саблин.

Они забегали, засуетились и уже стреляют

С наступлением зимы на берегу водворилось затишье. С озера подули ледяные ветры. Земля задеревенела, застыла, стянулась ледяными корками луж. В мерзлых черных ветлах зашумели колючие, морозные ветры. А в одну ночь свинцовые тучи опустились на землю и покрыли ее ровным снеговым покровом. Белое поле, белые крыши домов, белые дороги и огороды сливались мутной мглой с серым, тоскливым небом.

Подули ветры, и с гребней сугробов запорошило снегом.

Теперь все чаще и чаще сидели коммунщики в небольшом амбаре, вокруг жарко натопленной печки, проводя в разговорах досуг. Во время обеда на середину выдвигали стол и ставили на него чашки, караваи с хлебом и глиняные миски.

Стол коммунщиков стал теперь значительно лучше, чем летом. Правда, кушанья не были затейливыми. Обычно на столе появлялись грибные щи или же картофельная похлебка, иногда кислые щи с соленой рыбой, а на второе обязательная каша с молоком. Но эта незатейливая еда удовлетворяла всех вполне. Утром завтракали горячей картошкой с кислым молоком, а иногда варили кашу с творогом. Домой на ужин брали квашеную капусту и кислые огурцы, а первое время носили с собой копченую рыбу. По воскресным дням от печки тянуло вкусным запахом оладышек на масле. Временами Федосья Григорьевна потчевала коммунщиков пышными пирогами с груздями и яйцами.

На пищу не обижались. Еда была сносной. Хуже было с помещением и еще хуже с одеждой. Коммунщики ходили обтрепанные, оборванные, а некоторые во время сильных морозов вынуждены были сидеть в амбаре.

— Благодать! — смеялся Семен. — Сидишь вроде барина да живот греешь. Ну-ка, Федоров, притащи дровишек, — командовал он, — обогрей ребятишек.

— Ничего. Перетерпим! — хмурился Федоров.

— Верно! — подхватывал Семен. — Зиму вроде медведей пролежим, а летом на манер Адамов будем ходить.

— Медведь оттого и лежит в берлоге, что калош не имеет! — шутил Никешка. — Ну, а нам чего рыпаться.

Тем временем в деревне назревала буря. В январе приехал из города член совета, который делал доклад о работе районного исполнительного комитета.

После доклада выступали мужики и кое за что поругали докладчика. Среди выступающих был и Кандыбин. Он раскричался так, что даже синий стал от крика.

— Это бюрократизм! — стучал по столу кулаком Кандыбин. — Мы с самой осени просим выделить артельную землю в одно, а где толк? Волокита это, а не работа!

Член совета записал жалобу Кандыбина в книжку и обещал расследовать это дело.

Потом докладчику стали задавать разные вопросы. Между прочим Федоров спросил:

— А вот, товарищ, скажите: есть у нас которые без земли, а состоят в артели. А есть которые кулаки по 200 гектаров имеют. Интересно бы знать ваше мнение, почему советская власть допускает это?

— А вы хлопотали, товарищ? — спросил докладчик.

— Похлопочем, ежели права на нашей стороне. Главное надо узнать: можно ли?

— По-моему, можно! — сказал докладчик.

Этот разговор быстро разнесся по всей деревне. Кулаки всполошились.

— Вона куда гнут! На землю нашу метят. На чужой карман зарятся.

— Вот она коммуния чертова! Мое — мое и твое — мое. Каки-таки хозяева нашлись?

— Коли надо землю — пущай болото осушают.

Встревоженные кулаки начали теперь шмыгать из одной избы в другую и нашептывать всякую всячину.

— У нас землю отберут — за вашу возьмутся.

— По клетям, говорят, пойдут скоро.

— Гнать их надо. Откуда такие взялись? Сотни лет жили в спокое, а тут на тебе. Коммуния какая!

Деревня заволновалась, зашевелилась, загудела, словно встревоженный улей. У Силантьева по вечерам начались собрания.

— Чего ж это, братцы? Как же получается-то? — кричал Силантьев. — Грабеж, стало быть!

Некоторые кулаки помалкивали, а Прокофий советовал плюнуть на все и махнуть рукой.

— Ну, урежут немного! Подумаешь, какая беда! Так и так без батраков не управиться с землей!

— Все равно разлетятся скоро, — предсказывал Прокофий.

— А ежели не разлетятся?

— Разлетятся!

— Тьфу! — горячился Силантьев. — А не разлетятся, так нас по ветру пустят. С батраками, вона, как стало, слова не скажи. Чуть что — так он в крик: расчет, орет, давай. В артель, орет, уйду. Дай-ка им за землю уцепиться — проглотят. Тебе-то что, а меня уже выпирают. С чернозема выпирают. Потому округлять вздумали, ежа им в брюхо.

— Разлетятся! — твердил Прокофий.

— С чего ж им разлететься? — и Силантьев дергал яростно бороду. — Кабы знал, что так получится, по сотне не пожалел бы за проклятущих зайцев. Все думал, пустяки. А они вона какое хайло теперь имеют.

— Петушка бы красного им пустить. На племя! — хихикал Миронов. — Небось погрелись бы, погрелись вокруг угольков, да и разошлись бы каждый в свою сторону.

Скоро и другая беда свалилась на кулачье. Из города пришла бумага. РИК предлагал сельсовету распустить кулацкую птицеводную артель, паевой капитал вернуть пайщикам, а все остальное передать артели той же деревни.

Нежданно-негаданно, к великой радости коммунщиков, их гусиное стадо увеличилось сразу на триста семьдесят семь штук.

В ту же ночь загорелась изба Федорова. Отстоять избу от огня удалось с величайшим трудом. А через день возвращающегося из города Кандыбина обстреляли в овражке.

Федоров рассвирепел:

— Разорять хотят? Перестрелять, как собак, хотят? Ну, ну!

С глазами, налитыми кровью, он шагнул вперед, вытянул руки и, задыхаясь от гнева захрипел:

— Ага-а! Стреляете? Поджигаете? Ну, ну, посмотрим. Посмо-отрим!

Война началась.

* * *

В феврале подули мокрые ветры. По ночам деревья шумели тяжелым тревожным шумом. По разбухшим дорогам тянулись ржавые полосы санного следа и конского помета. А как-то ночью хлынул теплый, обильный дождь, и к утру дороги покрылись синими, рябившими под ветром лужами.

В эти дни коммунщики ходили из двора во двор, призывая в свою артель новых товарищей. Кандыбин предложил пустить по деревне женщин. И это предложение было одобрено. В сельсовете были проведены отдельно женские собранья, потом собирали общий сход. Ребята устраивали свои собранья. А в начале марта, когда в деревню приехал землемер, ему пришлось выделять уже сорок девять семейств.

— В гору лезут! — шипели кулаки, которые делали все, чтобы помешать коммунщикам. Они пугали крестьян войной, выдумывали всякие небылицы, подпаивали водкой первых на деревне горлопанов и все чаще и чаще собирали свои собрания.

Однажды вечером Мишка прибежал к Федорову и, шепнув ему что-то на ухо, помчался к Тарасову, а потом заскочил к Кандыбину и потянул его за собой.

— Безголосые собрались. Выследил я их. У Прокофья собрались.

Первым заявился на кулацкое собрание Федоров. В избе, вокруг керосиновой лампы, сидели все деревенские захребетники. На столе стояли бутылки водки, чашки и миски с огурцами и кислой капустой. На тарелках лежало нарезанное сало. Увидев Федорова, кулаки беспокойно заерзали на скамейках и переглянулись между собой.

— Ну? — закусил губу Федоров. — Все обсудили? Кого теперь убить обсуждаете?

Прокофий хмуро посмотрел на Федорова.

— Дверь закрой, горлодер чертов!.. Чего избу студишь?

Федоров закрыл за собою дверь и, шагнув широко к столу, протянул руку:

— Ну-ка, покажь разрешение на устройство собрания!

Прокофий встал.

— Ты вот что! — сказал он, злобно мигая глазами. — Ты это брось... Какое тебе разрешенье? Кто ты есть за человек? Пошел вон отсюда.

— Врешь! — захрипел Федоров. — Ты горячку не пори... Заткни лучше свою плевательницу. А вы, мужики, вот что. Вы это забудьте, что обсуждали здесь. Да. Забывать, говорю, надо. Не шебаршить, значит, чтобы... Ты, может, думаешь, Прокофий, одна рожь два раза цветет? Это выкинуть надо... Поцвели и будет. Дай другому поколоситься. Не все же нам в солому расти. Чай, и мы люди, чай, и мы по-хорошему желаем жить. От хорошей жизни не загородишь нас теперь. Половодьем деревня пошла... Остановить думаете? Смотрите, не захлебнитесь часом!

— Ты что? — заорал Прокофий. — Во-он отсюда... Слышь ты!

— Вот я его! — вскочил Силантьев. За ним повскакали другие.

На Федорова бросилась целая свора. Чьи-то руки схватили его за горло и начали душить. Торопливый шепот прокатился по избе, словно шелест осинового сухого листа в осеннюю ночь.

— Нож... Дай нож сюда... Бейте его, и концы в воду... В озеро спустим.

Федоров отбивался, напрягая все силы, но постепенно начал слабеть. Теряя сознанье, он услышал чей-то хриплый голос:

— Брось нож... Без крови... Без крови надо... О косяк его, подлеца! О косяк!

Потом точно в тумане увидел Федоров, как распахнулась дверь и в избу ворвались Тарасов и Кандыбин. Одним ударом Тарасов свалил на пол присосавшихся к Федорову пиявок-кулаков и, подхватив падающего Федорова, прислонил его к двери.

— Куда? Десять на одного? — закричал Тарасов. — А ну-ка, со мной попробуйте!

Он подошел к Прокофьеву, у которого в руках блестел нож, и, приподняв его, с размаху кинул в угол.

— Ну? Кто еще тут есть?

Тарасов взял Силантьева за нос и так ущемил его пальцами, что нос побелел как снег.

— Заруби на своем поганом носу! — сказал спокойно Тарасов. — Ежели у нас после этого случится что, так я никакого суда не буду ожидать, а приду к каждому в избу, обломаю руки, ноги и в компост...

С этими словами Тарасов выпустил силантьевский нос, который тут же у всех на глазах превратился в красную грушу.

Коммунщики вышли.

Чудо в коровнике

Весна ударила дружно. Теплые ветры разметали на озере лед, и по широкой зеркальной глади покачивались бурые бесформенные льдины. Всюду бежали ручьи. Мокрые ветви деревьев разбухли, покрылись зелеными почками.

В ослепительном лазурном небе плавало расплавленное, ослепляющее солнце. Земля дымилась золотистыми туманами, и воздух был полон крепкого духа прошлогодних трав, прелых листьев и свежей воды.

В птичнике с шумом возились куры, обалдело гоготали гуси, в вольерах метались в радостном беспокойстве кролики. По двору бродил в грустном одиночестве толстый боров Кулак, заглядывая в кормушки, поднимая рылом перевернутые корыта.

С утра до поздней ночи к озеру тянулись подводы с лесом. В веселом звоне захлебывались топоры, деловито распевали свои песни широкие пилы.

На берегу росли новые постройки, амбары, птичники, скотный двор и навесы.

В стороне от барака, который был теперь превращен в коровник, выросла молочная. Здесь пахло сосновым лесом и свежестью. Большие кувшины, выстроенные в ряды, точно шеренга солдат, стояли на решетчатом полу, сверкающем чистотой. На полках лежали огромные бруски масла, точно куски янтарного меда.

В коровнике дремали, пережевывая жвачку, коровы. Теперь их было уже 37 штук. Они лежали на соломенной подстилке, и от них отделялся теплый пар. Перед мордами коров тянулся желоб для воды, и над желобом поднимались свежеструганные кормушки.

— Чистота и порядок! — радовался Никешка, с удовольствием осматривая коровник.

Но эта чистота заставляла многих все чаще и чаще задумываться. Каждый день для уборки коровника отправлялось десять человек, которые работали здесь по утрам, отрываясь от другой работы.

Приближалась горячая пора. Коммунщики готовились уже к запашке. А тут кролики начали метать помет. Сто двадцать крольчих принесли около 1500 молодых крольчат, за которыми нужен был самый серьезный уход. Немало времени отнимали и гуси. Весной на яйца сели 440 гусынь, и за ними нужен был уход и хозяйский досмотр.

— Надо что-то придумывать, — беспокоились коммунщики, — не то увязнем в коровнике обеими ногами. Для другой работы не хватит времени.

Некоторые предлагали убирать навоз через два дня, но против этого восстали доильщицы.

— Еще чего не придумаете? — ругались доильщицы. — Что нам, работы мало?

— Ежели навоз не выбирать — все коровы в навозе изгваздаются. По часу каждую отмывать придется.

Выход из положения нашел Семен. Он долгое время присматривался к ручью, который протекал за сотню шагов от коровника, потом вымерял что-то жердью, морщил лоб, чертил на стене амбара какие-то планы и однажды предложил нанять в батраки ручей. Семен с таким жаром объяснял свой план, что был он одобрен всеми без возражений. И в тот же день от ручья в сторону коровника прорыли канаву. Около самого коровника соорудили небольшую плотину, а когда канаву соединили с ручьем — вода хлынула по новому руслу и вскоре образовала около коровника небольшой пруд, который сдерживала плотина. Теперь оставалось устроить водосток, соединить его с коровником и прикрепить щитки.

Через несколько дней все было готово. Главный химик-механик Семен Кучерявый, как прозвали его бабы за курчавую шапку волос, встал у щитков и, волнуясь, скомандовал:

— Выгоняй коров!

Доильщицы бросились в коровник. Послышались крики, щелканье кнута и взволнованные голоса:

— Но, но... Пошли, пошли!

— Эй, куда?

— Но, но, но...

Коровы, стуча рогами и громко мыча, выходили, тесня друг друга, на скотный двор.

— Все? — крикнул Семен.

И хор нетерпеливых голосов ответил:

— Все!

Семен поднял щитки. Вода с шумом вкатилась в коровник и, поднимая грязную желтую пену, погнала навоз к выходу. Однако тут же Семен увидел свою ошибку. Затопив коровник, вода встала и образовала в коровнике жидкое навозное озеро.

— Не течет?

— Ни...

— Вот те и механики! — разочарованно протянули коммунщики.

Семен почесал затылок.

— Обмишурились маленько... Надо бы скатом устроить пол, а потом и воду пускать!.. Придется переложить доски в наклон к выходу...

Переборка пола отняла три дня. Но эта работа не пропала даром. Теперь с очисткой коровника вполне справились два человека. Стоило только поднять щиток, как по стокам в коровник врывалась вода и с таким усердием прополаскивала полы, что у всех сердце радовалось. После этого оставалось согнать метлами навоз в сточную яму, дать время для просушки полов, потом сменить подстилку и засыпать в кормушки корм.

Удачный опыт с чисткой коровника водой натолкнул коммунщиков на мысль приспособить воду для чистки птичника и крольчатников.

Вскоре весь двор прорезали во всех направлениях каналы и водостоки.

Вся черная тяжелая работа по уборке конюшни, коровника, птичника и крольчатников была поручена ручью, который назвали Красный батрак.

— Хороший работник! — радовались коммунщики. — Работает как вол, а пить-есть не просит.

— И одевать не нужно!

— Благода-а-ать!

Затее коммунщиков подивились в деревне немало.

— И надо же ведь придумать такое!

Отношение к коммунщикам среди крестьян за это время сильно изменилось. Теперь уже не надо было уговаривать крестьян вступать в артель. Теперь все чаще и чаще на берег озера стали приходить мужики, как бы для осмотра хозяйства, но каждый раз все разговоры кончались просьбами, чтобы приняли в артель. Однако коммунщики решили до осени не принимать новых членов.

— Пождите немного! Или свою сбивайте артель, а к осени объединимся.

Но удивительное дело. Как только прекратился прием в артель — крестьяне переполошились и начали осаждать коммунщиков заявлениями, а получая отказ, ругались:

— Помещиками зажили! Сами в три горла лопают, а других не пущают. Где такое правило?

— Экий ты, дядя! — покачивал головой Никешка, объясняясь по этому поводу с каким-нибудь особо горячим мужиком. — Ты вот что пойми... Ну, дай, к примеру, тебе пять фунтов колбасы. Ну, к примеру, ты съешь ее. Сыт будешь, так сказать. Однако надо будет тебе после этого отлежаться малость, пока переварится колбаса. А потом можешь опять скушать такой кусок. А так чтобы: пихай да пихай в себя — это без пользы. Заворот кишок может случиться... Придешь вот осенью — наше вам-с. Пожалуйте, так сказать. Будьте любезны. А сейчас никак невозможно.

* * *

С наступлением полевых работ двадцать шесть лошадей работали в полях. На одной лошади каждую неделю отвозили в город масло, сметану и молодняк, высиженный инкубатором, а вскоре начали отправлять и лекарственные травы. С весны в артель влилась новая партия ребят, которые собирали и сушили лекарственные травы и корни, а также ловили рыбу. Мишка стал «заведующим всеми травами и корнями» и теперь нередко ездил в город, где ему приходилось беседовать с заведующим аптечным складом. В этих беседах он узнал о многом. Эти беседы помогли ему еще лучше поставить дело со сбором трав и корней.

* * *

Дела артели процветали, но это объяснялось не только тем, что все усердно работали, но главным образом тем, что в артель собрались люди с разным житейским опытом. Один на своем веку видел одно, другой — другое. Этот опыт складывали воедино с большой пользой для общего дела.

Семен, шатавшийся батраком по деревням и селам, рассказал однажды о своей работе у рыбного торговца, который торговал рыбой и раками. После этого в артели появился новый промысл: ловля раков, на которых в деревнях обычно смотрят как на пакостную тварь.

Новый коммунщик Тихон сообщил о ценности костей, тряпья и всякого хлама. И в город помчались плетеные корзины с утилем. Прохоров научил ребят плести кожевки и узорные корзины. Поплыли в город и эти изделия.

К лету артель сумела уплатить часть долга за коров и приобрести в рассрочку два новых инкубатора.

На огородах, щедро удобренных компостом, буйно поднималась зелень. Огромные поля ржи, словно ржаное море, плескались шуршащими тяжелыми колосьями. Тяжело колыхались поля пшеницы, и среди черноватых блестящих

перышек уже наливались большие, густые колосья. К озеру спускались поля картофеля и кормовых овощей. А у самых тальников густо поднимались побеги новой затеи коммунщиков — питомника плодовых деревьев.

После двух новых пометов крольчих вольеры кишмя кишели крольчатами. Огромные стада гусиного молодняка, точно свежий снег, качались на голубой поверхности озера, и тревожный, радостный гогот стоял над озером с утра до поздней ночи.

На выгоне резвились телята. Бойкие коньки летали по лугу, задрав хвост трубой и оглашая воздух веселым ржанием. По двору с выводками розовых поросят бродили злые матки. И только на холме стояла мертвая тишина. Здесь, отгороженные от шумного мира, дремали около инкубаторов «заведующий высиживаньем» — дед Онуфрий и два других, таких же сивых деда.

В конце июля, когда постройка большого дома подходила к концу, в артель приехали шефы. Удивлению не было границ. Они ходили за Мишкой по пятам и, слушая его восторженные объяснения, удивлялись на каждом шагу.

— Ну, ребята, этого дела нельзя так оставить! — волновался Андрюша. — Мы должны все это записать и потом в газету.

Кротов то и дело приговаривал:

— Здорово!.. Что значит коллективный труд...

— Это да! — прищелкивал языком Маслов.

Лишь только пионеры позавтракали молоком, Мишка повел их во двор. Посредине двора возвышался огромный недостроенный дом. Пустыми окнами он смотрел на раскинувшиеся вокруг него правильными рядами постройки, и стены его дышали запахом смолы.

Ребята вышли в поле.

Вокруг простирались, качаясь под ветром, тяжелые хлеба. Повсюду тянулись прочные изгороди, которые были недоступными ни для свиней, ни для кроликов, ни для рогатого скота. На склонах холмов шумел овес и зеленел клевер. Низины были засеяны люцерной. Кое-где чернели как темный бархат куски пара.

Весь день бродили шефы, осматривая хозяйство. Но теперь оно было так велико, что осмотр отнял у них и второй день.

В тот день, когда уезжали пионеры, коммунщики устроили собрание. На этом собрании Федоров выступил с большим докладом о работе артели, который был заслушан в напряженной тишине.

Заканчивая свой доклад, Федоров сказал между прочим:

— Устав у нас, товарищи, артельный, а как вы сами знаете, вот уже два года живем мы коммуной. Нужно нам, стало быть, сделать все это по форме. Как полагается. И еще надо бы придумать какое названье. А то путаница часто бывает.

— Что ж, — сказал Тарасов, — решили мы будто бы заниматься больше птицей. Остальное же вроде подсобное у нас. Ну, так я полагаю, хорошо бы назвать нашу коммуну «Крылья», а потому как на этих крыльях мы поднимаемся к светлой жизни.

— А какие крылья?

— Я предлагаю — Красные крылья! — крикнул Никешка.

— Красные? — подумал Семен. — Нехорошо! Смешно выходит. Тут журнальчик один мне попался, так в нем карикатура такая: красный уголь, красная мука и другая несуразица. Может, назовем «Золотые крылья»?

— А к чему бы это?

— К тому, значит, что подымаемся мы на крыльях. А куда поднимаемся? Тут-то и надо сказать. Поднимаемся, дескать, к золотой жизни.

— Ловко!

— Стойте, товарищи, — сказал Федоров, — я предлагаю другое названье... Давайте назовем нашу коммуну «Пионер».

— Ур-р-ра! — закричали ребята. Андрюша подбросил фуражку вверх и крикнул:

— Да здравствует коммуна «Пионер»! Ур-р-ра!

— Ур-а-а-а-а!

— Товарищи! — засмеялся Федоров. — Я хочу сказать вот что: конечно, и золотые крылья хорошее названье, однако «Пионер», это названье по праву принадлежит коммуне...

Начали все это дело ребята. Начали с пустяков. Не было бы ребят, так мы, может, еще три года чего-то ждали... Я предлагаю назвать коммуну «Пионер».

— Ура-а-а-а!

— Эва, ребят как разбирает! — сказал Юся Каменный. — Ну, уж коли так, коли такое названье им по нраву — пусть будет «Пионер».

— Что ж, — почесал затылок Никешка, — по совести ежели говорить, так ребята действительно... зачинщики они, конечно...

— Так я голосую! — сказал Федоров. — Кто за то, чтобы наша коммуна называлась «Пионер», прошу...

Лес рук взлетел вверх, и дружное «ура» прокатилось над озером.

Встревоженные этим криком гусиные стада подняли на озере невообразимый шум.

Свет... свет... свет...

К осени в коммуне появилось электричество. Проводку закончили одновременно и в новом доме, и во всех хозяйственных пристройках.

Посреди двора на высоком столбе был подвешен большой круглый шар, который вечером заливал весь двор мягким, молочным светом.

В новой свинарне, где дремали 18 ожиревших свиней, откормленных до того, чтобы они уже не могли подняться с пола, горели голубые лампочки, которые действовали на свиные нервы успокаивающе. Все остальные пользовались обычным светом.

Однажды утром из соседней деревни пришли в коммуну крестьяне. Они столпились у широкого крыльца большого дома в тот час, когда коммунары садились обедать.

— Эй, кто тут есть? — кричал здоровый детина в бараньей шапке.

Тарасов высунулся в окно.

— Ну?

— Пришли вот посмотреть! — заявил детина. — Из Пустомержи мы... слышали, как хозюете, ну и пришли вот... Может, и сами возьмемся... Думка-то давно у нас есть, а примера еще не видали.

— Смотрите! — засмеялся Тарасов. — У нас тут все двери настежь... Однако перед тем, как начать осмотр, милости просим отобедать с нами... Видно, бабка вам ворожит: прямо к обеду попали.

Делегация прошла в общую столовую.

Сели за стол. Посмотрели делегаты в чашки и миски и переглянулись многозначительно, а востроносая баба пожевала губами и спросила:

— Ай праздник у вас какой?

— Почему праздник? — удивились коммунары.

— Да вон, — повела рукой над столом востроносая, — понаставлено-то всего.

Делегаты дернули ее за рукав.

— Сиди, Варвара, не выказывай серости.

Варвара смущенно замолчала, однако во время обеда то и дело сокрушенно головой качала.

— Ну ж и жрете вы, прости господи!

— Плохо, что ли? — засмеялись коммунары.

— Плохо, — вздрогнула Варвара, — да мы в праздники этого не видим.

— Поехала! — нахмурился бородатый. — Будто товарищам интересно это!

— Почему ж не интересно, — усмехнулся Федоров и выразительно посмотрел на Кузю и Никешку, — а вот вы спросите их, какие разносолы вначале ели.

Но так как Никешка сделал вид, что он оглох, а Кузя поспешил забить свой рот куском жирной свинины, Федоров сказал:

— Турнепс лопали!

И, улыбаясь, он рассказал о первых, тяжелых днях коммуны.

Детина в шапке смотрел с восторгом в рот Федорова и толкал поминутно своих соседей:

— Видали? Вот он, коллективный труд-то... От турнепса живым манером к такому роскочеству. Что, не моя разве правда?

Обед кончился.

Делегаты начали осматривать коммуну.

Осмотрели птичники, крольчатник, амбары, а когда пришли на скотный двор, остановились как вкопанные.

В теплом дворе стояли, лениво поглядывая на электрические лампочки и медленно жавкая жвачку, упитанные рослые коровы.

— Чисто слоны, — продохнул один из делегатов.

Гладкий деревянный пол, покрытый свежей соломой, аккуратные кормушки, обилие света и теплый воздух привели делегатов в телячий восторг.

— Ну и мастера! Вот сработали-то!?

Не меньшее впечатление произвело на делегатов жилое помещение. Отдельные кровати, занавески на окнах, половики на полу и чистота определенно понравились делегатам.

— Как баре живете! — восторгались делегаты.

— Живем ничего себе! — сказал Федоров. — Да не сразу так зажили. Были вначале и неполады разные. Всего было. Да ведь без этого нельзя. В новом деле завсегда трудности... Было время и на себе пахали.

Делегаты были в восторге от коммуны, и только Варвара что-то хмурилась.

— Что еще, тетка? — спросил Семен, посматривая на Варвару.

Варвара замялась:

— Да это...

— Ну?

— Антиресно бы взглянуть на обчественное одеяло!

— На что?

— Да на это, — окончательно смутилась Варвара, — тут у нас болтают, будто в колхозе вашем покрываются одним одеялом... в 300 метров ширины.

Коммунары так заржали, что даже стекла зазвенели.

Делегаты потянули Варвару за рукав.

— Ну, баба осрамила нас на миру... И чего ей дались кулацкие сплетни.

— А что не правда, что ли? — не унималась Варвара. — Сами, чать, слышали. Говорят, будто двое дежурных берут одеяло это за концы, главный играет сигнал в трубу, а все остальные ложатся вповалку и прикрываются одеялом...

— Неужто верила?

— А кто ж его знает: и верила, будто и не верила... ну, а сейчас сама вижу — брехня.

Особенно понравилась Варваре детская комната, где возились вымытые и опрятно одетые ребятишки.

— Это рай для бабы! — дивилась Варвара. — А мы-то дурни... Ай-яй-яй... И кого только слушать вздумали? Мироедов!

Прощаясь с делегатами, Федоров сказал:

— Будете их слушать — весь век в грязи проживете. Слушайте, что говорит жизнь сама. Коммуна, конечно, не легкая штука, но только смотря для кого. Для кулаков — это петля. Для трудового крестьянина крылья.

Так-то вот!

Небесный гость

Социально-фантастическая повесть

Глава I

В одно прекрасное утро, незадолго до восхода солнца, над Парголовом показалась высоко в атмосфере огненная полоса, которая быстро, быстро приближалась к земле. Сотни дачников видели ее и приняли за обыкновенный метеорит.

Многие видели падение метеорита, но никого он особенно не заинтересовал, кроме моего соседа, Пулякина, прославившего себя и свой род изумительными способностями имитатора. Его неподражаемое искусство лаять по-собачьи было в свое время отмечено высокой правительственной наградой — орденом Красной Звезды.

Лишь только солнце появилось над горизонтом, Пулякин отправился разыскивать метеорит, так как был убежден, что место его падения находится где-нибудь около станции Парголово.

Убеждение это вполне оправдалось: метеорит был действительно найден около станции, недалеко от песочных ям. Пробив глубокую воронку в почве, он выбросил целые горы песка и гравия, образовавшие высокий вал вокруг этой воронки, видный километра за два. Кроме того, он зажег вереск на окрестном пустыре, и вереск этот тлел, пуская легкий дымок, тоже издали заметный на фоне ясного неба.

Подойдя поближе к глубокой яме, Пулякин с удивлением заметил, что метеорит имеет вид цилиндра, метров пять в диаметре.

Утро было ясное, теплое, тихое. Слабый ветерок едва колебал верхушки сосен. Птицы еще не проснулись или были

уже уничтожены. Во всяком случае ничто не мешало Пулякину внимательно и добросовестно осмотреть сферический экипаж и прийти к заключению, с которым он помчался ко мне, теряя на бегу кульки, кулечки, мешки, сумки и сумочки, самые, так сказать, необходимые предметы вооружения нормального советского гражданина — потребителя сыпучих товаров, отпускаемых магазинами лишь в тару покупателей.

Пулякин ворвался ко мне, как ураган. Опрокидывая стулья, он выпалил единым духом:

— У нас валяется на пустыре за станцией какой-то небесный гражданин! Только что упал. Пойдемте скорее. Захватите свой револьвер на всякий случай. Может быть, он упал к нам с какими-нибудь агрессивными намерениями. Осторожность, знаете, никогда не помешает.

Через пять минут мы мчались с Пулякиным с быстротой людей, покидающих дома отдыха вследствие сугубой диеты, и вскоре подбежали к месту приземления межпланетного трамвая.

Около ямы уже стояло человек двадцать любопытных. Какой-то воспитанный гражданин уговаривал всех встать в очередь и организованно ожидать дальнейшего разворота событий. Но граждане попались несознательные, а поэтому воспитанный человек махнул рукой и сам принялся вести себя неорганизованно.

Вдруг кто-то крикнул: «Капусту дают!» Любопытных тотчас же как будто ветром сдуло. Толкая друг друга, они помчались, вытаскивая на бегу старые газеты для завертки этого тропического лакомства!

Мы остались с Пулякиным вдвоем. Мой сосед вздохнул и сказал:

— Когда я был маленький, в России было столько капусты и свежей и кислой, что никто даже не знал, что с ней делать.

— Вы, Пулякин, — сказал я, — не учитываете возросшего спроса на кислую капусту. Мы все теперь живем зажиточной жизнью, и поэтому каждый из нас в состоянии купить для себя кислую капусту, которая раньше была предметом потребления миллионеров. Однако смотрите, что делается с этим снарядом.

Верхняя часть цилиндра начала вращаться. Показались блестящие нарезы винта. Послышался приглушенный шум, как будто не то входил, не то выходил воздух с довольно сильным свистом. Наконец верхний конус цилиндра качнулся и с грохотом упал на землю. За края цилиндра изнутри вцепились человеческие руки, и над цилиндром всплыла, качнувшись, голова человека. Смертельная бледность покрывала его лицо. Он тяжело дышал. Глаза его были закрыты. Мы бросились с Пулякиным к незнакомцу и, наступая друг другу на мозоли, помогли ему выбраться из цилиндра.

Так появился у меня марсианин, о пребывании которого я написал целую книгу.

Оказывается, на Марсе все прекрасно говорят на русском языке, а поэтому мы уже через час весело болтали о разных пустяках.

Конечно, я рассказал ему всю историю человечества, познакомил его с классовой борьбой и подробно описал государственный строй в нашей стране. В свою очередь марсианин сообщил мне историю Марса, которая оказалась похожей на историю Земли, и закончил свой рассказ сообщением о том, что у них на Марсе советское государство существует уже 117 лет, что меня чрезвычайно обрадовало, так как марсианин мог, стало быть, поделиться с нами богатейшим опытом. Я показал небесному гостю газеты, и, к моему удивлению, он бойко начал читать их на чисто русском языке. Он начал читать с увлечением, но скоро вся его бойкость исчезла. Зевота начала раздирать рот марсианина на две половины. Я совсем упустил из виду, что он не житель советской страны, а поэтому, очевидно, читает все подряд.

Прикрывая рот ладонью, марсианин сказал, зевая:

— А скучноватая у вас жизнь на Земле. Читал, читал, но так ничего и не мог понять. Чем вы живете? Какие проблемы волнуют вас? Судя по вашим газетам, вы только и занимаетесь тем, что выступаете с яркими, содержательными речами на собраниях да отмечаете разные исторические даты и справляете юбилеи. А разве ваше настоящее так уж отвра-

тительно, что вы ничего не пишете о нем? И почему никто из вас не смотрит в будущее? Неужели оно такое мрачное, что вы боитесь заглянуть в него?

— Не принято у нас смотреть в будущее.

— А, может быть, у вас ни будущего, ни настоящего?

— Что вы? Вы только посмотрите — я завтра сведу вас в кино на фильм «День нового мира» — как интересна и содержательна наша жизнь. Это не жизнь, а поэма.

— Не понимаю в таком случае, почему же все это не находит своего отражения в газетах.

— Вы не одиноки, — сказал я, — мы тоже ничего не понимаем.

Марсианин собирался задать мне еще кучу неприятных вопросов, но, на мое счастье, в эту минуту в открытое окно влетел грязный лапоть и шлепнулся прямо в тарелку с душистой земляникой.

— Что это? — испуганно вскочил марсианин.

— Сидите, — сказал я спокойно, — ничего особенного не случилось. Просто наша молодежь решила пошутить с нами. Они у нас вообще весьма оригинально развлекаются.

— Простите, — в замешательстве сказал марсианин, — но я совсем не понимаю соли этих развлечений. Кто у вас воспитывает молодежь?

— У нас есть лозунг: спасение утопающих — есть дело самих утопающих. По этому же принципу построено и все воспитание подростков. Они сами воспитывают себя.

— Вы шутите?

— Мы плачем, но что же делать... Так уж все это разумно у нас устроено. Молодежь у нас воспитывают комсомольцы.

— Они педагоги, надеюсь?

— Напрасно надеетесь. Они не только не имеют никакого представления об этой науке, но некоторые из них вообще не слишком сильны в грамоте. <...>

— Но что это за организация?

— Это нечто вроде рудиментарного органа советской власти. Память о тех далеких временах, когда у нас были комитеты бедноты, женотделы и совсем не было государственной системы воспитания детей. Ну, а раз сохранилась

эта древняя организация — так надо же поручить ей какую-нибудь работу. <...>

— А не ведет ли этот комсомол политического воспитания детей?

— Вот, вот, — обрадовался я, — именно политического. Они собирают детей 10–12 лет и «прорабатывают» с ними доклады вождей, «знакомят» с Марксом: «затрагивают» вопросы диалектического развития общества. <...>

— А не обидятся ли комсомольцы, если упразднят их организацию?

Я даже захохотал.

— Вы действительно упали с Марса, — сказал я. — За что же им обижаться? Наоборот, за исключением аппаратчиков, все они будут очень рады этому. <...>

Марсианин вздохнул и сказал:

— Н-да. Как видно, у вас многое еще нуждается в исправлении.

— Конечно, — согласился я, — ведь мы же строим новое общество, и было бы очень странно, если бы у нас все шло без сучка и задоринки. Как нельзя сделать самую простую рукоятку лопаты без отходов, без стружки, так нельзя сделать ничего нового, чтобы не было никаких производственных издержек.

— Но живете ли вы лучше, чем живут в капиталистических странах?

— Наша жизнь — настоящая осмысленная жизнь человека-творца. И если бы не бедность — мы жили бы как боги. <...>

Глава II

На другой день я сказал марсианину:

— Вы хотели знать причины нашей бедности? Прочтите!

И протянул ему газету.

Марсианин прочитал громко:

«На Васильевском острове находится артель “Объединенный химик”. Она имеет всего один краскотерочный цех, в котором занято лишь 18 рабочих. <...>

На 18 производственных рабочих с месячным фондом зарплаты в 4,5 тысячи рублей артель имеет: 33 служащих, зарплата которых составляет 20,8 тысячи рублей, 22 человека обслуживающего персонала и 10 человек пожарно-сторожевой охраны. <...>»

— Это, конечно, классика, — сказал я, — но этот пример не единичный, — и что всего обиднее — это то, что кто бы ни писал, как бы ни писал, а толку из этого не выйдет до тех пор, пока не будет дано распоряжение свыше о ликвидации подобного рода безобразий. <...>

Если бы завтра Иосиф Виссарионович Сталин сказал:

— А ну-ка, хлопцы, поищите, прошу вас, получше, — нет ли в нашей стране ненужных учреждений.

Если бы вождь так сказал, то я уверен, что уже через неделю 90 % наших учреждений, отделов, контор и прочего хлама оказались бы совершенно ненужными. <...>

Причиной бедности является также гипертрофическая централизация всего нашего аппарата, связывающая по рукам и ногам инициативу на местах. <...>

Но все это еще полбеды. Хуже всего, что эта чудовищная опека обедняет нашу жизнь. Случилось так, что Москва стала единственным городом, где люди живут, а все остальные города превратились в глухую провинцию, где люди существуют только для того, чтобы выполнять распоряжения Москвы. Немудрено поэтому, что провинция кричит истерически, как чеховские сестры: в Москву, в Москву! Предел мечтаний советского человека — жизнь в Москве. <...>

Глава III

Пришли ко мне в гости на чашку чая художник, инженер, журналист, режиссер и композитор. Я познакомил всех с марсианином. Он сказал:

— Я — человек новый на Земле, а поэтому мои вопросы вам могут показаться странными. Однако я очень просил бы вас, товарищи, помочь мне разобраться в вашей жизни. <...>

— Пожалуйста, — сказал очень вежливо старый профессор, — спрашивайте, а мы ответим вам так откровенно, как говорят теперь в нашей стране люди только наедине с собой, отвечая на вопросы своей совести.

— Вот как? — изумился марсианин. — Значит, в вашей стране люди лгут друг другу?

— О, нет, — вмешался в разговор инженер, — профессор не совсем точно, пожалуй, изложил свою мысль. Он хотел, очевидно, сказать, что в нашей стране вообще не любят откровенничать.

— Но если не говорят откровенно, значит, лгут?

— Нет, — снисходительно улыбнулся профессор, — не лгут, а просто молчат. <...> А хитрый враг избрал себе сейчас другую тактику. Он говорит. Он изо всех сил лезет, чтобы доказать, что у нас все благополучно и что для беспокойств нет никаких оснований. Враг прибегает сейчас к новой форме пропаганды. И надо признать, что враги советской власти гораздо подвижнее и изобретательнее, чем наши агитаторы. Стоя в очередях, они кричат провоцирующим фальцетом о том, что все мы должны быть благодарны партии за то, что она создала счастливую и радостную жизнь. <...> Я помню одно дождливое утро. Я стоял в очереди. Руки и ноги мои окоченели. И вдруг мимо очереди идут два потрепанных гражданина. Поравнявшись с нами, они запели известную песенку с куплетами «спасибо великому Сталину за нашу счастливую жизнь». Вы представляете, какой это имело «успех» у продрогших людей. Нет, дорогой марсианин, враги сейчас не молчат, а кричат, и кричат громче всех. Враги советской власти прекрасно знают, что говорить

о жертвах — это значит успокоить народ, а кричать о необходимости благодарить партию — значит, издеваться над народом, плевать на него самого, оплевывать и ту жертву, которую народ приносит сейчас.

— В вашей стране много врагов? — спросил марсианин.

— Не думаю, — ответил инженер, — я скорее склонен думать, что профессор преувеличивает. По-моему, настоящих врагов совсем нет, но вот недовольных очень много. Это верно. Также верно и то, что количество их увеличивается, растет, как снежный ком, приведенный в движение. Недовольны все, кто получает триста–четыреста рублей в месяц, потому что на эту сумму невозможно прожить. Недовольны и те, кто получает очень много, потому что они не могут приобрести себе то, что им хотелось бы. Но, конечно, я не ошибусь, если скажу, что всякий человек, получающий меньше трехсот рублей, уже не является большим другом советской власти. Спросите человека, сколько он получает, и если он скажет «двести» — можете говорить при нем все что угодно про советскую власть.

— Но, может быть, — сказал марсианин, — труд этих людей и стоит не больше этих денег.

— Не больше? — усмехнулся инженер. — Труд многих людей, получающих даже пятьсот рублей, не стоит двух копеек. Они не только не отрабатывают этих денег, но нужно бы с них самих получать за то, что они сидят в теплых помещениях.

— Но тогда они не могут обижаться ни на кого! — сказал марсианин.

— Вам непонятна психология людей Земли, — сказал инженер. — Дело в том, что каждый из нас, выполняя даже самую незначительную работу, проникается сознанием важности порученного ему дела, а поэтому он и претендует на приличное вознаграждение. <...>

— Вы правы, — сказал профессор, — я получаю 500 рублей, то есть примерно столько же получает трамвайный вагоновожатый. Это, конечно, очень оскорбительная ставка. <...>

Не забудьте, товарищи, что ведь я профессор и что мне надо покупать книги, журналы, выписывать газеты. Ведь не

могу же я быть менее культурным, чем мои ученики. И вот мне приходится со всей семьей работать для того, чтобы сохранить профессорский престиж. Я сам неплохой токарь; через подставных лиц я беру на дом заказы от артелей. Моя жена преподает детям иностранные языки и музыку, превратив нашу квартиру в школу. Моя дочь ведет домашнее хозяйство и раскрашивает вазы. Все вместе мы зарабатываем около шести тысяч в месяц. Но никого из нас не радуют эти деньги. <...>

— Почему? — спросил марсианин.

— Просто потому, — сказал профессор, — что большевики ненавидят интеллигенцию. Ненавидят какой-то особенной, звериной ненавистью.

— Ну, — вмешался я, — вот уж это вы напрасно, дорогой профессор. Правда, недавно так оно и было. Но ведь потом была проведена даже целая кампания. Я помню выступления отдельных товарищей, которые разъясняли, что ненавидеть интеллигенцию нехорошо.

— Ну и что же? — усмехнулся профессор. — А что изменилось с тех пор? Было вынесено решение: считать интеллигенцию полезной общественной прослойкой. И на этом все кончилось. <...> Большинство же институтов, университетов и научных учреждений возглавляют люди, не имеющие никакого представления о науке.

— А знаете, — засмеялся инженер, — недоверие и ненависть к интеллигенции сеют именно эти люди. Подумайтека, профессор, что будет с ними, когда партия решит, что ей можно обойтись без посредников в ее сношениях с работниками науки. Они кровно заинтересованы в том, чтобы поддерживать ненависть и недоверие к интеллигенции.

— А может быть, вы и правы, — задумчиво сказал профессор, — но я не на это хотел обратить ваше внимание. <...> Хуже другое. Хуже всего то, что наш труд не находит у большевиков одобрения, а так как печатью, общественным мнением распоряжаются они, то в нашей стране случилось так, что никто не знает своих ученых, никому неизвестно, над чем они работают, над чем они собираются работать. И это происходит в стране, которая гордится своей тягой к культуре. <...>

У советской интеллигенции, конечно, есть свои запросы, естественное для всей интеллигенции мира стремление к знаниям, к наблюдениям, к познанию окружающего мира. Что же делает или что сделала партия для удовлетворения этой потребности? А ровным счетом ничего. Мы даже не имеем газет. Ведь нельзя же считать газетой то, что выпускается в Ленинграде. Это скорее всего — листки для первого года обучения политграмоте, это скорее всего перечень мнений отдельных ленинградских товарищей о тех или иных событиях. Сами же события покрыты мраком неизвестности. <...>

Большевики упразднили литературу и искусство, заменив то и другое мемуарами да так называемым «отображением». Ничего более безыдейного нельзя, кажется, встретить на протяжении всего существования искусства и литературы. Ни одной свежей мысли, ни одного нового слова не обнаружите вы ни в театре, ни в литературе. <...> Я думаю, что во времена Иоанна Первопечатника выходило книг больше, чем сейчас. Я не говорю о партийной литературе, которую выбрасывают ежедневно в миллионах экземпляров. Но ведь насильно читать нельзя заставить, поэтому все эти выстрелы оказываются холостыми.

— Видите ли, — сказал я, — книг и журналов в нашей стране выходит мало, потому что нет бумаги.

— Что вы говорите глупости, — рассердился профессор. — Как это нет бумаги? У нас посуду и ведра делают из бумаги. У нас бумагу просто не знают, куда девать. Вон даже додумались до того, что стали печатать плакаты и развешивать всюду, а на плакатах мудрые правила: Когда уходишь — туши свет. Мой руки перед едой! Вытирай нос. Застегивай брюки. Посещай уборную. Черт знает что! <...>

— Дозвольте! — крикнул чей-то голос.

Мы повернулись к окну.

На нас глядел высокий, гладко выбритый человек без фуражки. На плече человека лежала шлея и уздечка.

— Мы из колхоза, — сказал незнакомец. — Прослушав претензии уважаемого товарища ученого неизвестной фамилии, хочу также присоединить и свой голос протеста против разных непорядков. <...>

Глава IV

— Я скажу вам так, товарищи, — начал свою речь колхозник, — сверху когда глядишь, так многих мелочей не замечаешь, и оттого все кажется тебе таким прелестным, что душа твоя просто пляшет и радуется. Помню, гляжу я как-то с горы вниз, в долину к нам. Вид у нас сверху удивительно веселый. Речка наша, прозванная Вонючей, извивается, ну как будто на картинке. Колхозная деревня так и просится на полотно художника. И ни грязи-то, ни пыли, ни мусора, ни щебня — ничего этого за дальностью расстоянья никак невозможно заметить невооруженным глазом.

То же и у нас в колхозах. Сверху оно, может, и в самом деле похоже на райскую долину, но внизу и вчера и сегодня пахнет еще адовой гарью. <...> И вот у нас сейчас есть полный разброд мыслей в деревне. Спросить бы у кого. Но как спросить? Арестуют! Сошлют! Скажут, кулак или еще чего-нибудь. Не дай бог злому татарину повидать того, что мы уже видели. Ну, так и говорю: многое узнать бы хотелось и боязно спросить. Вот мы и обсуждаем в деревнях свои дела между собой потихоньку. <...> А главное, мы хотим, чтобы над нами был закон какой-нибудь. Вот и ответь тут им. Попробуй.

— Однако, — сказал журналист, — законы у нас есть, и этих законов предостаточно.

Колхозник поморщился и тяжело вздохнул.

— Эх, товарищи, — сказал он, — какие это законы, когда ты не успеешь еще его прочитать, а тут, говорят, ему и отмена уже пришла. За что у нас в деревне больше всего не уважают большевиков? А за то, что у них на неделе семь пятниц. <...>

— Что же, — сказал инженер, — пожалуй, и для нас, людей города, нужны устойчивые, крепкие законы. И у нас бывают недоразумения из-за слишком частой смены законов, установлений, постановлений, положений и прочее и прочее. Товарищ прав. Закон должен быть рассчитан на продолжительное действие. Менять законы как перчатки не

годится хотя бы потому, что это ведет к подрыву авторитета законодательных учреждений.

— И опять же, — сказал колхозник, — если ты выпустил закон — так будь добр уважай его сам. А то законов (хороших, скажу, законов) у нас много, а какой толк от этого? Уж лучше бы совсем не выпускали хороших законов.

— Прав! Прав он! — вскричал профессор, — Именно то же самое говорят и в нашей среде. Взять хотя бы, к примеру, самый замечательный, самый человеческий свод законов — нашу новую конституцию. Ну зачем, спрашивается, ее обнародовали? Ведь многое сейчас из этой конституции является источником недовольства, многое вызывает муки Тантала. Как это ни печально, а конституция превратилась в тот красный плащ, которым матадор дразнит быка.

— А самое забавное, — сказал молчавший до этого литератор, — это то, что все, даже самые опасные в кавычках статьи новой конституции легко можно превратить в действующие статьи закона. Вот, например, свобода печати. У нас свобода эта осуществляется с помощью предварительной цензуры. То есть никакой по существу свободы нам не дано. <...>

— Однако, — сказал колхозник, — меня, так сказать, разные там свободы печати очень мало интересуют. И поскольку я тороплюсь, я прошу выслушать меня. Я сейчас закруглюсь. Не задержу вашего внимания. Ну, значит, так: про закон я сказал кое-что. Теперь хочу про другое сказать. Про интерес к работе. Я уже говорил, что все у нас недовольны. Не подумайте, однако, что мечтаем мы о возврате к старому, единоличному хозяйству. Нет. Туда нас не тянет. Но вот о чем задумайтесь. Мы-то кто? Хозяева мы! Собиратели добра! На том построено все нутро наше. И сам, бывало, один работаешь, и с большой семьей, а все равно смотришь на хозяйство как на свое. Мы, и артельно работая, хотели бы рассматривать все хозяйство как свое собственное.

— Ну и рассматривайте, — сказал профессор, — кто же вам мешает?

— Эх, товарищ — ученый человек, — махнул рукой колхозник, — как же можно у нас глядеть на свое хозяйство

по-хозяйски, когда тебя десять раз в день ставят к порогу, вроде батрака. Пожили бы годик в деревне — так увидели, сколько развелось над нами начальников. Ей-богу, шею не успеваешь поворачивать да подставлять. Один не успеет тюкнуть, а глядишь, и другой уже тянется. Дай-ка, говорит, и я попробую. <...>

Профессор поморщился и сказал:

— Ну, а если снять с вас эту мелочную опеку, а вы перестанете выполнять планы, да и вообще черт знает что натворите?

— Напрасно так думаете, — обиделся колхозник. — Пусть нам хоть на один год руки развяжут. Пусть дадут нам возможность развернуться — и государству была бы от этого польза, и нам бы не пыльно зажилось. <...>

Приложение

Комитет Государственной безопасности СССР
Управление по Ленинградской области
11 марта 1990 года
№ 10/28-517
Ленинград

Ларри Ян Леопольдович, 1900 года рождения, уроженец г. Риги, латыш, гражданин СССР, беспартийный, литератор (работал по трудовому договору), проживал: Ленинград, пр. 25-го Октября, д. 112, кв. 39

Жена – Ларри Прасковья Ивановна, 1902 года рождения

сын — Ларри Оскар Янович, 1928 года рождения

Арестован 13 апреля 1941 года Управлением НКГБ по Ленинградской области.

Выдержка из постановления на арест (утверждено 11 апреля 1941 года):

«...Ларри Я. Л. является автором анонимной повести контрреволюционного содержания под названием «Небесный гость», которую переслал отдельными главами в адрес ЦК ВКП(б) на имя товарища Сталина.

С 17 декабря 1940 года по настоящее время переслал в указанный адрес 7 глав еще незаконченной своей контрреволюционной повести, в которой с контрреволюционных троцкистских позиций критикует мероприятия ВКП(б) и Советского правительства».

В обвинительном заключении (10 июня 1941 года):

«...Посылаемые Ларри в адрес ЦК ВКП(б) главы этой повести написаны им с антисоветских позиций, где он извращал советскую действительность в СССР, привел ряд антисоветских клеветнических измышлений о положении трудящихся в Советском Союзе.

Кроме того, в этой повести Ларри также пытался дискредитировать комсомольскую организацию, советскую литературу, прессу и другие проводимые мероприятия Советской власти».

Обвинялся по ст. 58–10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда).

5 июля 1941 года Судебная Коллегия по уголовным делам Ленинградского городского суда приговорила Ларри Я. Л. к лишению свободы сроком на 10 лет с последующим поражением в правах сроком на 5 лет.

Постановлением Судебной Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 21 августа 1956 года приговор Ленинградского городского суда от 5 июля 1941 года в отношении Ларри Я. Л. отменен, и дело прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Ларри Я. Л. по данному делу реабилитирован.

Как писатель Ян Ларри Сталина просвещал

Поколение революции, опаленное огнем гражданской войны, зачарованное перспективами строительства нового общества, в большинстве своем свято верило, что счастливое светлое будущее не за горами и что трудности по пути к нему окупятся сторицей. Мне приходилось говорить со многими людьми, чья молодость пришлась на 30-е годы — у них не возникало и малейшего сомнения в правильности политики государства. Лозунги, провозглашаемые партией, призывы, даже порой нелепые, воспринимались исключительно как побуждающие к действию. И репрессии, о которых, несмотря на чудовищный масштаб, не принято было говорить вслух, — тоже, как меры правильные, не подлежащие критике, как справедливое наказание за поступки, если учесть напряженную международную обстановку. Причины и механизм этого массового гипноза, охватившего десятки миллионов людей, еще долго будут предметом исследования историков, социологов и психологов.

Однако не все было светло и гладко в царстве социализма. Люди, которые в силу своего интеллекта, особенностей души, не могли не задумываться о происходящем вокруг, неизбежно замечали нелогичность и нецелесообразность многих правитель-

ственных акций, скудость загнанной в казармы жизни. И не сказать об этом были не в силах.

Я не уверена, что герой моего очерка понял до конца вопиющую жестокость строя, который выдавали за исполнение вековой мечты человечества, — на это требуется и время и взгляд «извне» на собственную историю. Допускаю, что он не сумел до конца разобраться и в механизме общественных течений, иначе не стал бы делать то, что сделал, — с риском для жизни открывать глаза «глубокоуважаемому Иосифу Виссарионовичу» на то, что происходит в стране. Впрочем, тогда многие верили в непогрешимость вождя и учителя, а все беды, трудности и несправедливости приписывали ошибочным или нечестным действиям его окружения.

В начале 1940 года на имя И. В. Сталина из Ленинграда ушло письмо. Оно содержало литературную рукопись.

«Я буду писать только для Вас, не требуя для себя ни орденов, ни гонорара, ни почестей, ни славы...

...я хотел бы, чтобы Вы знали, что есть в Ленинграде один чудак, который своеобразно проводит часы своего досуга — создает литературное произведение для единственного человека...» — сообщил неизвестный адресат.

К письму приложена фантастическая повесть. Сюжет ее довольно прост. На Землю (в район Ленинградской области) опускается космический корабль с марсианином, существом, довольно близким нам, землянам. В беседах с гостеприимными хозяевами выясняется — как бы несколько со стороны — положение нашего общества, деформированного гнетом партийной администрации.

«Чем вы живете? — спрашивает автор устами марсианина. — Какие проблемы волнуют вас? Судя по вашим газетам, вы только и занимаетесь тем, что выступаете с яркими содержательными речами на собраниях... А разве ваше настоящее так уж отвратительно, что вы ничего не пишете о нем? И почему никто из вас не смотрит в будущее? Неужели оно такое мрачное, что вы боитесь заглянуть в него?

— Не принято у нас смотреть в будущее, — отвечали марсианину».

О многом там было написано. О вопиющей российской бедности, причиной которой — так объясняли марсианину — «является... гипертрофическая централизация всего нашего аппарата, связывающая по рукам и ногам инициативу на местах». О том, что «Москва стала единственным городом, где люди живут, а все

остальные города превратились в глухую провинцию, где люди существуют только для того, чтобы выполнять распоряжения Москвы». О том, что в нашей стране не знают своих ученых. О ненависти к интеллигенции: и хотя «было вынесено решение: считать интеллигенцию полезной общественной прослойкой», ничего не изменилось. И о том, что во времена Иоанна Первопечатника выходило больше книг, чем сейчас. «Я не говорю о партийной литературе, которую выбрасывают ежедневно в миллионах экземпляров», — писал неизвестный автор.

В Москву было отправлено еще несколько писем с продолжением повести. Через четыре месяца автора «вычислили».

В постановлении на арест от 11 апреля 1941 года было сказано: «...Ларри Ян Леопольдович является автором анонимной повести контрреволюционного содержания под названием — «Небесный гость», которую переслал отдельными главами в адрес ЦК ВКП(б) на имя тов. Сталина».

Писателю Яну Ларри инкриминировали критику мероприятий ЦК ВКП(б) и Советского правительства с троцкистских позиций. В обвинительном заключении ему приписывали «извращение советской действительности, антисоветские клеветнические измышления о положении трудящихся в Советском Союзе, попытки дискредитировать комсомольскую организацию и другие мероприятия Советской власти».

Обычно материалы «творческого характера», изымаемые при аресте, уничтожались. Но волею судеб «Небесный гость» Яна Ларри уцелел, и спустя почти полвека рукопись была передана в Союз писателей. И смогла увидеть свет.

Судили Яна Леопольдовича Ларри 3 июля 1941 года. Обвинение по печально известной статье 58—10 означало десять лет лишения свободы с последующим поражением в правах сроком на пять лет.

Спустя пятнадцать лет приговор в отношении Я. Л. Ларри был отменен, и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Автор неизвестного советскому читателю «Небесного гостя» и весьма популярной, одной из лучших фантастических книг для детей «Необыкновенные приключения Карика и Вали» был реабилитирован. К счастью, не посмертно.

Ян Леопольдович Ларри родился в 1900 году в Риге — по официальной версии (под Москвой, как он уточнил это в автобиографии). Детство его прошло под Москвой, где работал отец.

Но с первых лет жизнь Яна Ларри была отмечена цепочкой несчастий. Рано умерла мать. В десятилетнем возрасте мальчик лишился отца. Попытки устроить осиротевшего ребенка в детский приют оказались неудачными — Ян сбежал оттуда. В судьбе беспризорника принял участие педагог Доброхотов, подготовивший Яна экстерном за курс гимназии. Некоторое время Ларри жил в семье учителя. Но во время первой мировой войны Доброхотова призвали в армию, и снова Ларри «промышлял», где придется.

После революции он приехал в Петроград, предполагая, что знаний, полученных у Доброхотова, достаточно для поступления в университет. Но надеждам этим не суждено было сбыться.

Снова бродяжничество. Через случайно встреченных друзей покойного отца Ларри вступает в Красную Армию. Тиф надолго укладывает молодого человека в госпиталь. В итоге потеряны следы батальона. Возвратный тиф снова вырывает юношу из активной жизни. После выздоровления — дальнейшие скитания по России.

Писать Ян Ларри начал в 1923 году. Первые публикации в харьковской газете «Молодой ленинец» обратили на себя внимание. Ларри предложили штатную работу. С этого момента Ян Леопольдович мог считать себя журналистом и литератором.

В Харькове Ян Ларри выпустил свои первые книги.

В Ленинград он вновь приехал спустя три года уже профессиональным литератором. Работал секретарем журнала «Рабселькор», затем в газете «Ленинградская правда». Зарекомендовал себя как детский писатель. Трудился как журналист, а с 1928 года перешел на вольные «литературные хлеба».

Эта кажущаяся легкость путешествия по жизненным перекресткам была чисто внешней. В 30-е годы, вспоминал Ян Леопольдович, детскому писателю в СССР было нелегко: «Вокруг детской книги лихо канканировали компрачикосы детских душ — педагоги, “марксические ханжи” и другие разновидности душителей всего живого, когда фантастику и сказки выжигали каленым железом...»

«Мои рукописи, — писал впоследствии Ян Леопольдович, — так редактировали, что я и сам не узнавал собственных произведений, ибо кроме редакторов книги, деятельное участие принимали в исправлении “опусов” все, у кого было свободное время, начиная от редактора издательства и кончая работниками бухгалтерии».

Редакторы самым бесцеремонным образом вмешивались в авторский текст, «вымарывая из рукописи целые главы, вписывая целые абзацы, изменяя по своему вкусу сюжет, характеры героев...».

«Все, что редакторы “улучшали”, выглядело настолько убого, что теперь мне стыдно считаться автором тех книжек», — с горечью отмечает Ларри.

Редакторский произвол, чудовищное бесправие автора отбили у Ларри желание заниматься литературой, и, как знать, возможно, страна потеряла бы отличного детского фантаста, каких и в более благоприятные времена можно было пересчитать по пальцам, если бы не встреча с настоящим редактором. Им был — и для Ларри, и для многих детских писателей той поры — С. Я. Маршак.

Но встрече с Маршаком предшествовал еще один поворот в судьбе Яна Ларри. После выхода в свет нескольких книг, оставивших в душе писателя горький осадок, Ларри, по его словам, решил «переквалифицироваться».

Он поступил на работу во Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства. Разумеется, порвать с литературой Ян Леопольдович не смог. Он печатал статьи и фельетоны в ленинградских газетах, что-то редактировал по службе и среди своих коллег считался, как он потом писал не без иронии, чуть ли не классиком литературы.

Когда к шефу Ларри академику Л. С. Бергу обратился С. Я. Маршак с предложением написать книгу для детей познавательного характера, эта просьба была переадресована Яну Ларри. Тему будущей книги выбирали совместно с академиком Бергом. Решили остановится на энтомологии — области зоологии, которая наиболее изобиловала белыми пятнами.

И вот книга была написана. Автор назвал ее «Необыкновенные приключения Карика и Вали». Фантастический прием, положенный в основу сюжета, был довольно прост: превращение двух детей и профессора-энтомолога в маленькие по размерам существа, которым пришлось с риском для жизни путешествовать в огромном мире, населенном страшными хищными насекомыми и растениями. Но фантастический прием был, пожалуй, единственной возможностью, позволяющей проникнуть в мир, недоступный обычному взгляду.

Увы, первая же рецензия, полученная от московского Детгиза, камня на камне не оставляла от авторского замысла: «Не-

правильно принижать человека до маленького насекомого. Так вольно или невольно мы показываем человека не как властелина природы, а как беспомощное существо», — поучали молодого писателя. «Говоря с маленькими школьниками о природе, мы должны внушать им мысль о возможном воздействии на природу в нужном нам направлении».

«Не ждать милостей от природы», приспособить ее, заставить, поломать... Это воспитание людей в духе конфронтации с природой и десятилетия спустя заставит нас платить по ее счетам. Не пройдет и полвека, как экологический кризис заставит нас вспомнить о том, что мы — всего лишь часть Природы, а не повелители ее. С горькой иронией будем мы вспоминать победные марши еще недавнего прошлого: «Нам нет преград...» Но сейчас речь идет о другом — о трансформации писательской судьбы в идеологической мясорубке.

По-видимому, у Ларри не возникал вопрос — переделывать ли книгу в угоду издательским вкусам. Он был уверен: если книга не может зарекомендовать себя, то автору лучше воздержаться от выпуска ее на книжный рынок. Но и богатый материал для сомнений в редакторской компетентности у Ларри тоже имелся. После некоторых колебаний Ларри решил написать Маршаку. Судьба «Карика и Вали» решилась в течение недели.

«Повесть я читал, — сообщил Самуил Яковлевич автору. — С интересом читал. Ее можно печатать, ничего не изменяя. Но если поработать над текстом, то это будет уже не просто интересная книга, но отличная во всех отношениях».

О Маршаке-редакторе написано немало. Каждого, кто попадал в орбиту его внимания, Самуил Яковлевич рассматривал как человека, который может, а потому просто обязан поделиться с детьми-читателями своими знаниями, опытом, наблюдениями.

Работа с Маршаком переменила мнение Ларри о редакторском корпусе, подкрепленное его печальным опытом: «С первого же часа работы с Маршаком меня поразило его исключительное уважение к авторской работе». Маршак терпеливо заставлял автора искать в случае необходимости «более емкое слово».

«Писать надо просто, — говорил Маршак. — Слова должны быть ясными, чистыми... Пишите проще! И только о том, что вас действительно волнует! И только тогда, когда вы действительно чувствуете, что не можете не писать об этом!»

Повесть «Необыкновенные приключения Карика и Вали» увидела свет благодаря активному вмешательству Маршака.

и выдержала четыре издания. Рецензенты отмечали «полную научную доброкачественность сообщаемых в книге сведений», хорошее знакомство автора с энтомологией. Отмечали, что юным читателям, безусловно, нужна книга, вводящая в круг вопросов, которыми занимается та или иная наука, а «введение в науку» обязательно должно основываться на принципе занимательности — ведь оно рассчитано на читателя, еще не интересующегося научным содержанием. В этом особенности и научно-популярной литературы для детей и детской фантастики. Авторы литературы подобного рода просто обязаны найти какой-то увлекающий ребенка прием. Яну Ларри это удалось. В «Необыкновенных приключениях...» научные сведения органично вплетаются в острый сюжет. И книга Ларри с полным правом может считаться одной из лучших отечественных природоведческих книг для самых маленьких читателей.

После XX съезда Яна Леопольдовича Ларри реабилитировали. Он вновь включился в литературную работу. Появились журнальные публикации, адресованные малышам. Вышли отдельными изданиями его повести для детей.

Пятнадцатилетнее пребывание в ГУЛАГе не сломило писателя, не выбило его из седла, но едва ли могло прибавить сил и здоровья.

18 марта 1977 года его не стало.

Теперь, по прошествии времени, когда из спецхранов и архивов хлынула информация, позволяющая осмыслить природу нашего строя и чудовищные последствия жестокого социального эксперимента, мы узнаем и имена тех, кто несмотря на лживость лозунгов, гипноз пропаганды, почти языческую веру народа в непогрешимость вождей, смогли восстановить истинную картину происходящего с нашей страной и запечатлеть ее — для будущих поколений.

Сегодня социальная научная фантастика трудных лет России пополнилась еще одним произведением Яна Ларри — «Небесным гостем».

Аэлита Ассовская

Вещдок по делу писателя Яна Ларри

В конце 1940 года на имя Сталина была отправлена рукопись с письмом, которое хотелось бы привести полностью.

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Каждый великий человек велик по-своему. После одного остаются великие дела, после другого — веселые исторические анекдоты. Один известен тем, что имел тысячи любовниц, другой — необыкновенных Буцефалов, третий — замечательных шутов. Словом, нет такого великого, который не вставал бы в памяти, не окруженный какими-нибудь историческими спутниками: людьми, животными, вещами.

Ни у одной исторической личности не было еще своего писателя. Такого писателя, который писал бы только для одного великого человека. Впрочем, и в истории литературы не найти таких писателей, у которых был бы один-единственный читатель...

Я беру перо в руки, чтобы восполнить этот пробел.

Я буду писать только для Вас, не требуя для себя ни орденов, ни гонорара, ни почестей, ни славы.

Возможно, что мои литературные способности не встретят Вашего одобрения, но за это, надеюсь, Вы не осудите меня, как не осуждают людей за рыжий цвет волос или за выщербленные зубы. Отсутствие талантливости я постараюсь заменить усердием, добросовестным отношением к принятым на себя обязательствам.

Дабы не утомить Вас и не нанести Вам травматического повреждения обилием скучных страниц, я решил посылать свою первую повесть коротенькими главами, твердо памятуя, что скука, как и яд, в небольших дозах не только не угрожает здоровью, но, как правило, даже закаляет людей.

Вы никогда не узнаете моего настоящего имени. Но я хотел бы, чтобы Вы знали, что есть в Ленинграде один чудак, который своеобразно проводит часы своего досуга — создает литературное произведение для единственного человека, и этот чудак, не придумав ни одного путного псевдонима, решил подписываться Кулиджары. В солнечной Грузии, существование которой оправдано тем, что эта страна дала нам Сталина, слово Кулиджары, пожалуй, можно встретить, и, возможно, Вы знаете значение его».

Содержание

Литературно-художественное издание

Ретро библиотека приключений и научной фантастики

Ян Леопольдович
Ларри

ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИЦЫ

Повести

Иллюстрации
Е. Мельникова, К. Соколова

Генеральный директор *Г. А. Артенян*
Куратор серии *Е. В. Витковский*
Ответственный редактор *А. С. Артенян*
Корректор *Р. В. Викторова*
Дизайн и компьютерная верстка *А. П. Вардересяна*

Подписано в печать 15.01.2019 г.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,88
Заказ № 1406

ООО «Издательство Престиж Бук»
111141, Москва, 1-й проезд Перова поля, д. 11 А
E-mail: artyr57@mail.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

ISBN 978-5-4459-0028-3

9 785445 900283 >